

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

WID-LC

PG

3948

.H6947-

I.9

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

146

ИЗЪ УСТЪ НАРОДА.

Малорусскіе разсказы, сказки и пр.

Б. Д. Гринченко.

Черниговъ, 1901.
Земская Типографія

WID-LC

PG

3948

.H6947

I 9

Доволено цензурою. Одесса, 12 Апрелья 1901 года.

73Ж1

HRINCHENKO

=

"IZ UST"

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе	V—VIII
I. Представленія и рассказы о явленіяхъ природы и изобрѣтеніяхъ	1— 18
II. Примѣты и повѣрья	19— 42
III. Знахарство, заговоры и проч.	43— 87
IV. О сверхъестественныхъ существахъ	89—128
V. О мертвецахъ	129—142
VI. О людяхъ съ чудесною силою	143—176
VII. О кладахъ	177—188
VIII.	189—206
IX. О явленіяхъ жизни семейной и общественной.	207—283
X. Преданія о лицахъ и явленіяхъ политическихъ	285—306
XI. Преданія о мѣстностяхъ	307—328
XIII. Сказки фантастическія, игра словъ и остроумія	329—376
Матеріалы, поступившіе во время печатанія книги	377—401
Прибавленіе: Старая рукопись	402—420
Примѣчанія и параллели	421—454
Указатель содержанія	455—488

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга должна была-бы составлять новый, четвертый, томъ изданныхъ мною раньше „Этнографическихъ Матеріаловъ, собранныхъ въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ“. Но, подобно предыдущимъ, и этотъ томъ долженъ первоначально появиться въ видѣ приложения къ „Земскому Сборнику Черниговской губерніи“, и форматъ какъ приложения, такъ и отдѣльнаго оттиска всецѣло зависить отъ формата „Сборника“. Между тѣмъ послѣдній въ настоящемъ году своей виѣшней видъ измѣнилъ, и если-бы я оставилъ старое заглавіе, то новый, четвертый, томъ настоящаго формата выглядѣлъ-бы довольно странно рядомъ съ тремя своими, очень высокими, старшими братьями. А такъ какъ, кромѣ того, прежнее, слишкомъ длинное, заглавіе не вполнѣ отвѣчало содержанію книги и появилось на ней въ силу случайныхъ причинъ, то этотъ томъ и получилъ новое имя, болѣе краткое и болѣе точное.

Какъ и прежня, настоящая книга составлена изъ матеріаловъ, сообщенныхъ разными лицами. Болѣе всего доставлено было г-жею *М. С. Чудновскою* (свыше ста рассказовъ, не считая мелкихъ примѣтъ, заговоровъ, пословицъ и проч.), а затѣмъ г-жею *М. Н. Гринченко* (болѣе сорока рассказовъ, кромѣ прочаго), принявшей на себя также подборъ части малорусскихъ параллелей. Кромѣ того,

въ книгу вошли еще записи слѣдующихъ лицъ: *В. Т. Андриевскаго* (сообщившаго также и записи *Я. Гондаренко*), *В. В. Боржковскаго*, *Н. Д. Билоколя*, *Е. Н. Гаврилея*, *В. П. Горленко*, *Е. С. Грибенюка*, *Н. Б. Г...*, *Ю. Н. Долинской*, *Г. В. Дорошенко*, *А. В. Заблоцкаго* (отъ г-на *В. Г. Кравченко*), г-жи *Наталии Кобринской*, *И. Е. Коновала*, *Θ. Кондратовича*, *М. М. Коцюбинскаго* (сообщившаго и запись *А. Дуляка*), *В. П. Кошового*, *М. Л. Кропивницкаго*, *Д. К. Лебеда*, *А. П. Лукашевича* (отъ *В. П. Горленко*), *Г. С. Неводовскаго*, *В. В. Полуботко*, *И. М. Руденко*, г-жи *Одарки Романовой*, *В. Ф. Степаненко*, *В. П. Цымбала* (сообщившаго и записи *Т. Галушки*), *В. Г. Шевченко* и, наконецъ, составителя книги. Нѣсколько неизвѣстно кѣмъ записанныхъ номеровъ найдено было мною въ случайно доставшемся мнѣ собраніи разныхъ бумагъ.

Кромѣ этихъ, вновь появляющихся, матеріаловъ, читатель найдетъ въ книгѣ, по большей части въ видѣ вариантовъ къ печатаемымъ впервые записямъ, нѣсколько перепечатокъ изъ двухъ-трехъ старыхъ изданій, сдѣлавшихся такой большой библиографической рѣдкостью, что, напр., даже въ самомъ Черниговѣ я не могъ найти полного экземпляра „Черниговскихъ Губ. Вѣдомостей“ за всѣ годы. Такимъ образомъ все, напечатанное тамъ, является совершенно мертвымъ капиталомъ, недоступнымъ для научнаго изслѣдованія. Простое указаніе варианта, помѣщеннаго въ такомъ изданіи, въ сущности было поэтому бесполезнымъ. Велѣдствіе этого уже и раньше гг. Рудченко, Номисомъ и П. П. Чубинскимъ перепечатано было изъ упомянутыхъ „Вѣдомостей“ все, что попало въ руки составителямъ „Южно-русскихъ народныхъ сказокъ“, „Украинскихъ приказокъ“ и томовъ „Трудовъ этн.-стат. экспедиціи“, посвященныхъ юго-западному краю. Слѣдуя ихъ примѣру, и я внесъ въ свою книгу нѣсколько такихъ перепечатокъ, между которыми есть имѣющія большой интересъ записи П. С.

Ефименко, П. Кузьменко и др. Одна или двѣ небольшихъ перепечатки изъ современныхъ газетъ объясняются желаніемъ сохранить сообщеніе отъ обычнаго для такихъ издѣній исчезновенія вмѣстѣ съ истребленіемъ газетныхъ листовъ. Всѣ перепечатки отмѣчены или при текстѣ ихъ, или въ отдѣлѣ „Примѣчаній и параллелей“.

Изъ помѣщенныхъ въ книгѣ 369 номеровъ съ десятокъ записей, быть можетъ, могли бы и не появляться въ печати, такъ какъ представляютъ слишкомъ близкіе варианты уже раньше опубликованнаго. Но условія изданія книги были таковы, что я долженъ былъ или совсѣмъ отказаться отъ опубликованія ея, — по крайней мѣрѣ, на весьма долгое время, — или начать печатаніе въ то время, когда матеріалъ подвергся только первой, предварительной провѣркѣ по печатнымъ сборникамъ. Впрочемъ, эти записи взяли не много мѣста, и я постарался вознаградить читателя, обставивъ ихъ возможно обширнымъ указаніемъ параллелей.

№ 112 и „Прибавленіе“ (стр. 402) не подходятъ подъ избранное для книги заглавіе, потому что являются воспроизведеніемъ рукописей; но такъ какъ изученіе фольклора и подобныхъ рукописныхъ произведеній тѣсно между собою связано, то мнѣ и показалось не лишнимъ опубликовать ихъ здѣсь.

Систематизація матеріала осталось та-же, что и въ первыхъ двухъ томахъ моихъ „Этнографическихъ Матеріаловъ“, а относительно правописанія я придерживался тѣхъ-же основаній, которыя изложены мною на стр. XVI—XVII предисловія къ третьему тому помянутаго моего труда. Прибавлю только, что при перепечаткахъ изъ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ я сохранялъ правописаніе оригинала, стараясь объ этомъ даже тамъ, гдѣ приходилось переводить установленное фонетическое правописаніе на употребленное въ настоящей книгѣ, крайне неудобное для малорусской фонетики. Нѣсколько записей въ отдѣлѣ третьемъ (онѣ всѣ отмѣчены) напеча-

VIII

таны съ рукописей со всѣми неправильностями правописанія — за невозможностью установить съ точностью текстъ. Относительно передачи двухъ вышеупомянутыхъ старыхъ рукописей сдѣланы примѣчанія въ соответствующихъ мѣстахъ. Извиняюсь за искаженіе чешскаго и польскаго правописанія (въ „Примѣчаніяхъ и параллеляхъ“): оно обусловлено недостаткомъ соответственныхъ буквъ въ типографіи.

Всѣмъ поименованнымъ выше лицамъ приношу мою глубокую благодарность за оказанную ими, въ составленіи настоящей книги, помощь, вызванную ихъ благороднымъ сочувствіемъ дѣлу народоизученія.

1900. XI. 24.

Черниговъ.

Б. Гринченко.

I.

Представленія и рассказы о явленіяхъ природы и изобрѣтеніяхъ.

1. Сонце.

Убытойи гадюкы не кыдай на выдноци—сонце пла-
катыме.

Е. Н. Гаврилей въ м. Веркiевкѣ Нѣжинск. у.

2. Змiй летивъ (метеоръ).

Я уже не докажу, куды той змiй летивъ и кому
винъ нисъ гроши,—кажуть люде, що винъ носыть тому
шевцю, що на краю села,—а що своимы очыма бачыла,
якъ винъ летивъ. Я йшла додому, колы летыть—дов-
гый, довгый, икразъ якъ коромысель; стала я къ плетню
и нагнулась, бо винъ такъ нызенько летивъ, та усе и
хыляється, та блестыть же такъ! Чуть-чуть не зачепывъ
мене и пролетивъ удовжъ села.

М. С. Чудновская отъ крестьянки г. Березнаго Черниг. у. 1898.

3. Змій носять гроши.

Багато насъ, хлопцівъ, йихало на ночлигъ и бачылы, шо змій, увесь красный та блыскучый, то подыметься вгору, то зновъ опустыться и такъ до трохъ разъ, а у третейте пиднявся и полетивъ. Мы бачылы, якъ винъ пролетивъ скрызъ церкву и повернувъ до П-ча. Кажуть, шо сьому чоловіку змій носять гроши.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ, Чернигов. у., отъ Демьяна Конопки въ 1898 г.

4. Змій якъ куль соломы.

Одынъ чоловікъ ишовъ селомъ и бачывъ, якъ надъ його головою пролетивъ змій—икразъ якъ куль соломы, а зъ того куля такъ и сыплються искры, и винъ такъ увесь и сяе. Чоловикъ дуже злякався, та все такы хотивъ подывыться, кому се змій несе гроши. Ажъ винъ такъ и полетивъ на кутокъ, и якъ долетивъ до Б. хаты, то де и дився, тилькы дымъ пиднявся вгору.

М. С. Чудновская, въ с. Выбляхъ, отъ Захарія Леуса, въ 1898.

5. Змій видьми гроши носять.

Мій батько бувъ разъ обходчыкомъ. Иде винъ зъ другимъ и бачыть, шо на стреси у однійи бабы щось блыщыть, наче жару насыпано. Пидойшылы вони блыжей, щобъ розглядить, шо воно таке, ажъ изъ хаты выйшла хазяйка, щось промовыла, и тее блыскуче загуло такъ страшенно и провалылося. Кажуть, шо се змій носять гроши сій баби, а баба та—видьма: вона и змія прыймае до себе, и зъ нечыстою сылою знаеться.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ, отъ Петра Муцкаго, 1898.

6. Змії скидає своїи крыла.

У одній хати зависылась молодыця, и ставъ туды що noci литаты змії. Прылетыть було, покладе коло хаты крыла, а самъ зробіться чоловикомъ и йде у хату. Постеригъ разъ челядныкъ, якъ змії скинувъ крыла, и зробывъ такъ, якъ раелы люде: перехрыстывъ йихъ (крыла). Выйшовъ чоловикъ той зъ хаты, да не може узять крыль, и давай винъ кланяться та просыть наймыта подати йому крыла.

— Насыпъ,— каже наймытъ,— мени повну шапку грошей, тоди подамъ.

Ставъ змії сыпати у шапку гроши, а шапка да була зъ диркою. Насыпавъ уже стилько, що ажъ пидъ самый бовдуръ.

— Ну,— каже тоди наймытъ,— на твойи крыла, та бильшь до насъ не летай, бо останешся безъ крыль.

М. С. Чудновская, въ с. Выбляхъ, отъ Владимира Ковпыты,
въ 1898 г.

7. Одуреный змії палывъ чоловика.

Ученые не вирять, що сатана може зробіться чымъ завгодно и йиздыть, чы тамъ летать до того, кого вже уподобае, адже жъ сьому правда. Мени самій хоть и не траплялось бачыть, а багато людей розказують, якъ у опивничъ вельчезный, якъ коромысель, та блыскучый, блыскучый, мовъ золотый, змії летавъ до Б., того чоловика, що жыве на конци села. Не скажу вже, якъ вони потоварышылы, и змії помився сьому чоловику наносыть мирку грошей. Б. забажалось грошей ще бильшь видъ миркы; выкопавъ винъ у хливи глыбоку яму и всунувъ туды бездонну зелизну мирку. Ставъ

змій шо нocy лeтaть дo тoгo чoлoвикa и нaсыпaть тy миркy грoшымa; тилькы якъ винъ нe стaрaється нaсыпaть пoвну,—нiякъ тa й гoди!

А дaли змій якoсь тo ужe прядыввeся, щo мужыкъ йoгo oдурывъ и щo грoшeй тaмъ ужe бaгaтo, нe миркoю пaхнe.

Рoсeрдывeся тoди змій, звeливъ мужыкy уризaть пaлцa и крoвьoу рoспысaться, щo грoши винъ пoлучывъ; a тoди спaльвъ тoгo мужыкa рaзъ, спaльвъ удругe, и дaвaй йoгo щo гoду пaльть.

Людe и прымитылы, щo якъ ужe уce кoнчaтьсa, пoзaльвaють, бeрe тoди сeй чoлoвикъ зaступъ, выкoпae грoши и клункaмы тoди ужe зъ сынaмы й нoсять y другe мистo. Oпрoтывeлo чoлoвикoви гoритъ тa тaскaтьсa зъ тымy грoшымa, и дaвaй винъ хвaльтьсa людeмъ, щo «тaкъ и тaкъ, кaжe, нaнoсывъ мeни змій грoшeй, a тeпeрь нaлeть,—щo йoгo въ свити дiятъ?»

Ну, звиснo, y кaжнoмъ сeли e тaки людe, щo видъ усьoгo знaють, и пoрaялы вoны йoму кaжeнъ рикъ рoбыть якy нeбудъ нoву прыстрoйкy, чы тaмъ хливъ якый, чы пoвиткy, чы пoкривлю пeрeкрыть, aбы тo щo нeбудъ нoвe.

И съ тыхъ пoръ пeрeстaвъ тoй чoлoвикъ гoритъ. Винъ и тeпeрь жывъ, пaлeць y йoгo и дoси нe зрисся и рoбыть винъ тaкъ, якъ йoму рaялы людe; тилькы, звиснo, ужe збиднивъ, бo килькы рaзъ гoривъ, пoдилывся зъ сынaмы, къ тoму жъ и дoрoгy дo шынкy дoбрe знae, тa тaкы, пpaвду кaжучы, дe тo вжe дьявoльськымy грoшымa й зaбaгaтiешъ?..

М. С. Чудновская отъ Хведоры Непомняшей въ с., Выбляхъ Чернигов. у.

8. Визъ (зиркы).

Когда «визъ» перевернется «до горы ногамы», т. е., когда «кони» будутъ впереди—начинаетъ свѣтать.

В. П. Горленко, Прилуцкій уѣздъ, Полтавской губ.

9. Витеръ.

Якъ витеръ дуже великый, такъ люде кажуть:

— Це десь йому жинка товсту сорочку дала, такъ винъ сердыться та й рве ййи.

А якъ маненькый, такъ кажуть:—О, це десь жинка тонку сорочку дала.

Записала Н. Г. С. Жеведь, Черниговск. у.

10. Грядъ.

Грядъ того бувае, що въ празныкъ люде на поли роблють,—се Божа кара. Щобъ грядъ переставъ,—выкыдають на двиръ, тоди якъ винъ иде, лопату або сокрыу. А то святу вербу кыдають на огонь, якъ грядъ або гроза.

С. Жеведь, Черниговск. у. Б. Д. Гринченко.

11. Зима стае теплиша.

Се видно уже земля поворачується другимъ бокомъ, бо колысь, кажуть, булы таки холода, що хай Богъ мылуе. Птыци, кажуть, на лету замерзалы, одмерзалы у скотыны хвосты, а якъ лынуть було угору воду, то вона за-

разъ и замерзне, не вспившы упасть на землю. А теперь, бачте, якъ тепло, и не похоже, шо зима. А мо скоро у насъ и зовсимъ не буде зимы?

М. С. Чудновская, въ с. Выбляхъ, отъ Петра Муцкаго, въ 1898.

12. Чомъ зима безснижна.

I.

Бачте жъ яка сей рикъ зима—нема снигу та й годи. Се, кажуть люде, тому, шо у одной слободи родылось якесь дытя. Повезлы його хрестыты, и куды не привезуть—нема попа дома. И такъ багато зъ йимъ попойздылы, поky вже десь засталы. Ставъ той пипъ хрестыты и саме якъ умочывъ його у воду, воно якъ закрычыть:

— Йисты хочу!

— Оце,—каже пипъ,—яке! Не давайте жъ йому хлеба, бо буде голодъ, а давайте йому тилькы снигъ, то буде симъ рокивъ безснижна зима.

Сталы тее дытя годувать снигомъ и не ставъ снигъ иты, або колы хочъ и упаде, то де й динеться.

М. С. Чудновская, въ с. Выбляхъ Черниговск. у. отъ Петра Курияльца, въ 1898 г.

II.

Отъ я сьогоднѣ чула, шо, кажуть, десь оце вродыласе дытына, и понесли ййи до попа, хрестыть, значыть. Несуть, а воно просыть іѣсты. Значыть, говорыть: «Іѣсты!» Сталы хрестыть, а воно зновъ: «Іѣсты!» Батюшка каже:

— Отъ, Боже мой, шо йй дать іѣсты?

А кумъ пошовъ та грудку снѣгу зліѣпывъ да й давъ йй, у рота пхнувъ. Такъ уже якъ перехрестылы, такъ вона, та дытына, вже й каже:

— Ну, щастя ваше, що дали сніґу! А якъ бы дали хліба, то три годы хлібъ бы не родывъ.

А теперь, кажуть, три годы отака зима буде безъ сніґу, шо значыть кумъ давъ тій дытени сніґу звісты.

с. Жевель, Черниговск. у. М. Н. Гринченко въ 1898 г.

13. Обизяны.

А обизянь, кажуть, такъ ловлють. Вони жъ у ліси живуть, такъ бабы пойдуть по абабкы (грыбы) та й поскыдають постолы. А обизянамъ антыресно. Вони повбувають постолы и почнуть лізты на хвою, та ніякъ не злізуть, а бабы йихъ и поберуть. Та ото йихъ тоди и водють.

М. Н. Гринченко. С. Жевель Черниг. у. въ 1899 г.

14. Вовкамъ св. Юрій роздае шо йисты.

I.

Правду кажуть, шо вже якъ найменуе яку скотыну вовкамъ св. Юрій, то передъ очыма визьмутъ. Отъ и намъ була разъ така прыдыбачка. Оралы мы и тилькы шо выпрягли воливъ зъ плуга, вони одійшлы одъ насъ може сажнивъ пъять,—колы наскочылы вовкы и задавылы.

П. С. Ефименко. С. Напоровка.

II.

У насъ було прудке славне лоша. Якъ нападуть звіры, то воно завсегда впереди; а то якъ судылась йому

смерть, то воно зосталось позаду и не тика; вовкы вхопылы й задавылы.

П. С. Ефименко. С. Напоровка.

III.

Йихавъ одинъ ганчаръ зъ Рипокъ, прыйихавъ у долину, останыввся, колы бижыть сыла вовкивъ. Винъ бачыть, шо беда и злизъ на дуба. Потимъ того прыйшовъ якийсь чоловикъ (а то бувъ Егорій святой).

— А злизъ,—каже,—якъ тоби смерть, то й на дуби буде смерть. Злазь, ничего тоби не буде, лягай!

Той чоловикъ злизъ илигъ. Винъ (св. Юрій) ставъ ихъ росправлять: тому туды, тому туды, а дванадцять чоловика у двиръ до знахаря, кажучы:

— Колы винъ знахаръ, то я лучый за його знахаръ.

А въ того знахаря та була *саросня* (сорокъ) коней. Такъ вони ихъ усихъ до свита й выложылы. А той чоловикъ уставъ уранци й поихавъ.

П. С. Ефименко. С. Напоровка.

IV.

Ночувалы ночлижныкы трыдцять чоловика. Вовкы выють та й выють коло одного дуба. Отъ вони й кажуть, шо якъ бы найшовся такой, шо переночувавъ на тому дуби. Отъ одинъ и каже:

— Я переночую.

Согласылысь даты йому одъ души по рублю. Отъ той прыйшовъ до дуба, злизъ, сивъ мижъ роскаракамы; колы прыйижжа на билимъ кони св. Георгій и вовкивъ передъ нымъ чоловика трыдцять; тому каже вивцю ззисты; тому—ягня, тому—гуся, «а тоби, крывый—шо на дуби». Тилькы прыходять парубкы на другой день, ганяють, ганяють вовка, винъ не йде, насылу одбылы. Отъ злазты той и каже:

— Вже мени, братця, не животиты.

Винъ и не бере тыхъ грошей, и каже, щобъ похоронъ одправылы. На другу ничу полягали, посередыни положиылы його, и вси головами на його лягли. Свитомъ прокынулись ночлижники — нема товарища — хто його зна, де й дивсь.

Записаль С. Д. Носъ въ Черниговской губ.

V.

Заночувавъ разъ польованникъ въ лиси на дереви та й чувъ, шо його назначено вовкови. «Не злизу жъ —миркуе,—зъ дерева, хочъ умру тутъ—не злизу». Лежавъ, лежавъ вовкъ била древа, а дали й пишовъ. Тоди польованникъ зъ древа та додому. Прыходять, ажъ дома въ брата хрыстыны. Братъ його просыть выпыты горилкы. А винъ:

— Ни,—каже,—братику, не хочу: вже мени не животиты.

Та й полизъ на пичъ. Вранци зшукалысь брата. Коы глянулы на пичъ, ажъ тамъ тилько кисткы,—а то вовкъ зкынувся котыкомъ, вбигъ у хату да, якъ вси послулы, и зживъ його на печи.

Городницкій у. Черниговск. губ. А. А. Тишинскій.

Разказы этого № номера I—IV взяты изъ «Черниговскихъ губ. Вѣдомостей» 1859, № 23, а разказъ V-й—изъ № 38.

15. Вовчый богъ Полисунъ.

Крестыянинъ разказывалъ записывателю сказку, напечатанную у Рудченка, I, № 2. Сказка начинается словами: «Не давъ богъ прокорму вовкови». Записыватель спросилъ: «Що то за богъ?» Разказчикъ отвѣчалъ:

У вовкивъ есть пастырь Полисунъ. Винъ, значыть,

гоне йихъ якъ овецъ; де война, то винъ туды й турять йихъ на прокормъ. Винъ увечери якъ свысне пугою, то й чуты. Винъ великый и похожъ на чоловика; безъ його ярмарка никола не буде, винъ на все цину зводитьъ.

Х. Николаевъ, Борзенскаго у. П. С. Ефименко.
Изъ № 23-го «Черниг. губ. вѣдомостей» 1859 г.

16. Лисунъ годуе вовкивъ.

Було колысь два браты. Одынъ багаты, други бидны, бо въ сього (бидного) нищо не велось. Оце було посіе що,—на помижній ныви вродять таке, що любо й мыло; на його жъ ныви голе якъ колино, неначе ничого й не сіяно. Терпивъ винъ, сердека, терпивъ, а дали годи й господаруваты.

— Колы,—каже,—нищо мени не ведеться, кыну все й пиду свить за очыма.

Отъ и пійшовъ тыняться по лисахъ,—не то щобъ тамъ зробывсь розбышакою, або що, а такъ—пишовъ, щобъ и помижъ мыромъ не жыты... Чы довго, чы коротко винъ тынявся—не скажу; тилькы разъ и зустрила його ничъ у лиси, такъ саме якъ разъ передъ Юрьемъ. Злизъ винъ на дуба ночуваты... Колы такъ опивничъ якъ загуде въ лиси, якъ пиде гоминъ, та все бльжче, бльжче... Жде винъ, що зъ сього буде. Ажъ бачыть, якыйсь чоловикъ гонить сылу звиря, а позаду други чоловикъ йиде на вози. Отъ прыгнавъ Лисунъ (се винъ бувъ самый), звиря, да якъ разъ пидъ того дуба, де сыдивъ чоловикъ, и почавъ роздильаты вовкамъ ти окрайци хлиба, що были на вози. Эге, бакъ! я й забувъ сказаты, що визъ бувъ накладены окрайцямы хлиба,—такъ кулыдка переризана навхрестъ, на четверо,—дакъ отакымы то окрайцямы и бувъ накладенъ увесь визъ. Визьмне зъ воза окраецъ та й дасть вовкови. Вси чысто роздавъ, зоставъ на вози тилькы одынъ. Отъ Лисунъ и каже:

— Кому його виддаты? Виддамъ,—каже,—хочь отому чоловикови, що на дереви... А ну,—каже до нашого сердеки,—годи тобі тамъ седиты, злазь, беры свою дильню та йды додому!

Злизь, узявь. Ти люде пишлы своею дорогою, а винь пишовь своею.

Прыходыть додому, хвалыться брату та жинци про сей окраешь. Братъ и каже:

— Се тобі давъ Господь щасте. Зь цього окрайця ты вже певне шо розживешся.

Ажъ и взаправду—такъ розживсь, шо ставъ багаччый надъ брата. Ажъ брату стало завьдно. Окрайця жь того ниякъ не можно зысты: оце шо надйидять до половины, на завтре винь зновъ и стане такы, якъ бувъ,—ниякъ його не зидять, усе прыростае. Завьдно братови:

— Пиду,—миркуе,—й я проты Юря въ лись, чы не дасть Богъ и мени такого окрайця.

Дождалы Юря. Роспытавсь винь, де те древо. Прышовь, злизь, дождыдае... Такъ, зновъ прыходять ти люде, зачалы роздильять звирюкъ; роздильлы,—одному й не стало.

— Ну, вовче, колы тобі не стало хлиба, нехай тобі оте, шо на древи.

Почувъ мій багатырь сю ричь, да такъ злякавсь, шо ажъ не вдержевсь на древи, та якъ снипъ и скотывсь додолу. Вовкъ його заразь и розирвавъ. Оттакъ Господь завсегда дае тымъ, въ которыхъ ажъ зь глоткы преться, а ймъ ще мало *).

Городницкій у., Черниг. губ. А. А. Тищинскій.

*) Кромъ того, рассказчикъ сообщил мнѣ, что Лисуна въ нашихъ лѣсахъ нѣтъ, а что онъ живеть только въ литовскихъ. Онъ же сообщилъ, что узнать Лисуна на ярмаркѣ можно только потому, что у него лѣвая пола свитки на верху, а всѣ обыкновенно носятъ одежду правую полою наверхъ. *Примѣч. записывателя.*

17. Лисунка выкупила свою дытыну.

Кольсь баба ходыла въ гай по грибы да знайшла Лисункыне дытя. Взяла його и пишла додому. Ажъ ось чуе, щось доганя ййи. Гляне—ажъ то Лисунка. Догнала.

— Жиночко,—каже,—голубочко, оддай дытя! Кажы, шо тоби треба, всего дамъ тилькы оддай!

— На, беры! Мени жъ опричь хлеба святого бильшь ничего не треба.

— Иды жъ додому,—буде все, чого забажаешъ.

Прыйшла баба додому. Якъ же глянула въ комору, ажъ жакнулася: повнисеньки засики борошна, а не було ничогисенько. И було оце, чого схоче, такъ и вродыться. Багата така зробылась, шо страхъ. Якъ преста-вылась ся баба, Лисунка ажъ тры дни ходыла пидъ хату тужыты. Оце прыде, ходыть кругомъ хаты, да такъ жалибно тужыты, шо ажъ сумно. Тры дни тужыла, а дали взяла та й запалыла и двирь, и все.

Городницкій у. Черниг. губ. А. А. Тишинскій.

18. Лисунка вкрала чужу дытыну.

Лисунъ такы, якъ чоловікъ, тилькы въ його нема тини. Усе мае тинь, а винь—ни. Въ його й жинка е. Кольсь мій батько носывъ лысты изъ Бречи въ Тополивку. А Лисунка да вкрала въ соннойи жинкы дытыну да й держала його въ лиси. Небагато жъ вона його держала: висимъ недиль держала... Дакъ ото, кажу, носывъ батько лысты въ Тополивку, до ейи жъ треба йты лисомъ. Отъ батько, увійшовшы въ лисъ, лигъ спочыты. Колю чуе—щось голосыть. Схопывсь та й угледивъ бия древа дытыну. Винь до його:

— Чого ты,—каже,—туть?

Мовчыть. Удруге—ни пары зъ усть, усе тилькы пыхка. Тоди винъ узьявъ те дытя на руки, укутавъ його въ свытну, бо воно, безщасне, зовсимъ голе, тилькы ковнирець зостався зъ сорочки да рубчыкы съ пазухы, а то вся на йому сорочка попадала. Якъ то його ще не зайиы комари,—звисно вже вона його зоберегла... Прынисъ його батько въ Тополивку да й пытае:

— Чи не чутно, щобъ хто дытну загубывъ? Осб я знайшовъ у пуши.

-- Чулы,—кажуть,—його вже давно шукають, вже й обидь по йому становымы. Несы ты його въ Погорильци до оттакого й такого чоловіка.

Отъ батько й понисъ. Ради булы и чого то вже не надавалы батьку! Господы! и пыты, й йисты— всього, всячыны.

Городницкій у. Черниг. губ. А. А. Тишинскій.

19. Виль и кинь.

Виль съ конемъ заспорылы—хто швыдче бига. Кинь каже, шо винъ швыдче, а виль: «Я бъ ище дужшей за тебе побигъ, да въ мене сылы багато, дакъ боюся, щобъ земля не провалылася.»

Ну, а такы побиглы вдвохъ наввыпередкы. Отъ виль бигъ-бигъ, та набигъ на ривъ та такъ и загурчавъ туды. Лежыть та й думае: «Оце жъ уже земля провалылася!»

Такъ съ того часу воы вже й не бигають, тилькы бигають зъ дроку.

Черниговск. у. 1900 г. Б. Д. Гринченко.

20. Чомъ ежакъ схожый съ свинею.

На Велькдень нись чоловикъ изъ церкви паску и порося. Хата його була за селомъ на хутори; чоловику треба було иты гаемъ, а у тимъ гаю стояла хата. Доходять чоловикъ до хаты и бачыть, що у йій свитыться. Поставывъ винъ те, що нись, а самъ зайшовъ у хату, а у хати та всякого краму розложено. Не прыдуме чоловикъ, за що й узяться. Думавъ винъ, думавъ и узявъ нижъ. Выходыть зъ хаты, узявъ ящыкъ, а въ ящыци тильки паска, а порося де й дияось. Прыходыть винъ додому, жинка седыть уже за столомъ, — жде розговляться.

— Ты,—каже,—туть седышь, а порося зъ ящыка утекло.

— Такъ выдно онде воно прыбигло,—каже жинка— я бачыла, що шось бигло у хливъ.

Пошлы воны у хливъ, а тамъ седыть ежакъ.

Такъ выдно порося тее, що нись чоловикъ зъ церкви, було заколдоване—стало ежакомъ, и зъ того часу и пошлы ежы.

М. С. Чудновская, въ с. Выбляхъ, Чернигов. у. отъ Петра Муцкаго, въ 1898 г.

21. Сорока.

На Хресте сорока починое гниздо, положывшы на-вхрестъ палкы.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

22. Бусоль.

— Ну, нехай уже це й брехня, а оце такъ уже правда. У насъ у слободи есть ясенъ и такой же старый та высокый-высокий. И на йому гнздо було: жылы бусель и буслыця. И хлопци взялы, зробылы довгый-довгый штыхъ и тыхъ штыхомъ поранылы йихъ: и бусла, й буслыцю. И воны попадалы и попропадалы, бо воны йихъ дуже поранылы штыхомъ. И тоди вп'ять бусоль на тому ясени осельвся. Такъ отъ же кажуть мужыкы наши и божуться, шо правда. Оце, кажуть, по весни возьме винъ и выкыне зъ гнизда хочъ бусленя таке, шо трошкы тилькы пир'ямъ обросте, хочъ яйце. Уже неодминно шо небудь выкыне, и мужыкы знайдуть. Такъ, кажуть, якъ бусленя выкыне, такъ гарный годъ буде, и хлибъ уродыть, а якъ яйце выкыне, такъ голый годъ буде. Це такы правда. Отъ винъ уже годъ 15 живе, и шо году хочъ яйце, а хочъ бусленя выкыне.

С. Жеветь, Черниг. у. М. Н. Гринченко въ 1899 г.

23. Дятель.

Боже бороны всякого хрещеного робить всяку роботу у светую недѣлю: Буогъ покарае за це и въ полѣ и въ домѣ. Колы хочте, хлопцѣ, декъ послушайте мене, я вамъ раскажу про бѣднаго дятла, шо нема ему, бѣднязѣ, угомону: всякій Божій день товче носомъ объ дуба, а къ вечеру и головы своѣ не чуе; ни годна птица такечкы не трудитця, якъ той бѣдны дятель. А за шо жъ такъ Буогъ ему давъ? Отцей дятель бувъ колись чалавѣкомъ. Чалавѣкъ сей усе було рубае дрова;

чы то празныкъ еки, чи светая недѣля, усе вуонъ рубае; декъ Буогъ его и накоривъ: коли, каже, ты усе рубаешъ дрова, а недѣлѣ моѣ не считаешъ, то будь же ты дятломъ; коли ты усе рубаешъ, то рубай носомъ дуба до вѣку вѣшнаго. — Отъ якъ, братцѣ, буде тому, хто светоѣ недѣлѣ не почитае и Божихъ празниковъ за святость не считае.*)

Черниговскій у. Записаль Г. Лѣневичъ.

24. Журавли.

I. На дванадцятій вылітають журавли зъ ырія.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка, Нѣжинск. у.

II. Якъ летять журавли, дакъ стань оце да кажы: «Веселокъ, веселокъ, колесомъ, перевѣяжы дорогу краснымъ поясомъ!» Такъ шо люблють! Заразъ такъ и почнуть кружкомъ, кружкомъ надъ головою. А якъ скажы: «Журавель»,—такъ не люблють.

С. Жеведь, Черниговск. у. М. Н. Гринченко въ 1899 г.

25. Лыпа та осыка.

(Де дивається жоноча клятьба.)

Не дай Богъ якъ бы те ставалось, шо жинкы бажають чоловикамъ у лайци! Звелыся бѣ чоловики не

*) При чтеніи разказа о дятлѣ должно произносить букву ѣ нѣсколькo какъ и (ѣе), е—тверже, почти какъ э, ѡ и и нѣсколькo мягче русскаго ѡ; т передъ с и ц выговаривается почти какъ ч.
Примѣч. записывателя.

знать на шо; та Богъ зроби въ такъ, шо вся та нечысть-дурныця прыстае не до чоловикивъ, а до лыпы, та до осыкы й наростае наростнямы, а чоловикы ще й корыстуются—роблять наростневи люльки.

Е. Н. Гаврилей, въ м. Веркiевкѣ, Нѣжинскаго уѣзда.

26. Чого стали неврожайи.

Кольсь, якъ не було ученыхъ, та люде глядили на прымиты,—яки були урожайи, Господы, яки були жыта, яки були лены гарни,—высоки, высоки! А теперь перестали гледить на прымиты, та стали насъмихаться съ того, шо робылы диды, ну и урожайи стали плохи. Кольсь було молодыця якъ несе обидъ ратаямъ, то убереться якъ на Велыкдень: надине плахту гарну, роспустыть намитку предовгу. Отъ и жыто и лены родылы такi гарни, высоки. А теперь повыводылысь и намиткы, и плахты выводяться. Теперь иде молодыця, просты Господы, якъ та расамаха: у однимъ чепци, ще й начосы повыпускас, а замисть плахты—задрипана спидныця. Учени усе понаставалы, не вируютъ ничому, усе у йихъ пустякы. Ни, се не пустякы! Якъ бы не заводылы нового, та слухалысь старыхъ людей, то й жылось бы луччей!

М. С. Чудновская отъ диды С. Муцкаго, въ с. Выбляхъ Черниг. у. въ 1898 г.

II.

Притъты и повъръя.

27. Яка колы годына бувае.

1. Грыбы якъ чорни растуць—буде ранняя осінь, а жовти—пуізна.

2. Якъ до Стритення пивень нап'ється воды пидъ стрихою, то писля Стритення вже нескоро побаче воду.

3. Якъ зима холодна, то литомъ жара буде и на-впакы.

4. Грыбы якъ растуць на гори весною—буде моча влитку, а якъ на нязу—буде суша.

5. Якъ нап'ється на Стричаня пивень съ калю-жи—буде лито мочлыве.

6. Въ день Покрова Пресвятой Богородицы, т. е. 1-го октября, съ которой стороны пов'ѣть в'ѣтеръ, то должно ожидать, что по большей части и во всю зиму съ той стороны будетъ в'ѣтеръ, и если въ этотъ день погода будетъ благопріятна, хороша, то наступающая зима должна быть постоянна; если-же въ этотъ день погода будетъ подвержена различнымъ перем'намъ—это в'ѣрный знакъ непостоянности зимы.

7. Треба на Стриченя до схидъ сонця набраты мыску вщертъ снігу, не натоптуючы. Якъ зъ його багато воды буде, то велька вода прыбулна по весни буде, а якъ мало, то й по весни вода мала буде.

8. Если дворовыя птицы—гуси, утки, сидя зимою на снѣгу, машутъ крыльями, какъ будто плещутся на водѣ,—то предсказываютъ этимъ значительную оттепель; то-же предвѣщаетъ и собака, качаясь по снѣгу.

9. Кишка лягае на доливци—буде тепло.

10. Если дымъ, выходящій изъ трубы, идетъ столбомъ вгору къ облакамъ,—означаетъ наступленіе сильныхъ морозовъ, ибо передъ оттепелью онъ всегда стелется, клубится по землѣ.

11. Попилъ у печи збывается у грудки,—буде морозъ, а розсыпается—одлыга.

12. Жабы у болоти почнуть крычать, буде вода одбувать.

13. Въ зимнее время часто видимъ луну въ кругѣ, что въ народѣ называется—*мисяць обіородыся*. Это—вѣрный признакъ вѣтра.

14. Когда вороны и галки, при закатѣ солнца летая стаями, кричатъ и садятся на верху деревьевъ, то надобно ожидать вѣтра и съ той стороны, куда онѣ будутъ обращены головами. Предъ наступленіемъ же мятели, вьюги—*фищи*, онѣ всегда садятся на половинѣ деревьевъ, между вѣтвями.

15. Жаръ самъ собі розжеврїється на витерь.

16. Гайворонье крикае—буде витерь, а взимку—хвыща.

17. Гайворонье сидае по деревьяхъ угори—буде годына.

18. Цвиркунъ цвирчуть—на годыну, а мовчуть—на дощъ.

19. Лягушки при началѣ весны, по вскрытіи земли отъ снѣга, крикомъ своимъ возвѣщаютъ наступленіе теплой погоды; а лѣтомъ крикъ ихъ предъ закатомъ солнца предсказываетъ дождь.

20. Куры рано сидають на сидало,—буде дощъ.

21. Якъ не бѣуае цилу весну дощу, то сподивайся вже къ десятуси п'ятныци, або на Купального Ивана.

22. Якъ на жныва лаштуешся, то не внось у хату серпивъ,—зорвешъ дощъ.

23. Во время дождя, когда пузырьки вздуваются и плавають на водѣ,—это означаетъ продолжительность дождя.

№№ 1, 3—5, 15, 21 и 22 записаны Е. Н. Гаврилеемъ въ 1897—1898 г.г. въ м. Веркiевкѣ Нѣжинскаго у.; №№ 2—А. А. Тишинскимъ въ Черниговской губ.; №№ 6, 8, 10, 13, 14, 19 и 23—священникомъ Петромъ Огiевскимъ въ Данинѣ Нѣжинскаго у.; № 7—М. Н. Гринченко въ с. Жеведи Черниговск. у.; №№ 9, 11, 12, 16—18 и 20—М. С. Чудновскою въ с. Выбляхъ Черниговск. у.

28. Весилля.

1. Якъ на Покрову пройиде по селу ганчаръ, буде багато веселивъ, а якъ дьогтаръ, то будуть дивкы сидиты ще рикъ.

М. С. Чудновская. С. Выбли Черниговск. у.

2. Посватавшысь купуе молоды молодiй чоботы, насыпае одынъ жытомъ, а другый горихамы и дае, и якъ вуизьме молода попереду зъ жытомъ, то жытте буде злагодне, а якъ зъ горихамы, то нещасне.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка Нѣжинск. у.

29. Дытына.

1. Вагуити жуинци не треба на празныкъ рубать м'яса и сорочокъ качать—дытына буде калика.

2. Вагуитни жуинци Боже храны, воду бравшы, надлывать у колодязь—дытына блеватыме.

3. Если перемѣнить имя при крещенiи (священникъ дастъ одно, а потомъ, во время крещенья, по

просьбѣ родителей или кумовой — дадутъ другое), то тогда мѣняется счастье того человѣка.

4. Якъ кто хрестить дивчину, въ того кобылы плоды муться.

5. По заходи сонця не вынось мытлю съ пидъ дытны, якъ купалы — не спатыме вночи.

6. Не годиться дытны рыбы давать, щобъ зубы швидче росли.

№№ 1, 2, 5 и 6 — записалъ Е. Н. Гаврилей въ м. Веркiевкѣ Нѣжинск. у.; №№ 3 и 4 — В. П. Горленко въ Прилуцкомъ у. Полт. губ.

30. Здоровле. Хвороба.

1. Наканунѣ Рождества Христова, Божоявленiя Господня и Новаго Года, т. е. *на вст три кути*, если ночи свѣтлы, и на небѣ будутъ видны звѣзды, то наступающiй годъ, по увѣренiю стариковъ, будетъ благополучный — здоровый на людей; а когда, напротивъ, всѣ эти три ночи будутъ пасмурны, и звѣздъ на небѣ не будетъ замѣтно, — то въ наступающемъ году должно ожидать свирѣпствованiя разнаго рода болѣзней.

Данина Нѣжинск. у. Свящ. Петръ Огiевскiй.

2. Не потягайся на людыну — не ростыме.

3. Не переступай людыны — не ростыме.

4. На заходи сонця не спы — поганка нападе.

5. Въ зеркало проты ночи не выдвляйся — лице зминьтсья.

6. Не можна мочиться на дровянный тросокъ — на пальцяхъ задьоры будутъ.

№№ 2—6 записалъ Е. Н. Гаврилей въ м. Веркiевкѣ Нѣжин. у.

7. Не годяться росчисуваты голову, якъ сонце зайде.

М. С. Чудновская. С. Выбли Черниговск. у.

8. Якъ кажанъ голову вмaje, такъ голова облизе.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка Нѣжинск. у.

31. Сонъ,

Якъ лягаешъ спаты, такъ треба спершу на ливый бикъ хочъ трохи полежаты, бо зъ ливого боку нечистый, а съ правого янголь-хранитель. Такъ треба, щобъ винъ зверху бувъ.

Богодуховск. у. Харьк. губ. М. Н. Гринченко.

32. Поганый на езыкѣ.

Ни, вы бо уже мени не кажить, а поганы очи и езыки е у людей, се я вже по соби знаю.

Служыла я у попа, ну, звисно, у батюшки усякого народу за день перевернется. А я була до работы охоча, такъ було коло работы проворно поворачуюсь. Ну було якый поганымы очыма гляне, чы то що скаже,—и почне тебе ламать, та мьять,—хавкаешъ, хавкаешъ, чуть рота не роздерешъ.

Або хочъ и се: одного году у насъ такы, у батюшки, та такъ гарно утенята вывелись, утенять изъ сто вылупылось и уже таки булы гарненьки. Колы прыйизжае якный генераль, чы тамъ охвыцеръ якый зъ золотымы кгузыкамы; погостювавъ и выходыть уже садыться у свiй хвайтонъ, щобъ йихать. А я тутъ саме утеня-

токъ годую. Глянувъ винъ на птыцю, та й каже: «Ого каже, какъ у васъ этой птыци много!» И шо жъ бы вы думалы?—тильки шо генераль зъ двора,—якъ стали наши утенята дохты: перевернуться догоры, дрыгне нижкамы, та й нема. И такъ до вечера одно однимъ осталось. Зъ чого жъ бы воно такъ сталось? Звисно генераль бувъ поганыи на езыкъ.

М. С. Чудновская отъ бабы Хвеськи, въ с. Выбляхъ Черниговскаго у.

33. Смерть.

1. Якъ у пасци въ середины буде дирка, такъ той руикъ у симйи щось умре.

2. Якъ обручъ на пекельній дижи лопне—хазяйка умре.

3. Колы присныться колодязь або зубъ выпавъ, або въ хати вуголь розвалывся—такъ умре щось изъ родыны.

4. Якъ выносятъ мерця зъ двора и стринеться хто йидучы, то зновъ у туый хати той руикъ умре хтось.

5. Курка якъ заспивае, то треба ею перемирать хату видъ покутя до привалка и чымъ упаде, чы головою, чы хвостомъ, то треба одрубать хочъ голову, або хвистъ; а якъ сього не зробишь, то кому небудь у сій хати прийдеться скоро умерты.

6. *Кажуть-говорають*, что какъ прійдетъ священникъ къ больному да положитъ палку, такъ ужъ не вставать больше съ постели той *людыни*; а если поставитъ, то можетъ быть еще и выздоровѣть.

7. Не годыться пересажувать дуба, а то якъ пересадышь и дубъ выросте зъ того чоловіка, который його садывъ, тоди винъ умре.

№№ 1, 3 и 4 записаны Е. Н. Гаврилеемъ въ м. Веркiевкѣ Нѣжинскаго у.; №№ 2, 5 и 7—М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниговск. у., № 6—священникомъ Федоромъ Боровскимъ въ с. Круничполѣ Борзенск. у.

8. Не можна стояты на межи або на порози, якъ гримъ гремыть, а то вбѣе.

М. Н. Гринченко. С. Коты Черниговск. уѣзда.

34. Мрець.

I.

Лубокъ. Першого вечора, якъ тило лежыть на лавыци, люды сходяться на *Лубокъ*, переважно дивчата й хлопци. Посидають коло стола та й граються:

1) «Перстенця».

2) Беруть такожъ кусень патычка, запалюють и борзо подає одень другому, ажъ докы патычокъ не згасне. У чыйихъ рукахъ згасне, той найскорше вмере.

3) Такожъ выпыхають михъ соломою. Одень лягає на той михъ зъ завязанымы очыма, а вси идуць його быты; якъ згадає, хто його ударывъ, тогди той мусыть на михъ лягаты.

4) Старшійи чоловикоы и жинкы, що сыдятъ пры мерци, спивають:

Ой же ой, Боже мій!
Скороты вже викъ мій!
Не поможе отець,
Бо вже прыйшовъ мій конець.
Ой же ой, Боже мій!
Скороты вже викъ мій!
Не поможе маты,
Бо прыйшовъ вже часъ вмираты.
Ой же ой, Боже мій!
Скороты вже викъ мій.
Не поможе ридный братъ,
Бо прыйшовъ часъ акуратъ.
Ой же ой, Боже мій! и. т. д.

Якъ мають выносыты мерця зъ хаты, тогды мае буты цила родына въ хати; колы вынесуть до синей, то борзо замыкають двери, и вси сидають, де хто попаде, на лаву, подушки, де лежавъ мертвецъ. Найстарша жинка бере зъ стола прылаженный хлибъ и силь, подае найстаршому зъ родыны и жычыть въ имени помершого щаслывого поводженя. Одна зъ жинокъ замитае хату и выносыть смитте на те, абы уже нихто бильше въ тій хати не умеръ, и ажъ тогды идуть за умершымъ.

У хати, съ котройи вынеслы мерця, горыть цилу ничъ свитло и ставляють въ горнятку молока або воды и хлибъ. Звычайно пры тимъ сыдыть якась стара жинка. Рано дывляться, чы була душа и чы пыла и йила, що для нейи було прызначене.

Похоронъ кгазды и жинкы однакый. Колы однакъ трафтыся, що жинка въ тяготи умре, то тогды якій бидній жинци у вику помершойи дають курку зъ яйцемъ, а бо, якъ у богацтви діеса, то китну вивцю.

Шнурокъ, що byly звязаны ноги мерця, ховають, а тымъ потому колы кого щось болыть—перевязують; такожъ ховають той шматокъ, що бороду пидвизують, и тымъ видъ переполоху пидкурують.

Якъ тато або мама умре, то донькы (дивкы) идуть зъ розплетенымы косамы за трумною. На цвынтари жинкы заплитають йимъ косы на те, чтобы довго не тужылы.

Про душу покійныка говорятъ, що вона доты держыться тила, докы грибъ не запечатаный.

Наталія Кобриньска. С. Белелуи (подъ Снятиномъ, на границѣ Буковины, Коломійщина, Восточная Галиція).

II.

У насъ якъ умре удова, такъ подаркы якъ за дівкою дають. Отъ я за маткою, якъ вона вмерла, такъ

35. Той свить.

1. Однимъ рушныкомъ не можна утыраться удвохъ разомъ—на тимъ свити не побачышся.

Г. С. Неводовскій. С. Евминка Остерскаго у.

2. Щобъ побачыться на тимъ свити—писля пры-
частя обдилюються бублыкамы.

Г. С. Неводовскій, с. Евминка Остерскаго у. Е. Н. Гаврилей, м.
Веркiевка Нѣжинскаго у.

3. Стуилькы сeditymешъ не йившы за столомъ, по-
киль инши ще йидять, стуилько въ райи сeditymешъ,
хочъ и гришень.

Е. Н. Гаврилей въ м. Веркiевкѣ Нѣжинскаго у. и Г. С. Неводов-
скій въ с. Евминкѣ Остерскаго у.

4. Выбравшы хлибъ зъ печи, вкынь ломаку дровъ
на те мисце, де вуинъ сeditвъ, и чымъ товща, то краще:
скоришъ загатышъ пекло, идучы въ рай.

Е. Н. Гаврилей, м. Веркiевка Нѣжинскаго у.

36. Йижа, напыткы.

1. Коли кусокъ хлиба падае до долу, треба пид-
нять, обдуть, поцилувать и ззисты.

2. Якъ неруивны хлибъ печешъ, такъ що менчи вже
выпикся, а той ище въ печи, то Богъ храны ризать но-
жемъ выпечены, а ламны рукамы, якъ ничего бильше
йисты, а то отой, що въ печи, буде глызвявий.

3. Якъ печуть млынци, такъ первого хлопцямъ не
годыться йисты—сокрыра ламатыметься, а хай йидять див-
чата—хлопци хапатымуться *).

*) Въ с. Жеведи, Черниг. у., иначе: «На вечерныяхъ вечерня мат-
ка первый млынень рве на шматочки и кожній дивци й парубкови

4. *Вариво* треба класты у третю середу и на сходнихъ дняхъ, не бачывшы ни старого, ни молодого, або у посны дни.

5. Дивчата одъ Семена (IX. I.) не йидять свижихъ *оиркивъ*, щобъ за пряжею не дрималося.

6. *Гуркы* треба солты на молодыку и крайними днямы, а якъ положить у третю недилу, то будуть м'яки.

7. Не нальвай *квасу* у четвергъ, щобъ нищо не топылось.

8. Якъ зайде сонце, не точы *соку*, *чы квасу*—зминыться.

9. Не тягай зъ *квасу яблукъ* уночи—почорніють.

10. Одъ обиду *по воду* до колодязя не ходы—нечысть буде заводыться.

11. Колы *обидаютъ*—не кладуть ложки такъ, щобъ держално лежало на столи, а другый кинень на пругу мыскы, щобъ злыдни не лазылы въ мыску.

12. *Дойимъ кусокъ*, щобъ слидомъ за мною не бигъ, а то и вночи спокою не дасть. Якъ я була малою, такъ мене страшылы: якъ не дойисы куска, то буде за тобою ганяться. Такъ мени хочъ и не хочеться, то я вже дойимъ—боюся. (1899 г.).

№№ 1 и 11 записалъ Г. С. Неводовскій въ с. Евминкѣ Остерск. у., 2, 3 и 8—10—Е. Н. Гаврилей въ м. Веркиевкѣ Нѣжинскаго у., 4, 6 и 7—М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ Черниговскаго у., 5—М. Н. Гринченко въ с. Жеведи Черниг. у., 12—Б. Д. Гринченко въ с. Жеведи Черниговскаго у.

13. Кто обидаетъ або вечеряе у шапци, у того буде теща глуха.

(С. Голенка. М. Исаенко).

14. Попойившы не облазь кругомъ стола—блуды-тымешъ и вдень.

15. Не годыться дивчатамъ йисты яйца оти, що zostалысь розбовтнями—засыдяться на вику.

дае по шматочку: щобъ парубокъ першу высватавъ, до якои пиде, а дивку щобъ першый той посватавъ, кого вона хоче». Записалъ М. Н. Гринченко.

16. Вечеряючи на голодну кутю и обидаючи на Великдень не пий воды, щоб на жнывахъ не хотилось.

17. Огришывшысь не годяться проскуры йисты—напасть буде.

18. Якъ сятю паску йисы, такъ живо въ ротъ не несы—вдавшыся.

19. Не лузай насинного насиння—останешся на насиння.

20. Не втырайся объ настуылныкъ—напасть буде.

№№ 14—20 записалъ Е. Н. Гаврилей въ м. Веркiевкѣ Нѣжинск. у.

21. Въ насъ на сели на *кутю* навить и слово бояться вымовыть: «макъ». Зроду не йидять кути зъ макомъ, якъ отутъ у Києви. Знаете чому се такъ? Бо хто побаче у сей день макъ, на того блохы нападуть таки дрибни, якъ макъ, и ниякъ йихъ не выведешъ.

Записала Одарка Романова фтъ крестьянки с. Филевки Нѣжинскаго уѣзда Василисы Наконечной.

37. Одежа, обува.

1. Снувать треба на сходнихъ дняхъ, або у другый овторокъ—пиде меншъ пряжи, а якъ на молодыку, то пиде бильшь, бо молодыкъ на рижкы бере.

2. Якъ надумашъ сновать уснову на що тамъ и внесешъ у хату зайвыхъ клубкуивъ, такъ мерщій накрый чымъ небудь йихъ, щобъ воны не дывылись на уснову, бо буде вона плугаться, та ще й пряжи не хопыть на скуилько хочешъ основать.

3. У той день, колы снуешъ уснову, не перенось ейи у другу хату, бо якъ стринешъ важку жуинку, такъ у нейи вродыться дытына зъ сухотамы. Та й ква-

суль тыхъ, чы гороху, що пидъ клубкы пидсыпалыся, не йижъ—голова крутытymesя.

4. Шыючы сорочку, не йижъ ничего надъ нею, а то буде вошыва.

5. У понедилокъ не берутъ чыстойи сорочки, бо не шастытymes ни въ чому.

6. У сухой четвергъ годытсы просушуваты одежу на двори.

7. У кого къ празныку не буде новынкы, тому горобецъ голову вмаже.

8. Якъ вертытъ кравецъ на столи ножницы, то не буде въ його роботы.

9. Якъ хто зъ дивчатъ виддае квиткы з-за головы подругамъ носытъ—женыха перелюблятъ.

10. Не клады ношеного постола на огонь—пидошвы свербитymesуть.

№№ 1 и 5 записала М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ Чернигов. у., 2—4, 7—10—Е. Н. Гаврилей въ м. Веркiевкѣ Нѣжинск. у., № 6—М. Н. Гринченко въ с. Исаковѣ Славяносербск. у. Екaтер. губ.

38. Хата. Погрибъ.

1. Строить хату нельзя въ высокосный годъ, оттого наканунѣ высокоснаго года строится больше хатъ, чѣмъ обыкновенно. Если хата заложена въ простой годъ то въ высокосный можно доканчивать, но начинать нельзя. Другія хозяйственныя постройки можно строить и въ высокосный годъ.

В. П. Горленко. Прилуцкiй у. Полтавской губ.

2. Якъ зробишь хату, то першого году не годытсы билыты з-окола.

Б. Д. Гринченко. Харьковъ 1898.

3. Не замитай хаты, якъ сонце зайде.

М. С. Чудновская. с. Выбли Черниговск. у.

4. Якъ будуть на Велькдень веретена у хати,—плотытмуться гадюкы.

С. Голенка Конотопск. у. М. Исаенко.

5. Не свысты въ хати—черты заведуться.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка Нѣжинскаго у.

6. До погреба съ кускомъ хлиба не ходы, бо мыши та жабы заведуться.

М. С. Чудновская. С. Выбли Черниговскаго у.

39. Урожай.

1. Якъ на щедруху буде иней, то буде й урожай.

2. Якъ выпадуть проводы у старому мисяци,—держысь старого хлиба.

3. Якъ на голе дерево груимъ загремьть,—буде й руикъ голы—на все незрожай.

4. Якъ багато сморшкуйвъ або рыбы,—буде недоруидь.

5. Якъ на Велькдень иде дощъ,—незрожай буде на все.

6. Якъ журавли вылітають зъ ирія по одному, а не нызкамы, такъ чекай умолотного жыта той руикъ—по одномуъ снопу носытмешъ.

7. Якъ не вбачышъ до Микола (9 мая) колосу,—буде плачу й голосу.

8. Якъ на пару росте лобода, то й жатымешъ лободу.

9. Если май мѣсяць будетъ дождливый, то ожидать должно урожаю болѣе сѣна, чѣмъ хлѣба; если же напротивъ—сухой, погодный,—то будетъ много хлѣба, а мало сѣна.

10. Де на поли на Благовищеня буде лежать снигъ,—на тому мисци хлиба не буде.

№№ 1—8 записалъ Е. Н. Гаврилей въ м. Веркiевкѣ Нѣжинск. у.,

№ 9—священникъ Петръ Огіевскій въ с. Данинѣ Нѣжинскаго у.,

№ 10—А. А. Тишинскій въ Черниговской губ.

40. Колы и якъ ораты й сіяты.

1. Йидучы уперше ораты, дывись, щобъ хто, бо-
ронь Боже, не перейшовъ дороги зъ пустымы видрамы,
а то у клуни буде пусто.

2. На дванадцятуй пахарь уже наореться, та й
удовынь плугъ уже выходе.

3. Не носы на правуй руци каблучокъ,—не роды-
тыме жыто, якъ сіятымешъ.

4. Не сій жыта у дощъ, бо буде зъ метлыцею.

5. Жыто сій у той день, у який бувъ першый
снийгъ.

6. Якъ гречку сіешъ, такъ не можна йисты, ажъ
поки досіешъ, бо порожня буде. Одынъ чоловикъ везе
гречку съ поля, такъ на двоохъ возахъ добра гречка, а
на одному сама половка. А якась жинка пытае:

— Чого це въ тебе така гречка вродыла?

— Та то,—каже,—я проснидавъ гречку: сівъ та здо-
рово отощавъ, та й иззивъ манесенькый шматочокъ; такъ
ото та, що до снідання сівъ, а оце та, що писля сні-
дання.

Дивчына, чуючы сю розмову, озвалася:

— Бачъ, а я й не знала, чого то воно такъ, що було
якъ пойидемо зъ братомъ на поле, винъ сіе, а я волочу,
то винъ дастъ мени хлиба, а самъ не йистъ. Я пытаю: чому
жъ ты не йисы? А винъ каже: «Та я ще не хочу». И
якъ досіе, тоди вже снідае.

7. Гречку сій у той день, у який бувъ першый иней.

8. Конопли сій у середу на молодыци—гарни бу-
дуть и нищо симъя не пытыме.

9. Конопли сій надъ вечирь, и того дня вже ни-
чого не робы, особльво въ землю ничего не забывай, бо
й конопли въ землю пидуть.

10. Якъ сіешъ льонъ, такъ терпы, не сидай на ныви
про себе—вродыть серуха.

11. Прымичай, откуль на Евдохы две витерь: якъ зъ горы—сїѣ льонъ на гори, а якъ зъ долины—сїѣ у долини.

12. Якъ ще въ себе льонъ не посїяный, такъ не можна никому давати, бо въ себе зведеться.

№№ 1, 4, 5, 7 и 11 записаны М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниговск. у., №№ 2, 3, 8—10—Е. Н. Гаврилеемъ въ м. Веркїевкѣ Нѣжинск. у., № 6 и 12—М. Н. Гринченко въ с. Жеведи Чернигов. у. въ 1899 г.

41. Садъ.

1. Не сады дерева тоди, якъ свитыть мисяць, бо буде пустоцвить.

2. Хто хоче заводыть садъ,—не клады мерця въ труну.

3. На родючы садъ—на яблоню, чы грушу, якъ полизешъ у чоботяхъ, и найпаче жуинка, то на другый руикъ не вродыть, або й зовсимъ посохне.

4. Яблукъ шыягаця (??) пидъ яблунею не можно, бо на друге лито не вродять.

№ 1 записанъ М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниговскаго у., №№ 2 и 3—Е. Н. Гаврилеемъ въ м. Веркїевкѣ Нѣжинскаго уѣзда, № 4—Г. С. Неводовскимъ въ с. Евминкѣ Остерскаго у.

42. Городъ

1. Не *полы* у сухой четвергъ, бо будуть сохты города.

2. Якъ до сѣидъ сонця на Благовищенне потрусить качана, то зъ його посыплеться насинне. Зъ сїей *росады* якъ посїешъ, добра буде капуста.

3. *Гарбузы* треба садыть тоди, якъ скотына лежыть.

№№ 1—3 записаны М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниг. у.

4. У грядци не можно йисты *цуркивъ*. Не можно чыстыть у грядку гурка.

Г/ С. Неводовскій. С. Евминка Остерскаго у.

5. *Оширки* садить у той день у тыжни, въ котрый на весни першый разъ гремило.

Наталія Кобрынска. «Зъ Бойкившыны зъ пидъ Вирла» (Восточная Галиція).

6. На Велыкдень не лузають *сонешныку*, щобъ не пылы горобци його на городи.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка Нѣжинск. у.

43. Свiйська тварь.

1. Яку шерстыну найдешъ на пасци, прынисшы ййи съ церкви—такойи масты й *скотъ* держи.

2. Якъ пры торзи та *скотына*, шо купуешъ и зидеся вже на цину, каляе, то на таланъ, а якъ мочыть—лучче касайся ейи або переторгуй.

3. Оти *подарункы*, шо даруютъ на весилли молодымъ, ведуться туилько симъ рокивъ, а тоди вже зводытымуться.

4. Стари люде кажуть, шо якъ погнать *скотыну* на Юрьеву росу, то вона буде увесь годъ лучча и гладчiйша, и жыто пиде лучче. У насъ на Юрiя скотыну выганяють вси хазяйины, несуть хлибъ и дрибокъ солы. Хлопци складаються, пьютъ и йидять на жытахъ.

5. Щобъ у *скотыны* не заводылись червы, не треба шыть видъ Риздва до нового году и по усейидныхъ середяхъ и пятныцяхъ.

6. Моя сестра ходыла въ степъ грошей зароблять. Такъ каже, шо тамъ у Полтавщыни и дали туды, такъ у дворiвъ привьязжуть *корову*, або й такъ непрывьязану доють и ничого. Ну, а въ насъ такъ не можна.

— Чому?

— У насъ якъ здойить такъ, такъ другого дни молоко пропаде, а тамъ ніѣ. Тамъ, видно, люде добріѣйши.

7. Не крышы надъ молокомъ хлиба ножемъ—*корова* не стоятыме въ дойинню.

8. Я скруозъ чысту сметану продаю. Бувае, шо якось тамъ бабы ростырають сыръ та жовтокъ изъ яйця та съ того сметану роблють, кажуть, шо й крохмаль сыплють, а я ничего не роблю: и не знаю якъ, та й не хочу, бо кажуть, шо то *корови* погано та й гріѣхъ.

9. Боханця, помазаного сметаною, не рижъ ножемъ бо въ *коровы* дѣйки порепаються.

10. На перву кутю пида рано до *коровы*, якъ тильна, и куда лежатыме мордою, въ таку добу й теля знайдеться.

11. Якъ корова отелыться бычкомъ, такъ бильше молока даватыме, нижъ якъ тельчкою. И молозыва тоди бильше.

12. У той день, якъ найдеться *теля*, никому ничего не давай, а то буде блудыты.

13. Не бый *теляты* ганчуиркою—жоватыме одижъ.

14. Надовго *коню* хвоста не завъязуй—схудае.

15. Якъ у хазяйина шыя товста, то въ *конякы* його певно тонка.

16. Проты ночи писни не кинчають—вовкъ *порося* зйисть.

17. Якъ *тыця* сыдыть на яйцяхъ, то не можна пекты у печи ни яецъ, ни картопли, а то позапикаються яйця.

М. Н. Гринченко въ с. Жеведи Черниговск. у. (1900), М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ Черниг. у., Е. Н. Гаврилей въ м. Вѣркіевкѣ Нѣжинскаго уѣзда.

18. На Стричення дають *цусакамъ* та *пивнямъ* перецъ, щобъ зли булы та посылювалы чужыхъ гусакивъ та пивнивь.

19. Якъ порве собака *цуску* зъ табуна, то ти гусы вже зведуться.

20. Пчиль пидризують у чыстый четверь, щобъ булы чысти.

№№ 1—3, 7, 9, 10, 13—16 и 19 записаны Е. Н. Гаврилеемъ въ м. Веркiевкѣ Нѣжинск. у., № 4—П. С. Ефименко въ с. Напоровкѣ, №№ 5, 12 и 20—М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниговск. у., №№ 6, 11 и 18 (с. Жеведь Чернигов. у.) и № 8 (Сядричи Чернигов. у., 1899)—М. Н. Гринченко.

44. Колы не треба робыты.

1. У пятницю Хрыстось страждавъ и тому у сей день не слидь робыты нiякои чорной роботы: ни прясты, бо летыть кострыця, ни зольты, бо попилъ трусуться, ни трусуть сажу, ни иншойи такойи роботы.

Записала въ с. Выбляхъ Чернигов. у. М. С. Чудновская.

2. Одна молодыця потрусыла сажу у пятницю и похвалылась на вулицы. Сусидкы ажъ полякались, почувшы, що вона такє зробыла. «Якъ, кажуть, у такый день, та трусуть сажу? За се Богъ покарае тебе и на симъ свити и на тимъ не простыть. Сама ще не тямышь чого, то треба пытаться людей,—а то за се великый одъ Бога грихъ».

Бидна перелякана молодыця такъ зажурылась, жду-чы кары за свiй великый грихъ, що чысто высохла и на третiй тыждень Богу душу оддала.

Записала М. С. Чудновская отъ крестьянъ с. Бudy Черниг. у.

3. У Велькодну суботу найменчъ роботы дила, щобъ литомъ спуирно роботылось.

Е. Н. Гаврилей въ м. Веркiевкѣ Нѣжинск. у.

4. Понедилокъ и середа—важки дни.

Е. Н. Гаврилей въ м. Веркiевкѣ Нѣжинск. у.

5. Якъ идешъ куды за диломъ, та куоть перебижыть дорогу, то луччей вернысь.

М. С. Чудновская. С. Выбли Нѣжинск. у.

6. Якъ перебижить куйть дорогу, або перейде хто съ порожнимъ видромъ, такъ лучче ворочайся назадъ—нешастя буде; хьба вже куды пыльно треба, такъ не инакъ иды, якъ перекинувши черезъ те мисце хочъ паличкою.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка Нiжинск. у.

45. Съ краденого швидче заведешъ.

У насъ кажуть, шо съ краденого швидчей заведешъ, нижъ исъ купованого. Я колысь ище якъ малою була та почувла це, такъ и нарвала въ Мыны повну хустку проса, а тоди вымъяла його, ссыпала въ торбынку и матци оддала. Такъ братъ клынчыкъ на новини засiявъ тымъ просомъ. И таке гарне вродыло. И съ того вже й стали мы сiяты. И льону два снопы вкрала, такъ гарный и въ насъ льонъ ставъ. А сестра моя гуску вкрала. Подумайте, верстовъ за петнадцять, чы мо й за симнадцять зъ однею дивчиною ходылы и такы вкралы по гусци. Такъ дуже добре гусы выводылысь и въ тiйи дивчыны и въ насъ.

— Значыть шобъ гарне шо въ хазайстви було, такъ треба все съ краденого заводыты?

— Ни, всього не можна. Уже жъ коровы чы кобылы не вкрадешъ. А такъ шо посiять, чы птыцю—такъ лучче съ краденого.

С. Жевель Чернигов. у. отъ дивчыны. М. Н. Гринченко. 1899.

46. Даваты.

1. Съ того чоловика, кому дарышъ шо небудь изъ хазайства, треба узять килькы небудь копiйокъ, а якъ будешъ давать такъ, то можно у себе позводыть.

2. Якъ зайде сонце, не годяться даваты що не-
будь зъ двора, а найпаче не давай молока.

М. С. Чудновская. С. Выбли Чернигов. у.

47. Жылавый понедилокъ.

У жылавый понедилокъ (першый понедилокъ у ве-
лыкый пистъ) бабы не продають бурякового квасу.

Прымичають, хто першый у цей день увиде въ
хату: якъ шо чоловікъ, то це добре, а якъ шо жинка,
такъ погано въ симйи буде.

Цей понедилокъ зветься жылавый через те, що
ничого не варють, а йидять редьку та коржи на самій
води мишени—*жыляныкы* зветься.

У цей понедилокъ не можна шыты, бо пучкы
обирве.

Богодуховскій у. Харьковск. губ. и Славяносербскій у. Екатерино-
славск. губ. М. Н. Гринченко.

48. Зустрічь.

Якъ идуть проты тебе два чоловікы, дакъ николы
не йды усередыну, хоть бы вони й нарочыто розступа-
лись передъ тобою.

С. Голенка Конотоп. у. Черниг. губ. М. Исаенко.

49. Що вищуе.

1. Ньохти цвигуть—жды подарунка.
2. Якъ заплитаешъ косу та останеться пасмо—
дорога.
3. Очи або нисъ свербыть—плакать.

4. Борода свербыть—горилку пыть.
5. Права долоня свербыть—гроши получать, лива—
оддавать.
6. Павукъ спустыться—почуешъ висть.
7. Якъ сиренькый павучокъ спустыться—добра бу-
де звистка, а якъ чорненькый—погана.
8. Қить умывается—гостей сподивається.
9. Вугиль скаче съ печи—буде гисть.
10. Якъ пивень на покути спивае—будуть гости.
11. Якъ куйть умывается на який край, звидтиль
будуть гости.
12. Якъ забудешъ по обиди ложки—будуть гости.

№№ 1—6, 8—9 записаны М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниг. у.,
№№ 10—12—Е. Н. Гаврилеемъ въ м. Веркiевкѣ Нѣжинск. у., а № 7
М. Н. Гринченко въ Харьковск. губ.

50. Злодій.

На злодія пануе—на голе дерево груомъ загре-
міѣвъ. (Тобъ то: не знаходытymesъ крадене).

М. Н. Гринченко. С. Жевель Черниговскаго у. 1899.

III.

Знахарство, заговоры и проч.

51. Угадать, чы довго прожынешь.

Назбиралы мы на Івана Купала купальнычкiв и позастыркалы у хати на усихъ: и на батька, й на матку, и на бративъ, на усихъ. На другый день подывылись, ажъ батькiв и старшого брата купальнычки повъялы, а наши уси порозывалысь. Такъ скоро батько и умерлы, а послі батька скоро и старшого брата на поли гримъ убывъ. А мы уси, слава Богу, и по сей день живи.

Записала отъ Ульяны Килочицкой, въ с. Выбляхъ, Черниговск. у.
М. С. Чудновская.

52. Угадать, чы вси у симйи будутъ живи.

Нарижъ трейчи по девъять гиллючокъ глоду и звары; якъ що вода буде сыва,—хтось скоро умре, а якъ вода буде жовта, то вси будутъ живи.

Записала отъ Трыхвона Кныша изъ д. Песокъ Черниговскаго у.
М. С. Чудновская.

53. Щобъ быть здоровымъ.

1. Почувшы першый гримъ, стань коло печи и скажи: «Дай, Боже, быть такой здоровый, якъ пичъ, щобъ було биганне заече, волова сыла, щобъ не болила ни голова, ни спына».

Записала М. С. Чудновская отъ крест. Курской губ. Рыльск. у.

2. На Велыкдень попередъ паскы годыться иззисты хрину, щобъ быть крипкымъ да здоровымъ.

С. Голенка Конотоп. у. Черниг. губ. М. Исаенко.

3. У чысты четверъ умывайсь на бегучий води—чысты будешъ.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка Нѣжин. у.

54. Щобъ щастыло на войны и на суди.

Иноди трапляється бачыть, якъ вужака нападе на жабу, щобъ иззисты ййи. Возьмы тоди ломачку и розбороны, та тилькы не убывай и тую ломачку ховай: чы прыдеться иты на войну, чы на судъ—беры зъ собою: на войны не убъють, а на суди завсегда будешъ правый.

Записала отъ Арины Непомнящей въ с. Выбляхъ Черниговск. у.
М. С. Чудновская.

55. Одъ усякойи болизни.

а) Передъ тымъ днемъ, у который случыться Сри-тенне, узять солы, завернуть у тряпычку да й укынуть у жаръ, а до схидъ сонця вынять. Хто занедужае чымъ, тому и йисты сюю силь.

б) Якъ хто нездоровъ чымъ, дакъ нехай у чыстый четверъ, чуть свитокъ, пйде на ричку, поky нхто ише воды не бравъ да й умыеться; тоди й болизнь усяка пройде.

М. Исаенко. С. Голенка Конотопскаго у. Черниговской губ.

56. Передать болизь другому.

Щобъ изличыть лышай, чы другу яку болизь, возьмы обмый водою болуче мисто и увечери, або вранци перелый тиею водою вулицю. Хто першый перейде черезъ перелыте мисто, той прыйме и болизь.

Записала М. С. Чудновская отъ крестьянъ въ с. Выбляхъ Черниг. у.

57. Одъ урокивъ.

I.

Ой дай, Боже, ой дай, Боже, щобъ день та й неделя:

Щобъ тая Маруся робыты не вмила.

А щобъ вона, молодая, конопель не мняла,

Ой щобъ ййи головонька пыломъ не прыпала.

Ой мы везлы, ой мы везлы зъ новымъ медомъ бочку;

Ой мы взяли, ой мы вкралы въ нашойи свахы дочку.

Бабська прымова, урокы, урочыны!

Я васъ прыклякаю, господа мылосердые.

Въ помощь прыклякаю! Господь зъ помощама,

А я зо словами, я васъ вышептую,

Выклякаю зъ очей, зъ плечей, зъ рукъ, изъ нигъ,

Изъ семыдесяты жылъ, изъ румяного лыца, изъ шырокого сердца.

Тутъ вамъ не буты, тутъ вамъ не гуляты,
Буйнойи головонькы та й не ламаты,
Румъяного лыця та й не палыты;
Шырокаго серця та й не нудыты;
Семьдесяты жылъ та й не стягаты
И пидъ серденько та й не пидпираты.
Поты вы нудылы,
Покры я Господа мылосерднаго та на помощь не пры-
кыкала:

Господь зъ помощамы, а я зо словамы.
Я васъ вышептую, выкылаю на очерета, на болота.
Вызываю—йдить соби та й на очерета
Та й на болота,—
Тамъ вамъ столы застеляни,
Чаркы поналывани.
Тамъ вамъ пыты, гуляты и роскоши маты,
А одъ рожденнойи, молитвованойи, хрещенойи
Рабы Божойи Маруси уतिकаты.

Подольск. г. А. В. Заблоцкій изъ альбома.

II.

Видкиля сонце сходять, видтыля помощь прыхо-
дыть; видкиль свить наставъ видтиль Богъ помощь
пославъ. Уроки-урочыща, прыстриты-прыстритыща, лыхо-
радкы-лыхорадчыща, тутъ вамъ не буваты и не ходыты,
червонойи кровы не пыты, серденька не сушыты, жов-
тойи косты не ломыты, билого лыченька не вьялыты. Я
васъ высылаю, вымовляю, вышиптую; я васъ посылаю на
очерета, болота, на густы лиса, де дивка косы не носыть,
де парубокъ коня не сидлае, де шивень не спивае. Баба
золотовыда, котора Хрыста прыймала, людямъ помощь
посылала, я вызываю, я вышиптую изъ ручокъ, съ пучокъ,
изъ очей, съ плечей, зъ семьдесяты суставовъ. Я вымов-
ляю, Маты Божу на помощь прызываю. Я словамы,

Маты Божая диламы; я хухомъ (дуетъ на крестъ), Маты Божа духомъ. Уроки-урочыща зъ карыхъ очей, зъ сирыхъ, бурыхъ и понурыхъ, чоловичыхъ и жиночыхъ, парубочыхъ и дивочыхъ. Колы буду сыне море переплывати, тоди буду на уроки и на прыстриты горювати. Сама соби сорочку мыла, сама и зносыла, сама соби прыстрити одходыла.

Изъ бумагъ П. А. Лукашевича.

III.

Щобъ диты були неврочливи, то треба умывати ихъ зъ помийницы.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ Черниговск. уѣзда.

58. Видъ прыстриту.

1. Прыстриче, прыстриче, добрый чоловиче! Сядь соби на мистечку, на золотимъ крислечку, тутъ тоби не бушавать, не воевать и костей не ломать. Иды соби на море, на тимъ мори камень, на камени зрубъ стоявъ, самъ тамъ Богъ по имени называвъ, а тоби, мій малый, (чы мала), щобъ прыстрикъ бильшь не упомынавъ.

Записала въ с. Выбляхъ отъ Евдокии Чирковой М. С. Чудновская.

2. Якъ хто тебе изурочыть, то возьми здымы зъ себе сорочку и положъ, звернувши, пидъ камень. Пройде. Отъ Уляны Килочицкой въ с. Выбляхъ Черниг. у. М. С. Чудновская.

3. Навыворотъ сорочку носы, прыстрити не нападе.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка Нѣжинск. уѣз.

59. Одъ простуды.

Узявъ жывыци такъ якъ изъ куряче ейце, изтерты ййи да й укынуть у пляшку зъ пивквартою горилкы, да тоди поставыть у тепле мисто, поky добре настойить-ся да й пыть по тры чаркы на день.

С. Голенка Конотопскаго уѣз. Черниговск. губ. М. Исаенко.

60. Одъ лыхоманкы.

1. Узять печене яйце да облупыть його такъ, щобъ шкурка цила zostалась на йому, да тоди и завязать у ластку пидъ ливою рукою, та й держать його тамъ, поky воно зовсимъ изсохнеться.

С. Голенка Конотопскаго уѣз. Черниговской губ. М. Исаенко.

2. **Одъ хынди.** Треба мовчкы йты за домовною мертвого до могылокъ, и якъ коло ямы уже уси прощаются, поцилуй мертвого у мызынци на рукахъ и на ногахъ и йды до дому, ни съ кымъ не балакаючы.

Записала въ с. Гусавкѣ Черниг. уѣз. отъ крестьянки Христыны Губки М. С. Чудновская.

3. Узять шматокъ хлиба, соли и яйце и треба питы до мосту, зъ мосту кынуты тее усе черезъ плече у воду, проговорывшы: «вась, титочки, симдесять симъ, прынесла я вамъ полуднувать усимъ». Додому йшовшы, не треба озыраться назадъ и балакаты. Писля сього хындя безпреминно поkyне.

Записала отъ крест. с. Гусавки, Черниг. уѣз. Катерины Васьковой. М. С. Чудновская.

4. **Молитва отъ лихоради.** «Взбунтовалося море взвольновалася вода, отъ туды выходить четыре пани красныя дѣвицы напротивъ ихъ выходить отъ царя Ирода

святой Мохнованій и спрашиваесть ихъ, куда вы идете. Мы идемъ къ нарожденной Молитвенной крещенной Марфѣ жолтіи кости ломити сердца вялити бѣлаго тѣла сушити якъ выхватилъ святой Паухлатій свой при-острій мечъ и вдаривъ ихъ по четыре раза а они по отвѣчали ему если Марфа сію молитву будетъ знати то мы ее будимъ на шесть лѣтъ минати». (Ореографія подлинника).

Полтавск. губ.

61. Одъ жовтяныци.

На зори уранци треба пойти на ричку изъ суденцемъ изъ жовтойи миди, набрать у його воды, поставыть на верхъ хаты да й прыговорювать: «Зори зоряныци, возьми раба Божого № жовтяныци—ранни й пивранни, денни й пивденни, вечерни й пиввечерни, ночнійи й пивночнійи». Якъ пройде тры дни, тоди изнять да й умывать жовтяныци, прыговорюючи те саме.

С. Голенка Конотопскаго у. Черниговск. губ. М. Исаенко.

Одъ жовтяныць треба купаты у злоти: у купель кыдаты золотый перстинь.

Богодуховск. уѣз. Харьк. губ. М. Н. Гринченко.

62. Голова.

1. Острыгшысь, не кыдай чуба въ пичъ, або скуилько чубъ горитыме, стуилько голова болитыме, а кыдай чубъ пидъ вербу—буде скоро рѣсты, якъ верба.

2. Мертяковымъ черепомъ давять свою голову, щобъ не болила, а щелепы на ротъ надивають одъ зубуивъ.

3. Изъ сятои вербы назбирай у церкви потерти й бережы, щобъ на злучай, якъ заболыть голова, такъ парыться тымъ окропомъ, що нагріешъ зъ тою потертю.

№№ 1—3 М. Веркіевка Нѣжинскаго уѣз. Е. Н. Гаврилей.

4. Учадившы, треба положыты у вуха калыны (ягидъ),
—вытягне чадъ.

Богодуховск. у. Харьк. губ. М. Н. Гринченко.

5. Щобъ булы довгы косы, треба на молодыку
стать на порози и трохи пудризовать.

М. С. Чудновская. С. Выбли Черниговск. у.

63. Одъ болячки у вуси.

Пидкурюють льономъ—лушыкомъ. (Насиння зъ льону, що саме высыпається). Насыпають у черепокъ жару и сыплють льонъ, а хворый нахылыться вухомъ до дыму, та ще й рядомъ його прыкрыють. Якъ добре пидкурыты, такъ болячку прорве, и вона вытече.

С. Жеведь Черниговск. уѣз. М. Н. Гринченко. 1899.

64. Одъ зубивъ.

1. Якъ уперше побачышь молодыка, зупынысь и трейчи скажы: Молодыкъ молодой, чы бувъ ты на мори? Чы бачывъ ты морськихъ людей? Чы болятъ у йихъ зубы? Хай у йихъ болятъ, а мени (имъя) не знать. Промовывшы, иды не озыраючысь.

Записала отъ бабы шептухи Вар. Мулочовой въ с. Выбляхъ Черниг.
у. М. С. Чудновская.

2. Побачывшы уперше молодыка, зупынысь, про-
кажы трейчи «Оче нашъ», трейчи плюнь черезъ ливе

плече и йды не озыраючысь. Щобъ не болилы зубы, треба такъ робыть що молодыка.

Записала отъ Лук. Новиковой въ с. Выбляхъ Черниговск. у. М. С. Чудновская.

65. Якъ охрыпнешъ.

Якъ охрыпнешъ, то пий сыри яйца, чы йижъ гречани крупы.

М. Веркiевка Нiжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

66. Видъ очей.

1. На Благовищення идуть люде дывытыся до рикы на дрибну рыбу, та й кажуть тры разы: «абы мене тогда очи болилы, якъ рыбу».—Ходять такожъ дывытыся на другый день Велькодна.

Наталiя Кобрынська. «Зъ Бойкивыцны зъ пидъ Вирла» (Восточная Галицiя).

2. Въ страсны четверъ годытыся вмываться бегучою водою, щобъ слипота не напала.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка Нiжинск. у.

3. Молодыця, якъ мае ще тилькы одно дытя и хлопця, нехай своимъ молокомъ капне у очи у кого болять.

Советуйте: вирне средство. Видъ сього и бильма проходятъ.

Записала отъ Л. Новиковой въ с. Выбляхъ, Черниговск. у. М. С. Чудновская.

4. **Отъ бильма.** Ехаль святiй Ерiй на биломъ конi набiломъ сидлi въ бiлой одеждi съ бiлыми слугамы вилiлi бiлимъ слугамъ бiлое бильмо сикти рубати

мютламы смитаты тутъ тобы небуваты жольтои косты червонои кровы не ламаты. (Правописаніе подлинника).
Изъ рукописи «Примѣты разныхъ примовъ Просто-народія», собранной М. Л. Кропивницкимъ.

67. Одъ груднойи боли.

а) Узять того сала, що якъ бѣють кабана або свыню да хрестъ ножемъ пышуть, прыжарыть трохи да й мазать груди.

б) Потерты на тертушку чорну редьку да й выжать изъ ййи сокъ; сокъ той измишати изъ меншою часткою горилкы да й пыть по тры маленьки стаканы у день.

в) Весною, якъ ище мале бувае жыто, ходыть по йому уранци босымы ногамы часивъ два.

г) Узять кинського гною, якъ переприе добре, да й прыкладувать до грудей.

д) Запекать йоловийи шышкы у горилци да й пыть.

С. Голенка Черниговскаго у. М. Исаенко.

68. Одъ жывота.

1. Якъ йисты гориле, то жывить не болитыме.

Б. Д. Гринченко. Черниговск. у.

2. Одъ жывота росколоты чарку соли чы попелу та й выпый, або иды на двирь (про себе), хочъ и не хочеться.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилсй.

3. Отъ затверденія желудка. На весни, до грому, нарвы деревію съ кориннемъ, горыцвиту съ кориннемъ, да возьмы вербы свяченои и, зварывшы, пыи и плечи мажъ.

4. Употребленіе горьцовиту противъ серозныхъ скопленій. Въ перви десять днивъ лику: узять кварту воды, налить у польвѣяный горшокъ и положить туды тры коринци горьцовиту, закрыть горшыкъ покрышкою та й замазати и варыть поты, погы выварыть ся съ кварты пѣята частка, и давати сього зилля на тры чашкы (чайныхъ) рано, въ обидѣ и ввечери. На други десять днивъ лику узять тилько воды, якъ и перше, да тилько положить чотыри корини и выварыть стилько, якъ и перше, и пыть по тры чашкы въ день. За часъ передѣ ликарствомъ и писля ликарства не можно йисты ничего. Писля двадцаты днивъ лику пыть первого ликарства (шо по тры коринци) по дви чашкы. Во вси разы, якъ сечи мало, прыбавляють у горшокъ лысту въяленого изъ калачыкывъ, такъ якъ у пучкы взяти, та й варыть разомъ. Рыбы и мѣясного жирного не можно йисты, зилля держати въ холодному мисти (у погребѣ) не бильше трьохъ днивъ (бо почне портыть ся). Якъ сечь дуже пиде, то й можно перегодыть одынъ день зъ ликарствомъ.

Черниговск. г. (№№ 3 и 4 взяти изъ «Черниговск. г. вѣдомостей» 1860, № 6 С. Д. Носъ).

69. Якъ нудно.

Якъ нудно, то перекусы въ соломыни колинце.

М. Веркиѣвка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

70. Одъ печайкы.

Одъ печайкы лыжы праву долоню на тимъ мисти, де пысавъ хресты на голодну кутю, або крейду йижъ.

М. Веркиѣвка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

71. Одъ шяцтва.

1. Щобъ пъяныця кынувъ пыты, треба назбирать пины изъ утомленого коня такойи масты, якого цвиту косы у пъяныци, и дать выпыть зъ водою.

Записала отъ Орины Непомнящей въ с. Выбляхъ Черниговск. уѣз.
М. С. Чудновская.

2. Щобъ не воняла горилка зъ рота—жуй бумагу або гречани крупы, а щобъ не пъяны бувъ—выпы чарку карасину.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка Нѣжинск. у.

72. Щобъ не болилы руки и ногы.

Вытягны зъ пояса красну шерстяну нытку и пере-
вежы болочу руку, чы ногу,—перестане.

Записала отъ крестьянъ въ с. Выбляхъ Черниговск. уѣз. М. С.
Чудновская.

73. Отъ бежа, бешыхы и прыстриту.

I.

Отъченашъ: Богородице Дѣво: Честный Кресте.
Иоане Крестителю и Всѣ Небесни Сили, и Св. Апостоли,
Пророки, Пророчицы св: Святители Приподобныи Отци,
св: Мученики Священо Мученики, и Преподобни Муче-
ники св: Мученици. Преподобни жени, Преподобно
Мученици и Словѣдникъ и Безсребреники и Христарди
Юродиви и вси въ Кiеве Печерскѣ и Ерусалимской По-
чаевскѣ, и Перижловскѣ и Вси Святiи Станьте Мени
въпомочи Господу Богу помолюся Пречистѣй святiй
Матери Божiй Поклонюся ковсѣмъ Святимъ Станьте
мѣнѣ въ помочи Бежа бишиху или пристрѣтъ тоже такъ
само: 1 вызвать—2 Вишиптать Зѣмову Висняну Лѣтню

Осѣнну Гадину мѣсячну дену полудену, ночну, полуночну Часову, Чоловѣчу, Жоночу, Парубочу, Дѣвчачу, Хлопячу, Огнену Вѣтриану, Водяну, попѣвску, Паньску Лядьску наслану Подуману Погадану, Тута Тобѣ Небуваты Тута тобѣ небуяти Жовтои кости неламати Червонои Кровѣ, неспивати Бѣлого тѣла невялити Сердца не нудити кости и Составъ некрушити теперь тебе Визиваю зъ Три Девяти Составъ Вишѣптую Викликаю на Пуци и Нетри Отсилаю Де Сонце Праведне не Грѣе, де мѣсяць несвѣтитъ де люди неходятъ и де христѣянскый Гласъ незаходитъ тамъ Собѣ Гуляй, тамъ Собѣ Буяй,—

Пречистая Богородица, Обѣдъ Становила склепина и склепенивъ, въСѣхъ наобѣдъ звала бежа и бишиху незвала бехъ и бишиха сами пришли, Господня помѣщъ (дальше слово неразобрано) немѣй Духъ Господнѣй Духъ помагае Рожденному и хрещеному Рабу Божому Филиппу напомѣщъ Ставаеи тогда Духомъ подуть навхрестъ 3 рази говоря Си Слова, начиная отъ словъ не мій Духъ Господнѣй Духъ, Это одинъ штихъ, тогда начинай и Другой и третій разъ отъ Словъ Пречистии Богородици и Всѣхъ св: призывать напомощъ, акогда три рази переговоришь То начинай опять Сначала Отъченашъ: Богородице Дѣво—такимже порядкомъ 3 рази якъ и Сначала отъ Слова до слова то будетъ шесть разъ тогда Возьми Красный плетений поясъ Розложи на пухлое мѣсто въ одно Сталь и запали лянне либо и просто пачоски и тожъ другою сталкою пояса прикрой легко чтобы пламя помало зъ тухало и когда на Поясѣ на чинаешъ Это Дѣйствовать то знову начинай отъ Отъченашъ: Богородице Дѣво: и всѣ Слова, отъ Слова До слова какъ Сначала прописано, атолько Якъ Вишѣптуетъ Визиваю Вишѣптую Викликаю прибавъ и Спалюю инапуци инетри, отъ Силаю: и такъ дали Доконця какъ и прежде отъ Слова До слова, и такимъ Способомъ 3 рази переговорить и 3 рази спалить тогда кончить—Отче-

нашъ Достойно—Воимя Отца 3рази—+.+.+. — Это Значить 9-ть разъ а Еще нужно такъ Само Дварази по Девять разъ тозначить будетъ 3-ри Девять разъ, Этии Дварази (слово не разобрано) послѣднии наветъ можно и позаглаза шептать, Звѣсно Лучше Быть при Болящому нежели заглаза. (Правописаніе подлинника).

Изъ рукописи, сообщенной В. Ф. Степаненкомъ.

II.

Простое лѣкарство отъ Рожѣ которое принять то нетолько что она и Счезнетъ и Виздоровѣетъ Больное мѣсто А наветъ доказуютъ получивше или принявше Этое Лѣкарство то и никогда nebudeтъ болѣе Возобновляться на Этому Человѣку, нетолько На Этомъ Мѣстѣ.

взять на Ставетъ въ Чайникѣ, въ переваренной Водѣ, тоестъ какъ изъ Самовара, и Дать въ Этогъ Чайникъ Кофіи съ паленой припорцію какъ Слѣдуетъ, Чтоби на Стояла тогда въ стаканъ налить тоже воды зъ Самовара съ хорошъ Кѣлѣшокъ и вложить туда Секретнаго Лѣкарства, необявленнаго Болящему какое потому что Другой Болящій не захочитъ Може принять въпользованіе взъять въ Чистую холстинку завинуть кусочекъ конячого г. и завязать и въложить въ Этогъ стаканъ чтобы натягло потомъ немножко поколотить Этую Завеніонку и тогда Этое винуть прочь А настояна вода пусть одъ Стоитъ, и тогда Еще процедить можно на холстинку и чистое Кляровное Употребить въ шклянку До лить на Стояною кофію Для приятнѣишаго Духу или вкусу До Дать Сахару попринадлежности и Дать Болящему Принять Добраго Апетиту (Правописаніе подлинника).

Изъ старой рукописи, сообщенной В. Ф. Степаненкомъ.

74. Опухъ.

Дивчына пилса скарлатыны опухла. Баба порадыла таки лыкы: узаты гостройи водкы, вкынуты туды дванадцять товстыхъ голокъ. Воны ростануть, бо гостра водка йихъ пойить. Тоди пыты це по скилькысь тамъ крапель съ простою горилкою.

С. Алексѣвка Славянсербскаго у. М. Н. Гринченко. 1893.

75. Огныкъ.

Якъ нападе *огныкъ*, треба спалыты ганчирку и тымъ попиломъ затопуваты.

Богодух. у. Харьк. губ. М. Н. Гринченко.

76. Одъ бородавогъ.

Щобъ зогнать бородавки, треба на тоненькій нытопци навязать стилькы вузлыкывъ, скилькы е бородавокъ и закопать у землю. Якъ нытка перегны,—и бородавки пропадутъ.

Можно ще такъ зогнать бородавки: узать девять гороховынъ, покачать йимы бородавки, загорнуть йихъ у чопурненьку латочку и кынуть на вулицю. Хто пудыме сіе гороховыны, до того перейдутъ и бородавки.

Записала отъ Уляны Половецкой въ с. Выбляхъ Черниговск. у. М. С. Чудновская.

77. Раны.

1. Якъ урижешъ палець, то треба на трапочку взаты нагидковойи горилкы та й примочыты уризане мисце—заразъ стягне.

2. Якъ попечешъ пальци зализомъ чы тамъ обь горшыкъ, такъ треба взятись за вухо и сказаты: «Сьогодни пьятныця»—не такъ пектыме.

№ 2 записала въ с. Жеведи Черниговск. уѣз. М. Н. Гринченко въ 1899 году.

78. Кровъ замовляты.

1. Щобъ перестала иты кровъ, треба сказаты: «За сынимъ моремъ бувъ камень, на камени сьдило чотыри дивыци: одна голку держить, друга нитку сажае, трейтя жылы зашывае, четверта кровъ замовляе.» Треба сее промовыть трейчи и кровъ перестане.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Троф. Атрошенка М. С. Чудновская.

2. Разъ на ночлизи одынъ хлопецъ, стругавшы цуговьє, поризавъ соби руку; кровъ такъ и побигла. Що мы не робылы—някъ не перестае. «Постойте жъ,—каже Омелько,—мени колысь дидъ казавъ, якъ треба замовыты кровъ, я знаю шо треба казаты.» Тутъ Омелько перехрестывся и трейчи промовывъ: «Гуляю, гуляю, кровъ замовляю.» И кровъ заразъ же перестала текты зъ поризанойи руки.

М. С. Чудновская отъ Митрофана Шульги тамъ-же.

3. Калыновымъ мостомъ йшло тры сестри: калына, малына и шыпшына. Не вмѣлы йены ни шыты, ни пряс-тѣ, туольки вмѣлы сѣкты рубаты, рѣкы пропускаты—одна рѣка водяная, друга рѣка огненная, третя рѣка кровьяная. Водяною огонь залываты, кровьяною кровъ суниматы (трейчи).

С. Осняки Черниговск. у. В. В. Полуботкова.

4. Заговляніе Кровы Двухъ Сортовъ.

1-й Въ неделю рано Причиста Дѣва плугомъ небо орала небо орала руту сияла Рута незосшла чтобъ Кровъ нешла. — Сей пунктъ виговариваетца заоднімъ духъ. аговорить Его Должно трижды.

2-й Ишла баба Камьяная Камьянимъ мостомъ съ Камяною Доюнкою Камяную Корову Доить какъ той бабы нельзя Коровы доиты щобъ такъ неможно схрещенного порожденного какого имя кровы итить трижды нада говорить. (Правописаніе подлинника).

Изъ рукописи: «Примѣты Разныхъ примовъ Просто народія»,
сообщенной М. Л. Кропивницкимъ.

79. Дытячи хворобы.

1. Вагуитна жинка, якъ що вкраде, нехай лапнеться за що деревяне, або за прыпечокъ, туилько жъ не за свое тило, бо въ дытны буде родиме на тимъ мисци, за що вона себе лапнула.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка Нѣжинск. у.

2. Щобъ дытя поправлялось. Якъ у кого мрутъ диты, то треба, щобъ якъ дытя занедужае, хто небудь його закупывъ. Той, хто закупает, дае матци копійокъ дви, чы тры грошей и вишае на шыю дытны хрещыкъ. Сей, хто закупыть дытя, и считается хрещенымъ батькомъ, чы хрещеною маткою. Часто писля сього диты поправляются и живутъ.

Записала отъ Ольги Герасименко, въ с. Буда, Черниг. у М. С. Чудновская.

3. У насъ якъ дытына не спыть та крычыть, такъ маты положе ййи на порози на кожуси и трычи переступыть, приказуючы: «Яка породыла, та й одходыла». Тоди трычи злыже й сплюне.

— Воно жъ пособляе?

— У насъ пособляе, а въ панивъ хто-й-зна. Воны все сміються, кажуть: «бабськи выгадки». Воны заразъ дохторивъ кльчуть, а мы по простому—злыжешъ його, такъ и засне. Я хотила сказаты Ганни Мыколаевни, та не смію, ще росердуться. А такъ жалко Володичкы, шо бидненьке такъ плаче.

Богодуховъ Харьковск. губ. М. Н. Гринченко. 1899.

4. У новуїй колысци годыться кота на почынъ положить, щобъ дытя краще спало.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

80. Щобъ довго не було дитей.

Якъ молода сидае на посади, то хай пидъ себе положить стилькы пальцивъ, скилькы рокивъ вона хоче, щобъ у нейи не було дитей.

Записала отъ Ганны Индачевой въ с. Выбляхъ Черниг. уѣзд. М. С. Чудновская.

81. Кумування.

Кумовью годыться переходыть черезъ жаръ, якъ несуть до хреста, щобъ одъ усього злого очыститься.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

82. Змовленіе гада.

Насионской горѣ во Египетской Зимлѣ стоить Дубъ Евгимъ ивтомъ Дубу гниздо въ томъ гниздѣ гадюка сивилуха Гадюко сивилуха прикажы своимъ слу-

гамъ очеретянимъ, болотянимъ, стиповимъ, водянимъ камьянымъ ивсимъ находящимся пушай сію Ядь Розбыруть. (Правописаніе подлинника).

Изъ рукописи: «Примѣты Разныхъ примовъ Просто народія», сообщенной М. Л. Кропивницкимъ.

83. Знахарка.

Раздѣвъ больную, врачъ увидѣлъ на ея шеѣ цѣлую связку талисмановъ.

— А это что?

— Да все-жъ «лики»: бабы давали.

Въ одномъ сверткѣ оказалась еще влажная лягушка, издававшая зловоніе, въ другомъ—иконка, въ третьемъ «выпыска», на которой карандашемъ было написано: «Рожденному, молитвенному, крещенному рабу Божию, помощи Господи! На морѣ-океанѣ, на островѣ Буянѣ есть на камнѣ груша, на той грушѣ гнѣздище, а въ томъ гнѣздищѣ три царевны—Хивря, Вивря и Олипа. Хивря, Вивря и Олипа! И спеняйте, и стягайте по заповѣди моей, слуги вы мои...» и. т. д. Въ числѣ прочихъ амулетовъ былъ за паянный со всѣхъ сторонъ флакончикъ съ прозрачной жидкостью.

— Это для чего?

— Съ святыхъ мѣсть... странникъ даль... Носи, сказаль, на шеѣ и, ежели вода убавится, умрешь, значить, а если нѣтъ—будешь жить.

Изъ газеты «Приазовскій край» перепечатано въ Кіевлянинѣ 1897, № 212, а оттуда заимствовано нами.

84. Позихання.

Якъ позихаешъ, то хресты ротъ, щобъ духы зли не нализлы.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

85. Одъ вовкивъ.

Якъ оступлять вовкы чоловика, то треба назвать якого небудь умершого чоловика мення, чы родыча, чы знакомого, то й пидуть геть.

С. Напоровка Черниг. губ. П. С. Ефименко.

86. Щобъ плаваты гарно.

Якъ йисты цвилый хлибъ, то плаватимешъ гарно.

С. Нижняя Сыроватка Сумск. у. 1885. Б. Д. Гринченко.

87. Спать лягаючы, промовляты.

За горами, за риками тамъ мы спать лягали. Матиръ Божа въ головахъ, Исусъ Хрыстось у ногахъ, ангелы хранители по бокахъ—хранять мою душу до самого ранку одъ ножа, одъ меча, одъ лыхого чоловика.

С. Нижняя Сыроватка Сумскаго у. 1885. Б. Д. Гринченко.

88. Щобъ не посердытыся, даючы.

Даючы кому голку, кольны його до кровы, щобъ не посердытыся.

С. Выбли Черниговск. у. М. С. Чудновская.

89. Любощи, сватання, весилля.

I. Пряныкы зъ любощами.

У насъ на храму уже звычайно хлопци купують діѣвкамъ прянікывъ. Ну, я братель брала, а іѣсты не іѣла. Возьму та небожатамъ або такъ діѣтямъ пороздаю.

— Чому жъ вы самы не йилы?

— Боюсе. Думаю, що може вуонъ до бабы ходывъ, щобъ нашептала. Та ще якъ иззіѣмъ, то якъ прыйде свататы, то й нехотя пиду.

С. Жевель Черниговскаго у М. Н. Гринченко отъ дивчины. 1899.

II. Щобъ хлопци вѣязлы.

Дивчатамъ годиться носыть завѣязаною въ кышени першу бубешку пивоны, щобъ хлопци вѣязлы.

М. Веркѣвка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

III. Ворожиння на сонъ (за кого замижъ).

Треба на червоному пояси самою правою рукою завѣязаты тры вузлыкы, якъ лягаешъ спаты. Завѣязавшы першый вузлыкъ, прокажы: Узлыкъ вѣязу, на сонъ закладаю, деньочки считаю: четвергъ за пѣятницею, субота зъ недѣлею, понедѣлокъ зъ овторкомъ, а середа одыныця, то моя сестрыця, вона менѣ правду скаже. Уши чуйте, очи бачте, менѣ сповѣщайте: хто мене желае, той менѣ прыснеться.

Завѣязавшы другый вузлыкъ, каже те саме, тилькы кинчае такъ: кого я желаю, того я побачу. Третій вузлыкъ вѣязавшы—те саме, тилькы на кинци таки слова: зъ кіѣмъ пудъ віѣнцомъ стану, той менѣ прыснеться.

С. Осняки Черниговск. у В. В. Полуботкова.

IV. За якого выйдешъ замижъ.

На багату кутю треба питы, де ночують коровы и

заплющывши очи, простягты руки до коровы: якъ падешъ за хвистъ, то пидешъ за багатого, якъ за рогы— за бидного, а якъ за спыну, чы за що инше—то за середного хазяйна.

Записала отъ Ив. Сапѣги, въ с. Выбляхъ, Черниг. у. М. С. Чудновская.

V. Старосты.

У туій хати, де есть дивчата, годыться сидать за разъ прышовшы, щобъ старосты сидалы.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

VI. Сватання.

Якъ парубокъ нiякъ не высватае соби дивкы, то треба питы до батюшкы, попросыты пырога и зъ тымъ пырогомъ иты свататься,—буде удача.

Прыйшовшы свататься, треба ступыть попереду правою ногою на поригъ, а правою рукою узяться за колочокъ и сказаты: йиду на судъ, йиду на ведмеди, гадыною поганяю, стою якъ овечка,—не мовте про мене ни словечка.

С. Выбли Черниговск. у. М. С. Чудновская.

VII. Весилля.

Годыться на весилли въ хати по кучочкахъ повишати немолоченого жыта, щобъ молодымъ було жытте шаслыве.

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей.

VIII. Щобъ зъ чоловикомъ зiйтися.

Щобъ исъ чоловикомъ зiйтися, треба питы до церкви, купыты дви свичкы, поставыты передъ царськымы вратамы, статы навколишкы и казаты: Во имъя Отця и Сына, одступыся, нечыста сыла, да вселься Духъ святой и возлюбы насъ такъ, якъ насъ Богъ возлюблявъ, якъ

мы возлюбленно пудъ винцемъ стоялы, и якъ насъ ба-
тюшка благословлявъ, и на насъ винци надивавъ, щобъ
такъ мы й вику доживалы у радости, веселосты и бла-
гословенно неосужденно.

И треба симъ разъ сказать: Господы, помылуй! Го-
споды, просты грихы мойи! Господы, благословы!

Черниговъ. М. Н. Гринченко 1900.

90. Варыво.

Якъ шо варыво стане слызьке, треба його поми-
шать горячою кочергою, або укынуть у дижку конопель
плоскуней.

Записала отъ Горпины, крест. с. Лукашевки Черниг. у., М. С. Чуд-
новская.

91. Дижа.

1. Глянувшы въ дижу, колы въ ній сходыть тисто,
треба безпреминно цмокнуть, щобъ хутній сходыло. Не
цмокнуть—грихъ.

С. Евминка Остерск. у. Г. С. Неводовскій.

Не можна лыты въ дижу окропу—дижа запарыться
и хлибъ не буде сходыть.

Славяносерб. у. Екатериносл. губ. М. Н. Гринченко. 1892.

2. У чыстый четверъ до сонця бабы выносять у
сины пекельну *) дижу, покрывають чыстою скатертю и
одна уже пытае: «Де це дижа?» А друга одказуе: «Пишла
говить.» Себъ то уже на те, щобъ дижа не портылась,
и щобъ бувъ смашный хлибъ.

С. Выбли, Черниг. у М. С. Чудновская.

*) Ту, шо въ йй хлибъ печуть.

92. Одежа.

1. Щобъ плаття биле було—перы його на масныци, або якъ сады цвितуть.

2. Якъ надинешъ навыворотъ одежыну, — напасть буде, а щобъ пройшла, — кынь на землю и тоди вже вдруге надивай.

Оба номера: М, Веркiевка Нѣжинскаго у. Е. Н. Гаврилей.

93. Чы гарна на жыття хата.

Якъ закладають хату, то кладуть на туимъ мисци на нуичъ повернету сковороду, и якъ сковорода буде мокра, то жыття буде погане, а якъ суха, то гарне.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

94. Щобъ у хати не велыся прусы, жуки, жабы.

1. Отъ якъ я въ своей сестры звела цыхъ *москалювъ (прусы)*. Мени одна баба сказала, та не знаю, чы на смiѣхъ, чы й справди, шо такъ треба йихъ изводить. Ну, я такъ и зробыла. До сходуъ суонца набрала йихъ изъ добру жменю, высыпала въ постуоль и везу на рынокъ.

— Що жъ то за рынокъ?

— То въ насъ у селiѣ такъ: одна вулиця туды пошла, а друга туды, а мижъ йимы такъ якъ бугоръ—ото зветься рынокъ, або ще ростанне. Такъ я везу йихъ, а сама собiѣ голошу: «Ой Боже муой, Боже муой!...» Такъ значыть баба мениѣ сказала. Вывезла на бугоръ и тамъ покынула съ постоломъ, а сама пошла не оглядаючысь. Такъ шо вы скажете? Не буольшъ. якъ недiѣль черезъ три чысто всiѣ звельсе.

С. Жеведь Черниг. у., М. Н. Гринченко отъ дивчины.

2. Прийшовшы зъ похорону, лапайся за комень, або за прыпичокъ, щобъ жуки звельсь.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

3. Щобъ у хати не було жабъ, треба у чыстый четвергъ обмesty хату виныкомъ.

С. Выбли Черниговск. у. М. С. Чудновская.

95. Огонь у хати и на поли.

I. Щобъ огонь горивъ.

— Оце въ васъ и доси въ груби не горыть? Вы огонь постыдуйте, такъ и займетьсе.

— Якъ то огонь стыдовать?

— А отъ я заразь: «Стыдно огню, шо дрова на верси!» (каже голосно й зъ докоромъ).

— Отъ и не пособылося, и не займається.

— Треба дужшей: «Стыдно огню, шо дрова не верси! Ай стыдно! Ай—яй якъ стыдно! Ай, шо то за вогонь, шо дрова на верси! Ай стыдно!» О, бачыте—уже й зайнялося.

М. Н. Гринченко. С. Жеведь Черниговск. у. 1899

II. Щобъ огонь горивъ.

Мы якъ пасемъ овечкы, такъ огонь кладемъ: мы соби, а хлопци соби. Такъ мы въ хлопцивъ крадемъ шобъ у насъ бильший бувъ, а то ще, й прыказуемъ:

Горы, горы жарко!
Прийиде Захарко.
Самъ на кобыли,
Диты на лошатахъ,
Слугы на собакахъ.

Такъ и-и жарко горыть!

С. Жеведь Черниговскаго у. М. Н. Гринченко. 1899.

III. По огню ворожыты.

Мы весною якъ пасемъ овечкы, такъ день такъ *истегається*.

— Якъ то истегається?

— Значыть довгий дуже. Такъ мы огонь кладемъ и по огню визнаемъ, чы довго до вечора. Якъ биластый огонь, такъ швидко вечеръ, а якъ червоный, такъ нешвидко.

С. Жеведь Черниговс. у. М. Н. Гринченко. 1899.

96. Скотына.

I. Щобъ пишло у руку.

Якъ купышь у кого яку скотыну, чы птыцю, та вона почынае хворить та марнить—не йде у руку, то треба, щобъ хто небудь изъ симъйи перекупывъ, щобъ скотына, значыть перейшла, черезъ руки, и тоди вона поправыться и можпо буде розвесты. А то бувае така погана рука, шо зроду нельзя ничего завесты.

Записала отъ Горпины Ермоленко изъ с. Лукашовкы Черниг. у.
М. С. Чудновская.

II. Яна масть буде у руку.

Щобъ угадать, якои масти заводыть скотыну, коней, чы тамъ яку птыцю, треба, побачывшы уперше ластивку, пиднять зъ пидъ правойи ноги земли, высушыть ййи и тоди, розломывшы, знайдешъ тамъ волосыну. Якого цвиту буде волосына, такойи масти и заводъ чы коней, чы шо инше: буде добре вестысь.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. М. С. Чудновская. См. № 43 й этой книги.

III.

Якъ идешъ кумувать байстрыты-хлопця, такъ объ-

яжы по голому тилу обротъ, а дивчыну—такъ налыгачъ: скотъ у руку йтыме.

Якъ идешъ кумовать до дивкы, такъ кумови годыться пудвязаться обротею по тилу, а куми налыгачемъ, щобъ скотъ водывся.

IV.

Новитню скотыну загодовуй мишаныною зъ пашни—гладке буде й привыкне скоро.

V.

Выганяючы вперше скотыну на пашу, треба розо-слать поясъ у воротяхъ, зачепышы середъ його замкну-тый замокъ, тоди й переганяй черезъ його скотыну, взяв-шы въ руки шматокъ стали, пугу й сяту воду и тоди вже махны трычи пугою й кропы сятою водою; зробыв-шы осе усе, не страшно щобъ скотына заблудыла, або ййи вкрадено, чы вовкъ изивъ.

Уперве пастуху не годыться хлиба брать и ничего не йсты, щобъ циле лито скотъ уберигся одъ вовкуивъ.

VI.

Якъ сохне и чавядіе людына, чы скотына—годыться, щобъ хто закупывъ и давъ задачи хочъ бы й шагъ—вы-людніе.

№№ III—VI записалъ въ м. Веркiевкѣ Нѣжин. у. Е. Н. Гаврилей.

97. Корова.

I.

Куплену корову обведы трычи въ хлеви кругомъ сохы, щобъ скорій привыкла.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

II. Щобъ у коровы прыбуло молоко.

Обвязавшы ниткою окраецъ хлиба, треба спустыть його у колодезь, такъ, що якъ за ничъ прыбуде вода, щобъ винъ бувъ у води. Вранци вытягны сей хлибъ зъ колодезя и дай ззисты корови. Одъ сього у коровы побильшае молока.

III. Щобъ корова давала багато молока.

Якъ корова тильна першымъ телямъ, то на послиднихъ дняхъ треба провертить йій рога и положить туды ладану: буде давать багато молока.

IV. Якъ добувають гарну сметану.

Ты хочешъ мать такую сметану, якъ у мене? Добре, я тебе навчу якъ се зробыть. Возьмы икону и уопивночъ заходь по мене.—Я такъ и зробыла. Уопивночъ узяла икону и прыхожу. Повела вона мене на растаньки.— Поплюй же, каже, на икону и жды, та ничего не бійсь: заразь до тебе будутъ приходыть усяки звиры и гады.— Усе сее, хай мене Богъ простыть, я зробыла и бачыла, якъ стали пидходыть вельки табуны жабъ, гадюкъ, ящерокъ, усякихъ звирюкъ и птыць. Я дывылась и не пужалась, поки щось не загуркотило и не прыйшли страшенни черты зъ рогамы й съ хвостамы. Я дуже злякалась, хопыла зъ пидъ себе икону и стала хрестыться. Черты стали утикать и крычало:—А колы молышся Богу, то насъ не зовы!— Косы у мене стали дыбомъ, я не своимъ голосомъ стала крычать, звать ту жинку, що прывела мене сюды.

— Бачъ, каже жинка, якъ достається намъ гарна сметана. Мы й самы знаемъ, що грихъ, та не можемъ уже одкастаться одъ биса.—Писля такого страховынни я занедужала, пролежала цилый рикъ и чуть-чуть не умерла; та ще видно Богъ пустывъ душу на покаянiе.

V.

Якъ несешъ молоко черезъ дорогу, то трошки посолы.

VI.

Якъ берешъ у кого молоко, то вылившы, вкнь у гладышку хлиба й солы.

VII. Направыты порчену корову.

У опивночь треба узять великый, якый хочешъ, щобъ корова давала молока, глекъ, набрать зъ колодезя воды и йдучы додому, штовхны глекомъ першого, кого зустринешъ, бо то буде видьма. Такъ якъ зробишь, порчена корова поправытсья и буде багато давать молока.

VIII. Перелогы у коровы.

Треба даваты корови тры зори по тры жмени усякойи пашни. Тилькы якъ корови зроблено,—треба просыть знахара, бо корова не буде сйи пашни йисты. №№ II—VIII записала М. С. Чудновская, изъ нихъ № II въ с. Лукашовкѣ Чернигов. у., №№ III—VI и VIII—въ с. Выбляхъ того же у., а № VII отъ крестьянина Курской губ. Рыльского у.

IX. Змовленіе перелоговъ.

Литѣль орель сизокрилий дай сѣлъ наколючей груши якъ тую грушу нельзя безъ сокири срубаты безъ огня спалиты чтобъ такъ невозможно перелогамъ жольтой косты червоной крови какой шерсти ломиты три раза въ одинъ Духъ. (Правописаніе подлинника).

Изъ рукописи: «Примѣты Разныхъ примовъ Просто народія», сообщенной М. Л. Кропивницкимъ.

98. Кинь.

1. *Щобъ кони не рушылы зъ мисця.* Казавъ мени дядько зъ Дивыци, шо якъ знайдешъ таки стрючки, шо по девъять горохвынь, то тры такихъ стрючка положи у визъ молодымъ и скажи: девъять четвертей гороху, десята невеста, щобъ не повезлы кони зъ миста—и кони зроду не повезуть. Я такъ разъ и зробыла. Коней пидъ молодыхъ такихъ страшенныхъ запрегли: такъ ажъ хрупуть, та рнують землю копытамы. Выведемъ, кажуть, йихъ зъ двору, щобъ ще молодыхъ не побылы. Сталы выводить, такъ ажъ дуга скрыпуть, такъ рвуться. Ну, думаю шо съ сього буде! Дрыжать кони, насылу молодыйи посидалы. Посидалы, и кони утышылысь: Но, но!—та хочъ ты шо, не йдутъ кони; былы, былы, такъ трохи рвонулы, та й зновъ сталы. Повылазылы тоди молодыйи зъ саней, усе поскыдалы, и тоди вже кони такъ пошлы, шо ажъ страшко було. Съому правда, ось колы хочете и самы звирте. Такихъ стручковъ по девъять горохвынь улитку можно багато найты, а слова си замитьте.

Записала отъ Орины Непомвящей, въ с. Выбляхъ Черниговскаго у.
М. С. Чудновская.

2. *Потного коня якъ напуваишь.* Якъ пойишь потного коня, то треба сказать: Добрыдень, водыце-царыце! Богъ тебе создавъ, попъ светывъ и намъ пыть веливъ. Ты, скотынок, не опывайся и на себе не оглядайся, воронойи шерсти, воронойи масти.

Записала въ с. Выбляхъ Черниговск. у. отъ Петра Муцкаго М. С.
Чудновская.

99. Свыни.

1. Першымъ хрестовальныкамъ дають по пари яецъ, щобъ родылысь кабанци чысти, а не кишкуны.

2. Щобъ не було икловъ, поросятамъ одкусують хвосты крузь пелену.

3. Побачывши на поли въ жныва першы полукипокъ, вырвы зъ його скуилько тамъ колоскуивъ и нумы загодуй кабана.

№№ 1—3 записаль въ м. Веркiевкѣ Нѣжин. у. Е. Н. Гаврилей.

4. Щобъ поросять не хваталы вовкы, треба йимъ поодкусувать зубамы кинчыкы одъ хвостивъ да й поховать за пазуху.

М. Исаенко въ с. Голенкѣ, Конотопск. у.

100. Ягнята.

Пры кинци молотбы, оддай снуипъ жыта овечкамъ, щобъ ягнята кучеряви родылыся.

М. Веркiевка, Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

101. Гусенята да курчата.

1. Моя покоуйна матка було якъ вылуплютьсе курчата, такъ забере йихъ у прыпуолъ та й переносыть черезъ поруогъ сюды та туды—не знаю, чы шiѣсть, чы сiѣмъ разуовъ, щобъ вороны та коршаки не хваталы. А гусенятокъ було якъ почне мучыть, такъ ажъ дывытьсе жалко. Заразъзапалыть страшну свiѣчку и прысмалое йимъ голуовкы. Да прысмалыть, а тоди ще й капне. Господы, жалко дывытьсе! Тамъ же голуовочка така, що такъ наче до муозку й пропече. Тоди набере пуху сь кубла, де гуска сьдiѣла и вербы святойи, а гусенячь пудъ решето та тымъ пухомъ та вербою и пудкуруе. Такъ воны такiе стануть, якъ пьяныы. И шо вы думаете? Не хваталы въ насъ вороны. Ну, та въ насъ, сказаты, й гусакы такiе булы злыы, шо не дадутъ, бо мы йихъ перцемъ загодувалы.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко отъ дивчины въ 1900 г.

2. Щобъ гусенятъ да курчатъ не хваталы шулякы, треба йимъ попрысмаковать страсною свичкою головки тоди, якъ повывуплюються.

М. Исаенко. С. Голенка, Конотопск. у.

102. Бджолы.

1. Пасика, се такє дило, що треба багато де чоґо знать, щобъ вельсь пчолы, щобъ получать зъ йихъ барышъ. Другый пасишныкъ якъ ходыть коло йихъ, а глядышь, то рій утикъ, то нападъ, то гнылецъ, або зовсимъ пропадутъ зимою. А хто знає, то ничоґо сього не бойтыся. Отъ хоть бы мій батько, царство небесне, винъ усе знавъ, и яка въ його була пасика! Знимаючы роя, винъ каже, не светою водою треба побрызкаты пчолы, а тїєю водою, що набрато у чыстый четверъ до схидъ сонця. А рій було зроду не втече: выйде, и якъ нема никого у пасици, сяде и дождыдає хазяйина; а одынъ разъ не було батька, а я ще не вмивъ ходыть коло пчоль, отъ ажъ тры ройи и втекло, не дождавшысь хазяйина.—Такъ и такъ, кажу, батьку, утеклы ройи.— Ну, дарма, иды на схидъ сонця и дывысь, воны вернутыся.—Пишовъ я, дывлюсь—летыть одынъ, другый, а потимъ и третій. Поприлеталы и посилы у пасици, тамъ батько йихъ и познимавъ.

Также знають пасишныкы и одъ напади, и одъ гныльця, и пчолы у йихъ добре ведутыся.

2. Щобъ не було напади на бджолы, щобъ бжолы булы злыє и дужыє, треба заґодоваты йихъ медомъ зъ перцемъ.

Записала оба номера отъ Хведора Новика въ с. Выбляхъ Черниговск. у. М. С. Чудновская.

103. Садъ.

1. Щобъ добре родыла садовына, треба на голодну кутю обязать дерева соломою.

С. Выбли Черниговск. у. М. С. Чудновская.

2. На риздвяныхъ сяткахъ годыться до щедройи кутти смиття въ хати замитать пидъ покуть, а тоди обкурювать йимъ садъ и трусуть пидъ жодне дерево, щобъ хвья не нивечыла й зржай добры бувъ.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

104. Городъ.

1. Щобъ *гарбузы* byly солодки, треба посадыты у пичъ коржа, а тоди иты садыты гарбузы.

2. Щобъ було на гарбузахъ багато завези, треба попереvязувать йхъ тьма ныткамы, шо перевязувалы ковбасы.

3. У той день, якъ збираються садыть *цыбулю*, не можна сердыться и лаяться, а якъ идешъ садыть, треба поцилуваты чоловика, чы такъ кого, щобъ *цыбуля* була солодка.

№№ 1—3 въ с. Выбляхъ Черниговск. у. записала М. С. Чудновская.

4. У насъ на Покрову де не пойды, такъ бабы зъ виѣнками бiѣгають,—*цыбулю* черезъ огонь переводють, щобъ у стрiѣлки не йшла. Оце запалють солому, да всiѣ чысто виѣнки й попереvодють черезъ огонь.

С. Жеведь Черниговскаго у. М. Н. Гринченко въ 1899 г.

5. Щобъ не *йивъ черьякъ* городыны, встрымы въ городи зъ труны триску.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

105. Поле.

1. *Щобъ у хлиби не було спору.* Одна жинка хотила, щобъ у ййи ворога та жыто не було спорне—щобъ то вже увесь споръ перейшовъ у ййи хлибъ. Отъ вона и посилае наймычку на ворогову ныву исказать таки й таки слова. Дивка полинылася иты на поле, та пидйшовшы до дуба и промовыла той заговоръ. Не вспила вона ще й додому вернуться,—якъ понесе зъ дуба лyste, та усе до сйи жинкы у двиръ,—такъ за яку годыну дубъ чысто и оголыло. Оттакъ бы було и зъ хлибомъ: чысто увесь споръ перейшовъ бы у хлибъ до сйи видьмы.

Записала отъ Орины Непомнящей въ с. Выбляхъ Черниговскаго у М. С. Чудновская.

2. *Заговорыть споръ.* Коны хочешъ, щобъ у твого ворога не було спору у хлиби, тобъ то, якъ стане пекты, го щобъ хлиба выходыло не бильшъ нижъ муки, то треба на Юръя до сонця намиткою зобратъ на його жыти росу.

Записала отъ Ульяны Килочицкой въ с. Выбляхъ Черниговск. у.

М. С. Чудновская.

3. Увесь риздвяный тыждень печуть хлибъ зъ несяного борошна, щобъ жыто родыло.

4. Щобъ бувъ гарный головныстый льонъ, треба у коробку, якъ сiють, положить двое вареныхъ яецъ.

5. Якъ забудешъ у печи хлибъ печучы, то не йижъ його—забудышь, а якъ хочешъ повернуть його на корысть соби—обойды зъ нымъ до схидъ сонця трычи просо, чы конопли—птыця не нападе.

6. На куттю годыться пидкладать довгого сина на покути, щобъ льонъ высокы рись.

7. Щобъ горобци не пылы проса, треба, роздягшысь, трейчы оббиты круга того мисця, де посходыло просо.

№№ 3, 4 и 7 записала въ с. Выбляхъ Черниговск. у. М. С. Чудновская, а №№ 5 и 6—въ м. Веркиевкѣ Нѣж. у. Е. Н. Гаврилей.

106. Щобъ дощъ ишовъ.

Пидь засуху, щобъ дощъ ишовъ, вишай на тынъ
земляного рака.

М. Веркіевка Нѣжин. у. Е. Н. Гаврилей.

107. Бычь на ципь.

Молотныкы миряють дубынку на бычь корхамы й
приказують, переминаючи корхъ за корхомъ, такъ:—Ма-
гай-би!--Здоровъ! Чого ты прышовъ?—Дубынкы на бычь,—
позычь!— А покы?—Одпоти.—Одрубай!

М. Веркіевка Нѣжин. у. Е. Н. Гаврилей.

108. Щобъ була удача.

Якъ хочешъ, щобъ гарно ловылась рыба, чы щобъ
побываць багато дычи, чы тамъ що инше, то якъ ска-
жуть на первый день Паскы: «Хрыстось Воскресъ!»—ска-
жы: а у мене рыба, чы що друге, е.

Записала въ с. Выбляхъ отъ Дорофея Мулача М. С. Чудновская.

109. Щобъ була удача на охоти.

На первый день празныка треба питы на кладовы-
ще зъ ружжомъ, и якъ тилькы уперше ударять у дзво-
на на утреню, треба выстрелыть. Якъ се зробишь, то
будешъ багато побываць дычныны.

Записала отъ Ул. Килочицкой въ с. Выбляхъ Черниговскаго у.
М. С. Чудновская.

110. Угадать, чы знайдеться пропажа.

Одрижъ видъ звона, шо на звонци, шматокъ верьовкы, укачай, розскубшы, у вискъ, и тоди сюю свичку поставъ у церкви догоры и прымичай: якъ свичка згорыть уся, то й злодій прыбижить и пропажа знайдеться.

Записала отъ Васылыны Шульгиной въ с. Выбляхъ Чернигов. у.
М. С. Чудновская.

111. Злодіеви одъ суда спосибъ.

— Знаете, у насъ такъ кажуть, шо якъ оце горыть у печи або въ груби, и выскочыть вугиль, такъ його злодійи ховають и якъ идуть на судъ, такъ изъ собою беруть. Такъ, кажуть, хочъ якый злодій, а выскочыть.

— А якъ же по вашому—це такы пособляе?

— Якъ справди попадеться, такъ лыха пособыть,—посыдыть увъ острози.

С. Жеведь, Черниговск. у. Б. Д. Гринченко.

112. Изъ старой рукописи.

Ниженапечатанное представляетъ выписки изъ старой рукописи въ четвертушку, бывшей въ полотняномъ синемъ переплеѣ. Осталась въ цѣлости только верхняя доска переплета, и нѣтъ поэтому возможности опредѣлить, не утраченъ-ли конецъ книжки; въ срединѣ же нѣкоторые листки цѣликомъ или частью вырѣзаны. Записи (малорусскія, отчасти церковно-славянскія и польскія) сдѣланы различными почерками. Главная часть рукописи озаглавлена: «Інструкци албо тежъ Способи Довшелякихъ писарскихъ Потребъ Інформацї Ідоклади: всей книжци обрѣтаются Розмаїтие». Внизу на лист-

какъ этой части приписка: «Сия книга глаголемая Листовня Священнаго Иерея Даниела Родомъ слободки; Богушковой; Захариевича Поппрозвизку Гирмана; и Братовъ его Демяна И мойсея; А сия списася вся вмяртвоводѣ наперевозѣ; взѣмовнику; Богомяртвоводскомѣ; Року .д; ѱ; к.. (1720) мѣсяца Декамѣврия;..... рукою его». Это ничто иное, какъ собраніе различныхъ шаблонныхъ формъ (до 40), по которымъ въ то время писались официальные бумаги. Оригиналъ, съ котораго списывалъ іерей Даниилъ Захаріевичъ Гирманъ, былъ, однако, старѣе 1720 года, такъ какъ въ первомъ номерѣ образцевъ («Листъ Подорожній Который якимъ Способомъ пишеться») стоитъ фраза: «Подреементомъ Ясне Велможнаго Его Милости, Пана Івана Іллѣча с(к)оропадскаго, обонихъ сторонъ днепра; *ново избраннаго* Гетмана». Къ этой основной тетради кто-то прибавилъ меньшія тетрадки, даже отдѣльные листки, писанные иными лицами, и переплелъ все въ одинъ переплетъ. Въ добавочныхъ частяхъ заключаются, кромѣ всякихъ пробъ пера и чернилы, такіе-же образчики, какъ и въ основной части, «лекціи зписма святого», нѣсколько польскихъ стихотвореній и образцевъ писемъ, различныя замѣтки (записи дней рожденія и смерти дѣтей, отрывки, повидимому, черновики проповѣдей и пр.), нѣсколько стихотворныхъ «Нарождество Христова орацѣй», «на воскресеніе Христова повѣншованіе», «суплѣка навеселье» и затѣмъ то, что напечатано ниже.

Печатаемое находится въ рукописи не вмѣстѣ, но записано въ разныхъ мѣстахъ, прерывается иными записями. Мы печатаемъ все въ такомъ порядкѣ, въ какомъ оно стоитъ въ рукописи, опуская «орацѣй» и всякія замѣтки, относящія къ инымъ предметамъ,

Вслѣдствіе ограниченности средствъ типографіи нельзя было не только сохранить церковно-славянской азбуки, но пришлось раскрыть и титула. За этимъ исклю-

ченіемъ мы старались точно передать всѣ подробности рукописи. Если случалось иногда вставить пропущенную переписчикомъ букву, то каждая такая буква стоитъ у насъ въ скобкахъ.

Рукопись сообщилъ намъ И. М. Руденко.

**Оие Сказаніе Опчелахъ Любото отсвѣтаго зосима чоия
не знаю;**

Сказаніе И наука; Насвѣтъ вечеръ Рождественскій. Потреба достати Риби щуки Изробити ей отрѣзати голуу албо иноу Риби аби зикроу толко шобъ била живая вибери знеи икру исховай исушивши Іякъ будешъ пчели годовати, Розотри тую икру измѣшай змедомъ ичебрецемъ, изборсуковимъ саломъ, и мало потрусить Ледовою солзю, и тое даючимъ мовить, Якъ риба тая по водѣ гуляеть, албо вморѣ или врѣкахъ, плодна иродна, и весела, божимъ повеленіемъ исвѣтаго Зосима аминь; такъ би мой пчели весели били. Сврѣда и врѣда; замолитвами Свѣтаго Зосима;

Насвѣтъ богоявленскій вечеръ якъ свѣтитимуть воду возми жъ тоей води наперед, и мовить такъ, якъ до тоей води т(о)вплется люде з(о)хотоу веселячись, та(къ) би мой пчели радовались и веселились испасѣки у поле по роботу идучи, а исполя допасѣки, абимоцни й здорови, Забожиеу помощию, и замолитвами Свѣтаго Зосима; потреба мовити я(къ) безтоей води Люде не могутъ обитися такби мой пчели от моей пасѣки немогли нѣгде отйти, толко абися множили Ройли и плодили, Замол(и)твами пречисто богородици исвѣтаго отца Зосима, И тую воду отроку дороку упасѣцѣ своєї держати; а на кажды урочитий празникъ тоею водою окропляти;

А коли будешъ випускати пчели, насвѣтаго Алексѣя Человѣка божия то посеред пасѣки викопай дернину малую и обнеси пасѣку тоею дерниною трижди; Затре-

тимъ же разомъ притикай тую дернину до каждого улъя и мовь такъ, якъ тая земля не можетъся рушити Истога мѣста и мисли тоей немаєъ; такъ би от моей пасѣки нѣгде розно немислили ити рой и парой *), от мене Господаря своего през божие повеление и за молитва ми святаго Зосима, И положи тотъ дернокъ Где его викопавъ и прибиъ приколнемъ найденимъ тимъ що конь припинають—А когда будешъ выпускати то пускай скрозъ щучую Голову; и мовить такъ якъ тая Риба вморѣ гуляеть буюеть Родна и плодна и весела, такъ би мой пчели Гуляли буюли и били весели,—плодни и родни, якъ шуки Риби вшелякая Риба боиться, и лякаеться такъ би и отъ мойхъ пчолъ, чужие пчоли лякали и моцне втѣкали, молитва ми Святаго Зосима;

А коли будешъ выпускати то возми огню на вущо положи ладану цвѣту житнаго; акъ упершое побачишь та нарвешъ тотудажъ изладаномъ искин и рибячую икру тую що на святи вечер заховаешъ и покади каждый улѣй, И мовь Господи Боже прѣйди мнѣ напомощъ, и вси свѣтѣй поможите мнѣ тактеж молитва ми святаго Зосима; а васъ пчели выпускаю на вшелякѣй цвѣтъ от бога даннѣй, идѣте божимъ повелениемъ начотири штуки; свѣта се-го; аби есте Гуляли Зродостию молитвам святаго Зосима Амин: Аще Хладно будетъ насвятаго Алексея виставляти пчолъ то влѣзши впогребъ поворушити мало, каж каждый улѣй и мовити божиею Помощию святаго зосима нуте пчели Роботу зачинайте бо уже часъ вамъ пришолъ, зачинати дѣло богу на офѣру и мнѣ на пожитокъ;

На Благовѣщение когда дадутъ Просфору всенощную то принести до пасѣки тактеж и оливи естественния, И мазати улѣй **) Господи Боже когда благовѣствовал Архангель дѣвѣ зачатие, и зачатъ предвѣчное слово

*) Т. е. ройи и парой. Рукопись не различает **Й** отъ **ИИ** и въ обоихъ случаяхъ ставитъ надъ **И** одинъ и тотъ-же значекъ:

**) Т. е.—улѣйн.

такъ благослови и моймъ пчеламъ зачати дѣло робити, начастй рой (*) на густй меди; от влаги земной и от роси небесной и от всѣхъ зель цвѣтушихъ; и держи тую проскуру у пасѣцѣ, и на великден освяти медъ, и коли будещъ Загодововати то давай тотъ медъ для врокувь I для зносу;

На воскресение что возьмешъ дари, и артуса то тое сушити и ростерши пчеламъ давати; и мовити я(къ) тиснулися люде до дари и артоса так би тиснулися до моей пасѣки пчели и рой; божиею помощию и молитвами Святаго Зосима; Аминъ;

Когда по бачишъ перше цвѣтъ нажитѣ то на брати вплатъ, и держати; Когда купишъ у кого Пчели то нахидившись Заглянь внихъ и возми трема персти Землѣ и кинь наних навхрестъ, я не з(е)млю то беру. но беру себѣ спчела ми Рой и парой (***) до своей пасѣки; божиею Помощию И молитва ми Святаго Зосима Заего Святими Молитва ми Спаси нас Аминъ Конецъ.

Аще ехидна кого угрызеть: и хто тебѣ искажетъ тоистого мѣсця нейди; и непоступи; кажи води принести; и сие трижди измовъ; дай напитись и рану омити;

На полѣ на потоцѣ стойтъ дубъ крѣсловатй, А(на) томъ думѣ гнѣздо золотое крѣсло; аутумъ Гнѣздѣ сидитъ гадина царица черница; и приходила до ней лютая половая Гадина; и прохала ей; Гадино царице чернице ходи до мене вимовляти и вишѣптовати отъ кузя зуба; и вона ей не послухала и не пошла и я Рабъ Божй; имя рекъ: пришовъ до ней и ставъ ей прохати Гадино царице Чернице Ходи до ме(не) вимовляти и вишѣптовати отъ кузя зуба; и вона мене послухала и пошла; и тая Гадина Котора шкоду учинила; Рабу; или стьчинѣ ткой масти] то нехай бѣжить доакиян моря Где Собѣ право Знайдетъ, тамъ ей хвустъ понерестѣю отпадетъ;

(*) Т. е. на частыйи ройи—см. примѣчаніе выше.

(**) Т. е.: ройи и паройи.

А сей Рабъ Божй Где води напеться та(мъ) ему и минеться (другими чернилами:) скоропаха; путиха домаха;

Аще перелогои Ъо(н)я нападуть; то трижди мовь такъ;

Ишовь Господъ Богъ моремъ золотимъ мостомъ
Стрѣвъ потокъ; мару покусу Згинь маро покусо; ставь
Господъ Богъ судй судити; Господу Богу нагавицѣ
судьямъ Рукавицѣ; а чорту перелогои; через божое Рос-
казане возми ти чорте свой перелогои отрижой; отъбѣ-
лой кости и пуди намхи на болота Где и голос христи-
янскй незаходитъ; И потягти трижди зачолку; и за
фостъ; и по боках ниць рукою ударити; трижди по
трижди:

Кровь чловѣкови замовляти;

Е вморѣ шука та врѣжу пупа та кровь не пуйде]
—Цмокни трижди пучки стуливши: Палцей трехъ догори
своей руки;

Черви вишѣптовати; учловѣка;

Ишовь святй Адамъ несъ четверть мяса А втой чвер-
ти тридевятъ червяковъ; неодинъ; недва; нетри нечтири;
непять; нешѣсть; несѣмъ; неосмъ; недевятъ; трижди такъ
мовь Заеднимъ духомъ;

Кровь опять; замовляти и такъ;

Ехавь Святй Юрей истрема хортами Кривѣ замов-
ляти, а тй *) хорти кривѣ клептати; кон ставь и онъ
ставь, хорти стали и кровь стала; И се трижди Заед-
нимъ духомъ;

Аще нориця у коня Ежели есть Тжаби сѣкти тие
що у погребѣ и класти до тих ран и еше зѣлемъ

*) Т. е.: тыйи.

засипати, тимъ що нашталтъть бедринцю; или муравею Парити И тие рани промивати;

Лѣкарство статчинѣ;

Ящерицѣ палити и ока засипати; аще естъ бѣлмо; то гадячее Линовище терти; та засипаѣ

Зѣлье Старовина аще дитя накричитъ луно то тое класти, варивши И окладати;

Аще кого утроба животь возьметъ то потреба Горѣлки Ладану Галуну, И тое у невеликѣй Горщикъ И вхлѣбъ Замазати та уже Пяти натѣще

Аще у кого волосъ естъ то потреба шукати по долинкахъ зѣлье естъ, коло краю зубчики, а оно нашталтъть буквицѣ толко трохи круглѣшее; *)

Аще гостецъ уротѣ псуеть; то потреба Сапарину напродѣ утерти, А потомъ мишаку; Селемоняку; Маркурь; бѣлила того що жонки малюются; А иктимъ теди речамъ естъ Зѣлья и тое Зѣлье противку тихъ усе удвое потреба давати; испатокою измѣшавши; и павутини потреба умѣшовати; и шванокъ тотъ шмаровати; Опять ялового Репяха; и потреба варити противъ каждой суботи; идосходѣ слонца напиватися и голову банити: а у борщѣ варити;

Бѣлмо у коня албо у вола:

То знайшедши пчоль Спалити и тимъ засипати; Аще непородитъ яка невѣста отрочати то треба коколю, и курит, албо мови тие слова.... **)

Отфрибрибри, виписоватъ на просфурѣ, небеснихъ войнствѣ, албо тропар аверкию, и кондакъ албо соборѣ

*) Затѣмъ слѣдуетъ маленькѣй рисунокъ двухъ листиковъ съ «зубчиками».

***) Нѣсколько словъ выцвѣло и неразобрано.

святи аггелъ; и тоу просфору подкраи подложити подъ
антимисъ наслужбѣ

Гнилецъ замовити;

Камень синій Галунъ, перец, Гвоздики, Инбѣръ,
полинъ, и тое докупи змѣшати, и засипати,

Гостецъ

Кропива, щавей великій, Борщъ уваривши на одномъ
мѣсцу держати, и тое подъ трема топливами варити,
и пити;

тактежъ и полуничникъ, по(дъ) трема топливами,
варити, аще гостецъ урогѣ плуеть; *)

аще естъ рана ножная,

Петровъ батогъ корѣня, товкти, любо иссметаню,
любо масть робити

Гостецъ аще ломить кость

Вербу тую которую вѣтеръ албо громъ вивалить
то того Гѣля нарѣз(а)ти и варити мощне; мѣсяця под-
повня; такъ тежъ и насходѣ; и паритис втомъ;

и то водъ гостцу

Зозулѣ забити и варити иссереди начетверъ и до-
сходъ слонца исти, также мѣсяця подповня и насходѣ;
Конямя вудкашлю давати коренъ отмановъ увоброцѣ;
Свершокъ у ухо когда улѣзеть то чорнаго кота

*) Слѣдуетъ *псуеть*. Затѣмъ здѣсь повторено средство отъ
гостця упомянутое выше («Сапарину» etc).

давити щобъ умочився и тое пересолити и взяавши *)
сипати у вухо и то наскоромъ часѣ;

Аще укого францѣ;

Потреба меркурї перше у подлой горѣвцѣ; и то по малой части терти а потомъ удоброй поболше удуху великомъ; мазатис; а пити так треба якъ поболше макового зерна утросе: яр палити; и минѣю не палячи галун палити: и тое укупу усипавши пити угорѣлцѣ

аще жона не погодуе дитяти, то воробинаго проса треба и тое пити..... той хлѣбъ що..... **)

Аще укого Зуби болятъ; То ивину Рубати; и ивернѣ тие варити, и тоею юшкою парити зуби; albo насѣнѣя блекоти увоскъ мѣшати; и свѣчку исукать скрозъ цѣвку смоктати

Отрушницѣ отмовляти;

на чорномъ морѣ Стоить чорнї паколь, а начорномъ паколѣ сидить чорнї ворон, носомъ откловуе крилами отбивас; а ногами отгрѣбае, хвостомъ откивуе, вроки врочища очи очища; очи сѣрие: очи бѣлие очи карие; очи чорние, и ненавистние, Слѣпие, отмоей слоти; вроки, человѣчие, жоночие, удовиние, парубочие, дѣвочие; хлопячие, дивчачие; отмоей слоти;

*) Слѣдуетъ: *взявши*.

**) Не разобрано, такъ какъ выпѣли чернила.

IV.

О сверхъестественныхъ существахъ.

113. Чорта не страшно.

— Одарко, чого вы дужче бойтеся: чорта, чы русалкы?

— Чого жъ його чорта бояться? Одъ чорта перехрестывся, то винъ ничего й не зробить, а русалка якъ попаде, то й до смерты залоскочэ. Я чорта зогласна зустріты, а русалку ни.

— А кого страшнише зустріты: чорта, чы видьму?

— Хто його зна: одъ чорта хрестъ е, а видьма якъ сяде на плечи, то возытymesъ, поky схоче.

С. Жеведь, Черниг. у. Отъ дивчины. Б. Д. Гринченко. 1900.

114. Чортъ конемъ.

Устя та Олена пошлы ловыть бродныкомъ рыбу. Дывляться—ажъ коло ричкы стойить высокый, сирый кинь. Олена була баба смила,—пидійшла до коня, та рукою його по крыжахъ: рука ййи такъ и угрузла. Догадалась тоди Олена, що се за кинь, та давай гукать на Устю, щобъ скоришь утукать, а то винъ, каже, насъ потопытъ у рици. Кынулысь воны утукать, а вода якъ

загуде, наче гримъ. Одбиглы вони геть одъ воды, Олена и каже:

— Ну, теперь не боюсь—не утопышь.

А кинь обизвався:

— Щаслыви, що втекли, а то бъ знали якъ мене по крыжахъ быть.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Р. Поляницы, М. С. Чудновская.

115. Чортъ панычемъ на пасици.

Ночувавъ я одного разу у пасици. Ничъ була темна. Зибралась гроза. Гримъ потроху почынавъ гуркотить, блискавка де-не-где мыгала. А потимъ якъ блысне, такъ и освитыла вкруга, хочъ голкы збирай. Дывлюсь,—коло мене панычъ, якъ есть справжній панычъ: и зъ золотымы кгудзыкамы, и зъ золотымы латочкамы на плечахъ. Що воно за таке, думаю, видкиля винъ узявся? Тутъ уже и дощъ ставъ накрапать.

— Бувайте, кажу, здорови, суньтесь пидъ свытку.

Тилькы шо я сее промовывъ, зновъ якъ блысне! Теперь я уже зовсимъ розглядивъ паныча, шо сидивъ била мене: винъ бувъ дуже худый и дуже чорный, такый чорный, якъ земля. На йогомъ бувъ сиренькый каптанецъ зъ золотымы кгудзыкамы и зъ золотымы латочкамы на плечахъ. Не вспивъ панычъ до мене посунуться, якъ загуркотыть гримъ, я перехрестывся и дывлюсь туды, де сидивъ панычъ, а його и слидъ простывъ. Сказано сатана, бойиться хреста.

Записала отъ Хведора Новика въ с. Выбляхъ, Черниг. у. М. С. Чудновская.

116. Нечысты́й на кони.

Прыйшлось мени разъ побачыць, якъ нечысты́й йихавъ на кони. Бувъ я на ночлизі. Дывлюсь, ажъ йиде на высокімъ сиримъ коні; кинь такі́й ажъ білы́й, та такъ и зихотыць, наче увесь у огні. Проскакавъ вінъ мымо насъ, а тоді зъ кручі у Десну.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Петра Муцкаго, М. С. Чудновская.

117. Нечыста сыла йиде (на велосипедахъ).

Прыйхалы мы пизно на ночлігъ, посідалы у кру-та и сыдымо, колы звеныць. Дывимось, ажъ йидуть два на тыхъ машынкахъ, що на двоухъ колесцахъ. Держаться рукамы за правыла, коло рукъ тѣліпаються били шыро-ки рукава, и десь звоночки бряжчать. Не знаю и що воно таке було, выдно манея яка, або нечыста сыла, та йиде жъ такъ скоро, тилькы зъ мордъ у йихъ искры сыплються. Пройхалы воны кризь насъ по трави, а тоді такъ прямо зъ кручі у Десну—и пошлы по води. Се я свойимы очыма бачывъ и такъ налякався, що Господы! Хоча се мени и не вперше приходыться бачыць.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Петра Муцкаго, М. С. Чудновская.

118. Нечыста сыла голосыць.

Чоловикъ зъ сорокъ хлопцівъ було насъ на ноч-лизі. Тилькы що мы розложили огонь и посилы у кру-

га дожыдаты вечери, шось якъ спугне нашихъ коней, кони видъ насъ—куды видно. Бигалы, бигалы, а потимъ и прыбиглы до насъ табуномъ, мовъ йихъ хто видтиль гнавъ. Прыгнало коней, а тоди шось якъ заголосыть; голосыть и приказуе:

— На шо жъ мене маты породыла?

А потимъ давай стукать объ пень, наче молоткомъ. Такой насъ ошанувъ страхъ, шо не знаю, якъ мы посидали на коней и втеклы зъ того миста. Се мы попали въ недобре мисто, де гуляе нечыста сыла.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у., отъ Р. Поляницы. М. С. Чудновская.

119. Нечыстый просыть перевозу.

Ловылы разъ уночи наши бабы рыбу, тягнуть бредня, ажъ на тимъ боци хтось крыкнувъ, просыть перевозу. Глянулы вони—стойить шось высоке: мовъ чоловікъ у чоботяхъ зъ довгымы халявамы.

— А куды вамъ,—спыталы бабы,—и хто вы?

— Я,—каже,—пепа и треба мени до П—ча.

Якъ почулы бабы, шо йому до П—ча, то булы чысто повмиралы на мисти. Кажуть же, шо до сього чоловіка змій носыть гроши, и наша баба бачыла, якъ надъ його хатою пролетило шось блыскуче. Кынулы вони и бродныкъ, и рыбу та задыхавшысь попрыбигалы додому.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Ивана Ревки М. С. Чудновская.

120. Нечыста сыла несе гроши.

I.

Передъ смеркомъ мы гналы додому коней. Йихало насъ чымало хлопщивъ, и уси мы бачылы, шо передъ нами пролетило красне довге полотно, а искры далеко видъ його такъ и сыплуться. Хлопци, котріе бачылы сее, казалы, шо се нечыста сыла до когось несе гроши.

Записала въ Выбляхъ, Черн. у. отъ Андрея Шульги. М. С. Чудновская.

II.

Жывъ у с. Муравейци бидный чоловикъ, а потимъ той чоловикъ усе багатіе, та й багатіе. Ну, звисно, людямъ и цикаво—видкиля у бидного чоловика берутся гроши? И сталы прымичать, шо уночи и летыть шось до бидного у двиръ—чысто якъ индыкъ, тилькы безъ головы, та дуже блыскуче, з-за пирья усе наче искры сыплуться. А разъ такъ люде пидслухалы, якъ той индыкъ прылетивъ и пытае у того чоловика Петра:

— А шо, багато вже я тоби наносывъ?

А той и каже:

— Та вже чымало, та ще бъ треба мени хоча зъ тысячу.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Петра Курильца. М. С. Чудновская. См. №№ 2—7 этой книги.

121. Чортъ лякае на ночлигахъ.

Бувъ я на ночлизи недалеко коло пасики и ночувавъ зъ дидомъ пасишныкомъ коло будкы. Тилькы шо я ставъ засыпать, колы шось стогне пидъ будкою и каже:

— Я одно, та васъ подавлю.

А потимъ стало ворочать будку.

— Що се,—пытаю у дида,—а морозъ такъ у мене и ходыть по шкури.

Мовчыть дидъ, тилькы чытае молитвы, а воно такъ гуде, такъ гуде, що ажъ деревья стогнуть. Погуло такъ трохы и не стало. Що тоди мы зъ дидомъ полякались!

Записала въ Выбляхъ, Черниг. у. отъ Петра Муцкаго. М. С.
Чудновская.

122. Чортъ коней ганяе на ночлигахъ.

Тамъ *) увечери не можна довго побуть, — дуже сумно покажется, и холодъ пиде по' всьому тили,— звисно вже нечыста сыла тамъ е. Разъ ночовалы тамъ ночлижныкы, коней узялы та й позагоньлы у Городокъ, а самы полягали на валу, тамъ, де мовъ ворота зроблени. Отъ уночи якъ посхоплюються кони, якъ почнуть гасать по Городку, мовъ йихъ що ганяе, ажъ земля стугоньтъ, да ледви кь свиту вже пересталы; дакъ тоди вже годи тамъ коней пасты,—нехай йому всячына.

С. Голенка, Конотопск. у., Черниг. губ. М. Исаенко.

123. Нечыста сыла возыла.

У пятницю проты Велькойи суботы, пишовъ я зъ ружжемъ на поле, бачу йиде карета шестерыкомъ. Дойихалы, зупынылыся.

*) Рѣчь идеть о крѣпости въ с. Голенкѣ, Конотопск. у. Черниг. губ., называемой *Городокъ* и оставшейся отъ шведовъ.

— Якъ намъ,—пытають паны,—дойихать до парому?

Я росказавъ, що першъ держити прямо, ажъ покъ буде дѣи дороги, тоди повернете управо, а тоди зновъ прямо, а тамъ буде уливо.

— Нѣ,—кажуть,—такъ не найдемо, сидай та проведы насъ, мы тоби заплотымъ.

Сивъ я коло кучера и пойихалы. Дойизжаемъ до порому, я злизъ, а вони зйихалы на поромъ; гроши оддалы и подякувалы. Ставъ я коло Десны на кручи и закуривъ люльку, и якъ закуривъ, то неначе у мене очи одкрылсь: дывлюсь—я не коло Десны, а у якимсь незнакомимъ сели, сежу пидъ хатою. Роспытуюсь, колы я бильшъ якъ за трыдцять верстъ одъ Выбель у Холявыни сежу пидъ шынкомъ, Такъ отъ якъ завезла мене нечыста сыла, та й не розплатылась за се якъ слидъ: лапнувъ я за кышеню, ажъ у мене не гроши, а черепгья. Насылу вже я на первый день празныка дйшовъ додому.

Записала отъ дида Коляньки, въ с. Выбляхъ, Черниг. у. М. С. Чудновская.

124. Чортъ лякае дитей, бо йихъ маты зналася зъ йимъ.

Умерла одна моя родычка. Кажуть, що вона зналася зъ нечыстымъ, отъ теперь нечыстый и ходыть пужать ййи дитей. Звисно, душа ййи не може прыйты, бо якъ ховають, то душу заклынають, а бисъ може.

Отъ, якъ умерла вона, то й стало уночи чутъ, що наче хтось ходыть по хати у постоляхъ и помалу стукотыть, або пыщыть. А то одну ничъ старшого сына не було дома, невестка и диверь полягалы спать. Не вспилы ще вони заснуть, якъ на покути щось запыщыть,

а потимъ затупотыть, та й давай изъ комена кыдать на ихъ почынки, а воны полягли на печи.

— Якый се чортъ тутъ кыдається?—крыкнула невестка.

Тоди воно ще бильшь затупотило и лынуло на ихъ сыроватки: молодыци такъ чысто и залыло очи, а хлопцю попало на рукавъ. Палылы воны свитло, дывылись усюды—и нема ничего, а якъ тилькы потушать, такъ зновъ и почынае: и свыстыть, и стукотыть, и замкомъ брязкае. Посвятылы оце воны хату, не знаю, чы буде й ще нечыста сыла до ихъ прыходыть, чы ни.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С. Чудновская.

125. Чортъ до молодойци ходыть ййи чоловикомъ.

Одна молодойца йшла полемъ и знайшла клубокъ усякихъ стьжокъ и зъ тые noci ставъ до нейи ходыть нечыстый, зробившысь чоловикомъ. Першъ вона думала, що се ййи чоловикъ прыйизжае зъ ночлигу, а потимъ роспыталысь,—ни, не винъ. Знахарка и нараяла ййи сисы у опивночь, колы винъ саме прыходывъ, на порози, чесать голову и йисты конопляне симъе, а якъ спытае, що вона йистъ, то щобъ сказала, що тее, що вычисуе зъ головы. Вона такъ и зробыла. Отъ у опивночь щось загуло, зашумило, и уходыть у сины чорный, якъ земля, чоловикъ.

— А що ты, каже, йисы?

— Казюку,—каже молодойца.

Винъ тоди якъ росердытьса, та якъ почне плювать, такъ чысто ййи усю и обплювавъ, а самъ зъ хаты и загувъ... зв того часу уже бильшь и не прыходывъ.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Хведоры Непомнящей М. С. Чудновская.

126. Чортъ однявѣ дытynu.

Пошла разъ жинка у плавлю ламать калыну, за ею увезалась и дивчынка ййи, годковъ трохъ. Бачыть жинка, що пидходятъ до ейи таки красыви панычи; тилькы прыдывылась баба, а у йихъ рижкы и хвостыкы. Господы, думаетъ баба, се жъ нечыста сыла, а не панычи, а утекаты нукуды. Вырвалы воны у жинкы сылоу дытynu, а ййи далы у руки деркачъ и головешку.

Пройшло зъ того часу багато рокивъ, а про дивчынку нема й чуткы. За селомъ стояла пуста хата, що ночи стало у тйи хати свитыться. Хочеться людянь побачыты, що робыться у хати, та тилько уси бояться туды пидйты.

— А що,—каже сынъ тйейи бабы, що ходыла по калыну,—купыте пивкварты—пиду побачу, що у хати.

Люде номилысь купыты йому пивкварты, и винъ пишовъ. Глянувъ хлопецъ у викно и ажъ морозъ пишовъ по за шкурою: у хати сыдила дивка и пряла; винъ угадавъ свою сестру, що забрала нечыста сыла. Якъ бы, думаетъ хлопецъ, мени ййи вызволыть видъ чортей? Уходыть у хату, поздрастувавсь, та не довго думачы:

— Я хочу, дивчыно, узять тебе за себе.

— Добре,—каже дивка,—та треба позвать попа, та посвятыть сюю хату.

Побигъ братъ, прывивъ попа, и якъ посвятылы, то де воно усе и дилось: першъ загуло, а потимъ и провалылось скрызъ землю. Стоять попъ зъ парубкомъ, та тилькы дывуються, що творыть нечыстый.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Петра Муцкаго М. С. Чудновская.

127. Парубокъ гравъ чортамъ.

— Кажуть, шо нема чортуовъ, а вони такы есть.

— Ну, де жъ вони есть?

— Та и въ нашоумъ селіѣ. Отъ у одной жуонкы сынъ на скрипку гравъ. Ну, прыйшовъ разъ пьяный да й каже матціѣ:

— Я пойду гратъ.

— Та куды жъ ты пойдешъ?

— Онъ до тыхъ двоохъ парубкуовъ,—вони мене клычуть.

Ну, пойшовъ да й гравъ усю нуочь, а парубкы й діѣвки скачуть. А вранціѣ глянувъ, ажъ уже никого нема, а вуонъ сыдыть у болоти на купшыку. Ну, кому жъ то вуонъ гравъ? Звіѣсно, чортамъ, бо вони ходють по свіѣту парубкамы, а чортыци діѣвкамы.

С. Жеведь, Черниговск. у., М. Н. Гринченко отъ дивчины. 1899.

128. Чортъ платыть за танци.

Икразь проты первого дня Паскы пишовъ одынь чоловикъ на лугъ. Иде соби. Доходыть до болота, ажъ мижъ купама стойить скрыня зъ грошыма, а коло скрынни нечыстый и грае у скрипку. Чоловикъ бувъ не боязькый, ставъ та й дывыться. Гравъ, гравъ нечыстый, та й каже:

— Скачы, я тоби дамъ грошей.

И давай чоловикъ скакаты. Скакавъ, ажъ покы звальвсь на мисти. Давъ тоди бисъ чоловику грошей, и винъ розбагативъ.

Записала въ Черниг. у. отъ Андрея Чечни. М. С. Чудновская.

129. Чортъ ченцемъ частуе чоловика.

На Юрѣя пишовъ я поглядить жыта. Було ще рано, и до церкви не дзвонили. Иду я та иду, колы злоганя мене знакомый чернецъ. Поздрастувались, идемо удвохъ, балакаемъ.

— Сядьмо,—каже,—оддышимо.

Посидали. Выйнявъ винъ изъ кышени пляшку горилки, чарку и бублыквивъ:

Що,—каже,—мо выпьемъ?

— Та воно бъ,—кажу,—чому не выпить, та ще рано: спасыби, не хочу.

А винъ, проклятый, держить чарку передъ очыма, та такъ пыльно на мене дывыться. Ну, звисно, чы дорого сатани скусыть чоловика?—скусывъ и мене гришного. Узявъ я видъ його чарку, положивъ коло себе бублыка и ставъ хрестыться. Перехрестывсь, гляжу на чарку, а вмисто чарки у руци ломачка, а змисто бублыка таке, що и казать не хочу. Самъ же чернецъ якъ кризь землю провальвся.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Мих. Новика. М. С. Чудновская. 1898.

130. Чортыци частують чоловика.

Иде разъ чоловикъ и бачыть, що знайоми бабы сыдятъ и любенько соби выпывають и закусюють. Чого вони, думаетъ, тутъ зибрались угощаться? А вони и його гукають:

— Иды,—кажутъ,—Мытрохване, зъ нами выпьнешъ.

Винъ пидійшовъ. Налылы вони йому чарку, пидносять. Узявъ чоловикъ чарку и перехрестывсь. Перехрестывсь—колы уже ничего й нема.

Записала въ д. Гусавкѣ, Черниг. у. отъ бабы Мавры М. С. Чудновская. 1898.

131. Чортъ та русалкы частують чоловика.

Вранци у недилю пишовъ одынъ чоловикъ погледитъ жыта. Иде соби помалу, ажъ доганяе його якийсь чоловикъ у червоныхъ чоботяхъ, а самъ такой страшкый: чорный, та ще зъ красными очыма. Ставъ той страшкый чоловикъ чогось пытатъ, и пишлы поручъ. Увійшлы у жыта, и бачыть хазяинь, що у жыти стоить стиль, за столомъ сыдятъ жинкы у билыхъ сорочкахъ зъ покудовченымы косамы, и одна держыть на рукахъ дытну; а на столи наставлено усякойи стравы и горилкы. Дывується чоловикъ, чого сей стиль тутъ у жыти, а той страшкый, видно самъ чортъ, и каже:

— Мо выпьемъ?

— Ще,— каже чоловикъ,— трохы рано, ще не звонылы.

А той такы нальвае и пидносыть.

Ну, сказано, горилка, якъ одказаться? Узавъ чарку у руки и ставъ хрестыться. Перехрестывся, та тилькы тоди уже ничего було пыты, бо вмисто чаркы у руци стала кистка, вмисто пляшкы рогожа, а тамъ, де стоявъ стиль изъ стравую, лежала тилькы куча земли; нечыстый и русалкы де й дилысь. Перехрестывся тоди чоловикъ ще разъ, та скоришь додому, годи уже и жыта гледитъ.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Демьяна Конопка. М. С. Чудновская. 1898.

132. Позычае въ чорта гроши.

Жывъ соби чоловикъ; и працьовытый бувъ, та ниякъ не роскомашытьсѧ у хазяйствѧ: шо загорюе, то не 'дна вже дирка й готова;—одно слово сказать—семейство зъ голоду пропадало. Мучывся винь, мучывся, дали й подумавъ: «пиду до чорта грошей добувать».

А колысь давно дакъ чортивъ багато водылося: де болото таке, шо купыны заввышки съ чоловика, то вже знайдешъ його; бувало й коло гребли, де гуркотъ чы прирва, його здыбаешъ, або въ лузи темному такому, шо тилько зозуля кве та соловейко вытьохкуе, и тамъ иноди зуспышъ. Дакъ ото знявся той чоловикъ та й подався на Роменськый шляхъ. Ажъ ось назустрічъ йому козакъ.

— Здоровъ!

— Здоровъ!

— Куды це такъ выпроставъ?

— Та пиду до чорта, чы не роздобуду грошей.

— Якъ же це ты такъ? Чортамъ же душу треба видаваты.

— Та колы треба, то й виддамъ, абы жинка не сохла, та диты не кавчалы зъ голоду.

— Ну, то я жъ саме той, кого тобі треба. Ходимъ!

Пидійшли до вербы. Чортъ полизъ на вербу, спустывсь у дупло и вынисъ виды торбу грошей.

— На!—каже—та рожжывайся; а въ годъ щобъ прывставывъ.

— Якъ же я тебе найду?

— Пидійдешъ до вербы та вдарышъ трейчы кьемъ та й гукнешъ: «магай бувъ». Отъ я й выскочу.

Подякувавъ чоловикъ, пишовъ додому. И якъ ставъ орудувать тымы грошыма, де те й багатство узялось: чы бджолы купыть—у руку йде, чы скотыну—тожъ по двору пиде; за годъ розвивъ таке господарство, шо й не снылось йому. И гроши зибравъ, щобъ чортови видаты. Прыйшовъ на те мисце, ударывъ у вербу, гукнувъ: «магай бувъ!»—Выскочывъ, та не той.

— Чого тобі?

— Та торикъ я тутъ гроши бравъ, дакъ прынисъ.

— А, дакъ це у такого то. Погуляй же трохи, винъ побигъ саме у Багурынъ ковши одбирать.

— Дакъ колы я його диждусь! — ажъ крыкнувъ чоловікъ.

— Та винъ заразъ буде.

Колы справдибижить, засапавсь, ажъ языкъ вывалывъ.

— А той же де? — пытае чортъ, — ось чоловікъ його жде.

— Де! пропавъ: вовкы на дорози розирвали, а я ледви втикъ.

Порадылысь тоди чорты та до чоловіка:

— Ну, що жъ, — кажуть, — не мы ци гроши наживалы, не намъ ихъ и братъ; а хазяйина, чуешъ, нема грошамъ, — несы назадъ да поживай самъ — знать, тоби воны судылысь.

С. Рожновка Борзенск. у. В. Т. Андріевскій отъ козака Павла Бондаря. 1898.

133. Чортъ у неволи въ глечыку.

Тяглы бредень по озеру якъ разъ у Петривку чоловікъ та жинка.

— Чоловиче, — каже жинка, — чого воно такъ важко цупыться? Бачышь — поплавки потонулы: мабуть мы щось важке піймалы.

— Та ничего — вытягнемъ хоть чортяку зъ рогамы, то диты зидять, абы не каменюка яка.

Вытяглы, колы глечыкъ завязанный шкураткомъ, а рыба хочъ бы тоби однисинька на смихъ.

— Що воно таке? може червинци?

Заглянулы усередыну глечыка, ажъ тамъ плиточка хлюпощеться и грае.

— Эчъ, яка манесенька, — каже жинка. — Злый, чоловіче, воду на берегъ!

Колы перехылылы глечыкъ, вода хлюсь на кгрунтъ,

щльопнуласть плиточка объ землю и перекинуласть бравымъ молодцемъ зъ рижкамы да кае, вклонившысь:

— Спасыби тоби, чоловиче, що ты мене вырятовавъ:

Жинка злякалась и не знае, чы лице йій закрываты рукамы, чы що друге.

— Ого! Вырятовавъ?.. Що ты таке?—пыта чоловикъ.

— Хыба тоби повалазыло? Чортъ—вже жъ не що!

— Овва! брешешъ, бисивъ сыну! Не пійму тоби виры. Якымъ же побытомъ забрався ты у глечыкъ?

— А отъ якымъ... Тутъ така повшехна чудасія була, шо ты не чувъ за дида й прѣдида. Литъ трыдцять назадъ спокутувся тутъ биля озера у печеряхъ пустельныкъ, и вже винъ такой бувъ святой чоловикъ, шо целе наше пекло ничего йому не врадыло, щобъ загубыты його душу. Уже мы зъ нымъ возылись, возылись, наче ти собаки зъ воловою кисткою, полною мозку: и не перекусятъ, и языкомъ мозку не достануть, а тилькы мордуютъся. Такъ мы зъ нымъ мордувались, ажъ обрыдло усимъ. Полынуло наше товариство: инши зъ попамы залягли у перынци, други у судейски кышени повлазылы та робылы тамъ диркы, щобъ тымъ кышениямъ николы и дна не було.... Де яки повіялысь у Московщыну... Оставылы мене, хытрійшого, спокушать пустельныка.

И вже чого я не чынывъ, якои працы не прыкладавъ—усе ничего! И курипкою прыбигавъ до нигъ його, щобъ винъ піймавъ мене да ззивъ. Що жъ винъ? Визьме мене у руку полоскоче-полоскоче да й скаже: «Пырхъ!»—махнувши чоткамы... Плескався я и голою дивчыною прыповнимъ мисяци на озери, роспынаючы ручкы и нижкы и, повертаючысь до його и выдомъ, и бокомъ, и спыною, брызкавъ на його водою. Що жъ ты думаешъ, у його жыжки трусылысь? Э, ни!... Винъ заплющыть да белькоче якысь страшени молитвы, а дали тебе и хрестомъ попоштуе. Звисно, заразъ зныкнешъ. Якосъ пишовъ винъ увечери у литній пистъ воды зачерпнуты. Я мер-

щій перекинувся плиткою и вльвсь въ глечыкъ зъ водою. Несе винъ мене додому. Я плещусь, радію... Миркую: зваре винъ сьогодни юшку, спокусьтсья, обрадуе все пекло. Що жъ бы ты думавъ?—каже чортяка, чухаючы потылыцю,—прынись винъ глечыкъ додому, хотивъ напытсья воды, колы побачывъ, що тамъ хлюпощетьсья рыбка, не схотивъ и до губъ тулыты тїейи воды, ще гирше,—не схотивъ и пыты сь того глечыка, де рыбка була, а взявъ, перехрестывъ трейчи глечыкъ, завязавъ якимсь гыдкымъ шкураткомъ, однись до берега и кынувъ у озеро... Оттаке то!—каже чортяка зїтхаючы, наче той становый, що замисць мошенныка нахватывсья на шановного чоловика. Трыдцять литъ сыдивъ я пидъ тымъ страшеннымъ хрестомъ, вже въ пеки давно мене зъ метрыкы вычеркнулы наче по двоухъ ревизїяхъ въ бигахъ состоявшему. Нудывсья я гирше тыхъ, що въ кайданахъ копають золоти руды. Лякалы мене хресты бильше ніжъ дивчатъ на вечерныцяхъ фабрени москалы...

— Брешешъ, брешешъ! Самъ ты москаля пидвозышъ!—каже чоловикъ,—якъ такы можно, щобъ такыи здоровый козарлюга, якъ ты, влизъ у глечыкъ?

— Але не брешу!

— Але брешешъ!

— Ты думаешъ—не влизу?

— Не влизешъ!

— Давай навзакладъ!—каже чортъ.

— Здравь пывъ! Оттакъ пакъ выгадавъ! Буду я сь чортякою навзакладъ! Ото бъ здуривъ! Улижай такъ! Та ты тамъ не помистышсья, не зобгаешсья.

— Одначе помишусь,—каже чортъ,—дывысь!

— Зробывсь дымомъ и пишовъ у глечыкъ.

— А що,—каже, показуючы рижкы,—улизъ же!

— Ну, колы влизъ, такъ сыды тамъ, братику!—каже

чоловикъ. Взявъ, перехрестывъ глечыкъ, завязавъ уперъ шкураткомъ и шпоргонувъ въ озеро, якъ вже тамъ чортъ не заприсягався и не молився.

— Хай тобі бисъ!—каже чоловикъ, — тымъ и рыба не ловыться, що гаспыдськи чорты располохалы.

Записано неизвѣстно кѣмъ и гдѣ. Подпись: *Пидводный*.

Вариантъ этого разсказа помѣшенъ въ № 12 «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1857 г. стр. 98. Вотъ этотъ вариантъ, озаглавленный тамъ: «Мужыкъ ворона—хытрый чорта»:

Ото, бачъ, лучылось одному чоловику, звисно не кому другому, а нашому брату мужыку, узять пидсаку да й пійты рыбы ловыть. Прыйшовъ, кажуть, винъ до болота, зобравъ соби мисце, де, здрилось, рыба е, та й ну совать пидсакою, щобъ уюна, чы шо другее злапать. Засунавъ разъ—нема, друге — и вдруге нема, а дали втрейте—чуеть, щось цупыть. Винъ израдивъ, вытягъ пидсаку, глядеть—ажъ пляшка та ще й заткнута... Дай,—каже—одоткну! И одоткнувъ... шо жъ? Мужыкъ дывыться и самъ соби не вирыть: зъ тоеи пляшкы выскочыло щось, неначе чоловикъ у жупани, да таке цикаве да фацьке, шо чоловикъ той дывомъ ставъ. Тилько воно тутъ йому и каже:

— Спасыби жъ тобі, дядьку, шо ты мене изъ сьоеи пляшкы выслободывъ.

А чоловикъ и пытае його:

— Скажите же вы, мени, добродію, хто вы таки, шо въ сюю пляшку зализлы?

— Я,—каже воно,—чортъ.

Чоловикъ пры симъ слови и перехрестывся, а дали зыркъ—чорта вже й не стало. Чоловикъ той озырнувся кругомъ—никого нема; винъ глянувъ на пляшку—пляшка лежыть доли порожня и заткало валяється. Дывовався мужыкъ, дывовався, а дали перехрестывъ да й ну

ловыть рыбу впяять пидсакою. Шо жъ вы думаете?—якъ тилько пидсаку у воду, то гледыть—хочъ жабуру повно, хочъ каменюка де визьметься, або зацупыть уюна и тилько шо хоче взять у руку, а зъ того уюна выйде впяять той панъ, шо зъ пляшки вылезъ да ще и регоче надъ йимъ:

— Ворона,—каже,—ты, а не мужыкъ! Ище й тоби ловыть рыбу! Сидивъ бы дома та гледивъ бы готового.

Сказано, глумыться, а съ чортомъ не змагаться стать...

— Постой же, псова ты худоба!—думаете соби той чоловікъ:— я тоби покажу, яка я ворона, будешъ, мене знаты!

Подумавъ самъ соби такъ, а дали й каже чорту:

— Якъ же се вы, пане чорте, чы якъ васъ вельчать, якъ вы, будучы стало быть таки вельки, та въ такую малую пляшку влизлы? Я виры не пойму, щобъ вы булы таки могущи, щобъ такечкы зробыть!

— Эхъ! Справедна ты ворона!—чортяка йому каже:—отъ я заразы улизу, колы хочешъ; ты и не вгадасшь якъ!

— А нуте жъ, нуте,—чоловикъ йому каже:—покажить, якъ се робыться. Я побачу, да тоди й повиру, шо вы справедливы чортъ...

Чоловикъ не доказавъ своей речи, а чортъ скикъ у пляшку да ще и каже:

— А шо, бачышь, якъ улизь я?

— А нуте жъ я прыдывлюся, чы вы й тамъ похожи на того, шо бувъ на двори, чы може ни?—каже чоловікъ, а дали взявъ, заткнувъ пляшку та ище й перехрестывъ.

— Оттеперь, пане чорте, знайте,—каже,—шо мужыкъ хочъ ворона, та хытрій чорта!

А дали взявъ пляшку да й кынувъ знова у воду.

Черниговская губ. Ал. Шишацкій-Илличь (?).

134. Стрелець застрелывъ чорта.

У с. Свннхъ бувъ одынь пань. Отто и пишовъ винъ на охоту. Ходывъ, ходывъ,—ничого не вбывъ, а тутъ и гроза почыналась, панъ и повернувъ додому. Иде винъ соби, а гримъ такъ здорово гуркотыть. И чуе панъ: якъ тилькы гримъ перегримыть, такъ шось почынае бурмотать. Зупынывся панъ, дывыться, ажъ се нечыстый перекривляе Бога, якъ Винъ сварыться. Подумавъ панъ, шо його казаты зъ проклятымъ чортомъ, а потимъ узывъ и стрильнувъ у його: бисъ упавъ на землю чоловикомъ. Панъ тоди злякався и не озыраючысь побигъ додому. Ажъ де не визьмысь старенькый дидокъ и гукае пана, а панъ зъ переляку такъ розигнавсь, шо и зупыныться не може.

— Пожды,—каже дидокъ,—я шось скажу тоби.

Насылу догнавъ винъ пана и пытае:

— Чого ты втикавъ?

Панъ йому и розказавъ, якъ було. дило. Тоди дидъ и каже:

— Не бійсь ничого и просы у мене, чого хочешъ, чого тоби треба.

— А чого я хочу?—каже панъ.—Чымъ занимаюся, того мени й треба.

И зъ того разу, якъ ни пйде на охоту, то насылу несе. Се йому такъ Богъ давъ за те, шо убывъ биса.

Записала въ с. Выбляхъ, Черн. у. отъ Р. Чечни М. С. Чудновская. 1898.

135. Водяныкъ дытыною.

Мій дидъ ловывъ рыбу топтухою. Вытягуе винъ топтуху, колы тамъ замисть рыбы дытя у сорочечци и сміється. Перехрестывся дидъ, такъ тее дытя ще засміялось та й шубурхнуло у воду.

Записала въ Черниг. у. отъ Ө. Волошки М. С. Чудновская. 1898.

136. Манея не пускала.

Кольсь одынь писконьскый чоловикъ ишовъ одъ ричкы додому. Було уже пизно, темно. Чуе винъ: щось перелизло черезъ плитинь. Винъ думавъ, шо се мо собака, и йде соби смילו, колы ни, не собака, а щось довге, довге, сире—легло поперекъ вулицы, такъ шо и пройты нельзя и мурчыть. Бачыть чоловикъ, шо погано йому буде, шо манея його не выпустыть, та давай чытать молитвы, а потимъ якъ шарахнувъ весломъ, такъ манея де й дилась.

Записала отъ Николая Кянца, въ д. Пескахъ, Черниг. у.
М. С. Чудновская. 1898.

137. Чы домовыкъ, чы манея насила на чоловика.

Ишовъ я зъ вечорныць, ще колысь то, якъ бувъ паробкомъ; тилькы шо мынувъ церкву, якъ насило на мене шось важке, отъ якъ бы узять мишокъ у пъять пудовъ, такъ мене згорбыло, насылу дойшовъ додому. И бувъ я, не думайте, не пъяный, бо у насъ и моды сйи не було, шобъ напываться на вечорныцахъ. Дойшовъ до своихъ синей: ну думаю, лапну хочъ я, шо воно таке у мене на плечахъ, и тилькы шо я хотивъ сее зробыть, а воно мене якъ пыхоне, такъ двери очынылись, и я упавъ у сины. Шо воно таке було, чы манея, чы домовыкъ, я и самъ не знаю, а тилькы дуже воно мене налякало.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Ефима Ювенка М. С.
Чудновская. 1898.

138. Домовыкъ душивъ.

Батька не було дома, осталась тилькы мачуха сама, та я, ще невеличка дивчына. Мачуха спала на полу, я на лавци. Скризь сонъ мачуха почула, що на ййи шось важке навалылось и душитъ ййи. Вона прокынулась, та ниякъ не пидниметься и ни рукою, ни ногою не двыне, такъ ййи прыдавыло, а по морди водытъ шось, мовъ лапою. Якъ то уже вона рванула руку зъ усией сылы, пидняла и хватылась за шось волохате; а тоди и сама пиднялась и сыдытъ. А домовыкъ скочывъ зъ полу, та тилькы тупъ, тупъ по хати. Хватыла мачуха свою дытыну пидъ руку, та зъ хаты; зъ синеи вона почула, що я скризь сонъ трейчи поклыкала: тату! (Мо то винъ и мене душивъ, та тилькы я такъ крипко спала, що ничего и не чула). Выбигла мачуха, якъ була; зъ хаты и двери покыдала. Насылу вона достукалась до сусидкы и тамъ заночувала; а на завтре зъ сусидкою прыйшла додому, колы и двери позачынены, и домовыка уже нема, и я соби любенько сплю.

Записала отъ Олимпіады Ювенковой въ с. Выбляхъ Черниг. у.
М. С. Чудновская.

139. Домовыкъ не любытъ, якъ ночуютъ у хливи.

Росказувавъ мени одынъ чоловікъ, якъ винъ пишовъ одынъ разъ ночувать у хливъ до коней. Заснувъ винъ и саме у опивночъ скризь сонъ почувъ, що шось шамотытъ и прокынувся. Дывытъся, ажъ зъ горы лизе щось—наче мишокъ, та якъ бухне на чоловіка, та такъ його прыдавыло, що винъ, бидняга, и дыхаты переставъ. Потимъ узяло його на оберемокъ и кынуло изъ сел-

ныка. Насмту той чоловикъ уставъ, та писля такойи оказійи уже и не ходыть у хливъ на ночь, та й другимъ не совитуе.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С. Чудновская.

140. Домовыкъ кыдае коня въ ясла.

Шо прыйде чоловикъ вранци до своего коня, конь и лежыть було у яслахъ, та такъ туды забъеться, шо, нельзя и придумать, якъ туды йому и влизты. Лигъ чоловикъ разъ ночувать коло коня, щобъ побачыты, хто се такъ робыть зъ конемъ. Саме у опивночь уходыть домовыкъ, такъ бы икразъ, якъ чоловикъ, хватывъ коня и кынувъ його у ясла.

Записала въ Черниг. у. отъ Дмитрія Ювенко. М. С. Чудновская.

141. Домовыкъ зачипае сирого коня.

Ночувавъ у насъ недавно онушныкъ—казавъ, шо де йому тилькы не траплялось ночувать, то домовыкъ зачепаетъ усюды його сирого коня. Чы винъ такъ його улюбывъ, чы хто його знае. Такъ позапутуе шо ночи грыву, шо и не думай расплутаты. Та выдно и скотына чувствуе домовыка, бо иноди такъ уся ажъ у поту, та ажъ дрижыть.

Записала въ Черниг. у. отъ Никиты Глузда. М. С. Чудновская.

142. Домовыкъ не дае робыты вночи.

Одынъ чоловикъ та бувъ такыи невсыпушыи та роботящый, и вночи йому не було сну: усе було робыть.

Отъ разъ уночи вѣявъ винъ жыто и сивъ оддыхать. Закурывъ люльку, сыдыть, ажъ изъ засторонка сунеться шось вельке- вельке, а очи таки блыскучи, страшки, и такъ йимы уставылось на чоловика. Прыснулось воно до чоловика и не пускае його изъ клуни. Шо тилькы чоловикъ ступыть до дверей, такъ воно и загородыть йому дорогу. На вельку уже сылу винъ утикъ одъ домовыка.

— Ну, щасте твое,—крыкнувъ домовыкъ у слидъ,—шоты утикъ, а то бѣ бильшъ не вѣявъ.

Съ того часу переставъ чоловикъ ходыть у клуню вночи.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С. Чудновская. 1898.

143. Домовыкѣви треба окропу.

Прышовъ одынь парубокъ зъ гульни и лигъ спаты коло викна й чуе, двое домовыкивъ гомонять. Одынь каже:

— У мого хазяйина й укропу въ печи нема, ничымъ и горло помочыть.

— А у мого,—каже другый,—два горкшы.

Отъ першый и каже:

— Я свого хазяйина спалю.

А другый каже:

— Ни, не палы, тамъ мого хазяйина хомуть.

Першый прынисъ хомуть товаришовому хазяйину, а свого спалывъ. Парубокъ росказавъ, видъ чого згоривъ сусидъ, и съ тыхъ поръ стали ставыть укрить у пичь.

Записалъ школяръ Выбельской школы Черниг. у. Иванъ Мосичъ.

144. Домовыщъ на ночлигахъ.

I.

Кольсь ще улитку пойихавъ мій дядько на ночлигъ. Дойизжае до того миста, де паслы коней, ставъ гукать хлопцивъ. Здається йому, що хлопци озываються; ставъ винъ йихать на голосъ. Килькы не йихавъ, а хлопцивъ не знайшовъ, хоча и чувъ, будто вони до його гукалы.

Злизъ дядько зъ коня и лигъ пидъ стогомъ, попутавшы коней. Тилькы що винъ заснувъ, колы чуе, що його щось стало душыть, та такъ на його навалылось, мовъ стогъ сина на його перекинувсь. На велику сылу дядько vyrравсь одъ домовыка, та такъ уже и не ложывся цилу ничъ.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Ив. Муцкаго М. С. Чудновская. 1898.

II.

Одынъ хлопецъ вивъ коней на ночлигъ, и уже было дуже пизно, то онъ не знавъ, де хлопци ночують, и сталъ йихъ той хлопецъ гукать, и крыкнувъ: «Хлопцы го!» Дакъ и пошовъ гласъ, и йому здалось, будто-бы за ричкою. И винъ пойихавъ туда, ажъ нема тамъ хлопцавъ. Дакъ винъ и лигъ спать, ажъ на його щось навалылось, винъ не злякавсь та й каже:

— Десь моя пуга—я тоби дамъ!

Домовыкъ злякавсь и де дився, - и бильшь не было.

С. Выбли Черниг. уѣзда. Записалъ Школяръ Выбельской школы Иванъ Новиць.

145. Дви чирточкы зъ нашихъ русалокъ.

(Ввивъ у запысь изъ сливъ жытелькы хут. Петрушовкы Борзенск. пов. Палашкы Китчинойи у 1854 р. Марко Вовчокъ).

I.

Якъ пошла моя маты у поле на Святу Недилю, на Зелену-то, до жыта, побачыть, чы гарне жыто. Да обійшла кругомъ, да «гарне», каже, «слава Богу; пійду ще и долину побачу», каже. Колы прыйшла до долины—ажъ повнюсенька долина дитокъ маленькихъ та все, каже, такъ: скачуть одно проты дного угору да ручкамы плещуть:

«Не мый ноги обь ногу,
Не сій муки надъ дижу;
Ухъ, ухъ,
Соломъяный духъ, духъ!
Мене маты уродыла,
Нехрещене положила.»

А воны тилько у плащечкахъ у билесенькихъ... Дакъ вона, каже, якъ злякалася, да въ-сылу додому дойшла. Воны ййи и не бачылы, а вона йихъ бачыла.

II.

Померла баба така стара, а дочка все плаче по матери; то ййи и прыснылось... Каже, наче прыйшла дивка да даже ййи:—«Не плачь по своей матери: твоя маты русалкою». Дакъ вона каже: «Де жь вона?»—«Дитокъ малесенькихъ гледыть.»

(Собщ. А. В. М—чемъ).

Изъ «Черниговскаго Листка» 1863, № 10, стр. 80.

146. Русалкы женуться за жинкою.

Однесла жинка чоловіку обидъ и верталась додому. Бачыть—у жыти седыть двое дитей у бильхъ со-

рочечкахъ. Жинка варазъ догадалась, що се русалкы, и не успила вона повернуть назадъ, якъ изъ тыхъ дитей зробылысь велькы русалкы и погналысь за жинкою. Якъ то уже вона добигла до села и такъ бидна перелякалась, що проболившы тры тыжни, умерла.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Андрея Шульги М. С. Чудновская. 1898.

147. Русалкы не дали ловыты рыбы.

Дви жинкы пишылы уночи ловыть рыбу, — икразъ на Русалкы. Половылы трохы и чують, що у води русалкы граються и плещуть по води рукамы. Бигомъ побиглы жинкы одъ ричкы. Недалеко ночувалы ночлижнныкы: жинкы туды и прыбиглы.

— Та то вамъ, — каже одынь старый чоловикъ, — такъ здалось, идить соби смило додому.

Одна молодыця ни за що не хотила а друга — «Ходимъ та ходимъ!» и пишылы. Дійшылы вони уже до села, озырнулысь назадъ, ажъ за йимы женуться дви русалкы у бильхъ сорочкахъ, зъ довгымы косамаы. Жинкы такъ чысто и померлы зъ переляку, насылу ускочылы у село, а русалкы тоди у воду, закрычалы и заплескалы по води. Молодыци дуже поперелякувалысь и довго писля того нездужалы.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у., отъ Р. Поляницы М. С. Чудновская. 1898.

148. Русалкы прогналы чоловика зъ работы.

Копавъ разъ чоловикъ канаву на саранчу. Копаете и чуете — шось зашумило. Пиднявъ винъ голову и бачыть, выходять изъ жыта русалкы, уси у бильхъ сорочкахъ, зъ довгымы расплетенымы косамаы, и перша русалка дер-

жала у руци книжку. Якъ побачывъ чоловікъ русалокъ, то кынувъ заступъ, та давай Богъ ноги, а русалкы кынулись за йимъ у погоню. Прыбигъ чоловікъ у село мовъ несамовытый и довго писля того нездужавъ.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Андрея Шульги. М. С. Чудновская.

149. У русальну недилю не можно робыты.

Икразъ у Русальну недилю пойхавъ одинъ чоловікъ зъ жинкою полоть просо. Полють вони, колы бачыть жинка, у проси стойть баба у билій сорочци зъ роспуценымы по плечахъ косамы и на вси боки хыляеться. Перелякалась жинка и кынулась до чоловіка. Посадывъ чоловікъ жинку на визъ, щобъ вона читала молитвы, а самъ, ухопывшы сокры, обвивъ визъ и воливъ кругомъ и давай тикать додому. Чоловікъ усю дорогу махавъ сокрыю, и русалкы боялись до його прыступыться. И килькы вони йихалы, то на кожній ныви бачылы по русалци. Дуже перелякани вернулись чоловікъ и жинка додому и вже бильшь не йиздылы 'на Русалокъ ни на яку роботу на поле.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Ив. Муцкаго. М. С. Чудновская.

150. Чоловікъ сховався видъ русалкы.

Пишовъ я на поле рвать травы у межахъ. Нарвавъ и иду до додому, колы у межи лежать щось у билій сорочци и укрыте косамы, а косы дуже довги. Я тыхенько, озыраючысь пройшовъ крозь його, а воно устало, та за мною. Недалеко була клуня—я у клуню и сежу. Воно пидійшло до клуни, понюхало плитинъ, а тоди одійшло, та якъ заспивае, а потимъ загукае. Я не знаю,

якъ и додому прыйшовъ, такъ перелякався. Се було дило икразъ передъ Русалками, такъ се и було нищо, якъ русалка.

Записала въ Черниг. у отъ Андр. Нищенко. М. С. Чудновская.

151. Русалка не може переступыты круга.

Одынъ чоловикъ пошовъ жыта стерэгты на Русалкы, ажъ изъ жыта выбигла русалка и напала на його, а винъ узявъ кругъ себе обчиривсь такъ, шо вона не доступылась до його, и винъ стоявъ у томъ крузи той чоловикъ, а русалка бигала, бигала кругомъ и пошла изновъ у жыта, и тоди той чоловикъ вернувсь додому.

С. Выбли Черниг. у. записаль школяръ Иванъ Новикъ.

152. Русалкы гойдаються на гилькахъ.

Чоловикъ ишовъ лисомъ и побачывъ, шо на деревахъ гойдаються русалкы, та така жъ йихъ тамъ була сыла и велькыхъ, и маленькыхъ. Почеплялысь за гилькы руками и колышуться, якъ на ореляхъ. Чоловикъ повернувъ, та скорій утекать. Не успивъ тилькы винъ утекты, такъ щобъ русалкы його не бачылы. Уси воны кынулысь за чоловикомъ и такъ його налякалы, шо на другый день той чоловикъ умеръ.

Записала въ Черниг. у. отъ Андрея Шульги М. С. Чудновская.

153. Оддавъ русалкамъ дытя.

На Русалокъ йихавъ чоловикъ зъ поля, и выскочылы зъ жыта русалкы, щобъ залоскотать чоловика, тилькы ниякъ до його не доступляться, бо куды нѣ зай-

дуть, то чоловікъ йихъ пугавьємъ. Такъ дойхалы воны до перехрестной дорогы:

— Стій же тутъ,—крычать русалкы,—бо усе равно умрешъ.

— Ни,—каже чоловікъ,—я лучче оддамъ вамъ дытя,—та по коняхъ и утикъ. Що жъ бы вы думалы?—прыйижожае додому, колы застае дома мертву дытыну. Ставь тоди чоловікъ плакаты и каятьса передъ усима людьмы, що се винъ самъ уморывъ свою дытыну, оддавшы ййи русалкамъ.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Демьяна Конопка. М. С. Чудновская. 1898.

154. Русалкы залоскоталы дивчыну.

У Зелену недилю зибралось насъ чымало хлопцивъ и дивчатъ и пишлы гулять на поле. Мы тамъ добре погулялы, дивчата понарывалы соби волошокъ да куколю, уквитчалы головы и верталысь, ще рано, додому; колы тилькы поривнялысь мы зъ тымъ кругомъ, що коло гамазея,—якъ выскочать зъ жыта на насъ русалкы: уси голійи, зъ довгымы, довгымы распущенымы косама, зъ зеленымы, якъ у жабъ, очыма; попростягалы упередъ руки, та за намы. Мы съ переляку кынулысь навпростецъ и скоро добиглы до села; одна тилькы дивчынка осталась, и ййи залоскоталы русалкы.

Дядько якыйсь пиднявъ ййи на дорози и прывизъ у село, вона була ще тоди жыва, а дали и вмерла.

С. Выбли Черниговск. у. записала М. С. Чудновская. 1898.

155. Добра смерть.

— Прыйшовъ чоловікъ до хазяйина найматься.

Що жъ,—пытае хазяйинъ,—визьмешъ за рикъ?

— А шо,—каже чоловікъ,—ничого: поставышь мени. одынъ обидь.

Прослужывъ наймытъ рикъ поставывъ йому хазяйинъ обидь.

— Се жь обидь за покойного батька,—каже чоловікъ—ты поставь мени!

Поставывъ хазяйинъ другый обидь.

— Се,—каже,—за покійну матирь,—поставь мени!

Поставывъ хазяйинъ у трейте. Позабиравъ тоди наймытъ усю тую страву и пишовъ. На дорози стрекае винъ бога и каже:

— Оце якъ бы стрить доброго чоловіка, то бь умис и пообидалы бь.

— Давай,—каже богъ,—обидать зо мною—я чоловікъ добрый.

— Ни,—каже чоловікъ,—якъбы ты бувъ добрый, то бь и мени було добре,—и пишовъ далей.

Иде, колы стрекае жинку.

— Куды ты,—пытае вона,—идешъ?

— Иду,—каже,—додому.

— Шо жь се ты несешъ?

— Несу обидь: я робывъ хазяйину рикъ за одынъ обидь. А ты,—пытае,—хто така?

— Та я смерть.

Посидалы вони и давай удвохъ обидать; поийлы усе, тилькы остався окраецъ хлиба.

— Чы е у тебе хто дома?—пытае смерть.

— Е,—каже,—у мене жинка и диты.

— Ну, несы жь дитямъ ссй окраецъ,—се буде йимъ за гостынецъ.

Прыносятъ чоловікъ той шматокъ и давай ламать дитямъ, и скилькы винъ не ламавъ, а окраецъ не уменьшався. А уставшы на другый день, чоловікъ побачывъ на столи цилу кулыдку хлиба, и усе вони йилы той хлибъ. Проишло скилькы день,—приходьтъ до того чоловіка смерть.

— Здрастуй,—каже,—брате!

— Здрастуй, сестро!

А жинка почувшы сее, та за кочергу:

— У тебе,—каже,—багато такихъ сестеръ найдеться!—
та й хотила ии зъ хаты выпроводыть.

— Не твое се,—каже чоловікъ,—дило,—и не давъ.
Посадывъ винъ смерть за стиль и давай поштувать.
Погостювала смерть, та й пытае:

— Чы е у тебе, брате, хлибъ?

— Оце увесь, що на столи.

— А йды,—каже,—пошукай у комори зернять жыта.

Чоловикъ знайшовъ трохи зернять.

— Ну, роскыдай сійи зернята по зусикахъ.

Чоловикъ роскыдавъ, и на другой день уси зусики
стали повни жыта.

Записала въ с. Выбляхъ Черниговск. у. отъ Петра Курильца.

М. С. Чудновская 1898.

Другой вариантъ о побратымствѣ чловѣка со смертью былъ напеча-
танъ въ «Черниговскихъ Губернскихъ вѣдомостяхъ» 1852 г. (№ 52,
стр. 570). Вотъ этотъ вариантъ, записанный въ с. Данинѣ Нѣжин-
скаго у. священникомъ Петромъ Огіевскимъ и озаглавленный: «Вер-
ты—не верты, а треба вмерты»:

Колысь то и десь то, звисно не въ якій небудь
басурманщыни, а въ нашій православній Малороссіи,
живъ бувъ чоловікъ и жинка. Та булы соби дуже
бидни та журлыви: одно те, що вони незамижны, а
быльшь усього йихъ крушыло, що диты въ йихъ усе
мерлы. Отъ и давъ йимъ Богъ дочку. Якъ же то вони
ійй булы ради—Господы!... И стали соби радытыся: ко-
го бъ то кумою узяты? Жинка й каже:

— Ось визьмемо лышень соби куму стричну; адже жъ,
бачъ, стари люде кажуть, що въ кого диты мруть, треба
тому браты кумивъ стричныхъ.

— Э, добре оце ты, жинко, кажешъ, ось пійду я.

И пійшовъ удовшъ села ще зъ досвитка, щобъ
хто тилькы йому на зустричъ попадеться, того узяты до
свого дытаты кумою,—звычайно вже боявся, щобъ и

се йому не вмерло, такъ якъ ти першійи його диты померлы. Попадається йому назустрічь баба стара та курноса *); винъ їй и каже:

— Здоровенька була, бабусю!

А вона йому въ одвить:

— Здоровъ бувъ, сыночку!— та й попередыла його спытаты:—Чого се ты такъ позаранкамъ блукаешъ,— чы не зійшла съ твого двора товарына противъ ничкы, и ты оце шукаешъ?

— Ни, бабусю, за товарыну мени ничого бояться—и шерстыны у двори катъ ма. А мени давъ Богъ дочку, такъ я оце иду прохаты того въ кумы, хто першый зустринеться. Та, спасыби вамъ, що я оце на васъ такъ хутко наткнувся: прошу васъ покирно, будьте ласкавы, не видщюрайтесь хреста, ходите до мене кумою—чы не дасть Богъ, що и я такы, якъ люде, хотъ пидъ старисть дожду соби помочи.

— Добре, ходимо.

И пійшлы. Та йдучы винъ їй и каже:

— Не во гнивъ вамъ буде, що я васъ пытатыму: якъ маемо васъ зваты?

— Я—Смерть.

Якъ почувъ винъ сее, та ажъ злякався, а описля обдумався трохы та й каже самъ соби: аджежъ смерть иднаково ни кымъ не перебирае, усихъ за-сплишъ бере: и панивъ, и нашого брата мужыка, бидныхъ и замижныхъ, старыхъ и малыхъ; що жъ маю робыты?—не треба їйи цуратыся, поведу лышень до своейи господы, може вона зглянетъся на мене... Сее подумавшы та й каже:

— Ходимо, кума, до мене!

И пійшлы.

*) Кырпата. Прим. записывателя.

Покумовавшы и выдпывшы хрыстынкі, якъ Богъ давъ, звисно по убыжкы, бо той чоловикъ, кажу, бувъ соби бидненькый—смерть йому й каже:

— Слухай, кумочку, за те, шо ты мною не познушався, я тоби щось искажу, та тилькы никому ты не видкрывай и свойій жинци не кажы, а робы самъ соби, шо я нараю, то ты матымешъ такого добра, шо не тилькы тоби, та й дитямъ, унукамъ и правнукамъ твоимъ буде.

— Добре, кума.

— Слухай же: якъ тилькы ты почувешъ, шо хто небуť и де небудь занечогіе, иды до його та й двыся: колы я буду стояты у недолугого въ ногахъ, то той выздоровіе и певно берыся його выличыты: извель даваты йому пыты тилькы холодну воду, и винъ буде живъ; а якъ уздрышъ мене у його въ головахъ, то втикай видъ того, то вже певно мій—я тилькы його прычавлю трохы, щобъ винъ спавъ изъ тила, щобъ легше мени зъ нымъ борушкатыся та й потягну його на той свить.

Сказавшы сее, попрощалыся любенько.

Чуе нашъ кумъ, шо десь то велькый и дуже багатый панъ та й давно вже хыріе; и чого то вже йому не роблять, якыхъ до його ликаривь не возяты, та ба, немае помочы. Отъ винъ и пійшовъ до його та й каже челяди, бо звисно у панивъ вона на рундуци такъ и блукае:

— Здорови булы, хлопци! Я чувъ, шо вашъ панъ давно вже хыріе и помочы ни видкиля йому нема. Пустите лышень мене, щобъ я на його глянувъ, бо я такый чоловикъ: якъ побачу, то заразы скажу, чы винъ умре, чы ни, и якъ ни, то заразы поличу, и винъ вычуняе.

Пустылы мужыка до пана, и тилькы шо ввійшовъ винъ у свитлыцю та глянувъ, ажъ стойить кума билия

нигъ недужого. Отъ винъ зъ радыщъ ажъ крикнувъ:

— Не журись, пане! ты будешъ жыты та ще й якъ! Ось кете лышень, пани, у пытунъ водыци непочатои, я дамъ йому напытыся, то де та и хвороба його динеться.

Ковтнувъ панъ тоеи воды разъ, друге, утрейте, освиживъся трохи—агу!—стало йому легше нибы; день, другый—уже панъ самъ и пыдыметься, уже й по хати валасается; дальше ще—уже у пана и пузо знова становытыся таке, якъ було. Що жъ тому мужыковен-знахыру: чого то йому не робылы, якъ не шановалы и чого не надарувалы! И грошей, и воливъ, и коривъ, и печенымъ, и варенымъ: чого тилькы душа його не забажала. Пйшовъ нашъ кумъ жыты та Бога хвалыты, стали його уси знаты, стали до себе запрошаты та шановаты, та усякымъ добромъ його надилыты; наживъся нашъ знахыръ, буде зъ його стилькы,—ставъ винъ заможнійшый видъ усихъ на сели.

Ажъ ось и до його черга дошла. Сكيلкы не жывы на симъ свити, а того свиту такы не мынуты—треба йты такы у свою госпуду видвичаты за грихы свои передъ Господомъ. О! довго жъ то винъ сердешный боровся зъ горемъ, усе такы не подавався, жалко було съ худобою розстатыся, а дали знемигъ таы та й злягъ на Божу постиль: хырие бидураха та все поглядуе: чы нема кумы у ногахъ? такъ нема, не видно ййи; винъ и радие: ну, ще трохи такы поживу на свити. А дали якось то зыркъ черезъ голову угору—ажъ стойить вона у головахъ, голубка кума його люба. Якъ побачывъ ййи, то мовъ окропу хто на його зливъ, такъ зъ його пить видъ ляку польвса; а писля, одумавшысь трохи, та й каже:

— Жинко моя, диты, ходите сюды! А переверните лышень мое лижко; що я лежу такъ, де теперъ голова моя, поставте туда ногамы.

Перевернулы, такъ що жъ—и смерть посунулась

слидомъ за нымъ и впять стала быля голивъ його. Бачыть винъ ййи бидолага та знову просыть:

— Поверните лижко та поставте оттакъ, отсюды! А нуте ще й оттакъ!

Ни, не помагається! кума його люба усе быля головы въ його. Отъ винъ бачыть сердешный горе свое, здыхнувъ тяжко, перехрестывся та кризь сльозы й каже йимъ:

— И-вже! Годи мудроваты! Постановите лижко такъ, якъ воно спершу стояло, та готуй, жинко, сорочку на смерть мени та свичку у руки, бо вже верты—не верты, а треба вмерты.

156. Смерть увиходе въ хату.

У одного чоловіка умирало невелике дытя. И чулы люде, якъ коло тейи хаты ходыло щось и голосыло, а потимъ увійшло у хату биле, биле, якъ снигъ и, ничего никому не сказавшы, скоро и выйшло. У ту жъ саму годьну, якъ смерть (бо то була смерть) выйшла зъ хаты, и дытына умерла.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С. Чудновская.

157. Смерть — домовыною.

Маты моя та ще одна жинка ишлы пизно зъ гостей. Ничъ була мисяшна. Идутъ вони по вулицы, колы проты йихъ, попидъ плетнемъ, сунеться домовына. Вони обьдвѣ дуже поперелякувались, и маты кинулась назадъ, а тая жинка упала на мисти. Маты зъ людьмы прыбиглы до жинки и застали ййи уже мертвою.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Александры Базилевичъ М. С. Чудновская. 1898.

158. Смерть зострила на вулиці.

Занедужала у жинки дытына. Понесла вона ййи да знахаркы; пошептала знахарка дытыну, и жинка верталась додому. Дило було уночи. Поворачуе жинка у улыцю, а изъ другойи выходыть смерть у билій сорочци, висока.

— Дорова,—промовыла жинка, не догадуючысь, што то смерть. Смерть на сее ничего не одказала, тилькы такъ крипко заголосыла. Прыходыть жинка додому, ажъ на рукахъ у нейи мертва дытына. Догадалась тоди жинка, кого вона бачыла на вулиці, й чого воџо голосыло.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С. Чудновская. 1898.

159. Манея звищае смерть.

I.

Ишовъ чоловікъ зъ беседы пизно уночи и бачыть винь, що сунеться шось високе у чорній одежи и каже:

— Усе село смерть выбрала, а сійи улыци не зачепыла.

— А тоби,—каже чоловікъ,—треба тутъ ходыть? Геть выдсиля!

Такъ манея и посунулась далей, а у того чоловіка заразъ же диты померлы, а потимъ пошлы мерты и по всій тій вулиці.

Записала отъ Митрофана Шульги въ с. Выбляхъ Черниг. у. М. С. Чудновская. 1898.

II.

Оце зновъ якъ почалы у насъ у сели мерты диты, такъ бачылы, що по вулиці йшла такъ вродь бы жинкы, иде, та такъ же голосыть, та прыплакуе:

— Боже жъ мій, диточки мойи любійи, диткы мойи голубьяточкы!

Плачучы и пишло удовжъ села. Выдно, зновъ багато дитей помре, шо манея голосыть.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Дорофея Мулача М. С. Чудновская. 1898.

160. Смерть голосыла.

Тожъ то, мойи голубъята, шо воно таке й буде? Сю ничъ чую—шось иде вулицею и голосыть, та такъ голосыть, якъ по мертвому, та й пишло на кладовыще.

— Э, кумасю, такъ се буде поморщына: се смерть голосыла. Такъ одного году було, такъ шо дитей передушывъ оттой дихтерыкъ!

Записала отъ крестьянокъ с. Выбель Черниг. у. М. С. Чудновская. 1898.

161. Моровыця трычи на ривъ ходыть.

У насъ, а мо и по усихъ селахъ, моровыця ходыть по вулицяхъ тры разы у годъ. Сама вона похожа на корову, и якъ иде, то почмыхуе и часто коло дворивъ становыться. У ту пору, якъ вона иде, коровы страшенно ревуть, а собака ни одынъ не забреше, покы вона обйде село. У тимъ двори, куды вона зайде, безприминно подохнутъ уси коровы и собаки.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Ив. Муцкаго М. С. Чудновская. 1898.

162. Моровыця конемъ.

Одного году люде бачылы, якъ середъ ночи по селу трычи пробигъ кинь, тилькы не настоящий кинь, а одни кисткы необтягнутые шкурою. Люде кажуть,

що то була моровыця, бо у той годъ багато пропало усякойи скотыны.

Записала въ с. Выбляхъ Черниговск. у. отъ Петра Мушкаго М. С. Чудновская. 1898.

163. Моровыця лякае молодижъ.

Було уже пизно. Хлопци и дивчата сьдили на колодкахъ, спивали, балакалы. Колы жъ пидходить до йихъ щось страшне зъ блыскучымы очыма; якъ дойшо до колодокъ, закрывало и зупынилось.

Се видно була моровыця, бо якъ тилькы вона кривнула, заразы по селу заревлы коровы. Хлопци и дивчата полякалысь и сьдили ни жыви, ни мертви. Моровыця трохы постояла, а потимъ де и дилась, тилькы щось загуло, мовъ гримъ.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у., отъ Петра Курильца М. С. Чудновская. 1898.

164. Чудо.

Бувъ у чоловика сынъ парубокъ. И винъ його оженивъ—узьявъ молодыцю. Отъ разъ на празныкъ Чуда винъ загадавъ йимъ кудысь на роботу йты. Вони пишылы, а ввечери прыйшылы додому, повечерялы й пишылы спаты въ коморю—молоди.

Отъ той чоловикъ спыть, колы щось якъ застукае въ двери. Винъ пытае: «Хто тамъ?» А воно каже:

— Одчыны, Даныло, я Чудо.

Винъ излякався, не видчыняе. Отъ воно разивъ пъятнадцять стукало, а винъ не одчынивъ. И якъ излякався, такъ довго не спавъ, а тоди такы заснувъ. Уранци уставъ, колы коровы ходять по двору. Винъ думае: ото якъ довго молодыця спыть и до коровы не встала доси. Пишовъ будыты: стукавъ, стукавъ

у двери — не чутъ никого. Винъ тоди злякався, пишовъ до сусиды, поклыкавъ його. Тоди ломомъ двери выломлы, ажъ молодыци немає въ комори, а сынъ його стойить за полубочкомъ и руку держыть и йистъ. Сама рука осталася, а то всю жинку ззивъ. А руку не съ пальцивъ почавъ йисты, бо тамъ винчальни перстини булы, а съ плеча.

Його пытають:

— На шо ты ййи ззивъ?

А винъ:

— Я й васъ усихъ пойимъ.

То винъ не самъ йивъ, а то въ йому нечыста сыла.

Чудо такъ його покарало, шо робывъ на його.

Такъ його й розстрелылы.

Це ходылы люде у Хвойкы, тамъ якась икона есть, — такъ тамъ це й чулы.

С. Жеведь Черниг. у. Отъ дивчины. 1898. М. Н. Гринченко.

V.

О жертвецахъ.

165. Мертва маты прылітае до сына.

Умерла у насъ одна жинка; закопалы ййи, та не запечаталы, бо никому було: тоди саме й пипъ умеръ. Сынъ сйи жинкы пишовъ на ничъ у млынъ. Иде и бачыть, шо саме у тимъ мисти, де заховалы матиръ, свитло горыть. Подыввсь винъ и пишовъ. Прыходыть, колы маты на крылахъ прылітае до млына и почала здыратся на млынъ и гукать сына. Коло млына недалеко була и хата сього чоловика,—винъ гукнувъ собаць и ставъ ййи цьковать. Собақы ййи и одогналы. На другый день сынъ росказавъ людямъ. Одкопалы ййи, колы вона лежыть уже не такъ, якъ слидъ мертвецамъ. Пробылы тоди люде жинку осыковымъ колкомъ:

Записалъ въ с. Муравейкѣ, Черниг. у. Отъ Мир. Лобуса Иванъ Мункій. Сообщила М. С. Чудновская.

166. Мертва ридна маты нападае, мертва хрещена обороняе.

Одна дивчына выйшла съ хаты и бачыть—у церкви світытсье. Вона пишла туды, ажъ тамъ мертвыи говіють. А хресна матка ййѣ вгледила та й каже: «Иды, дочко, швыдче, а то якъ угледыть тебе руодна матка, такъ иззіѣсть». Такъ вона и втекла. А друга тожъ побачыла, шо світытсье, прыйшла, а руодна матка и вгледила, прыйшла до нейи и стала роспытывать:

— Шо тобі, дочко, саме важче?

А та каже:

— Мени, мамочко, саме важче мачуси годять та сорочку робить.

— Якъ же тобі важко сорочку робить?

— А якъ же? Поки ййи посіѣй да пополы, тоди воно поросте, треба його побраты, тоди посушыты и помолотыты, тоди помочыты, потягаты, посушыты, потерты, помъяты, помыкаты, попрясты, помотаты, посноваты, навты, у нить кыдаты, у бердо, тоди въ набылкъ и заткаты, и выткаты, и вбіѣлыты, и пошыты, и надиты...

И такъ вона розказуе матци, а сама задкъ йде, а матци здається, що вона стойить изъ ею гомоныть. Тоды вже й до хаты такъ дойшлы, а дивчына задкъ одчынула хату и вскочыла въ сіѣны и двери засунула. А матка тоды каже:

— Ну, щасте твое, а то бъ я тебе ззіѣла.

— На що бъ же вона ййи ззила?

— Такъ дуже зрадіѣла, що побачыла.

С. Жеведь, Черниг. у. М. Н. Гринченко въ 1899 г.

167. Завишеный не мае на тимъ свити СПОКОЮ.

У сели Муравейци повисывся одынь чоловикъ, и отъ якъ його закопалы у землю, и ставъ винъ по вулицяхъ ходыты. Иде та й спивае писни, а якъ дайде до своей хаты, то такъ голосыть, що ажъ сумно стане, якъ почувешъ. Така тамъ, кажуть, и жинка е, вона тежъ ходыть по селу и спивае, або голосыть.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С.
Чудновская.

168. Мертви говіють.

— Чы у вась буае въ пуостъ глухый тыждень?

— Ни, не буае. А въ вась же колы буае? И шо жъ то за глухый тыждень?

— То такъ зветьсе: глухый тыждень. У пуостъ на другому тыждни буае. Тоды не говіють, и въ церкви не правытсе. Кажуть, шо тоди опасно правыть у церкви, бо тоды мертви говіють.

С. Жевель, Черниговск. у. М. Н. Гринченко. 1900.

169. Мертвыхъ треба помынаты.

Почувъ одинъ багатый чоловікъ, шо його бидна сусидка на диды ничего не варыла, и позвавъ ййи до себе. Погостювавшы, уже пизно жинка верталась додому. На вульци обступылы жинку мертвякы, и вона чуть жывая ускочыла у свою хату. Замкнула вона двери, колы дывытсе: уси тйи мертвякы пидъ викнамы и плямкають ротамы. Поставыла скоришъ жинка пляшку зъ водою и чарку, бо такъ, кажуть, годытсе, щобъ мертвякы у хату не загледалы. Тоди воны годи плямкаты и пышылы соби зъ пидъ виконъ.

Записала въ Черниг. у. Отъ Марьяны Новиковой М. С. Чудновская.

Другой разказъ на ту-же тему, записанный въ Козелецкомъ уѣздѣ Черниговской губ. Ал. Шишацкимъ Илличемъ, напечатанъ въ № 24 (стр. 269) «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1853 г. Такъ какъ въ настоящее время почти нѣтъ возможности пользоваться этимъ изданіемъ, ставшимъ большою рѣдкостью, то мы перепечатаемъ здѣсь этотъ разказъ.

Уже то наши покойные диды не дарма выдумалы помершыхъ помынаты... Стало быть тутенькы е такы якась польза, якъ вы звольте мовляты. Бо старые люды кажуть, шо екъ не стать помынаты покойныкы, дакъ

Йимъ таменькы тяжко буде лежаты. Видъ того вони и сняться частенько и по хатамъ опивничъ мусяць блукаты, и шкоды часомъ роблять. Отъ, прымиромъ сказаты, у насъ,—усе село про тее знае, що баба Семена Ковалева,—винъ, бачъ, держыть Федорцивну, изъ роду Малышивъ,—якъ тилькы вмерла, то й почала ходыты у господу. Було, якъ тилькы пивничъ глупая зайде, ще до трейтихъ пивнивъ, то въ хати, якъ уже вси хропуть соби смертелно, тыхесенько видчыняються двери, и баба Семенова у билому покрывали й суне... Бува, хто небудь, то й чуе, и бачыть, якъ вона посудыною на польци стука, то по хати росхожа, то ухватыть, бувало, метлу, выйде у садъ та й ну роспужувать воронне, що спыть на яблони, чы то на груши, а сама распатлана, выскальвышы зубы, усе знай махае митлою та крычыть: «Го-го! Го-го!..» Разъ, кажуть, прыйшла опивничъ, а въ печи выпекався хлибъ; такъ що жъ вона зробыла?—Екъ ухватыть лопату, що хлибъ сажаютъ, та екъ почала мисыты уси хлибы умисто, то таке накойила, що ни близько... Хлибъ—хоть собаки выкны!.. Ще й лопату у печи zostавыла... Капосты такы частенько вона, бувало, робыть; а знаете видъ того, що зроду було ни хто объ ній не помолыться, ни шага попу не дасть на часточку, ни паныхыдки не поставыть, а екъ стали паныхыды правыты та зъ людмы помынаты, то й перестала опивночи ходыты...

170. Панъ-упырь.

I.

У Чарнигови бувъ одинъ панъ. Отъ якъ винъ умеръ, його заховалы; та ще тоди мабуць не печаталы, якъ те перъ, не заклыналы душу, щобъ не ходыла, отъ и почавъ винъ йиздыть зъ того свиту. Прыйиде та й давай наймытивъ роспытувать, якъ що робыться, а якъ що не

по його, то и бывъ. Наймыты стали докладаться объ симъ архирею. Архирей ставъ пидстерегать того пана. Йиде разъ панъ у карети тройкою, а на зустричь йому йиде архирей, та й прочытавъ молитву,—се було на Красномъ мосту. Панъ и зарывся пидъ мостъ. Позвалы людей, почалы на тимъ мисти копать и одкопалы пана. Лежыть панъ и съ пидъ лоба дывыться и сміється. Узялы тоди осыковый колокъ и пробылы йимъ пана, а кровь якъ свыснула цивкою, то ажъ на тры аршыны угору была. И писля сей панъ уже зъ того свиту не йиздывъ.

Записала въ Черниг. у. отъ М. Плиски М. С. Чудновская.

II.

Давно колысь, ще якъ у Чернигови бувъ архиреемъ св. Θεодосій, умеръ одинъ багатый панъ Б. И ставъ винъ съ того свиту йиздыть по Чернигову. Тилькы було смеркнеться, то винъ уже и йиде у карети, четверыкомъ вороныхъ, съ кучеромъ и хварейторомъ на козлахъ. И такъ винъ йиздывъ щовечера.

А одного разу ще не смерклось добре, а Б. уже йиде по Трысвятській гребли. «Хто йиде?» пытають люде.— Б.,—каже хварейторъ. Тутъ одинъ чоловикъ махнувъ хрестомъ: «Будь же ты, Б., проклять!»—каже винъ. Заразъ и кони, и карета де й дилысь, тилькы у болоти, що николы не высыхае, дуже загуркотило. И съ того часу Б. уже бильшь не йиздывъ.

Запис. въ с. Выблякъ Черниг. у. отъ М. И. Черниской. М. С. Чудновская.

171. Не беры ничего въ мертвяка.

А то разъ парубкы й дивкы ишлы черезъ гробкы. Багато ихъ, такъ и не бояться. Колы встае проты ихъ мертвякъ—высокий, высокий у билому, и голова билою

хусткою накрыта. Одна дивка пидбигла та й ископыла зъ головы хустку. А воно якъ загуде, такъ той мертвякъ не знать де й дився. Вони полякалыся та тикаты. И та дивка хустку кынула та тикае. Прыбиглы на досвиткы, двери защипнули, думаютъ— слава Богу, втекли. А та дивчына дывыться—ажъ хустка въ нейи. Колы чуютъ—якъ загуде, якъ загуде—ажъ то той мертвякъ—прыхшовъ пидъ викно, каже: «Подай мое!» Вони полякалыся, ажъ трусютъся, а воно все: «Оддай мое!» И такъ ажъ покы пивни заспивалы. Тоди загуло й не стало його.

Отъ тій дивци й кажуть:—«Пиды на гробкы и положи хустку йому на могылку!» Вона такъ и зробыла: однесла хустку и положила йому на могылку. Отъ попрыходылы вони зновъ на вечорныци. Колы такъ опивночи якъ загуло, и впъять воно пидъ викнами ходыть, крычыть: «Оддай мое!» А хустка вже впъять у дивчыны. И такъ якъ почало, такъ що ночи. И палылы ту хустку—ни, не пособляеться, упъять и стане въ нейи. Та вже дивка бидна ажъ иссохла, такъ журыться. Одъ тоди й присовитувалы люде, щобъ поклыкаты батюшку його заклынаты. Батюшка прыхшовъ у ту хату, почалы правыты. Колы воно такы прыхшло и крычыть: «Оддай мое!» Отъ батюшка вже повичытувавъ усе, тоди ту хустку начепывъ на рогач и давъ дивчыни, щобъ вона такъ подала. Тоди каже: «Одчынить двери!» Одчынылы двери, воно увийшло и крычыть: «Подай мое!» Дивчына дае хустку на рогачи—не бере: «Рукамы брала, рукамы й надинь на мене!» Тоди дивчына накынула йому хустку на голову, а воно ййи за руку—якъ загуло, такъ не знать, де й дилося. А дивчыны й по сей день не бачылы.

— Де жъ вона дилася?

— Соби забрало.

Харьковск. губ. М. Н. Гринченко. 1883.

172. Магъ держыть мерця въ труни.

— Оце Амосъ умеръ, такъ я боюсь и за воротымы сыдѣть.

— Чого?

— Вуонъ було якъ іѣде, такъ стане на мосточку та й погомонить изо мною. Такъ я й боюсе теперь, що побачу його тамъ.

— А хыба вы чулы, щобъ мертви ходылы?

— Хто-й-зна, кажуть, шо ходять. Отъ у насъ у слободѣ якъ умерла одна баба, такъ хыба не ходыла до дому у ступи товкты?—Колы не віѣрите, такъ попытайте оту діѣвчыну Параску, шо ходыть до мене, то ййи баба.

— Ну, розкажыть же, якъ вона ходыла?

— Значыть, якъ поховалы ййи, такъ перву нуочъ бабы надъ колывомъ сыдѣлы. Тожъ уже въ насъ такъ шо старыйи бабы надъ колывомъ сыдять. Отъ вони чують—товче шось у хлеви въ ступи. Ну, бабы не боялысе: узялы свѣтло и пышлы въ хлѣвъ, одчынылы двери, подывылысе—ничого нема. Увойшлы въ хату—впѣять товче. И на другу нуочъ товче. Вони тоди, значыть сынъ та невіѣстка, вынялы товкачъ изъ ступы до дванадцаты день. Йимъ такъ сказалы, шо вона до дванадцаты день ходытыме. Тоди якъ выйшло дванадцать день, вони однеслы товкачъ у ступу, и впѣять вона товче. Такъ, кажуть, шо прывозылы вони батюшку тыхенько рано-рано на гробкы, щобъ заклынавъ, такъ тоды вже й не стала ходыть. Ще жъ и макомъ за нею сѣялы, та й то ходыла.

— Якъ же макомъ сѣялы и на шо?

— То вона, бачыте, шось знала, ну просто, кажуть, шо вона віѣдьма була. Такъ уже ййи якъ ховалы, такъ невіѣстка завѣязала маку-выдуты у вузлыкъ и въ домо-вину положыла и мойой матци дала маку тожъ выдуты,

щобъ за домовною сіѣяла. Такъ моя matka приходить та й каже:

— Ну вже Васылыха шось знала, недурно мени дали за домовною макъ сіѣяты.

— На що жъ макъ сіють?

— Ото жъ вона якъ устане щобъ иты, такъ йой треба макъ поличыть и той, шо въ дымовини, и той, шо по дорозіѣ. Покры поличыть, то вже й не вспіе дойти. А ця така була, шо й поличыть, и прыйде.

С. Жеведь М. Н. Гринченко.—См. въ этой книгѣ въ отдѣлѣ II № 34, X.

173. Мертва жыве на земли.

Була у однійи жинкы тилькы одна дыгына и та умерла. Такъ молыла маты Бога, щобъ хочъ у сны побачыть свою доньку. Иде вона на диды, колы идуть йійи покойни батько, матирь и зъ йимы и йійи дочка. Ухопыла жинка свою дыгыну та скоришь додому. И такъ прожыла зъ ею ажъ цилый рикъ, никуды не пускала видъ себе свою дочку. Прыйшлы зновъ диды.—«Ну, каже дочка,—пишлы наши—пиду й я!» И де й дилась. Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Марьяны Новиковой М. С. Чудновская.

174. Закладъ.

— А я мертвыхъ не боюся.

— Бо дурна! Грихъ мертвыхъ не боятыся.

— Чого тамъ грихъ? Я бѣ наче й на гробкы вночи сама пишла.

— Пишла бѣ, такъ уже вдруге не ходыла бѣ.

Стара баба:

— Ни, якъ такъ питы, такъ воно ничего, а якъ закладатыся, такъ грихъ, и то вже не мынется. Одынь

парубокъ закладався, що, каже, пиду на гробкы въ глупу пивничъ. Хлопци кажутъ:

— Не пидешъ!

А винъ:

— Пиду. Отъ давайте обь закладъ, шо пиду!

— Ну, а почому жъ мы визнаемо, шо ты тамъ бувъ?

Ты жъ насъ одурышъ.

— Идить слидкомъ за мною, то й побачыте.

— Ни, мы не пидемо: якъ за тобою поженеться, такъ тоди й намъ не мынетъся.

— Ну,—каже,—такъ я оцю хустку гвиздомъ до хреста прыбью.

Ну, добре, узявъ винъ молотокъ и гвиздокъ и пишовъ. Пишовъ, а ти дожыдають. Ждать-пождать—нема; ждатель-пождатель—нема. И до свиту нема. Якъ розвыднылось,—ти хлопци на гробкы, ажъ винъ коло хреста мертвый лежыть, и хустка до хреста прыбыта. Сталы його пидниматы—шось не пускае. Вони полякалыся, а тоди роздывылыся, ажъ винъ изъ хусткою чумарку свою до хреста прыбывъ.

— Отъ бидный! То жъ винъ мабутъ подумавъ, шо його мертвякъ держыть та й умеръ съ переляку.

— Дурни вы! А черезъ шо жъ винъ чумарку гвиздомъ прыбывъ? Ото жъ його й накарало, щобъ не закладався.

Славяносербскій у. Екатеринославск. губ. М. Н. Гринченко.

Два варианта этого разсказа, записанные неизвѣсто кѣмъ въ Черниговскомъ уѣздѣ были помѣщены въ № 27 «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1852 г. (стр. 286 и 287). Такъ какъ это издание представляетъ въ настоящее время большую библиографическую рѣдкость, то перепечатаваемъ ихъ отсюда.

1. Да тее Бухъ его знае, чи можно (иты въ закладъ) *), чи нѣ, а все таки тее кажутъ, шо Божому

*) Записыватель говоритъ, что по понятію поселянъ закладываться или держать пари—ужасный грѣхъ, или, какъ они выражаются, грѣхъ *непрощенны*; что закладъ выдуманъ самымъ старшимъ чортомъ; что въ закладъ идти все равно что лишитъ себя жизни или умереть *намо*.

чоловѣку нѣякъ нельзя. Аже жъ бачте, якъ старые люде кажуть: борони Боже ити въ закладъ. У насъ колись було таке диво, пане... Ось послушайте, коли хочете.— Колись муой покойный дѣдъ, нехай царствуе, перомъ ему земля... Аже жъ ты знаешъ его, Майсѣй?—А якъ же таки я не знаю? Лаврѣнъ Криволапенко, що живъ колись на концѣ кле Чепелихи вѣдьмы? Ге, ге, знаемо усѣ!--Декъ от-той же дѣдъ намъ колись розказувавъ, що екъ бувъ вуонъ парабкомъ ище, такъ, бачте, збирались на масляну недѣлю гулять, наняли уже, бачте, того музыку, напилисе усѣ гарѣлки, да й ну гулять; а деле вже, екъ понापивались добре, декъ одинъ паробокъ и каже:

— А нуте лишень, братцѣ, хто пуойде въ закладъ со мноу: нехай хто трейки оббежить кругомъ старого шпитала, где, кажуть, щось такее усе гуде, неначе собака, да ще, обѣгши кругомъ, нехай и палочку устыркне у землю супротивъ того угла, гдѣ образы Божіѣ колись стояли; тому, хто сее такечки изробить, кварта горѣлки.

Отъ одинъ обобрався, каже, такий знатны, хибѣтливый хлопецъ, да й пошовъ бѣгать. Три разы оббѣгъ, да й ставъ палочку устыркать у землю супротивъ того Божого угла, гдѣ образы стояли; нагнувсе, да якась и прыстыркнувъ тею палочкою полу одъ своѣ свиты; прыстыркнувъ да й сидить тамечка; ждали, ждали—немае паробка.—Що це тее за знакъ,—кажуть,—пуойдемъ, подивимось. Пришли, ажъ сидить; гукать—не чуе; коли пришли, ажъ вуонъ мертвы. Тутечка усѣ полякались да оттудова утекомъ. На другій день наѣхавъ судъ: зняли паробка того зъ землѣ, вертѣли довго, глядѣли, питали, каже, у насъ; мы кажемо: Не знаемо нѣчого, хто его знае. Декъ уже стали усѣ у селѣ казать, що оце все одъ закладу, що вже оце чортъ икъ сабѣ его взявъ да на юомъ теперечка ѣздить, бо вуонъ себе заложивъ

ему.—Оттакее то, вашіѣ высокіѣ благородіѣ, лыхо одъ сего закладу.

2. Що це, пане, за причта, що тутечка за диковина? Отъ то диковина, що колись, кажуть, десь тутечка кле мѡгилокъ, у напуомъ, бачте, таки й селѣ, стояла церква Божа и звониця кле тоѣ церкви була, теперъ уже и мѣста того не знаютъ; дакъ кажуть, що оттакечка на каляды позбирались хлопцѣ и дѣвки гулять, да вже, сказано, не безъ горѣлки гуляють; гуляли от-то вани до самоѣ пуовночи; нуочь була хоть око выколь, така вельми темна, а хуртовина така зняласе, що й свѣту Божого не видно, мете й несе.

— От-то, братцѣ, кажуть, яка знялась хуртовина и нуочь темная екая; от-теперечка екъ бы хто бувъ добры молодець да одваживсе пробѣгти до церкви, да послухавъ, що тамечка теперъ спѣвають мертѣяка.

А одинъ такъ зарезъ и каже:

— А що жъ, що минѣ за тее буде?

— А то жъ и побѣгъ бы?—кажуть ему.

— А що жъ, пойду; ще, коли хочте, каже, полѣзу на звѡницу да зниму серце зъ звона и сюды ще й принесу.

— А нужъ, ну,—кажуть ему,—отъ же бо не зробишь сего.

— Отъ же зроблю, давайте хто у закладъ.

Тутечка одинъ подбѣгъ и заложився объ повкварти; а паробокъ за двери. Тутечка давай зъ его усѣ смѣятця:

— Нехай,—кажуть,—добре пробѣгаецця да якую небудь вѣдму поносыть на плечахъ!

Ажъ, коли сее кажуть, вуонъ уже и стукае у двери:

— Очинѣть, каже, хлопцѣ!

Вани очинили, диветця, ажъ у его у рукахъ справдѣ сердце одъ звона. Уже тутечка, якъ не були пъяны, а такечка одъ сего усѣ и помлѣли; страхомъ такечки и ошибло усѣхъ: одинъ за другого ховаютця, и самъ тей паробокъ, шо закладався да знявъ зъ звона сердце, такій прибѣгъ бѣлы, екъ полотно; ничего нѣкому не говорить, стоѣтъ кле порога, да ажъ увесь труситця; дѣвки усѣ полякались, ховаютця; а деле вже одинъ якось одумавсе да й каже:

— Шо це, братцѣ, мы робимо,—аже жъ намъ бѣда за сее буде; нехай скорѣй несе да повѣситъ; а то нѣчимъ буде й до церкви Божоѣ позвонить.

А тей уже, шо знявъ, и каже:

— Нѣ, братцѣ, уже самъ не понесу, боюсь, шось уже за мною бѣлее гналось, да все крычало: а на шо, каже, ты знявъ, на яку потребу, яке твое дѣло, на шо, каже, заложивъ свою душу?

От-тутечка ще й буольшъ усѣ полякались, а дале и кажутъ:

— Понесѣмо, братцѣ, усѣ: воно, може, побоѣтця, якъ насъ буде богато.

Взяли тее сердце, понесли, причепили зновъ, якъ воно було, да й вернулись, щобъ, бачте, провести дѣвокъ додому, коли туольки шо въ хату, ажъ екъ схватитця вѣтеръ, да засвище шось такее у окна, да зареве, декъ ажъ стены у хатѣ затрѣщали; а деле викно ододрало да й каже, кинувши сердце одъ звона на стуоль:

— Оце табѣ сердце; коли самъ изнявъ, дакъ самъ иди и повѣсь!

От-тутечка усѣ якъ мертвы постали; а тей, бѣдняга, кажутъ, узявъ сердце да й пошовъ на звоницу, щобъ причепить, бо вже, бачъ, робить тутечка нѣчого, коли велено. Пошовъ да оттудова й не вернувсе. Серце на завтре було причѣплено такечки, якъ воно й було, не-

наче, казавъ паламаръ, нѣхто нѣколи его й не знимавъ, да паробка не знайшли: хто его знае, де вуонъ дѣвсе. Уже нескоро матцѣ покуйнаго приснивсе сонъ, неначе гледить вона, «ажъ сынъ, каже, муой знимае нашось сердце зъ звона, коли бѣлее щось; вано неначе й чаловѣкъ, такъ забѣгло ему ззаду, ухватило посерединѣ да зъ ѣмъ у землю й пошло».—Отъ якъ закладъ сей робить, пане, и що вже тутечка чалавѣку супротивъ Божяѣ силы ити!...

буд...

Ажъ, ...

двери:

— Очинѣть, каже;

VI.

О людяхъ съ чудесною силою
(вѣдьмы, ворожки, волшебники и пр.).

175. Видьмы вчаться видьмыты.

I.

Якъ повыбывала Устя Гордіенчыха ноги, падаючы зъ воза, то йій пораялы прывезты зъ Смилы костоправа (а костоправъ той славывся на всю округу). Отъ и прывезлы його у Иржавецъ. Зробывъ винъ, що знавъ тимъ ногамъ Устынымъ и попрохавъ одвезты його назадъ. Запрягли коня, и сама Устя налагодылась йихаты зъ нимъ. Це було дуже рано, удосвита. Йидучы черезъ иржавську греблю, дидъ штовхнувъ ликтемъ Устю и показавъ рукою на берегъ. На берези стоялы дви жинкы, а коло йихъ несчысленна сыла усякого гаду.

— Ото бачышъ тыхъ жинокъ,—то дви видьмы дочуються видьмыты, а ту гыбиль гаду, що коло йихъ, бачышъ,—безъ того гаду навчытысь видьмыты не можна.

Устя съ переляку заплющыла очи и мерщій погнала коняку. Усю дорогу вона боялась балакаты съ костоправомъ, навить глянуты на його не насмилялась.

Каневскій уѣздъ. В. Ф. Степаненко.

176. Въ науци у знахаркы.

Давно колысь, ще за паншыны, у насъ такы въ Иржавци та жыла моеи бабы баба—Рыхвенка. Багацько де чого волошебного знала вона, а тымъ и ославылась навкругы, якъ найкраща знахарка й шептуха; люде до нейи такъ и рнулы, такъ и рнулы за всякымы порадамы. О, вона була дуже знахоровыта людына!—усимъ помагала, а кого, то й навчала де чого. Одного разу прыйшла до Рыхвенкы моеи такы бабы свекруха—Хвесья та й прохае:

— Навчить мене, бабусьо, хочъ де-въ-чимъ знахоруваты!

— Добре, моя дытыно, навчу,—вже кого-кого, а тебе навчу—я стара людына, день мени вику, та воно й не потрибне вже мени,—хочешъ, я видьмуваты навчу тебе?

— То й навчить,—одказала Хвесья,—а за се я вамъ дурно не схочу, щось та перекину.

Отъ баба Рыхвенка й каже:

— Пиды жъ ты спершу на базаръ та купы нового горшка, намитку и съ пивъ моташкы заполочи,—тыльки жъ гляды, не торгуйся ажъ ни трошки, щобъ не заправылы, те й давай. Якъ все це вже здобудешъ, тоди й прыходь до мене, та тыльки на ничъ.

Хвесья все такъ зробыла, якъ велила Рыхвенка и одного вечора прыйшла зъ покупкамы до нейи. Рыхвенка поралась коло вечери и звелила Хвеси посыдиты покы шо. Незабаромъ Рыхвенка упоралась. Насыпала вечерять, повечерялы уси, и дидь—старойи такы чоловикъ—полизь соби на пичъ, а воны, обыдвы, взялысь мыскы та ложки мыты. Якъ почувла Рыхвенка, шо старый вже хришъ, вона штовхнула Хвесью та й каже:

— Ходимо, моя дытыно зо мною! Якъ разъ гарна по-

ра настала, теперъ нигде вже й никого немає на шляху, безпечно буде йти,—ходимо на гробкы!

Выйшли на двирь, а на двори хочъ въ око влипы, такъ темно. Идутъ вони по пидъ тынню, а Рыхвенка й каже:

— Гляды жъ, щобъ за однимъ духомъ набрала писку въ горшокъ на гробкахъ, бо якъ не наберешъ за однимъ духомъ, то дило не вгорить.

Прыйшли ото вони на гробкы. Хвесю такъ страхомъ обгорнуло, що якъ набирала того писку въ горшокъ, и нигъ не чула пидъ собою, такъ ии трусьло—навить согришыла килка разивъ. Якъ вже нагребла писку, тоди Рыхвенка звелила Хвеси, щобъ вона обвинула той горшокъ намиткою и обвязала по пидъ винцямы намитку заполоччу. Зъ гробкивъ пишли вони прямо до ричкы—на Пылявську греблю, що була ще колысь за пана Янька зъ невеличкымъ млынкомъ. Надійшовшы до самойи ричкы, Рыхвенка й каже:

— Хвесю, я хочу все свое знахирство здаты на тебе, бо я вже совсимъ нездуженна до сього, а ты людина ще молода и кременна.

— Навищо воно мени здалось!—ажъ крыкнула Хвеся,—мени тилькы хотилось знаты, якъ заговорюваты панивъ, та де яки шепты одъ пошестивъ... всього мени не треба знаты, цуръ йому, пекъ!...

А Рыхвенка и каже йй:

— То було бъ же такъ и казаты, що не хочешъ, а теперъ вже ничего не поможеться, мусышь те робыть, що скажу: розвязуй горшыкъ та скидай намитку зъ його й накынь ййи соби на плечи!

— Ой, матинко, не хочу, я цього, нехай йому ледасо!—крыкнула Хвеся и кынула намитку, заполочъ та горшыкъ зъ пискомъ додолу, на писокъ. Якъ упало все те дыво коло ричкы, то вода такъ и зашумила, и заклекотила у ричци, мовъ у лотокахъ, або де инде.

Хвесья стояла сама не своя и трусылась съ переляку, якъ одъ пропасныци.

— Ну, про мене, якъ не хочешъ, то й такъ буде,—якъ сердыто промовыла Рыхвенка:—визьмы жъ писку зъ горшка, та, прынамне, сыпны разивъ два у воду!

Хвесья съ переляку не знала, що й робыты—вона то въ той, то въ другый бикъ нибы порывалась бигты, дали нахылылась до того горшка, достала писку, та—порось, порось! нымъ у воду. Якъ глянула жъ вона на берегъ, а тамъ—ажъ кышыть, ажъ шыпыть увесь берегъ гадомъ... та ще й якымъ гадомъ—якъ полоззямъ! Юртується той гадъ, лазыть одно на одного й до Хвеси наблыжається... Якъ закрычыть вона, якъ заверещыть на все горло, та звидтиль мерщій—хода до дому... Съ того часу цилый мисяць вона не вставала съ постели, ажъ занедужала съ переляку. До Рыхвенки не тилькы сама бильшь николы не ходыла, а й другимъ заказувала не ходыты и не вчытысь усякыхъ хымородивъ.

Каневскій уѣздъ. В. Ф. Степаненко.

177. Одъ видьомъ.

1. Щобъ видьмы не ходылы до коровъ, треба нарвать на Ивана Купала конопель и поховаты у хливи. Тымы коноплямы выганяты коровъ у пастушъ и якъ женуть, видьмы будутъ пидходыты и просыть оддать конопли.

Ще годыться у сей день нарвать кропывы и поставыть круга виконъ.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Ивана Мосича М. С. Чудновская.

2. Якъ видьма видбере молоко, то добре пидкурюваты корову зилемъ священымъ на Ивана, робыты па-

ру зъ цыганськихъ жужливъ або зъ назбираного зъ дороги каминня.

Восточна Галычына. Болахивъ коло Стрыя. Записала Н. Кобринська.

178. Якъ побачыты видьму.

1. Щобы видьму бачыты, треба засидаты на ню у великый четверъ, або ще липше на Юря, бо тогды найбильше видьмы шастаються.

2. Якъ трафыться полино, що мае у соби сукъ, то якъ той сукъ выпадє, треба подывытыся черезъ дирку, то тогды абы яка видьма, то мусыть показатыся.

№№ 1 и 2—Восточна Галычына. Болахивъ коло Стрыя. Записала Н. Кобринська.

3. Якъ хто умре на заговины на маслену, то выберы у трискахъ изъ труны таку трисочку, щобъ була дирочка одъ сучка, и якъ подывышыся у тую дирочку—побачышь усихъ видьомъ.

4. Наличы трейчи по девъять голокъ, положъ на сковороду, налий молокомъ и уставъ у пичъ. Якъ такъ зробишь, видьма прыбижыть до тебе у хату.

5. На Велыкдень, якъ обйдуть на утрени круга церкви и стануть уходыты у церкву, треба де небудь недалеко стать и дывытыся, колы хочешъ побачыть видьомъ. Вони будутъ уходыты позаду усихъ, и кожна буде циловаты у замокъ.

№№ 3 и 4 (с. Выбли Черниг. у.) № 5 (Рыльскій у. Курск. г.)
записала М. С. Чудновская.

179. Чымъ видьма являється.

I. Видьма людною.

А. Разъ одинъ чоловікъ пошовъ гулять, ажъ бачыць, шось попередъ його иде вродли чоловіка, дакъ винъ ставъ його наганяць, а далей каже: «Чоловиче, пожды мене!» А воно мовчыць, дакъ винъ тоди бигомъ за нымъ, а воно навпроты його да давай його давыць, а чоловікъ не могъ промовыць слова, а далей давай чытать молитвы, дакъ воно и пошло одъ його, и винъ николю того уже не бачывъ. Се видьма.

С. Выбли Черниг. у Записалъ ученикъ нар. школы Иванъ Новиць.

Б. Одного разу чоловікъ ишовъ изъ гульни; да тильки що дойшовъ до Павла, ажъ шось у хвортчку иде, глядь—видьма, да за йимъ, а винъ не вельмы испужався, да давай ламать колокъ зъ плетня, а вона и иде до його, дакъ винъ на ейи замахнувся колкомъ; а видьма все такы на його лизе, тоди чоловікъ куды видно и утикъ.

Записалъ ученикъ Выбельскоѣ школы Иванъ Новиць.

II. Видьма овечною.

Чотыри годы уже пройшло, якъ бачывъ я сюю нечысть. Гулялы мы весилля якъ разъ на святу недилю. Проты четвертого дня святойи мы уп'ятыохъ, п'яненьки правда, такъ якъ опивночы ишлы по домамъ изъ весильного дому. Колы дывымось, бижить по улыци проты насъ чорна овечка; мы за нею; колы изъ овечкы зробывся чоловікъ; мы й за нымъ; винъ тоди якъ чкурне, тилько його й бачылы,—хто його зна, де винъ и дився. По моему то буда видьма.

Отъ рабочаго Платона Бартоша (неграмотнаго) въ с. Свѣтильномъ Остерскаго у. Черниг. губ. И. Е. Комоваль 1899.

III. Видьма щенягъ, сорокою.

У насъ у Кулыковци у одного чоловіка, звяняй-те, отелылась коровка, ну чоловікъ и жинка сѣдять ждуть, щобъ узять телятко у хату. Колы дывляться, де не возьмысь щеня, та туды жъ до коровы. Воны и байдуже, думалы, що мо сусидське. Забрали телятко и коровку погналы у хату—и щенятко слидомъ. Уходятъ у хату, колы уже изъ щеняты та зрбылась сорока. Поймавъ чоловікъ ту сороку и выинявъ йій ножемъ око; колы передъ йимъ уже жыдовка Юдыха, и кровь бижыть изъ ока. И давай тоди жыдовка кланяться чоловіку та просыть, щобъ винъ никому не казавъ. «На, каже, тоби пятьорку, та здилай мылость не роскажуй!» Узявъ той чоловікъ пятьорку, а на завтра и росказавъ людымъ, якъ було дило: «Оде, каже, у мене пятьорка и Юдыхыне око: бережыться йи, бо вона видьма. Одговарувалась, одговарувалась Юдыха: «Се я, каже, сама себе шпырхнула у око, ровбиравшы курку», а дали одъ сорому и зовсимъ убралась изъ села.

С. Кулыковка Черниг. у. отъ М. Ревкиной М. С. Чудновская.

IV. Видьма собаню.

Одынъ чоловікъ ишовъ, а сучка йому на плечи скуокнула и лапы поклала. Вуонъ узявъ за лапы и несе и такъ лехко, шо и не пудсовуе. Ньюосъ, ньюосъ, а тоды вона выковзнулась, скуочыла за плуоть ще й зареготалась. А моейи хреснойи маткы батько, такъ той у хату внюосъ и хотіѣвъ лапы поодрубовать, такъ вона зрбылась жуонкою. Ще й яка жуонка—кума його. Стала просытьсе, такъ вуонъ и пустывъ. Такъ у його не можна выковзнуться, бо серга золота у вуси.

— Значыть у кого серга у вуси, у того не выковзнеться?

— Ніѣ, не то шо серга, а въ кого золото е: хочъ

серга, хочь перстинь золотый або гроши, такъ у того й не выковзнетесь.

С. Жеведь Черниговск. у М. Н. Гринченко.

Вариантъ разказа о явленіи вѣдмы собакою, записанный П. Косменко въ м. Понорницѣ Кролевец. у. Черниг. г. находится въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1854 г., № 17, стр. 113—114. Приводимъ его оттуда, какъ изъ изданія сдѣланнаго библиографической рѣдкостью.

Нѣ добродію, шо не гомонѣть, а нечиста сыла пахождае таки помежъ народу! Отъ, недалека кажучи и теперь ище живъ чалавѣкъ,—нехай йому легка згадаеще!—на *Пиваравци...**) якъ бу його? Дай, Боже, дураку памяти!... Салабай!... Ишовъ, каже, разъ познеенька адъ Шендрика, да вже звѣсна, якъ идуть адтуля,—геть-геть пудъ чаркою, колы оттамъ, у Грицаевой юлочци, вадкуль не вазьмись сучка йому на плечи... «Э!—каже,—знаемъ, шо се таке! пастой же бѣсова ведюга, я тебе адучу народъ лекать!»—взявъ за лапы да йнесе,—думка: дома распитаемось! Звѣсна, въ суцци вагата не велька, а то, каже, неначе сто пудовъ... «Дарма жъ, буду несты,—дума Салабай: нехай и шлунки забалять, дарма, а данесу!» Такъ то вѣунъ думавъ, да не такъ вышло. Бѣсова вѣдюга постерегла, шо вѣунъ ййи несе не на размову, да давай, каже, и сюды, и туды... «Э! нѣ, дудки, не въ такіе руки попалась, щобъ выкрутыцца!»—да маторнѣй дадому. Шо жъ вы думаете? пересадыла, каже, морду черезъ плечи да й лызъ езыкомъ по щечи, шо ажъ въ очахъ позеленило. «Дарма,—каже,—донесу!» А вана його вдруге... втрейте... Салабай и свиту не вбачивъ да зъ усихъ чатырохъ шибирихъ обѣ землю. «Бѣулшъ ничего,—каже и не знаю...». Люде на завтра гналы череду, дакъ пуднелы його, а шкуры на щечи наче й не було,—и теперь ще шрамъ видны!

*) Часть мѣстечка.

— Раскажуте, добродію,—выдумавъ! Хай бы се выдумавъ одынь Салабай, а то жъ скыльки народу все одно да одно раскажуте. Злучаетце зъ нашимъ братомъ, що иногди и лышню выпешъ, и пудъ плотомъ заночуешъ, а все жъ такы бува шкура на пыци цѣла.

— Вано такъ, вистымо, злучай злучаю розъ, да про сыхъ проклятыхъ віѣдямъ знае й старе, й мале, и куды не пайды—все те жъ гомоняте, що вони апавночи то въ клубки, то въ свиней, то въ сучокъ перекидаютце та коровъ доеть. Ярчукъувъ даветъ або людей лекаютъ, або ще й иншіе капосты робеть. Нѣ таки добродію, нѣчого, е вони, проклетушійи, на свѣти. То що вы ще мало на свѣти живете,—поживете болшъ дакъ може—въ добры часъ поговарить, а въ лихи помовчатъ,—и вамъ злучитце пабачить йихъ нечистыхъ.

V. Видьма сытомъ, праныномъ, котомъ.

Видьма чымъ хоче, тымъ прокынесе: сытомъ, праныномъ або котомъ.

Восточна Галычына. Болехивъ коло Стрыя. Записала Н. Кобрынська.

VI. Видьма полотномъ.

Вы сміетесь, шо мы вирымъ у видьмы, та у инше, а шо жъ бы воно було таке ось хоть се. Иду я разъ у обходъ, дывлюсь—середъ вулицы роскынуто красне полотно. Се, думаю, не къ добру. Узявъ я та палкою и одкынувъ полотно, пройшовъ и дывлюсь. Ничъ була видна, мисяшна. Дывлюсь, нема коло мене никого и ніякого полотна нема. Такъ якъ бы се не видьма—де жъ бы воно дилось? И я не пьяный бувъ, щобъ, скажете, мени замыгало у очу.

С. Выбли Черн. у. Отъ Петра Курильца М. С. Чудновская.

VII. Видьма стиною.

Икъ разъ у опивночь, колы саме ходять видьмы, одынь паробокъ вертався изъ вечерныць. Тилькы шо

винъ повернувъ у вузеньку вулочку, шо по надъ болотомъ, колы передъ йимъ била, блыскуча стина и загородыла собою дорогу.

Постоявъ парабокъ килькы тамъ уже, а тоди якъ розженеться, да у стину; такъ вона и розійшлась на два боки, а парабокъ, мовъ полотно, прыбигъ додому. С. Выбли Черниг. у. Отъ Васылысы Шульгиной М. С. Чудновекая.

180. Черезъ видьму убывъ чоловіка.

Ишли два чоловікы изъ шинку, колы жъ откуля не возьмысь—видьма, та й скочыла на плечи одному чоловіку. Другый, побачывши сее, хопывъ ломаку, та й давай ййи быть. А люде жъ, бачте, кажуть, шо видьму такъ прямо нельзя быть, а то не попадешъ, а треба, щобъ попасты, быть ййи тинь. А той чоловікъ та сього не знавъ: бье, та й бье видьму, не знае того, шо винъ не ййи попадае, а чоловіка, та такъ и убывъ бидолагу.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Емел. Лукаша М. С. Чудновская.

181. Видьмы на Велыкдень.

— Може въ городи й нема віѣдюомъ, ну, а въ насъ есть. Опе на Велыкдень на всюношній якъ идуть круга церкви,—якъ уже до Хрыста дочытаються, та тоди й идуть—такъ душъ коло двадцяты мужыкуовъ батушку бережуть, щобъ вони за рызы не тягали.

— Хто?

— Та віѣдмы жъ.

— На шо жъ вони тягають?

— Значыть такъ йимъ треба.

— А вы бачылы?

— Вже жъ бачыла. Такъ идуть люде круга церкви, а коло батушкы мужыкы й парубкы. Парубкамъ особлыво цикаво віѣдюомъ одштовхувать та быты. Такъ оце вони ліѣзуть, щобъ такы лапнуть за рызы, а парубкы якъ потурять изъ схуодцовъ та бьють! А всіѣ люде дивлються, кого бьють. А вже впросли лаютьсе бабы:—Ты сяка-така, тоби тольки попа за рызы тегаты!—И ще вони вспіѣшаютьсе, щобъ попередъ попа за клямку въ церкви лапнутьсе. Двери жъ зачынени, якъ круга церкви пойдуть, а якъ пудходять уже до дверей, такъ вони й бижать, щобъ попа попередыты, ну, й ихъ мужыкы та парубкы й потурять одъ дверей. Знаете, яка штука разъ була: ота баба, шо я казала, шо якъ умерла та прыходыла въ ступи товкты, такъ, значыть, вона ліѣзе, щобъ потягты попа за рызы, а сусіѣда одштовхнувъ йіѣ та й каже: «Шо се, всіѣ будемо попа за рызы тегать»? Ну, вона мовчыть. Отъ повходылы въ церкву, поставалы. И та баба стала коло того сусіѣды. А въ його коло верхнихъ штануовъ було два кгудзыкы та такъ кріѣпко вшыты. Постоялы, а вона йому й каже: «Хведоре, а шо це, всіѣ будемо штаны пудтягать?» Вуонъ глянувъ, ажъ штаны опалы. А якъ же кріѣпко были кгудзыкы вшыты. Такъ вуонъ тоди каже: «Теперь уже не буду й ихъ чіѣпаты,—хай йимъ усячына».

Ну, теперь уже не такъ стали, якъ одну добре повчылы. Ліѣзе та й ліѣзе, такъ йіѣ якъ штурхонулы изъ сходцуовъ, а тоди ще й набылы добре та й положылы у хатіѣ, у сторожціѣ. А тоди просли службы сказаны сынови йіѣ вже:

— Запрежы коня та заберы матку, а то вона впала та забыласе дуже.

Не хочуть уже, значыть, йому казаты, шо вона віѣдьма, та такъ и кажуть. Такъ не менчъ якъ недіѣль сіѣмъ не вылазыла съ постели просли того.

— А батушка знае, шо його бережуть одъ видьомъ?

— Звісно знає.

— А може жъ и не знає?

— Ніѣ, знає. У насъ у хатіѣ чоловікъъ одынъ, Мыкола Семенцовъ, казавъ, що батюшка йому колысь казавъ: «Спасыби вамъ; господа, шо бережете мене, а то булы бѣ звалылы мене бабы».

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко. 1899 г.

182. Видьма на процессіи.

Якъ зъ процессією обходять церкву, то видьма николы не може тры разы обійты, якъ други обходять, лышь прыпреса до паркана та й чекає, ажъ обійдуть. Восточна Галычына. Болахивъ коло Стрыя. Записала Н. Кобрынська.

183. Видьма вночи видьмує.

Не знали дивчата, шо баба Палажка видьма, та й пошлы до ййи на досвиткы. Прялы тамъ воны, шылы до пивночи и збиралыся уже ложыться спать, щобъ ще и вранци устать на роботу. Не успылы воны полягаты, колы уси четверо дверей зразу одчынылысь, мовъ бы йихъ одчыныла нечыста сыла. Баба стояла середъ хаты. Перелякани дивчата глянулы на нейи, ажъ изъ ейи сама спала одежа и баба страшка зъ распатланымы косамы, зъ страшенно скрывленнымъ выдомъ, зъ пиною на губахъ, хопыла рубель и качалку и давай бигать по хати. Дивчата зъ переляку не знали, шо робыть; екъ бы не мій батько, котрый ту ничъ бувъ обходчыкомъ, то воны бѣ мо тамъ и повмиралы. Батько, побачывшы сее у викно, гукнувъ дивчатъ и прывивъ ихъ до насъ ночувать безъ платкывъ и безъ юпокъ, бо зъ переляку воны и одежи одцуралысь.

С. Выбли Черниг. у. Отъ П. Муцкаго М. С. Чудновская.

184. Видьмыне молоко.

Выслужывъ москаль двадцать пъять рокивъ, колысь же бачъ служылы двадцать пъять годъ, и ишовъ додому. На ничъ зайшовъ винъ до одніей бабы. Тилькы у опивночъ вернулась баба додому. Москаль не спавъ и бачыть, якъ почала вона блевать, такъ молоко зъ ййи и лизе у тазъ, а у послидній разъ якъ блонула, то ажъ загорилось. На завтра и подае вона москалю тее молоко.

— Ни,—каже москаль,—не хочю.

— Не хочешъ, каже, а поглянь, килкы молока, нема, каже, тіейи коровы, щобъ я не подоила.

— Ну,—рoсказувавъ потимъ москаль,—и родывсь, и хрестывсь—не бачывъ такойи видьмы.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Петра Муцкаго М. С. Чудновская.

185. Видьма продае масло.

Оця баба, що у осень умерла, кажутъ була видьма: дойила чужыхъ коровъ.

Понесла вона разъ на базарь масло прѳдать, а панъ и затрымавъ ййи съ тымъ масломъ.

— Що се,—каже,—ты за масло таке продаешъ?—та за його та у польщю.

А баба скоришь мижъ люде и утекла.

Несе панъ тее масло у горшку, а воно, кажутъ люде, такъ изъ горшка и летыть, скано видьма: изъ чого вона його не робыла! Не знаю уже, чы донись панъ його скильки небудь, чы мо такъ усе и повыскакувало.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Анастасіи Шульгиной М. С. Чудновская.

186. Будякове масло.

О, есть люде та ще й не абы яки знаючи. А отъ хоча бѣ и се. Одынъ панъ та найнявъ поденныхъ робитныщ на своихъ харчахъ. Отъ, вырядывъ винъ йихъ на поле, давъ йимъ хлеба, а до хлеба хоча бѣ що небудь,— хоча бѣ цыбулыну, гирочокъ, чы то солы дрибокъ, або що. Отъ якъ прыйшла обидня пора, посадалы уси у кружокъ та й давяться тымъ черствымъ однимъ хлибомъ. Йидять соби мовчки, а одна зъ жинокъ и каже: «Ну, та й скупа жъ наша пани, ажъ ничогисинько до хлеба не дала; симъ коривъ на обори мае, здається, не зубожила бѣ, колы бѣ маслычка хочъ трохы дала». Друга молодыця, почувшы се, пидвелась и пишла соби геть на бикъ одъ гурту; пидйшла вона до будяка, що цвивъ било, та й почала за верхню квиточку його крутыть. Такъ крутыть, такъ крутыть, а дали пустыла ту квиточку, нагнулась и взяла съ пидъ будяка здоровенну грудку масла. Прынесла те масло до гурту та й каже: «Йижте на здоровья!» Взялыся уси лусомъ до того масла и ажъ онъ якъ поналуплювались, тилькы воду попывають та дякують тій молодыци за масло. Увечери робитныкы позиходылысь у двиръ до пана, а пани и хвалыть-ся йимъ, що бильшь двохъ годынъ удень колотыла масло й хоча бѣ ознаку бачыла, що воно злиплюється у сметану—не кажы, що сыроватку бовтала. Позырнула та жинка на всихъ молодыць, пидморгнула йимъ, а вони йй та й мовчять соби—догадалысь, де дилось те масло, що пани цильй день войгузылась зъ нимъ. Онъ бачыте, яки люде трапляються! Отъ же росказуй теперешнимъ молодымъ жевжыкамъ про се, то вони ще й не поймутъ виры, на кглузы пидймутъ.

Каневскій у. В. Ф. Степаненко.

187. Завитка и видьма.

Пишлы люде жаты, колы у жыти завитка. Полякалысь воны, бо завиткы роблять на смерть, або на яку небудь пакость. Кынувсь чоловикъ по батюшку. Прышовъ попъ и тилькы шо хотивъ вырвать завитку, колы летыть видьма на крылахъ и давай просыты, щобъ попъ не чытавъ молитвы и не чипавъ завиткы; «Я, каже, вамъ бочку молока прынесу». А потимъ хватыла борону, та що вона ййи попотягала, та попопросыла, та тилькы ййи не послухалы.

С. Выбли Черниг у. Отъ Дорофея Мулача М. С. Чудновская.

188. Видьмамъ треба попилъ съ купалового ОГНЮ,

Якъ дивкы й хлопци поросходылысь одъ купала, товаришъ мій и каже: «Вернимось до купала, та будемъ бачыть, якъ видьмы попрыбигають за попиломъ». Вернулысь. Пождали коло купала, що уже стало затухать. Товаришъ мій держыть у руци лозынку. Колы бижыть видьма, та тилькы шо хотила хватыть попилу, а винъ ййи лозынкою, такъ вона и одскочыла. Тоди друга прыбигла, хотила хватыть попилу, товаришъ и ййи лозынкою. А третя бигла, та ажъ пина зъ рота, та що вона попоскакала круга купала, щобъ ухватыть попилу, а товаришъ усе лозынкою, лозынкою, ну и не допустывъ ни одну.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Маркела Непомняшаго. М. С. Чудновская.

189. Видьмамъ треба сыру зъ вареныка, що на заговини варють.

I.

Одного году молотывъ я въ чужомъ сели. Заговлялы на пистъ. Хто, пытаю, хлопци, хоче побачыть видьму, оставте у роти сыру. Посміялысь, а я усе такы сыру за губою оставывъ. Полегли спаты. И сныться мени, що якась жинка просыть оддать йій сыръ. Прокынувсь я—нема ничего; заснувъ зновъ, и зновъ мени сныться сее саме, а потимъ и утрейте. Давай я тоди будыть хлопцивъ: уставайте, кажу, бо видьма одыма у мене сыръ. Уже и на зору почало займаться, повставалы мы. Вынявъ я зъ рота сыръ и завязавъ у поесь. У обида дывлюсь—бижыть дядьковъ сынъ Антонъ: «Иды, каже, скоришь додому—жинка зовсимъ умирае». Що воно думаю таке, мо се такъ видьма зробыла? Вынявъ я сыръ изъ пояса, щобъ ще бильшь не дратувать видьму, засунувъ у шиль и побигъ додому. Черезъ килькы день я зновъ вернувся до хазяйна, кынувся сыру, а його и слидъ простывъ: видьма украла, щобъ я на Воскресеніе йихъ усихъ не побачывъ.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Ефима Ювенка М. С. Чудновская.

II.

Якъ липлють вареныкы на заговини, такъ треба першый якось намитыты, а якъ зварыться, то высушыты його и увесь пистъ носыты въ пояси.

На Велькдень, идучы до утрени, положи його за шоку. То видьма пидійде, торкне за плече и прохатыме: «Дай мени вареныкъ!» А йій треба сказаты: «Дай неминяный рубъ!» Вона довго не даватыме, а тоди такы дасть рубъ той за вареныкъ. И того рубля вже чоловікови

на ввесь виць стане, абы тильки не купуваты одразу на ввесь. Треба такъ, щобъ хочъ копійку здачи зъ його взяты, то й вернется упъять. А якъ не взяты здачи, то вже не вернется.

Богодух. у. Харьк. губ. М. Н. Гринченко. 1883.

190. Видьма краде нехрещену дытynu.

Якъ бы на двирь кынувъ нерозвязане помело, то прыйде видьма и выдуе зъ його видьмину, а потому кобы де лышь захопыла нехрещену дытynu, то заразъ пидминяе. Тому докы дытьна нехрещена, мусыть свичка гориты въ хати.

Восточна Галычына. Болехивъ коло Стрыя. Записала Н. Кобрынська.

191. Видьма выплювуе часточку.

На першому тыжни велького посту у суботу килькы чоловикъ у церкви бачылы, якъ одна жинка и хлопецъ, запричастывшысь, выплюнулы зъ рота причасте, и часточки св. Тила зробылысь пчилкамы и пиднялысь угору.— Я чувъ, що такъ роблять охотныкы, щобъ на охоти була йимъ удача, а жинка зробыла се выдно тому, що була видьма.

С. Выбли Черниговск. у. Отъ Маркела Непомнящаго М. С. Чудновская.

192. Видьма здймае зиркы зъ неба.

Якъ була я у Мошнахъ въ монастыри, то ось яке дьво росказувала мени квиткивська молодыця про тыхъ видьомъ. У нашимъ,—кае,—сели, у Квиткахъ такы, та живе одна жинка, що здйняла зъ неба зорю тымъ пив-

житкомъ, що не скидався зъ мотовыла уси велькодни святкы. На нейи такы подейкувалы уси селяне,—кае, що вона була, не при хати згадуючы, видюга добра.

Отъ вона,—кае,—здійняла його на Хомыну недилу, увечери, та такъ якъ опивночи вийшла на двирь, --а зори, якъ ти золоти цяшечкы бlyщать на неби,—махнула тымъ пивмиткомъ и збыла одну зирочку. Узяла ту зирочку, поклала ййи у новий горшокъ, накрыла покрышкою, однесла у погрибъ и поставыла на масли, а сама пишла на роботу. Удень ййи та сусидыны диты гралысь соби у пижмутокъ (певно ховалысь и у погребѣ), та й знялы съ того горшыка покрышку. Колы се,—кае,—якъ заблыщыть усюды, якъ засяе, то не кажы, що пожежа, хай Богъ боронить, де трапылась! Зирочка вылетила зъ горшка, пиднялась геть надъ оселямы и полетела на небо. Есть гаспыдськы волошебныцы, що й зирочки за нмы не вдержаться—тымъ то йихъ и поменчало теперь на неби. Що хочте кажить, а теперь йихъ далеко менче на неби стало, нижъ колысь було, якъ я ще зазнаю!

Каневскій у. Записаль В. Ф. Степаненко.

193. Видьма боиться йирчука.

— Ну, нехай уже й немає відьдомъ, нехай то такъ бабы одна до одной ходять коруовы дойтиы, а все жъ за йимы не можна собаки йирчука вдержаты. Отъ уже такъ добре знаю, що муой братъ у хатѣ йирчука державъ, шобъ не задавыла відьма. Місьяцуовъ тры державъ, и такый уже гарный, здоруовый собачка ставъ. Тоды вже куды жъ його держать, якъ уже йому місьяцуовъ тры,—выпустывъ, а вона, проклята, йому куосткы й потрощыла. Якъ бы маленький, такъ задавыла бъ, а то чысто куосткы въ суставахъ потрощыла. А оце въ осень

якъ я додому ходыла, такъ росказувалы на вечорныцяхъ, шо тамъ до одного чоловіѣка прыйшла пуодъ повіѣтъ така въ кожусіѣ и косы распатланы, та й заходылась йирчука давить и задавила. А невіѣстка угледила та й впознала ту бабу та на зоввыцю:—Ходіѣмъ!—А вона така небоязка. Побіѣгли вони городамы и прыбіѣгли швидчей за ту бабу. Коны вона йде у кожусіѣ, распатлана. Увойшла у хату, а вони у вокно дывлютьсе. А вона кожухъ искинула и давай косы пудбирать пудъ чепокъ. Такъ вони дома росказалы, та й просять, шобъ никому не росказувалы, шобъ не сердылась вона, значыть. Такъ хыба жъ Иванъ, парубокъ йихъ, утерпивъ?—Побачывъ ййи да й каже: «А ты, стара сучко, на шо мого собаку задавила»? Такъ мовчыть.

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко. 1900.

194. Видьмы возылы видьмака.

Жывъ соби такый чоловикъ, шо знавъ усихъ видьомъ и казавъ про йихъ людемъ. Узлылысь видьмы на сього чоловика, прышлы разъ до його уночи, а вонъ да спавъ на вози, и вывезлы його на роцанькы. А чоловикъ сей бувъ видьмакъ и зробывъ такъ, шо видьмы не можуть одыты одъ воза. Простоялы вони тамъ цилу ничъ, уже и на зору стало займаться,—бабы погналы до череды, а вони усе стоять коло воза. Тоди уже якъ уси люде побачылы видьомъ, чоловикъ пустывъ йихъ додому и сказавъ, шобъ вони не дойлы чужыхъ коривъ.

С. Выбли Черниговск. у. Отъ Якова Вишневецкаго М. С. Чудновская.

195. Дядько Хведоръ знахарь.

I.

Ну, дядько Хведоръ, чы винъ видьмакъ, чы колдунъ, чы хто його знае: шо захоче, то и зробить. Чы скотына захворіе—поклычуть його, винъ подывыться, та шось пошепче—и пройде; чы зубы заговорить—до вику не будутъ болить. А шо зупыныть млынъ, або коней, такъ йому якъ разъ плюнуть. И шо воно таке за чоловікъ, и чого винъ тильки не може зробить!.. Оце недавно йихавъ якийсь панычъ на ласапеди. Дойихавъ до кузни, а тутъ и дядько Хведоръ стоявъ, та й каже: «Оце якъ летыть!» Такъ заразь панычъ и гепъ зъ ласапеди; сивъ, та й зновъ гепнувся и такъ килькы разъ: якъ сяде, такъ и злетыть. А дядько стойить и усъмняеться. —Се ты, дядьку,—каже панычъ,—выдно зъ мене пошутывъ?

— А ну жъ сядьте, каже, якъ вы на сій машыни йиздыте?

Тоди панычъ сивъ и уже бильшъ не падавъ, а такъ и побигъ, тильки дзенькае, шобъ диты утекалы зъ дороги.

Такъ онъ який дядько Хведоръ! Винъ мабуць бы и чугунку, шо коло Муравейки, зупынывъ. (Записано отъ школяровъ).

II.

Ни, такы не кажить, а Хведоръ багато де чого знае: онъ и млыны, и машыны ти, шо на двохъ колесахъ йиздыть, зупыняе, а разъ и намъ було, шо прышлось стать середъ дороги, чого й шо. Се було якъ Хведоръ отдававъ небогу у Ковчынъ, и йихало насъ шиснацять пидводъ зъ подаркамы. Хведоръ йихавъ позаду и крычавъ намъ, шобъ мы зъ чоловікомъ пидождалы, а мы не послухалы и пойихалы.

— Ну, погуляйте-жъ—каже винъ,—не подождали—
усе равно заразь остановытесъ.

Колы жъ икъ разъ якъ сказавъ, такъ намъ и случылось. Йидемъ мы по ровній дорози, колы зразу визъ нашъ якъ пидскочыть, мовъ бы хто його пиднявъ, колесо спало, и мы попадады.

— А шо,—каже Хведоръ, здоганяючы насъ,—я казавъ: погуляйте мене, а то усе равно остановытесъ, вы не хотылы—отъ и сталы. (Отъ Насти Шульгиной).

III.

Йихалы мы зъ поля. Дойизжаемъ до млыновъ.

— А шо,—каже дядько Хведоръ,—хочете щобъ сей млынъ замоловъ на другый быкъ?

— А нужъ, ну,—кажемъ,—зробить.

Дядько ничего и не робывъ, а тилькы глянувъ на млынъ, и винъ замоловъ на другый быкъ. (Отъ Орины Непомнящей).

IV.

Чыстылы мы одного году болото и землю возылы на ныву. Дойизжаемъ до мосту, що пидъ селомъ, колы йиде дядько Хведоръ, глянувъ на наши кони, такъ вони й сталы. Былы, мы былы, та ничего не врадымо—не рушаты кони зъ миста, хочъ ты шо хочъ, наче шо пидъ колеса пидложено.

— Возьмитъ,—каже дядько,—розпряжить, та переведить коней черезъ дугу.

Мы такъ и зробылы: перевелы черезъ дугу, запрягылы, и тоди кони повезлы не весьма важкый возъ зъ землею на мостъ. (Записано отъ Клима Новика).

V.

Узявъ я ружже та й иду, колы стрекаю дядька Хведора.

- Се ты, каже, за утками.
- Эге, кажу, пиду чы не вбью чого.

Идемъ умисти.

- А ну,—каже,—покажь ружже.

Я здуру й давъ: нате, кажу, подывиться.

Подержавъ винъ и отдавъ, а самъ звернувъ у пасику. Иду я, колы летыть циле стадо утокъ, я выстрельвъ—не попавъ, зновъ выстрельвъ и зновъ не попавъ. И такъ икразъ цилый день: птыци багато бачывъ, а що выстрелю—не попаду. И такъ уси кажутъ: якъ тилькы дасы дядку Хведору подержать ружжа, ну и не жды добра,—зроду не убъешъ. Та що про птыцю—колы повисыть картузь, або держать руку на десять ступеней, и не попадешъ! (Записано отъ К. Новика).

VI.

Дуже добре було у насъ ружже: багато наши охотныкы побывалы йимъ усякойи дычи. Приходыть разъ до насъ одынъ чоловикъ. Балакалы про те, про се, а дали винъ и каже:

- Продайте—каже,—мени ружже.
- Э, ни,—каже старый,—ружжа я свого не продамъ.
- Ну, не продасте, такъ стриляйте йимъ сами,—одказавъ той чоловикъ, Хведоръ, и пишовъ зъ хаты.

Такъ ружжа и не продады, та тилькы воно перестало убывать птыцю. Оце було стриляють, стриляють, пиръе такъ и сыплеться зъ птыци, а сама летыть далей и ни однюсенькойи и не убылы съ того часу, покы не одвезлы ружже у городъ до майстра, и винъ не розобравъ його, та не повставлявъ усе нове. (Записано отъ Александры Базилевичъ).

VII.

Йихалы мы разъ ловыть рыбу ситкою. На улыци стрекаемъ дядка Хведора, того, що серчавъ на насъ за ружже.

— Не йидте, каже винь, бо усе равно ничего не піймаете.

Мы не послухались, пойихали, думали, а мо що небудь такы піймаемъ. Та ни, уже якъ дядько сей скаже, такъ тому и буть.

Багато разивъ мы закидали ситку и ни одніей рыбки не бачылы: скрутыться ситка такъ, наче ййи рукамы хто крутывъ, та такъ и вытягнемъ ни съ чымъ. (Записано отъ Александры Базилевичъ).

VIII.

Пишла я у гай по грибы, прохожу мимо пасикы, та якось то и не сказала дядьку Хведору, що сыдивъ коло будкы,—здрасуйте. Походыла трохи по гаяхъ, ничего не набрала и бижу додому, бо дома диты сами. Та що зо мною таке сталось?—Не траплю до села, та й годи: похожу, похожу, та й зновъ неначе хто мене назадъ поверне. А гай же нашъ и невельчкый и икразь пидъ селомъ. Ось и церкву на гори выдно, и село, а ниякъ не дойду. Водыло такъ мене, водыло и прывело до пасикы.

— Здрасуйте,—кажу теперъ уже,—дядьку!

— Здрасуй,—каже,—ну сядь же,—каже,—молодыце, оддышь, мо ты утомылась.

Я такъ трошки посыдила, и тоди уже неначе очи мени одкрылысь, и пишла прямо додому. (Записано отъ Леусовой).

Въ с. Выбляхъ Черниговск. у. записала М. С. Чудновская.

196. Видьмакъ занапастывъ чоловіка.

Одынъ чоловікъ косывъ съ половины сино, та й перекосывъ. Росердився той чоловікъ на сього, що перекосывъ и помывся йому оддячыть. А той чоловікъ Ш., та бувъ колдунъ: чы дасть було кому що выпыты, або хочъ и понюхать, то и загыне чоловікъ. Отъ и ставъ Евхымъ, той що перекосывъ його травы, бережыться Ш.

и до його не ходывъ, и ничего зъ його рукъ не бравъ, и боявся и стрекаться зъ видьмакомъ. Такъ скільки и пройшло. А дали сей видьмакъ не утерпивъ и прыходить до Евхыма у хату, глянувъ йому у очи и выйшовъ. Такъ той чоловикъ заразъ занедужавъ. Побиглы до Ш. просыты, щобъ помигъ, а винъ и каже:

— Ни, уже пизно, не поможеться, не треба було перекосувать, се усе коса вынна.

И не помигъ. Такъ бидный Евхымъ на четвертый день и Богу душу отдавъ.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Насти Шульгиной М. С.
Чудновская.

197. Свекоръ ворожьбыть.

Гулялы мы на весилли. Стала я уже збираться додому, а свекоръ пьяный и каже: «Подай воды!» Ну, думаю, балы, наберешъ и самъ, та й пишла зъ хаты. Було не дуже темно и дорогу добре знаю, та някъ не найду додому. Що пройду трохи, то у таку грязь улизу, що насылу выберусь. Хожу, хожу, та й зновъ вернусь на те мисто. Ходыла я такъ, ходыла и прыйшла зновъ на весильный двирь. «Подай же,—каже свекоръ,—воды». Я подала.—«Ну теперь же—каже,—иды та знай, що у тебе е батько и що його треба слухать».—Я выйшла и теперь уже не бачыла тиейи й грязи и не блудыла, а такъ прямо й прыйшла додому. Такъ отъ який мій свекоръ.

Записала отъ М. Новиковой, въ Выбляхъ Черниг. у. М. С.
Чудновская.

198. Якъ знахарь добувавъ горилку.

Бувъ у насъ на сели такый чоловикъ, що було якъ захоче горилки, такъ и иде до хазяйина: дай, та й дай.

каже. А служывъ винъ за старшого рыбалку у жыда. Ну, жыдъ першъ дававъ, а то уже ставъ одказувать. Отъ рыбалка тоди якъ свысне: такъ жыдивська хата и наповныться усякымъ гадомъ. Тоди жыдъ уже й самъ просыть пыть горилку, та скоришъ выгнать зъ хаты сюю капость. И такъ дидъ рыбалка частенько зывавъ вуживъ, жабъ, ящерокъ и усякыхъ тамъ гадовъ, абы угостыться горилкою.

Записала отъ Мотри Товстолѣсь въ с. Выбляхъ Чернигов. у.
М. С. Чудновская.

199. Якъ коняча шкура полизла у шынкъ.

Шынкарь та хотивъ, щобъ одынъ заможній хазяйинъ распывся. Отъ винъ попрохавъ наймычку того чолѣвика выстрыгты у хазяйина косъ и прынести йому—шынкару. Дивка помилась, и разъ було уже зовсимъ намирылась,—ни, сумно. «Не на добро, выдно, шынкару треба косы. А що, якъ я зъ щейи шкуры та выстрыжу килькы волосынъ? шынкарь не вгадае». Скочыла вона на лаву, а на жертци высила коняча шкура; выстрыгла дивка трохы волосынъ и однесла шынкару. Того жъ дня у обидъ дывляться, ажъ коняча шкура сама тыхенько злазыть изъ жерткы на лаву, а тоди на доливку и полизла зъ хаты до шынку. Оттакъ бы було и тому чоловику, якъ бы дивка выстрыгла у його косъ.

Записала отъ Орины Непомнящей въ с. Выбляхъ Чернигов. у.
М. С. Чудновская.

200. Гончаръ видьмакъ.

Йихавъ гончаръ и обладнавсь на лузи ночувать. Прийизжають туды и ночлижныкы.

— Давайте,—каже одынъ,—выпросымъ у гончара горшка, а не дасть—напугаемъ.

— Дядюшка, дайте намъ горшка!—просыть хлопещь.

Гончаръ не давъ.

— Ну,—каже—колы не даете, то убирайтесь видселя!—и давай усякъ гончара лаеть. Мовчыть гончаръ, слухае, якъ його лае хлопещь, а потимъ запрегъ коня и одйихавъ одъ того миста. Тилькы шо гончаръ одйихавъ, у хлопця голова узяла, та й повернулась назадъ. Пойихалы скоришь ночлижнныкы у село, сказалы матци того хлопця. Здогнала маты гончара, та давай кланяться, просыть за сына.

— Иды,—сказавъ гончаръ жинци,—голова буде на мисти, дай тилькы йому выпатся, скилькы схоче, та учи сына, бо винъ погано робыть, шо чепае людей.

Вернулась маты, положила сына спать. А якъ винъ уставъ, голова зновъ стала на мисто.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ П. Муцкаго М. С. Чудновская.

201. Лытвынъ поробывъ, що москаль летивъ.

Кольсь, бувъ я ше тоди малымъ, може було мени рокивъ зъ пять,—зібралыся мы вси коло хаты: мій батько, дидъ ще бувъ живый, та сусиды посидалы на прысьби, балакають соби про се та те. Уже вечерило. Се було весною. Колы мій батько почавъ прыдывляться та й пытае:

— Що се таке, наче якась птаха пролетила?

Тоди вже й я бачу, що летыть якась велька птаха—наче журавель. Мій дидъ якъ схопыться, та за колесо (у насъ на двори лежало старе, поламане колесо). Винъ узявъ те колесо, поклавъ середь двора та ломакою обчеркнувъ кругъ. Тая птаха спускається на те колесо

ныжче, ныжче, та промовляє: «Пыть, пыть!» Колю дывимось, ажъ то не птаха, а москаль. Учорнивъ якъ земля. Побигъ я въ сини та прынисъ у глечыку воды. Винъ напився, тоди заговорывъ. Тутъ його, конешне, люде обступылы, почалы роспытувать. А винъ мосму диду въ ноги кланяється:—Колю бѣ вы мене заразы, диду, не порятували, то я бѣ пропавъ: розбився бѣ на смерть або объ дерево головою, або въ ричку бѣ упавъ.

— Хто жъ це тобі такъ зробывъ?—пытае дидъ.

Отъ винъ и почавъ росказувать:

— Прыйшовъ я у шынокъ; пью соби горилку, закусу. Колю увійшовъ лытвынъ:—Почастуй—каже—мене, въ мене грошей нема.

А я повернувся до його, та кажу: «Оце ще всихъ буду частувать!»—Не давъ йому ни грошей, ни горилки.

Тый лытвынъ зкоса зырнувъ на мене та тильки промовывъ: «Будешъ же ты мене знаты!» И пишовъ зъ шынку. Тильки що я за поригъ, колю чую, мене вгору тягне: якъ почавъ махать руками, якъ почавъ, та й полетивъ. Летивъ я, летивъ ажъ зъ Черниговської губернии. Якъ побачывъ, що вже черезъ Днипръ лечу, то дуже злякався: сылы у мене вже немае, у горли засохло. Отъ, отъ упаду. Ставъ я Бога прохать, щобъ не давъ умерти наглою смертю. И якъ я теперь,—каже,—додому дойду?

Тутъ його люде обступылы и почалы йому давать грошы: хто копійку, хто дви—хто скільки мигъ. Переночувавъ у насъ тый москаль та й пишовъ додому.

Записала Одарка Романова отъ крестьянина деревни Мышеловки
Кіевской губ. Ивана Дидусенко.

202. Лытвынъ одъ чаривъ вызволяє.

Жылы колысь у Нижыни заможни люде, була въ ихъ одна дочка. Отъ, и посватавъ ййи одынъ пару-

бокъ. Вона не знала, що въ його була друга, що мала двоухъ дитей. Хотивъ винъ такъ повинчатся, щобъ перша не знала; але йй хтось сказавъ. Вона прыбигла до церкви и стояла коло дверей, щобъ побачыть, якъ молоди вже будуть выходыть. Якъ тилькы молоди выйшлы зъ церкви, а вона й обсыпала молоду якымсь зиллямъ. Заразъ почула молода, що зъ нею щось койтыся непевне, та й каже до молодого: «Куды це я прыйихала?» Якъ тилькы пидійшлы до хаты, а йихъ вже стричають зъ дижою та свичкамы його батько и маты. Хотилы йихъ благословыты, а вона й закрычала: --Що се вы руки зъ дижою здымаете?—Та якъ побигла, та й зновъ крычыть:—Рятуйте! Чы се пожаръ? Чы се весилля, шо такъ людей багато, мовъ батько вмеръ.

А молодой ходыть та руки ламае. А його перша стойить зъ дитымы та плаче, на дитей дывлячысь. Якъ побачыла вона таке горе, шо скойилось зъ молодою, то ййй вже й жалко йййи стало, та вже не може ййй запомогты: вернула бъ назадъ, та не можна. Потимъ вона иде зъ дитымы, та й говоре:—Ходимъ, диткы! Наробыла лыха ваша дурна маты. Може и вамъ такъ колысь буде!

А того молодого батько и маты стари думалы, шо невестка зъ добройи семйи, то й йимъ добре буде, бо дивка була хороша, а отъ шо скойилось. Сумують. Тая невестка вже жыве въ йихъ хаты, бо воны бачуть, шо сынъ дуже вбывається, то воны йййи держалы, хочъ вона ничого вже не тямыла. Жыла вона отакъ у йихъ годъ. Иноди заховається та плаче, а то квитокъ поначиплюе на голову, а то лежыть и не поворухнется: не може ничого въ руки взять.

Намучылыся зъ нею и чоловикъ, та й маты зъ батькомъ отакъ ажъ до самойи Покровы, а на Покрову у насъ бувае ярмарокъ. Позйизжалыся люде то зъ тымъ, то зъ симъ. Йихавъ лытвынъ зъ горшкамы, та на гребли обламався якъ разъ проты того двора, де жыла тая нещасна хора молодыця. Лытвынъ увййшовъ у тую хату и просыть:

— Дядечку, голубчыку, поможить мени—обламався.

Хазяинъ клыче його въ хату.

— Идить, дядьку, въ хату, а я вамъ ось скину зъ горы.

Якъ тилькы лывынъ зайшовъ у хату, поздоров-
кався, та й пытае:

— Що се у васъ хора, чы що?

А свекруха й говорить:

— Голубчыку, оце цилый годъ мы отакъ зъ молоды-
цею мучимся.

Лывынъ тоди каже:

— Розкрыйте ййи, я подывлюсь, яка вона.

Свекруха одкрыла рядно и держить молодыцю по
пидъ руки, бо вона не може вже й сидить.

— Ой, дочко, якъ же тебе дуже обсыпалы!—каже той
лывынъ, та й каже свекруси:

— То вона якъ стала на поригъ, а тая жинка ййи
сыпнула пидъ ноги, то вона якъ уступыла, та й збоже-
вилыла.

Свекруха вже бачыть, шо чоловикъ щось знае.
Якъ почалы його просыть батько и маты:

— Дядьку, змылуйтеса, бо молодыця пропадае.

Якъ тилькы лывынъ помолывся Богу, та щось по-
шештавъ надъ молодыцею, вона стала роздывляться, та
й пытае:

— Титко, чого се я у васъ? Служу, чы шо? Хыба ме-
не маты наняла?

Тилькы вона це приказала, и ййи чоловикъ увий-
шовъ у хату, та й каже до жинкы:

— Се я тоби прянычка купывъ. На, ззижъ!

А ййи такъ стыдно стало, шо винъ пры матери дае
ййи пряныкъ, бо вона жъ не знае, шо вона вже його
жинка. Каже:

— Не хочу. Мени стыдно. Онъ твоя маты стойить
та дывытеса.

А ййи чоловикъ каже:

— Дакъ що жъ, що маты дывыться? Вона твоя й моя.

Тоди свекруха почала плакать та обнимать ййи, та каже:

— Ты жъ теперь и моя дытына, бо ты повинчалася зъ мойимъ Иваномъ.

Тоди лытвынъ каже:

— Слухай, Иване, колы ты на вульци стринець свою першую, то бережыся, иды дали, бо якъ вона тебе обсыпле, то вже и я ничего не вдюю.

Зъ того часу тая мѳлодыця одужала.

Дакъ отъ що може скоятысь, якъ двоухъ жинокуъ маты.

С. Филевка Нъжинск. у. Записала отъ Василисы Наконечной Одарка Романова.

203. Якъ лытвынъ дивчыну покаравъ.

Гулялы на вульци дивчата, парубкы у насъ на сели. Вже стали расходыться по хатахъ. Уси дивкы жылы на одній вульци, а одна дивчына, Мылашка, жыла дали—на шляху. Дойшла вона до своего двора, стала та й дывыться на панськый садокъ; а тамъ лытвынъ ночувавъ зъ горшкамы биля садка.

Вона пидкралася тыхенько до того лытвына, що спавъ, та думае матери вгодыть: узяла два велькыхъ горшка въ одну руку и въ другу, та думае: Отъ гарно въ ныхъ буде плаття золыть.

Та й пишла зъ тымы горшкамы до двора.

До двора не дойшла, та й вернулаь до лытвына, та такъ усе й ходыть: одъ двора та до лытвына. Осъ и сонце почало сходыть. Женуть жинкы череду, та й побачылы, що ходыть Мылашка зъ горшкамы та й кажуть:

— Чого се ты, Мылашко, ходышь зъ горшкамы по шляху? Отъ ходня напала!

Та регочуть зъ нейи, а вона вже й очей не пид-

нимае вгору, та плаче—бо соромъ. А лывынъ то конямъ овса пидсыпле, то сина пидгорне. И не зырне на нейи. Прыходьтъ тая дивчына до лывына, та йому въ ноги кланяється:

— Дядечку, голубчыку, простить и одпустить мене! Поки жыва—не буду ничего чужого брать.

А лывынъ сміється, та говоре:

— Ну що, жъ, нагулялася? Тоди каже:—Поставь горшки на землю, та бильшь никола не бери.

Колы вона пишла додому, то вже й не знае, якъ ййи у хату увійты. Уси жъ бачылы. Се жъ соромъ. Тоди вона якъ занедужала, дакъ ажъ тры тыждни лежала. Отъ що наробылы горшки.

Записала Одарка Романова отъ крестьянки села Филевки Нѣжинскаго уѣзда Василицы Наконечной.

204. Лывынъ просывъ воды.

Колысь наши дивчата ишлы въ поле жыто жать та неслы зъ собою глекъ зъ водою. На дорози йиде лывынъ зъ горшкамы.

— Дивчата, дайте мени воды!

А вони кажуть:

— Може намъ самымъ буде мало, бо до села далеко, а воды близько нема.

Не дали йому воды. Лывынъ пойихавъ, ничего имъ не сказавъ. Колы вони зыркъ! Ажъ зъ глечыка не вода, а пина такъ и льється на землю. И глечыкъ порожній. Дакъ отъ яки мудри лывыны.

Записала Одарка Романова отъ крестьянки с. Филевки Нѣжинскаго уѣзда Василицы Наконечной.

205. Вовкулакъ переводють черезъ хомуть.

Гулялы одни люде весилле. Отъ батько молодой чымсь то не вгодыв боярыну.— «Ну, стой же колы такъ, каже боярынъ, я жъ тоби ужожу!»—Та узявъ хомута и перевивъ черезъ його молодыхъ, и стали молодойи вовкамы и повтекалы у гай. Довго вони такъ бигалы вовкамы по гаяхъ и поляхъ, а якъ захочуть було йисты, то бижать до хлопцивъ ночлижникивъ. Ночлижники зналы, що се за вовкы и годувалы ихъ хлибомъ.

Батько усихъ людей просывъ, щобъ чы не поймае хто тыхъ вовкивъ, то щобъ перевелы ихъ черезъ хомуть. Отъ одинъ чоловікъ и поймавъ одного и зробывъ, якъ йому казалы, и стала зъ того вовка молодця, неvistка уже значыть того чоловіка, а другой вовкъ—сынъ—утикъ и по сей часъ ще не поймався и бигае вовкомъ.

Такъ онъ еки е погани люде, и якъ вони багато роблять зла.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Параски Попрушной. Записала М. С. Чудновская.

206. Панъ вовкулакою робыть.

Кажуть, що и мижъ панамы е вовкулакы. Бувъ и у насъ у сели одинъ такый панъ. Моловъ винъ одному чоловіку муку, та й узявъ багато за помоль. Мужыкъ не змовчавъ пану: вылаевъ його за сее усякъ.—Ну, стой же, — каже панъ,—будешъ ты знаты, якъ мене лаеты!—Везе панъ муку, а мужыкъ седыть на мишкахъ и бачыть, що у його на тили росте шерсть. Якъ обросъ мужыкъ шерстю, панъ пхнувъ його зъ воза, и мужыкъ побигъ вовкомъ. И бигавъ винъ такъ ажъ симъ рокивъ. Вовкы не любылы сього вовка-чоловика, покы винъ ставъ йисты зъ нымы дохлыхъ коней, а тоди прыняли його до себе.

Забигъ разъ сей вовкъ у село и заховався на селныкъ у сино. Почулы собаки вовка и чуть було не ронирвалы. Выскочывъ винъ изъ селныка, та у степь, добигъ до хлива и захотилосъ йому вытягты овечку. Ставъ вовкъ перелазыть черезъ плитинь, а тутъ у двори та живъ вовкулака: побачывъ винъ вовка и угадавъ, що се не справжній вовкъ, а що се такъ йому зроблено, и каже:

— Ну, лизь, лизь, бисивъ сыну!

Перелизъ вовкъ черезъ плетинь, а вовкулака и хватывъ його за хвостъ и знявъ зъ його шкуру. И ставъ тоди зъ вовка зновъ чоловикъ.

С. Выбли Черниговск. у. М. С. Чудновская отъ Марьяны Новиковой.

VII.

О кладахъ.

207. Скарбъ парубкомъ.

Передъ самымъ Великымъ празникомъ, якъ уси люде пишли до церкви, уходыть у хату до одніей бабы, що осталась сама дома, хтось, вродь бы паробка. Увійшовъ и просыть пойисты. — «Чого жъ я тоби дамъ?» пытае баба. — «Та чого хочешъ», — каже, — «того й дай». — Баба догадалась, що се не справжній чоловікъ, а чы не скарбъ ввійшовъ парубкомъ, бо якый же чоловікъ пиде у сю пору просыть йисты. Хопыла баба кочергу, та того паробка мизы плечи. И посыпалысь зъ його гроши. Баба згрєбла йихъ у мишокъ и стала багачча за всихъ на сели.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Петра Курильца въ 1898 г.

208. Скарбъ у скрыни.

Увечери хлопець йихавъ на ночлигъ и побачывъ, мовъ свичечка горыть. Хлопець чувъ, що свичечка горыть на тимъ мисти, де зарыто скарбъ и пудйихавъ блыжче. Бачыть, стойить скрыня, повна грошей. Набравъ винъ червонцивъ и привизъ до матки.

— Иды жъ, — каже маты, — та ще наберы, сынку, хоть сю торбочку.

Пойихавъ хлопець удруге, а потимъ и утрейте. И якъ набравъ утрейте, то йому прышлось улизты у скрыню, щобъ набраты бильшь грошей, а скры-

ня и провалысь у землю съ хлопцемъ. Не скоро вже сая скрыня вышла била Ерусалыма, и маты знайшла своего сына.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Демьяна Конопки, въ 1898 г.

209. Пожаливъ табаку и утерывъ скарбъ.

Ишовъ одинъ чоловікъ съ пасыкы. Доходять до плавли и бачыть, стойть у лози скрыня, и въ скрыни брызчатъ гроши. «Дай, чоловіче, понюхать!»—каже голось изъ скрыни.—Нема,—каже чоловікъ. А у його и бувъ тютюнь, та винъ пожаливъ и не давъ.

—Ну,—каже писля сього голось,—лежала я зарыта сто рокивъ, пролежу ще сто,—и тутъ же на очахъ у того чоловіка загуркотила и провалылась. Почухавъ тоди чоловікъ потылицю, та ничего робыть—пожаливъ тютюну и утерывъ скрыню грошей.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Петра Курильца, въ 1898 г.

210. Скарбъ—Мазепына карета.

I.

Полаялысь мы одного разу зъ батькомъ; отъ я, шобъ у насъ ще до чого не дійшло, пишовъ зъ хаты. Було недалеко видъ опивночи. Иду я, куды очи глядять, а потимъ и думаю: пиду я на те поле, де, кажуть стари люде, зарыта Мазепына золота карета. Иду соби, колы щось блыснуло, я блыжче—блыщыть, неначе свичка стойть на одномъ мисти и горыть. И страхъ мене ошанувъ, и радисно мени стало, бо я чувъ, що на тимъ мисти, де зарыто скарбъ, безпреминно буде гориты свичка. Прогнавъ я свій страхъ, пидійшовъ блыжче и, розперезавшысь, кынувъ поесъ на землю. Свичка заразъ

потухла, а земля такъ страшко загуркотила, неначе килькы скрынъ провалылось скрызъ землю. Поесь я кынувъ на те, шо треба було шо небудь кынуть, и якый довжныны буде те, шо кынешъ, на такій глыбыни треба буде шукать и скарба. На симъ мисти буде безпреминно якъ не Мазепына карета, то вельчезна скрыня червинцивъ. Якъ пройде зима, я выкопаю тей скарбъ и заживу тоди паномъ.

М. С. Чудновская отъ Петра Карноуха, въ с. Выбляхъ Черниговск. у. въ 1898.

II.

Е у насъ за селомъ гора, на ній ничего не'росте, бо вона дуже писчана, и затимъ вона зветься Лысою горою. Дуже сумно робыться, якъ проходишь мимо ййи; такъ тебе страхъ и ошане, якъ зйдешъ на гору, а найпаче на те мисто, де, кажуть, закопана золота Мазепына карета. Тутъ пидъ землею шось гуркотыть, та ажъ наче земля колышетъся, и вовка тутъ разъ удень бачылы, а затымъ и не найдеться такого смильчака, шобъ пишовъ одкопувать карету. А, кажуть, шо на Велькдень на тимъ мисти горыть свичка, и якъ бы хто небудь писля всеношной прыйшовъ сюды зъ запаленою ще у церкви свичкою и потушывшы ййи, ставъ копать натимъ мисти, де горыть свичка, то безпреминно одкопавъ бы золоту Мазепыну карету повну грошей.

Записала М. С. Чудновская отъ Митр. Шульги въ с. Выбляхъ Черниг. у.

III.

Десь, кажуть, надъ Десною зарыта золота Мазепына карета, повна грошей, и черезъ каждыйи три рокы выходыть вона наверхъ, робыться конемъ и бигает по надъ Десною.

Прыходылось разъ бабамъ нашимъ того коня бачыть, та тилькы не прыдумалы вони, шо зъ нымъ робыть. Пошлы

бабы по смородыну у плавли, бачеть, ажъ по надъ Десною бигае конь, та такой блыскучый та повный, видно, шо не простый конь; отто и була тая карета зъ грошыма, треба тилькы було махнуть по йомъ лозынкою, и конь бы россыпався грошыма. Мо бы мужчына, винъ бы такъ и зробывъ а те звисно бабы—не придумалы. Росказалы бабы про коня, вернувшысь додому, и пошлы зновъ люде на те мисто, та тилькы коня уже не бачылы, а на тимъ мисти найшлы скилькы мидныхъ грошей.

Записаль Митр. Шульга въ с. Выбляхъ Черниг. у. Сообщила М. С. Чудновская.

211. Злякався скарбу.

Чоловикъ ишовъ на всюношну. Дывыться: у городи на земли горять свичкы, и мижъ свичкамы стойить скрынъка. Ставъ чоловикъ и дывыться, а у самого ажъ шапка росте на голови. А потимъ якъ забряжчатъ гроши, наче йихъ хто пересыпавъ. Здумавъ чоловикъ, шо треба, кажуть, шо небудь розослать, а гроши туды и скотяться. Выйнявъ винъ зъ кышени платокъ и хотивъ було уже розстылатъ, тилькы тутъ його такой ошанувъ страхъ, шо винъ и платокъ кынувъ та скоришь додому.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Павла Курильца. 1898 г.

212. Скарбъ зныкае одъ хреста.

Ишовъ чоловикъ изъ страстей у велький четверъ, дывыться—за селомъ горять свичка. Винъ подывывсь на ту свичку и пишовъ додому. А дома була така бидность, шо Господы! Жинка плаче, шо ничего нема къ празныку, нема и рушныка на божныкъ, будутъ иконы рады празныка безъ рушныка. Выйшовъ чоловикъ у сины, узявъ заступъ и пишовъ на те мисто, де винъ

бачувъ свичку. Ставъ копать и выкопавъ дви скрини грошей. Поперетаскувавъ йихъ додому и оддае одну скриню жинци, а другу оставляе соби. Зрадувалась жинка и заразы же побигла до сусидкы купляты рушныкывъ. Принесла рушныкы, та до скрини, щобъ выйматы гроши. Колы жъ—бовъ у дзвинь! Вона перехрестылась, а скрини де й дилысь: передъ ею лежалы дви гнылы колоды.

М. С. Чудновская отъ Ив. Мушкаго въ с. Выбляхъ Черниг. у. въ 1898 г.

213. Скарбъ коровою.

Иде разъ чоловикъ, ажъ передъ йимъ корова. Видкуля, думае, ся корова? Дуже йому стало сумно, шо корова передъ йимъ мовъ изъ земли выросла. А мо-, подумавъ винъ,—се мени Богъ гроши посылае? Та друкомъ по корови. Якъ посыплються жъ гроши, якъ заторохтять, а коровы уже не стало. Набрывъ чоловикъ грошей, принисъ додому, заховавъ у скриню, а скриню прыкувавъ цепомъ, бо се таки гроши, шо якъ не въ пору зачепыть йихъ, то вони такъ, якъ явлысь, такъ и скрываются, и слида не останеться.

М. С. Чудновская въ с. Павловкѣ отъ Луки Пимончука въ 1898.

Скарбы являються различными животными, какъ то видно изъ слѣдующаго разсказа, записаннаго г. М. Исаенко въ м. Батурина и взятаго нами изъ «Черниговскихъ губ. Вѣдомостей» 1860 г., № 38, стр. 273—274.

На коропской дорогѣ, верстахъ въ четырехъ отъ Батурина, въ лѣсу, гдѣ сходятся три дороги: изъ Коропа, изъ Батурина и изъ хуторовъ, еще въ 1860 г. лежалъ стволъ вѣковаго дуба. Это такъ называемый *хрещатый дубъ*. О немъ сохранилось слѣдующее преданіе:

Давно се було—ище за Мазепу... Якъ ишли кудысь по сій дорози шведы, дакъ коло хрещатаго дуба вони легчылысь. Багацько, значыть, понабиралы вони дорогою

у насъ всякойн худобы—и грошей, и всего; дакъ ото якъ ишли вони на войну, дакъ куды вже йимъ було нестысь изъ тїею худобою. Отъ вони взяли да й законалы пидь оцимъ дубомъ гроши свои, да на дуби положылы й знакъ—вырубалы хрестъ. «Якъ вернуться зъ насъ хто жывымъ сюды, того й гроши будутъ», сказалы вони да й пойшлы, куды треба було. Якъ вырубалы на дуби хрестъ, дакъ дубъ той и почавъ зваться хрещатымъ, и хотъ тепера тилькы колода одъ того дуба зосталась, а все такы хрещатый да й хрещатый дубъ.

— Що жъ, гроши тїи никому не показувалысь?

— Де вже не показувалысь, що показувалысь! Чымало е-такыхъ людей, котри розказують, що йимъ частенько такы доводилось у пизнюю пору бачыть билого коня коло хрещатого дуба. Якъ идемо було, кажуть, дакъ кинь той усе ирже, да такъ страшно тупотыть. Я именно знаю, що парубокъ изъ с. Обмачева не разъ бачывъ сього коня. Да тилькы то гирки гроши, що бильшь конемъ являються; тихъ грошей треба цураться—нехай йимъ абы що! Якъ бы ище ведмедемъ вони явлысь, або вовкомъ, або свичкою, дакъ можна було бь добыть тихъ грошей. А бильмъ конемъ гроши являються тилькы на лыхо людямъ. Тымъ то гроши ти лежать, и ниhto йихъ не бере; да й будутъ вони лежать, панненьку, поky свить стоятыме, бо хто захоче на свою пагубу орудувать проты билого коня?...

— Чого жъ гроши сїи бильмъ конемъ являються, а не ведмедемъ, або вовкомъ, або свичкою?

— Недобри люде, значыть, поклары йихъ тамъ...

Другія лица, на вопросъ записывателя, отчего дубъ называется *хрещатымъ*, не сообщали никакой легенды, а говорили, что онъ росъ крестообразно, почему и получилъ свое названіе. Впрочемъ деревья чьмъ нибудь отличныя, вообще возбуждаюгъ среди народа мысль окладахъ подъ ними, какъ то видно изъ одного изъ нижепомѣщаемыхъ разказовъ, записанныхъ тѣмъ-же г. Исаенко въ Черниговскомъ уѣздѣ отъ погоньча Трохыма (нанечатано было

тамъ же, въ № 51, стр. 363). Разсказъ былъ сообщенъ, когда записыватель проѣзжалъ Бубликовымъ хуторомъ (между Трисвятскимъ и Черниговомъ).

— Дурныи ти люде, що не хочуть шукать тутъ грошей!

— Да тутъ, може, нема ніякихъ грошей,—замѣтилъ записыватель,—и ты, значыть, дурно тилькы сердышся на людей.

— Ни вже, панычу, вы що хочте, а я чувъ одъ батька да матери, що тутъ е багацько грошей, а стари люде завжди правду кажуть.

— Що жъ тоби казали батько да маты?

— Не розказавъ бы я зроду вамъ, якъ бы дидъ мій самъ у вочевыдячки не бачывъ того, що казавъ мойму батьку, а батько мени.

1. Отутечкы десь у Бубликовому хутори рисъ давно колысь дубъ, похожый на выла и звався винъ *выловатый дубъ*; мижъ людмы ходыла чутка, що коло того дуба byly закопани гроши; отъ хтось и выбравъсь такый, що захотивъ одкопаты йихъ. Позиходылись люде да й дывляться; одни кажуть, що будуть гроши, а други—ни, кажуть, що се бабськы выдумкы. Дидъ мій казавъ, що винъ зроду не вирывъ, щобъ у землю закопувалы гроши, да отъ же прыйшлось такы повирыть. Копалы, копалы, уже здорову ямку выкопалы, колы заступы почалы стукотить объ щось—мовъ зализне; прочыстылы землю, ажъ тамъ казанокъ здоровенный, а въ казанку byly гроши. Коло казанка закопано було багацько всякого оружыя, а бильшь усього закопано тамъ було вылокъ, изробленныхъ навхрестъ изъ сокыркамы. Хто вже його знае, що то воно таке було, да тилькы такъ розказувавъ мойму батьку дидъ мій.

— А чы не знаешъ, хто положывъ тамъ гроши да оружые?

— Да вы жъ, мабуть, пысьменни, дакъ у кныгахъ може есть що небудь напысано.

— Хыба жъ мало книжокъ есть? Усихъ не можно перечытать.

— Эге! Отъ вамъ и книги! Я хоть и непысьменный, да знаю, що якъ воювавъ колысь братъ на брата у Чернигови, дакъ одынь братъ узявъ да й позакопувавъ свій скарбъ отутечкы. «Якъ буду живъ,—каже винъ,— дакъ визьму назадъ, а якъ не буду живъ, дакъ добри люде визьмутъ!» Отъ бачте, хоть нескоро, а найшлысь такы ти люде, шо одкопалы той скарбъ.

2. — А се вже не скажу вамъ, колы воно було, чы давно, чы недавно, тилькы й се батько мій одъ дида чувъ. Люде почулы, шо у одному мисти, у Бубликовому хутори, лежать закопаны гроши. Отъ вони заразь до знахора да й просять його: «Иды, будь ласкавъ, подывысь, чы нема тамъ грошей». Знахуръ той узявъ заразь якуось палочку и пійшовъ. Прышовшы до того миста, де думалы, шо byly гроши, знахуръ палочкою постукавъ да й каже: «Есть!»—Тутъ почалы заразь копать; копалы, копалы да й годи сказалы—повтомлювалысь такъ, шо тилькы питъ зъ йихъ капотивъ. Отъ одынь и крыкнувъ: «А нехай його прахъ обантажыть, щобъ мы копалы оцю дурныцю!»—Не вспивъ винъ сказать сього, якъ пидъ землею: гууууу!—такъ и загуло. Вони полякалысь да тилькы мовчять, да давай зновъ копать. Копалы, копалы, колы прыходыть знахуръ.—«Ище не выкопалы?»—пытае винъ тыхъ людей, шо копалы.—«Да ще!»—Знахуръ зновъ постукавъ палочкою да й каже до людей:—«Гмъ! Чы не сказалы вы чого?»—А одынь чоловикъ и каже:—«Ни, не сказалы; я тилькы сказавъ, шо нехай його прахъ обантажыть, щобъ мы копалы оцю дурныцю!»—«Эге! було бъ же тоби не казать сього, бо скарбъ пійшовъ на дно!»—сказавъ знахуръ. Значыть ничего не треба казать про скарбъ такого, щобъ винъ не росердывсь.

3. — Вы, паньчу, кажете, шо немає у сихъ мисцяхъ скарбныщ; отъ же не дуже давно люде знайшли булы коло Борысоглибовкы *) гроши, не знаю, чы буде тому литъ сорокъ. Колы хочете знать, дакъ се отъ якъ було. Сыдили у одному острози невольныкы; чымало тамъ було йихъ,—одни таки булы, шо въ Сибирь йихъ скоро одыслалы, а други ждалы скоройи воли соби. Отъ одынъ и каже: «Шо жъ, братця, мени вже не быть на воли, я чувъ, шо мене въ Сибирь,—дакъ я вамъ укажу кладь у одному мисци. Хто скорійше выйде видциля, той знайде та й подякуе мени и на часточку дасть за мене гришного. Коло Борысоглибовкы есть лись, а въ тому лиси есть дуже старый дубъ; управо одъ дуба и треба копать. Знайдете зрубъ деревъяный, такой якъ коло колодязивъ; прокопавшы дальшъ, найдете собаку, а скоро писля собаки и барыло зъ гришмы». Не знаю вже черезъ скилькы днивъ выпустилы двождь чоловикивъ изъ острогу. Воны прытьмомъ у Борысоглибовскый лись да й знайшли того дуба, шо казавъ йимъ невольныкъ. Якъ смеркло, воны й давай копать. Чы довго копали, чы ни, тилькы знаходять зрубъ; прокопавшы дальшъ, найшли кисткы собачи, а дали й барыло зъ чыстымы червинцямы. Якъ одкопалы воны гроши, дакъ заразъ навтикача, и незвисно стало, де воны й дилысь. Може бъ нихто й не знавъ бы, шо воны найшли гроши, дакъ на другой день пойихалы люде у лись по дрова и знайшли ту ямку, де булы гроши, ище й мисто було знать те, де стояло барыло, и червинецъ тамъ одынъ валявсь.

*) Село Черниговск. у.

214. Шкарбъ и панська мода.

Одынъ чоловікъ побачывъ разъ, шо въ лиси свичечка горыть. Ну, винъ и догадався, шо то шкарбъ выходыть. А воно, бачъ, такъ. Якъ хто закопуе шкарбъ, такъ заклына його на скилкы тамъ годъ у земли лежаты: чы на п̄ятдесятъ, чы на сто, чы на скилкы хто схоче. Отъ якъ выйдуть уже ти годы, тоди й почне свичечка на тому мисци гориты. И ото вже чые щастя та-хто вміе узаты, той його й возьме. Такъ той чоловікъ думает: оце мени Богъ щастя посилае,—выкопаю шкарбъ та забагатію. Заходывся копаты и выкопавъ казанокъ повнисинькый грошей, а зверху г.... лежыть. И напысано: «хто мое г... ззистъ, той и мойи гроши поживе». Ну, чоловікъ уже знае, шо то значыть такъ ти гроши заклято. А вже якъ не зробишь того, на шо гроши заклято, то все одно йихъ не поживешъ. Ну,—думае,—шо жъ—треба йисты. Узывъ винъ його, загорнувъ, прынись додому, высушывъ у печи и зимъявъ. То оце якъ сѣдають обидаты, то винъ возьме та нымъ борщъ и прытресе. То жинка:

— Чогось у насъ, чоловіче, борщъ воня!

А винъ:

— Та йижъ уже. Чого тамъ винъ воня?

Та такъ усе й тресе въ страву, ажъ покы усе ззило. А тоди вже прызнався жинци: шо,—каже,—я гроши знайшовъ. А жинка въ його була така соби, трохи дурненька. Та такъ уже пышається тымъ гришмы, шо теперъ я,—каже,—за всихъ у слободи багачча, такъ теперъ уже мени не йде по простому вбираться. Отъ йиде чоловікъ у базарь, а вона йому й наказуе:

— Гляды жъ, чоловіче, купы мени такѣ вбрання, шобъ и въ попади и въ дячыхы такого не було, бо теперъ я за йихъ багачча. Шобъ такѣ модне, якъ у городянськыхъ барынивъ.

Отъ тикы чоловикъ пойхавъ, а вона вже його й выгляда, такъ того вбрання модного хочеться. Ну, вже надъ вечиръ прыйиздыть чоловикъ, а вона до його:

— А шо, привизъ?

— Та привизъ,—каже,—отамъ на вози.

А самъ до худобы мерщій кынувся. А жинка до воза: сюды туды—немае нїякого вбрання. А винъ їй на спидныцю, чы шо, набравъ та й укынувъ у мишокъ. Отъ бачыть вона: немае нїякого вбрання, тилкы шкура воляча лежыть на вози—такъ завсимъ зъ головою й зъ рогамы. Вона за ту шкуру. «Оце жъ, каже, значыть теперъ барынивъ такому ходють». А тутъ до вечирнизаблаговистылы. Вона шкуру на себе та до церкви. Якъ увійшла, такъ люде полякалысь, шо таке страшне увійшло, та оступаються одъ його. А вона йде та:

— Росступиться люде: я багата, я рогата, я й шкарбъ знайшла, и до церкви прыйшла.

Отъ стала вона саме проты царськыхъ дверей, а пипъ якъ углядивъ їйи, такъ и соби злякався, думавъ, шо нечыстый, а дали якъ роздыввся, шо то вона, такъ узявъ та й выгнавъ їйи съ церкви. Такъ уже було зъ нейи смиху!...

Харьковская губ.

VIII.

215. Каянова жъунка.

Ото, якъ убывъ Каянъ Явеля, дакъ съ таго время пашовъ юнъ жить адынъ соби; яго жъунка знала всяка зилле, що варожкы мають, акръумъ того, ще якъ нъучъ було настане, дакъ вана дайныцю въуземе да и йде удовиныхъ коръувъ *) даить. Тъульки якъ було даить пачне малоко, дакъ у малаци и кровъ доиться,—се бѣ то Богъ каравъ йихъ за Явелеву смерть. Жъунка Каянова пасли того пачне зиллемъ одварожувать ту кровъ изъ малока да и одварожить було.

Разъ пашла вана даить каръувъ, и тъульки що сила до каровы, ажъ богъ *Валосько* и йде.

— А шо ты робышь?—каже юнъ йй.

— А те раблю, шо станъ да стъуй!—Каянова жъунка йому каже:

Валосько пасли того якъ ставъ, дакъ и зъ миста не зойшовъ, наче вкопанъ стоявъ, не мавъ зайты изъ мисця дали. Посля йй каже:

— Ну, рабы жъ свое... Кали робышь!..

— Ну, иды жъ и ты соби, кали ыдешъ да не пытайся бъульше!

Валосько, не сказавшы пасли ничего, и пашовъ соби дали.

*) Авелевой жены. Прим. записывателя.

Съ таго часу стали у насъ видьмы, видьмаки, первертни и вавкулаки, шо па дворамъ ходять да птыцю и скотыну давлють.

Сѣверная часть Козелецкаго у. Черниговской губ. Ал. Шишацкій-Илличъ (Изъ № 40 «Черниговскихъ Губ. Вѣдомостей» 1853 г., стр. 388).

216. Громныци.

Сьогодни у насъ празныкъ громныци: ничою не ро-бымо. Не знаю, есть ли у васъ такъ по пысьменному: какъ пошелъ Иисусъ Христосъ въ адъ чою то вже—не знаю, звистно, я темна людына—не разумѣю; такъ то ужъ надо было, такъ ему Богъ-Отець далъ: звистно, Господня воля и сила, шо здумае, те й дѣе. Вотъ какъ пошелъ Спаситель въ адъ, то всѣ мертвецы и пооживали. Ихъ было тамъ мною; увидѣвши Спасителя, они стали радоваться; а ще больше стало радости, якъ уси мертвякы знакомци побачылыся. Тутъ они и цѣловались, и обнимались, и плакали, и танцовали; да какъ обнялися взновъ, то Господь видитъ, что никакъ нельзя ихъ развести, да и послалъ зъ неба гримъ и блискавыцю; вотъ какъ грянучъ громъ,—такъ они испугались и разнялись. Такъ у насъ сегодня за тымъ и праздникъ».

— Развѣ въ этотъ день былъ такой случай?—спросилъ я.

«Эте жъ, у сей же: на другой писля дарнойи недими».

Записалъ священникъ Федоръ Боровскій. С. Крупичполь Борзенскаго у. (Изъ № 46 «Черниг. Губ. Вѣдомостей» 1852 г., стр. 514).

217. Чоловикъ у Бога.

Жывъ соби одынъ чоловикъ Пылыпъ. И такыи винъ бувъ праведный, шо Богъ, разъ ходячы по земли,

зайшовъ до його, поживъ скільки тамъ часу и побратався зъ нимъ. Одходячы додому, Богъ и каже:

— Ну, оце мы побраталысь, а ты й не бувъ у мене, —прибувай колы въ гости!

А чоловікъ йому:

— Та якъ же я до Тебе втраплю?

— Я,—каже Богъ,—пришлю до тебе билого коня, дакъ винъ уже самъ тебе доведе.

Колы справди: прыбигае до його билий кинь. Сивъ винъ на того коня й пойхавъ. Йиде та й йиде, ажъ ось чоловікъ немовъ поміжъ стинамы б'ється: розженеться та вдариться объ одну стину, одсочить та въ другу, а тоди зновъ у ту. Загледивъ Пылыпъ й гука:

— Пылыпъ, Божый чоловікъ! Ты йидешъ до Бога на билому кони, прымовся тамъ къ мени, чы довго я маю такъ мордуватись?

Йиде той дали, дывиться, ажъ увъ озери чоловікъ стойить по шыю въ води и крычить:

— Ой, проби, дайте пыть! Ой, пытки жъ мени, пытки!

Побачывъ Пылыпъ й гука:

— Пылыпъ, Божый чоловікъ! Ты йидешъ до Бога на билому кони, прымовся тамъ къ мени, чы довго мени таку муку терпить?

Йиде винъ дали, колы сыдыть чоловікъ, а передъ нимъ два корци, и винъ усе зъ одного корця та въ другый воду пересыпа. Загледивъ Пылыпъ й крычить:

— Пылыпъ, Божый чоловікъ! Ты йидешъ до Бога на билому кони, прымовся тамъ къ мени, чы довго я буду тутъ нудытись?

Прыйиздыть Пылыпъ до Бога, погостювавъ тамъ и, якъ прыйшла пора одйиздыть йому додому, винъ и пыта:

— Ну, а скажы, Боже, чого то надъ шляхомъ одинъ чоловікъ объ стины б'ється, а другый стойить у води та ниякъ не напыється, а третій водою перельвається?

— То,—каже Богъ,—першый не пустывъ пидъ хуртовыну чоловика въ хату, сказавъ: «Тисно»; другой не давъ подорожньому у спеку воды напытысь; а третій—шынкаръ, що пидлывавъ воду въ горилку. Дакъ ото йимъ така кара до вику вичнього.

В. Т. Андриевскій отъ козака Ивана Карпенка, среднихъ лѣтъ, въ с. Рожновкѣ Борзенскаго у. Черниг. губ. въ 1894 г.
Многіе варианты этого см. у Чубинскаго, II, 11, № 2.

218. Богъ лучше знает, чего намъ треба.

Одынъ чоловикъ такъ угодывъ Богу, що той йому сказавъ:

— Просы у мене, чого хочешъ,—все тоби дамъ.

Чоловикъ цей бувъ пахарь и мавъ дуже добру землю. Довго винъ думавъ, чого бѣ його просыты у Бога й бильшь ничего не выдумавъ, якъ попросыты, щобъ пославъ йому дощъ тогди, якъ треба. Отъ настала весна, земля выйшла зъ пидъ снигу, стала протряхаты й розсыпатысь, якъ макъ. Чоловикъ зоравъ землю и посіявъ яру пшеницю. Заволочывшы, ставъ просыты Бога, щобъ пославъ невеличкый да спирный дощъ. Пройшовъ дощъ, пшениця зійшла густа да хороша. Пройшло недиль зо дви. Зновъ чоловикъ просыть дощу грозового. Зновъ пройшовъ дощъ, и пшениця выросла, якъ очеретъ. Пожавъ чоловикъ пшеницю, ставъ молотыты,—а ни зерна. Винъ тогди до Бога. А Богъ йому й каже:

— Я все робывъ те, чого ты просывъ и не нарикай на мене. Одного ты забудь попросыты: легесенького ви-терцю тогди, якъ пшениця красовалась.

Г. В. Дорошенко въ Борзенск. у. Черниг. губ., въ 1897 г.

219. Кам'яный горохъ.

Одынъ чоловікъ принісь изъ Ярусалыма горошину. Такъ то така горошына. Одынъ чоловікъ сіе горохъ, а Божа Маты пытае:

— Шо ты сіешъ?

— Каминь.

— Ну, каминь сіешъ, каминь и выросте.

Отъ той горохъ изійшовъ и зацвивъ, и стрючки на йому стали. Усе якъ слидъ, тилькы горошыны таки якъ каминь, шо не можна йихъ ни зварыты, ни розбыты. Такъ ото винъ тую горошину и принісь.

Черниг. у. М. Н. Гринченко въ 1900 г., отъ дивчыны.

220. Середа й п'ятныця карають людей.

Оце уже килькы ночей люде бачать, якъ у-опивночь по селу ходять дви жинкы у билій одежи. Се, кажуть, середа и п'ятныця, и вони спорять, яку на людей послать кару. Середа каже, щобъ поморщину та пожари, а п'ятныця—щобъ голодъ та войну. Богъ знае, котра то зъ йихъ переважыть. Кажуть будто бь туркы зъ нимцями хочуть завоювать нашего цара, такъ шо, видно, п'ятныця переважыть.

Отъ Ул. Килочицкой М. С. Чудновская.

221. Середа й п'ятныця гниваются, шо люде йихъ не шанують.

Була за селомъ пуста хата. Прыйшлось тамъ одному чоловіку заночувать. Саме у-опивночь уходятъ туды

середа и п'ятныця, а чоловикъ одъ страху зализъ пудъ пичъ. Увійшли вони и давай жалиться: середа каже, що «Мене колють», а п'ятныця—що «Мене замазують и засыпають кострыцею». Поговорылы, а потимъ угадали, що у хати е чоловикъ, вытягли його зъ пидъ печи, звязали руки и кажуть:—«Скажы людемъ, щобъ у п'ятныцю не мазали и не прялы, а у середу, щобъ не шылы».

С. Выбли Черниг. у. отъ Ивана Мосича М. С. Чудновская.

222. Середа штовхнула.

Каже чоловикъ жинци:—«Жинко, я хочу сала!»

— Що се ты, чоловиче, здуривъ? Сьогдни жъ середа.

— Середа уже спать легла,—каже чоловикъ.

А уже бувъ вечеръ. Узявъ винъ кусманъ сала, упльовъ та й полизъ спать. Тилькы що чоловикъ звьовъ очи, а середа його якъ штовхоне съ полу,—такъ винъ и полетивъ сторчака.

— Оце тоби,—каже чоловичеськымъ голосомъ,—середа спать легла.

— Що се, чоловиче, зъ тобою?—пытае жинка.

— Та се,—каже,—мене середа штовхнула. Теперъ уже никола не буду у середу йисты сала и дитямъ закажу.

С. Выбли Черниг. у. отъ Федора Билана, М. С. Чудновская.

223. Про Ярусалымъ.

Оце зароблятыму гроши. Якъ зароблю рубливъ двисти, такъ пиду у Ярусалымъ. Тамъ, кажуть, дужей гарно. Одынъ парубокъ ходывъ. Туды йшовъ такъ такый пры здоровью бувъ, а видтиля якъ прыйшовъ, такъ и родытели не пизнали—такый худый та насылу ходе. Його пытають: «Чого жъ ты такый худый ставъ»? А

винъ каже: «Колы жъ мени такъ було, що оце день ничого не йимъ, або й два дни не йимъ та все дывлюся—такъ тамъ гарно». Вы знаете, тамъ Божа Маты живе. Гора така тамъ у Ярусальми—Ахвонська,—такъ вона на тій гори живе. Тилькы, звисно, я ййи не побачу, бо туды женського полку не пускають. Уже одынъ панъ такъ такъ изробывъ. У його не було дитей, а винъ прынявъ соби дивчынку чужу за дочку. Отъ винъ убравъ ййи такъ якъ хлопця и пишовъ зъ нею на ту гору. Такъ не зйшла. Ишла, ишла, а тоди й покотылася зъ горы. Такъ якъ упала на камень та взялася рукамы, такъ на камени й знать пальци. Такъ тоди и вгадалы, шо то не хлопецъ, а дивчына, бо то ййи грихъ було туды йты. Одынъ чоловикъ, забула тилькы зъ якои слободы, пославъ туды по телеграми багато грошей, щобъ йому патреть изъ живойи Матери Божойи прислалы; такъ и прыслалы окону таку, зъ Нейи зъ живойи патреть изнялы. Теперь та окна въ церкви стойить.

У Божойи Матери, тамъ, де вона живе, немає ни дня, ни ночи, а все однаково, такъ, наче дуже нахмарыло. И вона не йистъ ничого, а Святымъ Духомъ воспытається.

Кажуть, шо дуже дорого дойхать у Ярусальмъ, бо тамъ перевозять човномъ, и той човень уже не нашого царя, а чужого. Такъ чужый царь дуже дорого бере за те, шо перевезе.

Тамъ у Ярусальми, чы на Ахвонській гори, щого вже не знаю де саме, такъ кажуть немає серебра, саме золоте все та костяне: и хрестыкы, и оконкы.

Черниговск. у. М. Н. Гринченко въ 1900 году, отъ дивчины.

224. Хлопецъ, монахы и скарбъ.

На болоти Трубайлы бувъ здоровый островъ, а на тому острови стоявъ здоровый стовпъ, а на тому стовпу

стояла чоловічеська статуя. И на тому стовпу було написано: «Хто вцилить статуїи въ голову, той грошей багато найде». Кажны день собиралось багато людей до того стовпа и вциляли його въ голову, ниhto тульки не вцильвѣ. Коли прыходыть молоде хлопця, прочытало и подумало, якъ гроши найты. А дали начало копать землю у тому мисци, де у скидъ сонця падала тинь одъ головы статуїи. Потимъ копало на тому мисци, де тинь була на пивдень и копало на захидъ сонця и тамъ выкопало чугуунну скрыню грошей. Стало тее хлопця пуднимать скрыню, такъ не пудыме. Воно пошло у Михайловскій монастырь и объявило гумену, що отамъ на острови найшовъ сундукъ зъ грошыма и самъ не пудниму. Гуменъ пославъ двоухъ манахивъ исъ тымъ хлопцемъ.

Прыйихалы воны на той островъ до стовпа, забралы сундукъ изъ грошыма, посидалы на човенъ и пойихалы. И йидучы манахы позавыдувалы на тїи гроши, нарядылись скинуть хлопця изъ човна и обмануть гумена, що тамъ грошей нема. Тоди взяли, привъязалы каминь до шыїи хлопцю и пустылы його у воду, а самы пойихалы, на берези заховалы гроши и прыйшли до гумена и кажутъ, що «Хлопецъ той обманщыкъ, прививъ на островъ и тоди заховався, и мы шукалы, шукалы—не найшли ни хлопця, ни грошей, такъ и вернулись».

А той хлопецъ остався невредымъ и черезъ несколько время оказався у тому самому монастыри пудъ престоломъ и ставъ тамъ стогнать. А клюшныкъ прышовъ у монастырь да почувъ и сказавъ гумену. Гуменъ прышовъ и побачывъ пудъ престоломъ того жъ самого хлопця, которы объявлявъ, що найшовъ гроши, и вытягъ його клюшныкъ изъ гуменомъ съ пудъ престола, одвязалы камень одъ шыїи и сталы його пытать, шо йому случылось. То вунъ розказавъ усе, шо йому було зъ манахамы. Тоди гуменъ призвавъ тыхъ манахивъ и ставъ йихъ пытать, якы це хлопецъ. И манахы сталы

прошенія просить у гумена. Но гуменъ придавъ ихъ къ суду, то судъ ихъ осудивъ туды, де Макаръ и телятъ не пасе.

Записалъ крестьянинъ с. Русанова Гоголевской волости Остерскаго у. Елисей Юрченко. Сообщилъ И. Е. Коновалъ въ 1899 г.

225. Де бильше празныкивъ.

I.

Зазмагався жыдъ исъ чоловикомъ, у кого буильше празныкуивъ и поришылы, щобъ жоденъ, шытаючы свойи празныкы, вырывавъ у другога зъ бороды волосыну. Ну, добре. Кому жъ почынатъ? Жыдъ ну на себе горнуть:

— Мы зъ народъ бозы, то й празныкы головниси,— мени почынатъ!

— Ну, нехай вже твуй чортъ старшы,— дядько каже,— почынай!

Отъ жыдъ почавъ: «Ну, слухай, Омельку! Адъ нового году,— Рошъ ходешъ шватъ.» — Та й сипъ волосыну у Омелька.— «Хамиша Ассаръ б' шватъ.»—Зновъ—сипъ!

— Та що ты, свыняче ухо? Казавъ, у васъ головнійши празныкы, а теперъ що ты выдумуешъ: то сватъ и се сватъ, та й будешъ усю ридню тягать!

— Ай, ай, Амельку! падазды—будуть и главны!

— Ну, гоны!

— Рошъ Ходешъ Адаръ.—Сипъ волосыну!—Другый день Рошъ Ходешъ Адаръ.—Зновъ—сипъ!—Гаманове Ухе. Ну, теперъ, Амельку, якъ жнай—самъ зе ты цуесь: Гаманове Ухе! знацять треба не за волосыну, а за ухо и тебе.

Бачыть дядько, що жыдъ хытруе, та вже потатурывся.—«Скубы вже!»—каже. Отакъ жыдъ ище иноди хытрывъ, але жъ мало нарвавъ волосься: штукъ мо зъ пив-сотни й вырвавъ. Добре.

— Ну теперь вже буду я,—дядько каже.—И я почну не зъ нового року, а зъ самого головного празныка: зъ Хрыстоваго Риздва. Ну! Первый день святъ.—Сипъ волосыну!—На другый день Соборъ пресвятой Богородици й священномученика Юхима.—Сипъ!—Трети день: святого апостола й первомученика Степана.—Сипъ волосыну!—Четвертый день—Святыхъ мученикъ дву тму въ Ныкодимиіи сожженныхъ. Ну, теперь выбачай, жыде: щытать волосся буде забарно.—Га хипъ його за бороду й выскубъ чысто.

Той крычыт: «Пусты, Амелку! усимъ и васимъ и насимъ расказу, сцо у васъ бильсе празныкуивъ!»

— Э, ни! хочъ десяту часть выслухай! Пятыи день—святыхъ младенецъ чотырнадцятъ тысячъ, Хрыста рады избіенныхъ одъ Ирода въ Вифлееми Іудейскимъ!—та й хапъ жыда вже за псыкы!..

И отъ, якъ бачыте: небагато пощытавшы празныкуивъ, жыда оскубъ мовъ горобця простисенько той Омелько.

М. Мринъ Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

II.

Змагалься чоловикъ изъ жыдомъ, у кого буильше празныкуивъ и поришылы, щобъ каждый, щытаючы свои празныкы, вырывавъ у другога по волосыни зъ бороды. Отъ жыдъ уже й радіе:—«А ну зъ я поцну сщытать свойихъ».—Чоловикъ згодывсь. Жыдъ заразъ: «Семень!»—та й смыкъ волосыну. «Куцкы!» та й смыкъ!.. Перещытавъ отакъ жыдъ свои празныкы и радый-радый, що нарвавъ зъ десятокъ волосынь. А чоловикъ усе крипывсь, хыба тоди скрывытсья, якъ той смыкне зо зла волосыну, дали й пыта: «Ну, вже, Хаинъ»? А той: «Узе, а сцо ты будешъ сщытать, колы у васъ мало цого празнують, а и у великы празныкы йидуть колы не въ поле, то до миста?»—«Ну, то литомъ звисно такъ, а отъ я тоби перещытаю хочъ

зимни.»—Та й почина:—«Риздво!»—та й сипь волосыну! Жыдъ такъ и затрусывся. «Водохрыще!».—«Ой, цы далеко сце до весны?»..—«Та ни, чекай: ось ще тры сяти»,— та й сипь тры волосыны,—такъ и звывся жыдъ, та: «Ой, вей! Грыцьку! нехай твойихъ бильсь, пусты мене!» А той: «Та слухай: е въ насъ ще сорокъ сятыхъ,» — та хуипъ його за всю бороду, бо вышытувать уже никола, а про те, щобъ знавъ жыдюга, що якъ любышъ йиздыты, то любы й возыты.

М. Веркiевка Нiжинскаго уiзда. Е. Н. Гаврилей, 1899. Варiантъ у Аванасьева, II, 419.

226. Чы Велыкденъ велыкый день?

Одна баба чуе, що люде Воскресенне зовуть Велыкоднемъ. Отъ вона одного разу и хотила спробовать, чы правда сьому, бо звисно,—чого люде не наговорють. На Велыкденъ пишла вона у погрибъ, щобъ никто не бачывъ и взяла зъ собою почынкывъ тры. «А ну жъ, думает баба, чы попряду?» Сыдила до самого вечора, та напярла усього тилко одынъ почынокъ. Тоди вона й каже зъ серцемъ: «Ну и не брехльви жъ люде? Отъ тоби й велыкый день! День, якъ уси дни, адже стилько и напярла, якъ завсегды. А черезъ отой капосный почынокъ просыдила у погребѣ, наче за яку выну. Я бъ стилько и въ пылыпивськый день напярла!» От- така то була розумна!

Ю. Н. Долинская въ с. Выбляхъ Черниг. у.

227. Непысьменный пишъ.

Було це въ старовыну. Бувъ у однимъ сели пишъ и не вмивъ винъ ни чытаты, ни пысаты. Прослужывъ

винъ службу, и треба було йому казати проповідь. Выйшовъ зъ овтара и каже:

— Чы знаете, братци, що я вамъ буду казати?

— Ни,—кажуть люде,—не знаємъ.

— Ну, якъ не знаете, то я не буду й казати, идить додому.

У другу недилю зновъ пытае винъ:

— Чы знаете, що я буду вамъ казати?

— Знаемо,—одвитылы люде.

— Ну,—каже винъ,—якъ знаете, то ничего вамъ казати, идить соби додому.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Петра Муцкаго.

Такіе-же рассказы напечатаны у Рудченка (II, № 5) и Афанасьева (II, 434).

228. Дви проповіди.

I. Проповидь украинця:

Братіе! Йихъ благородіе, панъ комысарь, лежать. А чого жъ вони лежать? Бо вони вмерлы. А чого жъ вони вмерлы? Бо естественно чоловикови родытыся, естественно и вмерты. Аминь.

II. Проповидь билоруса:

Братіе! Памьоръ... памьоръ... и ляжиць... А вы, дурни, цаво стайице? Бяриць и нясиць... Аминь.

Неизвѣстно кѣмъ записано.

229. Помылывсь.

Йихавъ архырей черезъ поронъ, а у ту пору по Десни ишли плиты. Старшый плитовщыкъ крычавъ на свойихъ товаришивъ:—«Прычалой!»—та крычавъ такъ здорово, що на симъ версть було чутно. Почувъ архырей у свойий карети та й каже:

— Приведить мени того чоловика, що въ його такый голось.

Прывели плытовщыка до архырея, и винъ зробывъ його дякомъ.

Служывъ разъ той дякъ службу, и треба було йому казати: «Много лита,» а винъ помылывъ та якъ крыкне на всю церкву: «Прычалюй!» Такъ його заразы розстрыглы и прогналы.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Петра Муцкаго.

230. Жарына.

Кажуть люде,—встаровыну не дуже було густо людей пысьменныхъ, а найпаче допывъ. Знаходылись цили села, де попа и дяка зроду-вику не бувало, и люде не вмилы молыться, не бачылы, якъ треба поклоны класты або хрестыться, а що попа возыты у решети,—вони про се и не чулы николы.

Такъ було соби одно село, де люде не памъяталы, чы бувъ тамъ колы пипъ. Ото прыслано туды попа и дяка. Збигся народъ звидуси дывыться, наче той рашевецъ росташовався зъ гарнымъ крамомъ, або цыгане прывели ведмедя, де зроду-вику його не бувало.

— Чы такый винъ, якъ и мы?—пытае, хто не бачывъ.

— Точнисинько,—одказуе такый, хто все знае и все бачывъ,—тыльки коса ззаду телипається.

— Що жъ вона скындячкамы гарно перечеплена, якъ у дивчатъ? Чы пидъ очипкомъ схована?

— Ни, вона росчесана.

— А у дяка велька коса?

— Ни, не дуже.

Багато де чоґо казавъ народъ. Осельвся пипъ.

— Теперь,—каже,—треба одибраты хату пидъ церковь, погы збудуемо церковь.

Одибралы. Зибралысь мыряне вчытысь мольтысь.

— Глядить же,—каже пипъ,—вы мусыте робыты, якъ я робытому: отакъ хреститысь, отакъ поклоны быйте!

— Такъ, такъ,—загудили уси и почалы поклоны быты.

Пиднисъ дякъ попови кадыло. Почавъ винъ ходыты по хати и кадыты, а мыряне хрстыются и поклоны гатять. Тилькы якось на лыхо жарына съ кадыла упала попови за халяву. Винъ дума: «Ничоґо вона не вдие кризь онучу». А дали тупъ-тупъ ногою, се бъ то зага-сыты ййи дума. А мыряне и соби—тупъ-тупъ ногою! Жарына не вгасае и дужче прыпика. Пипъ тилькы дрыгъ-дрыгъ ногою! А мыряне уси соби дрыгъ-дрыгъ!.. Якъ прыпекло попову онучу да якъ зашкварчыть попова нижка,—тоди винъ сивъ мыттю доли, давай стягаты чобить.

— Анаемо!—каже, да й кынувъ його у кутокъ.

А мыряне соби посидалы на землю, роззуваютысь да й шпурляють чоботы у той кутокъ, де попивъ лежать. Пипъ баче, що беда—закыдають його чобить такъ, що и ворожка не пизна,—мерщій схопвся, за чобить да драла зъ церкви, а мыряне соби за чоботы да наздогинъ зъ церкви.

Така, кажуть, була колысь служба.

Записалъ Пидводный.

Такіе же разсказы напечатаны въ «Этн. Збрн». (I, V, VI, и 28, V).

231. Хытрый бляхаръ.

Було це пидъ церквою, якъ разъ на самисынькы проводы. Поодправлявъ пипъ панахыды, сивъ за стиль

и почалы грапезуваты. Навкругы попа посидалы сами найбагаччи мужыкы а мижъ нмы якосъ прымостывся й бляхаръ. Йидять воны усяку страву, ажъ за ухама лящыть та все горилкою частуються; пипъ надто налягае на м'ясыво-курятинку, сотае соби. А бляхаръ хоча бъ крыльце зъ курятыны,—сыдыть и въ ротъ не бере. Помитывъ се пипъ та й пытае його:

— А чому ты курятыны не йисы?

Бляхаръ подывывся на курятыну та й каже:

— А тымъ, батюшко, що кожна хазяйка, якъ посылае дочку пійматы пивняна таке дило, то й приказуе: «Гляды жъ, дочко, ловы того пивня, що зъ билимъ гребинемъ, бо винъ все одно не сьогодни—завтра здохне: краще я дорижу його та спечу, а пипъ иззисть, ще й пальчыкы пооблызуе!»

Почувшы се, пипъ скрывывся та й выкынувъ зъ рота те, що й зумравъ... Зъ того часу пипъ ажъ николы не йивъ м'яса, що носять на таке дило парохвіяне.

Каневскій у. Кіевской губ. В. Ф. Степаненко.

232. Незвычайна хазяйка.

А.

Прийшовъ пипъ до одніей хаты зъ молитвою. Хазяйна дома не було, а хазяйка каже сынови:

— Скажы, що дома нема!

Та й заховалась на пичъ

Увиходыть пипъ:

— Де маты?

— Нема дома,—каже хлопець,—пишлы на село.

Пипъ глянувъ по хати,—ажъ выдно съ печи ноги.
То винъ:

— Скажи жъ матери щобъ удруге, якъ пиде на село, то й ноги съ собою забирала!

Харьковск. губ. Б. Д. Гринченко.

Б.

Прийшовъ пипъ зъ дякономъ, а жинка одъ йихъ заховалася на горыще, а сынови звелила сказаты, що нема ййи дома. Пытае пипъ:

— Де маты?

— Нема дома,—каже сынъ.

А дяконъ глянувъ по синяхъ, ажъ спидныця зъ горыща звысла—не вспила жинка далеко заховатися. То винъ:

— Дакъ скажи жъ матери, щобъ удруге не чыпляла спидныцю надъ дверыма!

Черниговск. у. Б. Д. Гринченко.

233. Страшный судъ.

Це було дило саме якъ разъ въ майи мисяци, ще й передъ зеленымы святкамы. Мени казавъ одинъ чоловікъ, що въ цимъ году буде кинецъ жызности, а якъ инакше сказать—страшный судъ. И росказуе, що выйхавъ той же чоловікъ якъ разъ за саме село и дывытсья, що це вже мабутъ и винъ, той самый страшный судъ, бо вже й земля уся зайнялась тамъ на Выржавци и уже зайнялась по самисиньку яконовію, оту, що ййи всяке пошты знае зъ нашего краю. Я тоди, не бувшы лыхо, та назадъ у село та до росправы. Якъ и вамъ же звисно, що якъ зробытсья яке де небудь дило, то треба дать знать въ самый передъ куды жъ, якъ не до росправы? То якъ я вернувся до росправы и не заставъ тамъ ни соцького, ни десяцького, а тилкы бувъ тамъ одинъ сторожъ, то я йому росказавъ усе це лыхо и

пойхавъ я зъ своєю жинкою Марусею, щобъ тикать куды небудь у друге мисце, або що. Ище й другимъ тамъ сказавъ, щобъ тикалы тоже. То одни тикалы, а ти поторопила та кажуть, що якъ уже це буде страшный судъ, то куды вже намъ тикать, одначе вся земля згорить, то все жъ такы мы не втечемо.

Колы йиде якийсь чоловикъ, якъ по нашому найшвидче сказать,—осаула зъ берлозивської яконовіи та загадуе малымъ дитямъ жукивъ ловить на бурякахъ, а мы йому:

— Ты сякий-такый и въ останній день загадуешъ! Дывись, онъ на Выржавци земля уже горить, а винъ намъ каже жукивъ ловить!

— Що вы, поторопила, чы що це зъ вами случилось? Дурни вы! То на ковтьобахъ жуки палють, а въ Выржавци туманъ схопывся зъ рички. Схамениться лышень!

Тоди наши люде, почувшы це, поверталысь звидтиля, куды бувъ хто втикъ та до шынку, та давай пыть горилку та радуваться, шо ще такы трохи поживемъ.

Каневскій у. Разказъ сторожа копіватской управы Грыцька Бульбы.
Сообщилъ В. Ф. Степаненко.

IX.

*О явленіяхъ жизни семейной и
общественной.*

234. Вирна дружина.

Одынъ молодой чоловікъ та дуже добре живъ изъ своею жинкою. Було, чумакуючы, йиздыть по дорогахъ, а думка витае коло вирнойи дружны у ридній осели. Додому повертається якъ у рай, а доведеться знову кыдаты домивку,—важкый сумъ огортае душу. Отъ разъ, рушаючы въ далеку дорогу, винъ и каже жинци:

— Дружыно моя, чы ты справи вирна мени, чы може, якъ довго нема мене, то й у грихъ ускочышь?

А вона йому: «Отъ уже,—каже,—я швыдче на тебе надіюсь, що ты, ходячы по свитахъ, не выбудешъ такъ.»

Слово по слову, а дали й заложылись: «Ну, якъ такъ,—каже жинка,—надинемо на розстанни по новій сорочци, и хто чесно прожыве,—ходытыме у билій сорочци, хочъ ни разу й не скыдатыме, ажъ помы побачымысь; а хто согришыть, на тому буде чорна сорочка, и пратге не поможе.»

— Добре!

Такъ и зробылы.

Отъ, якъ верталысь уже чумаки додому, трапылось йимъ ночуваты на постоялому двори у дуже багатого купця. Булы тамъ напытки и найдкы усяки, а чумаки, звычайно, грошовыти люде, пъяють та закусюють. За ве-

черю, на пидпытку вже, стали дывуватысь тому чоловикови, шо одколы, кажуть, ходымо у дорози, винъ ни разу не переменявъ сорочки, а сама чыстїйша сорочка въ його. Приставъ до йихъ и хазяйинъ: шо да якъ? Ну, той чоловикъ и признався: «Це,—каже,—мы заложылысь изъ жинкою: хто зъ насъ чесно прожыве, той зъ дружыною стринеться у билїй сорочки, а хто проступыться, на тому одразу стане чорна сорочка.»

Купецъ той якъ зареочеться и просто въ вичи зве дурнемъ: «Чы такы жъ,—каже,—жинкамъ можна виру няты? Да абы трапывся добрый молодець,—зроду не встойить.» А чумакъ той свое: «Ручусь, якъ за себе.» Отъ купецъ тоди: «Та хочешъ, я самъ звезду?»

— Звезды!

— А шо дасы?

— Та заберешъ уси мойи волы й возы.

А шить паръ воливъ!

— Добре.

— А якъ же выйде твоя брехня, тоди шо?

— Пропало усе мое господарство.

Ото стали у закладъ, напысали у бумагу, и вси пидпысались. Роспытався купецъ, у якому сели и де саме жыве чумакъ та й пойихавъ.

Прийиздыть до того двора и просыть у молодойци, чы не можна коней погодуваты да й самому одпочты. Молодыця, звычайно, пустыла. Просыть винъ самоваръ нагриты. Пъе чай и хазяйци дае та ще й рому пидсынае. Дочаювались, шо треба вже й йихаты. Просыться купецъ на ничъ. И все лыпне, та й лыпне до тьеи молодойци; поперевахъ оддаликъ заходывъ, а дали вже й добре приставъ. И надававъ ажъ тысячу рубливъ, абы тилько дило було. Бачыть молодойця, шо не перельвкы, а сама жъ одна душею въ хати. Отъ вона й каже: «Ну, добре,—чы такъ, то й такъ! Тилько мени треба на двиръ выйты.»

Выскочыла молодыця зъ хаты та боржій до сусидкы. А билия ййи жыла одна убога вдова.—«Отакъ и такъ,—каже,—вызволю и мене одъ напасты, и соби тысячу заробышъ: тоби Богъ простыть!» Росказала тій сусидци, якъ треба поводитысь. Та й зохотылась.

Отъ купецъ отдавъ тысячу та тоди за косу тилько чыркъ ножыцями: «Це,—каже,—хай мени за тысячу.»

Выйшла удова, а хазяйка тоди въ хату. Уранци купецъ пойхавъ радый та веселый, що выгравъ закладъ. Постричався зъ чумаками: «Мойи,—каже,—волы!»

Показуе косу. Чоловикъ той и охоловъ. «Ну, та вже жъ,—каже,—побачымо!»

Идутъ чумаки, а за ными и купецъ повернувъ. Пидйихалы до двору. Молодыця выскочыла, ворота одчыня. А купецъ и гукае: «Да не одчыняй,—каже,—бо це все мое.»

— Чого жъ воно твое?

— А ты забула, якъ я ночувавъ у тебе?.. У насъ ись твойимъ чоловикомъ бувъ закладъ.

— Я тебе овсимъ не знаю,—каже молодыця.

Купецъ тоди: «А це що?»—показуе косу.

Молодыця очипокъ изъ головы: «Ни,—каже,—у мене, хвалыты Бога, коса цила.»

В. Т. Андриевскій въ с. Рожновкѣ Борзенскаго у. отъ крестьянина Евдодима Гавриленка, 27 лѣтъ, въ 1898 г.

235. Хытра жинка.

— Жинко, а де гроши подила?

— Та де жъ?.. Копу на силь... копу за силь... за копу солы купыла... а копу пропыла...

Чоловикъ росердывся та вдарывъ ййи.

— Бачъ, ударывъ у губу, перебивъ рахубу, до й щытай самъ!

С. Евминка Остерск. у. Черниг. г. Г. С. Неводовскій.

236. Ленива жинка не пряде.

Була соби одна така жинка и не любила вона прясты. Каже йй, було, чоловікъ шобъ вона пряла, а жинка отказуе: «Ще напряду.»—«Та пряды бо, сяка - така!»—«А килькы ше,—пытае жинка,—недиль до празныка?»—«Десять.»—«Ну, ше десятку напряду!»

— Чомъ бо ты не прядешъ, пряды! — зновъ черезъ килькы недиль каже чоловікъ.—«А килькы ше осталось до празныка?»—«Та уже тилькы симъ недиль.»— каже чоловікъ.—«О, ше у семуху напряду!»

Проходять и симъ недиль, а жинка и не береться за куделю. «Хай,—каже,—у вельку суботу—велький день буде, тоди напряду.» Диждалы вони и велькойи суботы, зложыла жинка у чугуны льонъ та конопли и давай парыть. А у йихъ та була сучка - кудла.—«Сыды жъ,—каже жинка на чоловіка,—та дывысь, шобъ кудла не вскочыла у сины, а то мойи полотна покудлаться.» Сыдыть чоловікъ на порози, махае рукамы. Стала жинка выймать чугуны зъ печи, а кудла такъ и выляе хвостомъ, якъ бы ускочыть у сины. А жинка тыхенько маныть кудлу, та ше й хлибъ показуе. Кудла, побачышы хлибъ, перескочыла черезъ плече чоловікови та у сины. А жинка тоди якъ закрычыть на чоловіка та заголосыть: —«А що жъ ты мени, такый-сякый, наробывъ? Покудлатылысь, пропалы мойи полотна!» Та давай вытаскувать зъ чугунивъ льонъ та конопли, годи й билыты.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Гликеріи Новиковой
М. С. Чудновская.

237. Ленива жинка чоловіка на смерть убирае.

Була соби жинка, та така леньва, мовъ бы це йя, нелюбыла вона прясты. «Чому ты,—каже чоловікъ—не

прядешъ, у шо ты мене уберешъ, якъ я умру?»—«О,—каже жинка,—уберу, ще й якъ.» Прыкнувся чоловікъ мертвымъ и лежыть. Найшла жинка неретку, надила на чоловіка, бо ничого бильше не було надить, прыпала до чоловіка и голосыть: «Чоловиче мій, та куды жъ ты убираешся?»—По рыбу,—промовывъ чоловікъ. Положылы чоловіка у домовыну. Зновъ жинка стала голосыть: «Чоловиче, та куды жъ ты убираешся.»—По рыбу.—«Ой, мамочко,—крыкнула тоди жинка,—винъ не умеръ, винъ гомонить.»—Ни, се тоби, моя донько, такъ удаеться, шо ты його любыла.—Прынесли чоловіка уже до мѣгылокъ. Голосыть жинка, приказуючы: «Куды жъ се ты, чоловіче, убираешся?»—По рыбу!—скрыкнувъ чоловікъ, та й уставъ зъ домовыны и давай быть жинку по потылицы: «Оце тоби,—каже,—не ленысь, та пряды, щобъ не убирать чоловіка у неретку.»

Записала отъ Лукеріи Новиковой М. С. Чудновская въ с.
Выбляхъ Черниг. у.

238. Жинка безъ десятой клепкы.

Купывъ разъ жыдъ у однійи жинкы яйца и каже: «Ты погуляй, а я однесу яйца додому и прынесу тоби гроши.»—«Добре,—каже жинка,—тылькы якъ же мы одынь одного угадаемъ?»—«И справди,—каже жыдъ,—хыба знаешъ шо? ты надиць мое палто, а я твій кожухъ.»—А на жинци бувъ добрый кожухъ. Передяглася жинка у жыдивське палто и жде. Ждала, ждала, та безъ кожуха и додому вернулась.—«А кожухъ де?»—пытае чоловікъ. Вона розказала, якъ було дило.—«Нема у тебе,—каже чоловікъ,—десятой клепкы!»—Та не ставъ бильшь и балакаты.

Побачыла разъ жинка бондара и просыть, щобъ винъ зробывт йій десяту клепку. Заглянувъ бондаръ,

що у синяхъ высыть велике сало, та й каже: «Се до-рого буде стойить: отъ якъ оддасы отее сало, то зроблю». Согласылася жинка, и бондарь выстругавъ ййй кле-пку, зробывъ обручыкъ и надивъ на голову.

Записаль отъ Андр. Чечни Петръ Курилецъ, въ Черниг. у.
Сообщила М. С. Чудновская.

239. Якъ жинку ярмалокъ налякавъ.

Докоряе жуинка чоловикови, що усе самъ йиз-дыть и до миста, и въ ярмалокъ, и такы добылася того, що чоловикъ згодывся взять и ейи на ярмалокъ. Отъ прыйихалы, чоловикъ выпрягъ волуивъ, посадивъ жуин-ку воза стерегты, а самъ пишовъ нибы за диломъ; але жъ надумавъ вуинъ инше дило: знайшовъ польцейсько-го, купывъ йому восьмуху, чы дви и попросывъ, щобъ той провчывъ жуинку, якъ на ярмалокъ йиздыть. Зго-дывсь польцейськы, прыйшовъ до жуинки та й grim-нувъ: «Чого ты приѣхала?»—А та веселенько: «На ярма-локъ!»—Ахъ ты сякая-такая! Я жъ тотъ ярмалокъ, такъ ты на меня будешъ ѣздить?» та й почавъ ейи пу-гою перищыты. Повчывъ добре й зныкъ. Ажъ надходе чоловикъ, а жуинка й пыта знышка: «Не бачывъ ты ярмалку?»—«Ни, не бачывъ. А що хыба?»—«Та тутъ якъ здыбавъ мене, то трохи шкуры не опоровъ, ледви пидъ возомъ сховалась, та ще й наказувавъ, що вернетъ-ся вдруге. Запрягай, чоловиче, нумъ тикать мерщій,—краще самъ выйдешъ». Чоловикъ уже й оставляетъ: «Побудьмо ще, поорудуемъ де що.» Та куды тоби—тикать,—хай його мырь не знае, того ярмалку! Втекли. Жуинка вже не чепляється до чоловика. Прожилы зла-годно вже тыждень, а жинци все на думци ярмалокъ. Пишла вона у недилю до церкви; туилько шо въ бабы-нець увишла, ажъ уздрила москаля въ церкви, та нав-

тики. Прыбигае додому, задыхавшысь. Чоловикъ до нейи: «Чого се рано зъ церквы?»—«Ой, не пытай же ты мене! Ярмалокъ у церкви.»

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей.

240. Жоноча пошестъ.

— Боже муій, що його робыть? жуинка недужа.

— Осе! Шо жъ тамъ таке?

— Та чорты його батька знае, що воно й за пошестъ: лежыть безъ просыпу, а йистъ безъ пошады.

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Записаль Е. Н. Гаврилей.

241. Чы можна жинкамъ правду казаты.

Одынъ чоловикъ та хотивъ вывирты, чы можно жинкамъ правду казаты. Отъ винъ пишовъ у коморю, лигъ та й лежыть, наче хворый, а жинка й пытае його:

— Чого ты, чоловиче, лежышь?

А чоловикъ и каже:

— Въ мене таке, шо не можно казаты, а то ты скажешъ кому небудь.

— Та ни, не скажу.

— Э, ни, скажешъ.

— Та ни бо, не скажу!

Довго винъ не хотивъ казаты, а тоди й каже:

— Та тилкы жъ никому не кажы! У мене вылетила зъ рота гава.

Отъ жинка пишла по воду та й стрила свою куму, а кума й пытае:

— А шо, полекшало твоему чоловикови?

— Э, де тамъ полекшало. У його,—тилкы кумочко никому не кажы,—у його дви гави зъ рота вылетило.

Кума сказала, шо никому не скаже. Колы йде друга баба. Отъ та кума й каже:

— А знаете, у того чоловіка (якъ тамъ уже його) тры гавы зъ рота вылетило. Та тилкы жъ никому, бабусичко, не кажить.

А та й сказала свой племянныци, да й ще прыбавыла, а та ще комусь, такъ выйшло вже дванадцять гавъ. Отъ уже вси на сели дизнались, думаютъ, шо жъ це воно таке? Зибралась громада и клычуть його:

— Шо це,—кажуть,—у тебе таке?

А винъ йимъ усе й росказавъ, якъ воно було:

— Це я,—каже,—хотивъ вывирить, чы можно жинкамъ правду казать,—ажъ бачъ, якъ йимъ можно правду казать.

Записала Н. Г. въ Черниговск. у. въ 1898 г.

242. Батькова правда.

Вы пытаете, добродію, звидкы берутся оци пословици? Такъ стари люде прыкладуютъ. Колысь покійный мій татко було намъ каже: «Слухайте, диткы, шо вамъ кажуть стари люде, прымичайте та такъ и робить!» Та оце, бувало, й роскаже яку небудь казку. Отъ колы хочете, я й вамъ роскажу де яку казку покійныка татка. Се жъ ото бувъ чоловікъ, а въ його бувъ однимъ однимъ сынокъ. Отъ винъ, умираючи, й каже; «Гляды жъ, сынку, съ панамы не кумайсь, зъ жыдамы не бра-тайсь, жинци правды не кажы, чужойи дытны за дытну не ймій, собаци виры не доймай.» Вмеръ старый, сынъ почавъ господарюваты. Панъ його такъ жаліе й прыкашыкомъ настановывъ, а дали и въ кумы до себе взывъ. Не послухавъ винъ батька та й пишовъ до пана въ кумы. Шо жъ?—панъ його ще бильшь зачавъ жали-ты. Отъ винъ и думас: неправду казавъ покійныкъ,—

бачъ, якъ мени добре, шо я панськый кумъ. А въ його не було дитей, отъ винъ и взявъ соби челядныка за сына. Потимъ того йиде панъ у повкъ та й каже: «На жъ тоби, куме, мого сокола та гляды жъ, доглядай його гарненько!» Пойихавъ панъ. Отъ винъ и миркуе: давай, каже, извидаю батькову правду. Та взявъ того сокола, шо йому уручывъ панъ, заховавъ, а пыленятко*) заризавъ, опатравъ, прынисъ жинци та й каже: «На жъ тоби, жинко, звары оцього сокола, та колы бъ ты никому, никому не казала, бо якъ дочуе панъ—буде намъ лыхо.» —«Ни, чоловиче, чы можна, щобъ я кому сказала?» Та й пишовъ кудысь по господарству. А жинка за те пыленятко та до кумы. Прыбигла та й просыть горщыка: «Кумочко, голубочко, дай, будласко, горщыка!»—«На шо тоби?»—«Та нельга казать, кумочко!»—«Якъ тоби не грихъ, кумо? Я жъ до тебе така вирна, а ты мени не хочешъ сказаты.»—Вона й розказала. Кума сказала матци, matka невестци; пишла чутка по всьому селу: прыкащыкъ заризавъ панського сокола. Почувъ и панъ, одпросывсь та й прыйихавъ додому. Заразъ по кума: «Де, сякый-такый (годи вже й кумомъ), де сокиль?» —«Шо жъ, паночку, вынுவать: заризавъ та ззивъ.—Не признається, думавъ, шо панъ помылуе, ажъ де тоби: якъ закрычыть на його! Крычавъ, крычавъ, а дали лакеямъ и каже: «Визьмить його, повисьте!» Отъ винъ и каже панови: «Дозвольте, паночку, хочъ въ останній разъ Богу помолыться, зъ людмы роспростыться!» Дозвольвъ. Прыходыть додому, надивъ билый кожухъ та й згадавъ, шо ще жыдъ не вернувъ грошей позыченыхъ. Питы жъ, думает, до жыда, отъ и визнаю його правду. Та тилькы шо показався зъ синей,—де взявся собака,

*) Пыленятко—се бъ то курча, бо курчатъ склыкають: пыль, пыль, пыль!

та на груди, та давай його шарпаты, такъ полу й одчачнувъ! Бачъ, якъ батькова правда збувається! Приходьтъ до жыда. Жыдъ ни близько: «Я,—каже,—въ тебе не бравъ грошей.» Зъ симъ и пишовъ видъ жыда. Пришовъ додому, вынись зъ коморы гроши та й каже жинци й небожови: «Нуте дилыты гроши!» Взявъ та й розкладуе на чотыри купкы. А було тилькы трое: винъ, жинка й небожъ. Отъ небожъ дывывсь, дывывсь, а дали й пытае: «Кому жъ оце, господарю, четверта купка?» —Се,—одвигуе,—тому, хто мене вишатыме.—«Э, такъ якъ мать чужому тебе вишаты, то лучче давай я тебе повишу.» Отъ тоди винъ узявъ, зсыпавъ зновъ гроши въ мишокъ и каже: »Ну, теперь зvidaвъ усю батькову правду!» Пишовъ туды, де сховавъ сокола, взявъ його й приходьтъ у панський двиръ. Сокиль якъ свысне, панъ и почувъ та до лакейивъ: «Эй, идить, поглядить, неначе сокиль свыснувъ.» Выбиглы, подывылись—ничого не чутъ. «Нема, пане, ничего, се, мо, вамъ такъ здалось.»—А може й справди здалось,—каже панъ.—Та тилькы шо се промовывъ, а сокиль зновъ якъ свысне! Панъ ажъ здригнувъ та й побигъ самъ дывыться. Выбигъ, глядыть: кумъ його сыдыть на рундуци и держыть сокола. Панъ до кума: «Де ты, кумочку, його пиймавъ?»—А що жъ,—каже,—пане, оце я извидувавъ батькивську правду...—Та й оповидавъ йому все, якъ було. Отъ тоди панъ заплакавъ та й каже: «Ну, спасыби жъ тоби, куме, шо ты й мене навчывъ слухаты батькивського слова. Робытому жъ и я теперь, якъ мени веливъ покійный мій батько.»

Черниговск. губ. Записалъ А. А. Тишинскій.

Изъ Черниг. Губ. Вѣд. 1859.

243: Удова

У Жеведи Чернигивського повиту такой звычай, що якъ добрый чоловикъ везе повзъ удову дрова чы тамъ килкы, то й укыне ййй у двирь дровъ, чы килкы якый.

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко.

244. Недогадлива дочка.

Маты йде до церкви, а дочки загадуе хлибъ мисыты. Дочка пытае:

— А довго жъ його мисыты?

Маты каже:

— Мисытымешъ, ажъ помы съ стрихы почне капаты.

Отъ маты пишла, а дочка взяла мисыты. Мисыла, мисыла, тоди выйшла, поглядила—не капае ще съ стрихы. Вона зновъ помисыла трохи, выходе—не капае съ стрихы, лапнула рукою, ажъ ище й не мокра стриха. И такъ вона скилкы разивъ выходыла дывытыся—ни, не капае. Уже вона, бидна, такъ утомылася, трохи не плаче: питъ очи зальвае, а съ стрихы все не капае. Прыходе маты съ церкви, а дочка все мисе. Вона каже:

— А чога це ты й доси мисышь?

— Та колы жъ и доси съ стрихы не капае.

А маты тоди сміється:

— Та вже—каже,—въ тебе съ стрихы не то капае, а бижыть.

Тоди вже дочка догадалася, про що маты казала.

Харьковская губ. Записала М. Н. Гринченко.

245. Якъ сыны мырылы батькивъ.

Жывъ соби колысь такъ соби дидъ да баба. Було у йихъ два сыны: Федотъ и Ягоръ. Отъ разъ ставъ дидъ бабу бытъ. Хлонци саме за роботою булы: Федотъ рукавыци плуивъ, а Ягоръ вовну скубъ. Отъ дидъ бабу лупцуе, а вона крычыть. Ягору стало жалько матери, —вуйнъ кынувсь оборонить, але жъ самъ не подужае батька, шобъ матиръ оборонить. Отъ вуйнъ гукать на помочъ Федота: «Федотъ, иды поможы, а то я самъ не цодужаю!»—Федотъ и каже йому:—«Ото знаешъ шо, Ягоре? мы браты родни, а вони черты зводни,—такъ нехай трохы побъются,—тоди вони самы розидуться,—те вправо, те вливо, шобъ увъ обохъ болило.»

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Записаль Е. Н. Гаврилей.
отъ Мыколы Кропки.

246. Батькивъ прокльонъ. *)

Дле себе Матвѣй погано робить: воно, може, не мое дѣло, да и нехай уже выбачае, я такы ему де чого багато нагомонѣвъ. Выдыте, яка пришта, добродію: Матвѣй выправлявъ сына кудысь то та такымы словами выпроводывъ, шо нехай уже вони на сухой лись идуть; воно, правду кажучы, и хлопья въ його ледаче, да й Матвѣй не добре робить. Клесты дѣтей батьковы не

*) Разсказъ этотъ записанъ не слово-въ слово изъ устъ разсказчика, а съ памяти; кромѣ того, г. Косменко, сообщившій этотъ разсказъ, при записываніи его не слѣдовалъ произношенію разсказчикомъ каждой буквы. Такъ, вездѣ, гдѣ буква **о** выговаривалась разсказчикомъ какъ **yo** или **ym**, онъ поставилъ **o** и проч.

Примѣчаніе ред. Ч. Г. В.

слидъ, праклюонъ радителявъ не йде часомъ на сухій лѣсъ, а падае на голову да на лыхо дѣтямъ ледачымъ.

— То вже люде пропащіе, не приведы Господы и бачыть йихъ. Отъ якъ бы вашій мылосты въ угоду, я бь расказавъ одынъ такой злучай, що за моеи памяти ще бувъ. Вы може бувалы на Котрелюовщинѣ*); тамъ и доси е слыве зовсимъ завалена пашенна яма,—не въ приметку вамъ? Було тамъ, кажуть, багато де чого, а теперь и помыну нема, только та ямка, наче въ ей и дна немае... Жывъ колысь оттамъ на Деркачовци**) чалавѣкъ—Сергѣемъ звалы его; добры бувъ чалавѣкъ, царства ему небесне!.. и заможненьки таки геть бувъ! Усякого добра було въ його доволи: и кони, и скотынка, и птыци всякойи, а хлиба светого, — вже й казать нѣчого! Бувало, чи неурожай, чи грядъ, або сарана поле выбье,—у кого ничого, а у Сергѣя засѣки повны: самъ ѣвъ мяхкый хлѣбъ, да и людамъ въ притузи помогавъ. Не велька була въ його семъя: жонка да трое сыновъ. Да що за семъя була!.. Сергѣиха работяща була на все село, а сыны тожъ паробѣчкы были—глянуть любо: до дѣла трудящи, до батька й матери слухмяные, до чужихъ людей звычайные. Ну, сказать—усимъ Богъ благословивъ Сергѣя. Диветце було люде, да дивуютце, що Сергѣй живе, якъ у Бога за двермы: и добра въ його всякого доволи, и семъя на радость...

Пожалуйте жъ. Жывъ Сергѣй якъ пошлы Боже и всякому такъ житы, а вмеръ—не приведы Господы и нехрыста такъ умыраты. Чы согрѣшивъ чымъ самъ Сергѣй передъ Богамъ, чы на покуту батькавскихъ грѣховъ, чы такъ Божа света воля,—только дворъ Сергѣя зразу

*) Урочище въ м. Понорницѣ.

**) Часть мѣстечка.

неначе заморочило шо. Отто спершу умерла жонка; не обтеръ ише слюозъ Сергѣй и сынъ болшій Богу душу отдавъ. Пожурывсь Сергѣй, пожурывсь, да якъ долѣе доброму чоловѣкови и переставъ. Минувъ годъ, Сергѣй забравсь середулшого женить. Засваталы дѣвку, прибралсь къ весѣллю,—а гу! занедужавъ середулшый, да й теѣ накывавъ петама. Близько пудайшло горе тогди до Сергѣявого сердца—зажурывсь сердка! Отто, то люде добрые, то панотець покойный батюшка сякъ такъ отхаялы Сергѣя. На все, кажуть, Божа сила, Божа й воля, а журба грѣхъ тяжкый! Въ тебе, кажуть, сынъ ще е, дасть Богъ оженышъ, дождедся внукавъ, буде кому на старости и догледаты и хлѣбомъ кормиты, а умрешъ—е за шо, да й буде кому поминаты. Чы послухавъ Сергѣй, чы не послухавъ, только вже живъ, якъ те пудрублене дерево,—живе та сохне. Ему було добры люде й кажуть: «Эй Сергѣй, бойся Бога! журбою ничего не вернышъ, а только Бога прогнѣвышъ».—«Да нѣ, каже, я не журусъ, я своихъ пакойниковъ завсимъ и забувъ уже».

Сергѣй казавъ правду; сохъ да чахъ вонъ не одъ того,—батькове сердце чуло соби горе! Останній сынъ Сергѣявъ бувъ уже геть паробѣчка; годовъ черезъ три, або чотыри, Сергѣй оженывъ його. Якъ уже вони тамъ жили, Богъ ихъ светы зна; только не въ диковижу стало бачить и слезы на очахъ Сергѣя. Прошло може такъ... гадовъ петнадцеть,—Сергѣя Богъ и внученятами благословивъ; хлопята уже геть пудрослы—только щожъ? не въ дядьковъ удалсь. Бувало йимъ только и дѣла, щобъ у людей городыну псавать, або камѣнье швыргать, або людей цкавать собаками; стали люде недобре гомонѣть про Сергѣявого сына. Воно вѣстымо, якъ дѣты капостны, то батька виновать, чому не учить; а якъ батька не научае дѣтей людей поважаты да Бога боятысь, та закону Его, то и самъ вонъ не-

добрый чалавѣкъ. Колы жъ такъ и вышло. Пронеслась чутка, що старого Сергѣя сынъ не симане*) зовсимъ, да такъ грымае на батька, що въ старого часомъ и косточки трусетсе. Дале, вже и сусѣдамъ чутно стало, що сынокъ такими словами вымовля на батька, що доброду чоловѣкови и на челядныка сказаты соромъ. Дивуютсе, було, люде, що съ Сергѣявого сына таки ледачи чалавѣкъ зробывся; да, бувало, зустринуть старого: «Чомъ ты, кажуть, Сергѣю, начальникамъ на сына не пожалысся? — вонъ тебе обиждае крѣпко.» — «И вже, — каже, — начальникамъ на сына жалытьця!.. да й за вищо?.. Вонъ у мене слава Богу и работящий, и слухмяный, а що часомъ и бувае, такъ то такъ, ничего, — мы свои» — Да одвернетця да полою и втирае красные очы. Пробувалы иншіе и до сына пудступать, за що таки вонъ батька такъ на старости обиждае, що вонъ же не ледашыця, не пьяныця, худобчыну забравъ для його хоть куды, — и се, и те, — дакъ усе ничего; у сына каяття не бачылы!..

Отто настало лѣтечко свете. Сергѣй занедужавъ. Воно вже и поживъ таки слава Богу, а тутъ поховать жонку, да двоухъ сыновъ, да ще на старости лыхо одъ дѣтей терпѣть — не приведы Господы никому, хоть кого въ обложже положить. Лѣтомъ, вѣстимо, нашъ братъ слыве все времѣ у поли; отъ, було, поѣде у поле и Сергѣявъ сынъ. Да только якъ вонъ зъ двора, жонка не то, щобъ догледыть недужого батька, и соби вслѣдъ за очами. Воно такъ: якъ чалавѣкъ ледачыи, отъ жонки и давно добра не ожидай. А Сергѣй лежить та часомъ не ѣвши, не пивши и день проводыть. Даждалы жнивовъ — Сергѣй завсимъ охлявъ. Поѣде було уся семъя на поле, опричь дѣтей, бо тыхъ, якъ свѣтъ — и у хати нема; а щобъ було кому старого догледыть, до сього и дѣла нема никому. Лежыть сердешный дѣдъ: чы воды бъ напывся, чы другого чого, — самъ не встане, а подать

*) Не уважаетъ.

нѣкому; слёзъ бы напився, да и слёзы на старость по-высыхалы. А дѣты понабѣгають, накрывать, назичать, порасчыняютъ двери,—да й булы такіе. Понаходеть кури, свинье, попереворочуютъ усе у хати, а старому встать совѣмъ не въ моготу. Прийде сынъ съ поле и за все виновать батька. Бачъ, якъ бы його не було, вонъ бы двери позамыкавъ. Терпитъ дѣдъ...

Отто разъ уранци забравъ молодой Курдюбенко у поле, надѣвъ шоломокъ, запальвъ люльку, да якась то и на батька зглянувсь. «Що въ тебе, каже, болыть, тату?»—Батька на все забувъ, да рады-рады, що сынъ хоть обазвавсь до його; забравъ, яки булы сылы, пуднявъ голову да й каже: «Ничого, мой сыну, ничого! Пудойди, будь ласкавъ, сыночку, бльжче до мене, я тоби скажу де шо.»—«Що тамъ таке? Кажы да скорѣй, минѣ нѣколы.»—«Послухай, сыну, може я тоби въ останній разъ казатыму, мини вже не довго житы»...—«Да вже бѣ пора тобѣ честь знать, тату, що люде дакъ умирають, а на тебе десь и смерти нема. А вже надоѣвъ!»—«Що жъ робыть, сыну: на се Божа воля; тольки минѣ здаеця, що и я уже не довго житему. Увесь вѣкъ свой, сыну, проживъ я, про васъ думавши. Ты знаешъ, сыну, що мини отъ своего батька ничого не досталась, а теперь, благодарные Богу, усячина водитця; а черезъ шо? я и куска не доѣдавъ, я и Петровской ночи не досыпавъ, щобъ тольки вы, мои дѣты, горя не знали. Богъ забравъ твойихъ братовъ, теперь шо е, все твое, сыну, якъ будишь добры.

— Э!—одвича сынокъ,—се велька казка, я и безъ тебе знаю, шо мое,—чы нема чого лучшого, а то мини нѣколы.

— Нѣ, послухай, сыну, се останній разъ...

— Да кажы жъ, кажы! Може де гроши закопавъ, дакъ кажы, а то чартвить чого я базикать не буду.

Батько здыхнувъ; хто його зна, що то вже вонъ хотивъ сказать! а деле трохи згодомъ и каже: «За все, сыну, що я придбавъ для тебе, нехай хто небудь побуде сьогодни дома, хоть Стеха твоя: четвертый день у мене расынки не було въ роти. Мой сыночку, мой голубчыку, не дай менѣ умерты голодною смертыю».

— А шо, бачъ!—гримнувъ сынъ,—дывѣтце, люде добры (а женци на дверяхъ слухалы), що батько зовсѣмъ передъ смертыю обезглуздѣвъ. Хиба жъ тоби нѣчого ѣсты? а колы я нѣ велю, га? А щобъ ты справи зъ голоду опухъ!

Завернувсь да й до дверей. Де тїи слезы, де й силы набрались у нещасного Сергѣя: пуднявсь на полу, обернувсь до образовъ, да плаче, плаче,—а деле пуднявъ руки вгору да й каже:

— «Щобъ же ты, мой сыночку, самъ опухъ зъ голоду!»—Сказавъ да й повалывсь на полъ... Колы до його, а въ його вже й души нема.

Пожалуйте жъ. То сякъ, то такъ заховалы Сергѣя. Курдюбенка ставъ самъ у дворѣ хозяйинъ—и хозяйнуе. Звезлы по гумнамъ хлѣбець светенькій добры люде, стали молотыть—не отстае и Курдюбенка. Насадывъ вонъ першу овину, а самъ видно прилигъ, овина загорѣлась и къ свѣту ни гумна не осталось и ни снопа хлѣба. Беда ще не велика, катъ його не взявъ, грошенята булы,—накупывъ хлѣба. Весною зробывсь падежъ на скоть. Кого Богъ зовсимъ помылувавъ, у кого не багато зачепыло, а у Курдюбенка неначе метлою вымело—ни коня, ни вола. Видыма Богъ паказавъ чалавѣку свой гнѣвъ за грѣхъ его. А Курдюбенка, де въ Бога просыть,—ставъ за галстукъ закидать. Пришлось оратъ—нѣчимъ, купыть—слыве нѣ защо,—нивки по боку! Пройшовъ годыкъ, другій—дворъ старого Курдюбы завсимъ не тей ставъ: те поломане, друге повалене, неначе и хозяйина въ двори немае. Скотынка яка прикуп-

лена, одъ недогледу держатця не стала, — хозяйства, еке було, пошло до-горы ногамы. Вонъ день-у-день пьяный, а на його глядя и жонка; шо день, то у йихъ сварка да лайка: вонъ знелюбывъ жонку, а жонка його; а дѣти обойихъ йихъ поважать не стали. Вонъ, шо можна, продае, то дле горемыки,*) то щобъ хазяйства, бачъ, пудправыть, а жонка собѣ шо зря въ шынокъ несе. Було то ище четвера коненятъ; на другій годъ одного, аделе и другого зверюкы задавили, а съ тыми двома поѣхавъ разъ середулшій сынъ у лѣсъ на нош-лѣги, — сына гадюка укусыла — сынъ обдувсь; дождавши осени и старшаго у некруты аддалы. Оббывсь Курдюбенко завсимъ; грошей нема, хлѣба нема, худобчина спыла, нема й помочи. Здаетпя, бачывшы такую кару, мершій бы до Бога со слезами, — дакъ нѣ, десь нечистый завсимъ завладѣвъ его душею. Курдюбенко ставъ горше пить. Було въ його семъйи ще двѣ дѣвки да хлопця невельчыке, да и тыхъ, за батькавъ упоръ, не милувавъ Богъ. Пошло якась у заморозки хлопця ковзаться на болото, провалилось на копанци — да тамъ и Богу душу отдало. Люде, знавши грѣхъ Курдюбенкавъ и бачивши його житье и кару Божу надъ нымъ — одцурались. Бувало, и дѣты малые, — иде Курдюбенко цо селу: «Курдюбенко, Курдюбенко!» — да текають, неначе одъ манейи екойи.

Пожалуйте жъ. Прошло ще може годовъ тры або чотыри, — Курдюбенко зовсимъ охлявъ. Ото такъ... Передъ Михайлою (8 ноября) пошовъ воць у Покошичи до знахара; того й не знала проклета душа, шо люде вже не помогутъ. Колы ждаты день, другый — нема; жонка у Покошичи. Пытае людей, кажуть, — бачылы, надвечоръ зъ Покошичъ ишовъ того й дня, якого по-

*) Горилкы. *Прим. записки.*

шовъ и изъ дому. Туды, сюды—нема. Шукать по лѣсу да по колодезямъ,—думка—вонь смерть соби заподіявъ, Прощло дньовъ шѣсть, або й лучше—нема. Отъ, у чолавѣчка, тамъ же таки на Деркачовци, парося забѣгло. Жонка сямъ-тамъ шукать—нема; пошла на Котрельовщину, чы не забѣгло туды часомъ. Иде—ямка пашенна; чы не впало, думка, сюды. Прилегла, дивитце—лежить шось, тольки не порося. Вона въ село. Забрались люде, пришлы, розгледылы—чалавѣкъ; вытеглы,—ажъ Курдюбенко. Да страшенны таки! Обдувсь, якъ колода, колѣна и руки погрызены, морда въ кровѣ. Выкопалы тамъ ямку да на ростанькахъ и зарылы, якъ собаку, просты Господы!

Може то, ишовшы съ Покошичъ, хотивъ навпротецъ додому пройты, а йшовъ то вже видно смеркомъ да й пудъ хмелькомъ може, да якость то и найшовъ на ямку. А вже якъ упавъ, дакъ хотъ крычи, не крычи—село далеченько, нехто не почуе. А вылѣзты зъ тыейи ямки, якъ вона тоди була, не тольки Курдюбенку, да и здаровому чалавѣку—самому не вылезти. Жонка посла його зовсимъ роспанствувалась, да гадовъ черезъ два и вона пропала. А дѣвки—яки тамъ остались злыдни—збулы да й пошлы у Данщину; объ йихъ большъ и слуху не було.

Оттакъ то, добродію, перевелось усе кодро и вся худоба Курдюбы. Недаромъ кажуть, що зъ батьковымъ да зъ материнымъ благословеныемъ ни въ огнѣ не сгорішь, ни въ водѣ не втонешъ, а одъ пракльону йихъ утонишь и въ ложци. Добрые и жылы добре, а ледачымъ и на землѣ пекло було. Нехай йихъ уже тамъ Богъ судыть да милуе!

М. Понорница Кролевецкаго у. Черниговской губ.

П. Косменко въ 1854 г.

247. Сила клятвы.

Выбачайте вже, добродію, якъ ноги шо не такъ,—насъ батьки грамати не вчили... Жили колись на Пиваравци*) два чалавѣчки, адынь нехай царствуе, а другого нехай Буогъ судыть да милуе—Колѣнько да Сухопаль. Хазяйины булы на всю губу: усячина въ обохъ водылась и хлѣбець светый, и скотынка, да й грошенята щитать умѣлы. Да се не дыво—дыво те, шо жили вонны соби якъ браты радюсенъки; бувало чи въ дарогу, чи въ ряду**) еку, чи такъ куды—усе укупи. Не стане було чого у адного—други мае, бѣдкуище чого одынь—и другому не весело. Жили то воны да поживалы, да добро наживалы—и Буогъ йимъ памагавъ, и люде паважали.

Пожалуйте жь!.. У Колѣньки умерла жуонка,—сердека трохи приупавъ. Зосталось трое дѣтвory, старшаму восьми, чи шо, гадокъ бувъ; съ такою дѣтвoroю безъ бабы жить—мука, да Сергѣй не думавъ женыця—дѣтей крипко жалувавъ. И па хазяйству безъ бабы пашло не те, такъ шо люде разъ-по-разу гомонѣлы ему пра женитьбу, а вуонъ, було, одно адвича: «Друга жуонка не минѣ не буде жуонка, не дѣтямъ майимъ матюрь; хазяйство чи пудправить, чи нѣ, а дѣти—прапаци.»

Принявъ до себе бабу екусь стареньку, щобъ дѣтей догледала, а самъ ѣздывъ па дарогахъ да копѣйчину звалакававъ. Разъ ѣхавъ видкулясь, у пуость, чи шо, да й провалывсь десь на рѣци, люде адретавалы—да не надовга; ставъ кашлетъ да сохнуть, да недѣль у сѣмъ, чи шо, и Богу душу аддавъ.

*) Часть мѣстечка.

**) Подрядъ. *Примѣч. запис.*

Паприходять було сусѣде адвѣдать недужого Сергѣя, дакъ у його туюлькы и мовы, що пра дѣтей. Сусѣде, звѣсна, и се, и те, щобъ, бачъ, вуонъ не вельми бѣдкувавсь, а вуонъ було адно адвича: «Я бѣ, може, и адуживъ, да якъ гляну на дѣтей да згадаю, що въ ихъ родни нема, матери нема, а може й батька скоро не буде,—дакъ у мене нема й души. Дѣтвора мала, абчество апекуна назначить, а апекуны звисно якъ арудують сируюцькаю худобаю; вернуть усе на сваю-ручь не на сируюцьку. Сирата мовчить, а хочъ и заплаче, дакъ люде не вельми то доглѣлаютця на сируюцькіе слезы. Худобы дарма бѣ, да хто ихъ до пуття доведе?! Не радъ бы й думать объ сюмъ, да не можна, а щѣ думки, мовъ та гадюка, коло серця ссутъ кровь да швыдче гонеть въ домовину».—А иноди стане перебирать сусѣдство, кого бѣ йому ублагать,—якъ ноги умре вуонъ,—апекуномъ надъ свайми дѣтьми; скаже, було, аднаго, другога—все не такъ.

— Гнѣвишь Бога, Сергѣй,—загомонятъ було люде,—якъ уже що судыть табѣ Буогъ умерты,—тваѣ дѣты не будутъ сиратами: а Сухопаль Остапъ, хиба жѣ вы не браты, хиба жѣ вуонъ не любить тваихъ дѣтей, якъ рудныхъ.

— Да мы таки правды трохы родычи,—адвича Сергѣй, пакивае галавою, вздыхне да й замовчить.

Що не гаманить добродію, а батькове серце вещь елыхо свайхъ дѣтей!

За недѣлю такъ, чи шо, до смерти поприходыли до Сергѣя сусѣде, пришовъ и Сухопаль. Гомонѣлы про се да про те, а деле Сергѣй и каже Сухопалу: «А шо, Остапъ, здаетце минѣ вже не вставать?»—«Буогъ зъ тобою, Сергѣй, слухай людей да молись Богу, ты ще одужаишь»,—сказавъ Остапъ да й заплакавъ.

— Нѣ вже,—каже,—не адужать минѣ,—да на се Божя воля; не страшно минѣ було бѣ умирать,—да дѣты!

Довга я думавъ про йихъ, довго думавъ и про тебе, Остапъ, да здавсь на Бога, чи довга, чи коротка минѣ жить, дакъ послухай Астапъ, що я тобѣ казатиму. Вѣкъ мы зъ тобою жили, якъ браты роднюсенькіе, вѣкъ я табѣ зла не зрабывъ, злого не сказавъ, злого не мыслывъ; спасыбу и табѣ, нечого и одъ тебе не чувъ я и не бачывъ лихого. Семъи наши наче одна семья була, не чужіе моюй душѣ были тваѣ дѣты, любивъ и ты моихъ. Дѣты маи скоро сиратами будуть, братику Астапъ, будь йимъ батькомъ, не попусты йихъ зробиця людямъ на осужденые, сабѣ на погибель. Доведешь до пуття сирать—добре дѣла зробишь, Астапъ, а за добре дѣла Буогъ и тваимъ дѣтямъ пашле щасте и табѣ всяке благополучіе.

— Якъ уже що судыть табѣ Буогъ, Сергѣй, умерты, —дѣты тваѣ не будуть сиратами. Жили мы братамы, братамы и люде насъ вельчали не дарамъ, Сергѣй! Буогъ бачыть маю душу. Екою дарогаю Буогъ паможе минѣ свaihъ дѣтей до пуття розуму довесты, тыею и тваѣ пуойдуть; якъ батько руодный буду кахатъ и растыть йихъ. Буогъ мене накаже, колы скривлю душею.

— Постой, Остапъ, не бажись,—промовля Сергѣй йихъ худобчыны.—Довесты чужихъ дѣтей до пуття, да не знѣвичить,—трудне дѣла, не тей свѣтъ наставъ. *Чуже добро якъ голлодному страва*—не втерпышь! Знаю я—чалавѣкъ ты добрый, найчеснѣйший. у тебе и свого—всяка всячина, сируоцкого не захочишь; да й те сказать, не въ абѣду табѣ, Остапъ, що е на свѣтѣ багато людей, катры добры за тымъ, що нема злучаю ледачыми зробиця; а прыдещя до чого—ледачій у насъ завсегда за плечима, —и доброго спокусыть. Падумай, Астапъ, да якъ не тее...—не берысь. Нехай йимъ буде батькомъ тей, що на неби, а до пуття доведуть добрые люде. Тяжко минѣ буде лежать въ домовинѣ, якъ дѣты мои будуть

ледашо, а ты близько до пекла; жаль минѣ дѣтей, да жаль и тебе, Астапъ.

— Да Буогъ зъ тобою,—одвича Астапъ:—що це го-
монышь ты? Не казала жъ бы мене лыха годына, якъ
бы не я, а чужіе люде догледили дѣтей твоихъ!; не
пабывъ бы мене груомъ святы, якъ бы думавъ я дбать
изъ музольовойи тваѣ худобчины не дѣтямъ тваимъ, а
сабѣ? Сергѣю!.. Сергѣю!..

— Братіку муой Астапъ, я и самъ думаю, що воно
такъ, да сердце щимить,—чого? светы його знаютъ!

— Колы жъ на те пышло,—каже Астапъ,—щобъ те-
бе заспокоить, я ось якъ скажу. Слухай. Сергѣй, слу-
хайте и вы, добри люде!—Ставъ навколешкахъ предъ
абразами да й каже:—Колы я буду желать зла дѣтямъ
твоимъ, щобъ те зло на моихъ дѣтяхъ акашилось; ка-
лы я изъ йихъ добра буду собѣ що дбать, щобъ моя
худоба прахомъ пошла; колы я не буду доводитъ йихъ
до пуття-разуму, якъ батько руодный, щобъ я самъ по-
шовъ по свѣту безъ добра, безъ пуття, людамъ на
осужденые, сабѣ на пагибель.

— Аминь!—промоливъ Сергѣй.

На дворѣ кажуть, неначе що зареготало,—люде пе-
рехрестылись. Страшно, кажуть, усѣмъ чогось стало.
Отто трохы згодомъ Сергѣй пудазвавъ дѣтей да й
каже:

— Дѣты мойи, нема въ васъ матки, и батька скоро
не буде, я скоро умру. Не плачте, дѣты, нещастливые
вы, да е не свѣтѣ и адъ васъ нещасливѣйши. Буогъ
васъ не аставитъ. Будете молиция Богѣ, въ церкву хо-
дыть, старыхъ людей поважать, не обиждате некого,—
Богъ дасть вамъ щасте и люде не обѣдетъ васъ. Дядь-
ко Астапъ, якъ умру я, буде вашимъ батькомъ; слухай-
те його, якъ бы мене слухалы; не послухаєте його, все
руовно, що мене не послухаєте, а хто батька не слушае,
таму Буогъ талану ни въ чуюмъ не дасть. Пудійдѣть
же, дѣты, блызше, я васъ перехрещу.

Дѣты пудышлы. Старшій таки плаче, а меншаму й байдуже, йому и не памки, шо батько въ останній разъ гомонить зъ йими. Перехрестивъ, заплакавъ.

— Теперь — каже, — хочъ не радосно, люде добры, умирають мнѣ, да и не тяжка вельми. Буогъ да ты, Астапъ мая надежда.

Люде разышлысь, а Сергѣй пославъ за батюшкою. а днювъ черезъ два, чи шо, Сергѣю вичну память за-спивалы.

Пожалуйте жъ!.. Астапъ забравъ Сергѣявыхъ дѣтей до себе, а въ Сергѣявъ двурь сусѣда пустывъ.— «Дома,—каже,—и глядѣть за йими лучше, да й расходу меншъ. Дастъ Буогъ, выросте буолшій—аженю да и на батьковскій курень».

Живуть да растуць въ Астапа Сергѣявы дѣты. Минувъ годъ. У Астапа було дома двое дѣтей, старшій, слыве, однагодки съ старшимъ Сергѣявымъ, и полюбились и подружились дѣты, а Астапъ и за чужими догледа якъ батько рудный. Усе йшло любо да гарна и сиротамъ на добро, и Астапу на спасеные; да то лиха година, шо чалавѣкъ дума такъ, а лукавый верне по-своему. У годъ, чи шо, середушій Сергѣявъ занедужавъ вуоспаю и вмеръ. Божа воля! Старшаму було гадковъ дванадцеть, чи шо, а меньшому другій годокъ,—сихъ Буогъ милувавъ. Прайшло ще такъ годъ чи й лучче, стали люде замѣчать, шо Астапъ не тей ставъ: ходыть да сумуе, неначе батька въ домовину положивъ; и кунпаннийи всякайи цуравсь.

— Бѣдалага Астапъ зажурывсь!—кажуть було люде, глядя на його.—Да й не дыва! тутъ и свае хозяйство, и дѣты, а тутъ и чужіе. Треба жъ подумать, якъ усьому парядокъ дать да и дѣтей до разуму довесты. *Узявсь за ужъ не кажи недужъ.* Заклявсь предъ Богамъ—не загубить же души.

А Астапъ живе да думает, думает да сохне, ажъ зъ тѣла зпавъ.

На трейтій, чи шо, годъ меньшій сынъ Сергѣя въмеръ да такъ чудна, шо всѣмъ памараки забыло. Дытя було здорове да не съ того, не съ сього й душею наложило. Думалы, рядылы, да якъ згадають, якъ Астапъ заклинавъ предъ Сергѣемъ, да якъ плакавъ надъ дытямъ зъ жуонкаю, дакъ и думкамъ конецъ: така вже, видно, Божа воля,—на туомъ и палажила. Астанній сынъ Сергѣевъ и геть уже ставъ парабѣчка, и Астапавъ тожъ. Хлопята були—глянуть любо: работящіе, слухмяные, звычайные, а шо лучче всего, жили помежъ собою якъ роднюсенькіе. Астапу вже на хозяйству и геть помочь, а Астапъ все сумуе да думае; думавъ, думавъ да й выдумавъ, бодай нехрысту такъ не выдумувать.

— Десь я безталанный чалавѣкъ, жуонка, на свѣтѣ,—загомонѣвъ разъ Астапъ: бѣюсь якъ рыба объ люодъ, а все проку мала. Подывыссе на людей—усього багата, усюды спуорна, а у насъ? Туольки шо хлѣбъ ведещя.

— Буогъ зъ тобою, Астапъ,—адвича жуонка:—ще у насъ благодарные Богу! не маемъ багатства да й нужды не маемо. Пагледы кругомъ, скуолькы беднѣйшихъ адъ насъ, а не гнѣвътъ Бога. А намъ буде чымъ вѣку дожить, а вмремо—и дѣтямъ буде шо оставить.

— Воно такъ, да все бѣ знаешъ... тее, у пакуойнаго Сергѣя негде нема родычавъ, апрочъ насъ?

— Нема негде, вже бѣ чутно було. Вуонъ здалеку вадкулясь забривъ до насъ; спершу, якъ и самъ знаишъ, челядникамъ служивъ, а дале то женивъсь на мойй двоюродной сестрѣ—всього бачивъ, а Буогъ памуогъ—и ражжились. А на шо табѣ?

— Да такъ... не нащо!

— Охъ-охъ-охъ, Астапъ, беда намъ съ сими дѣтьми Сергѣявыми. Середуольшій въмеръ—Божа воля, а за меншого—грѣхъ намъ!

— За шо жъ намъ грѣхъ? Хиба я йому не казавъ?

— Нехай уже насъ Буогъ прошае! што ты, што казавъ? не було бѣ сього, якъ бы я була дома. На те дытя, воно бачыть медъ, а што въ меду—йому й горенька мало. Треба вже сього гледѣть да до розуму довесты.

Астапъ подывивсь на жуонку, подывивсь да й замовчавъ; думка то: въ бабы не одны косы, а и езыкъ довгій.

Дождали лѣтечка светого. Астапъ то сюды, то туды па дарогахъ ѣздить, а дома жуонка съ паробками хозяйствуе.

Отъ разъ Астапъ и каже: «Я жъ завтре до города паѣду, тамъ ярмалка,—чи не стану куды пудъ хуру, а вы тутъ хозайствуйте. Ты, Демидъ, сими трама днями будешь ѣздить на нашлѣги, а ты, муой сыну,—тыми. Да гледы, Демидъ, не ѣзды у купи зъ хлопцями,—воны й тебе навчеть у людей городыну красты; ѣзды у Заглыбочче*) да сваеи клуни. Тамъ и паша добра, и адъ негади е де заховаце; да гледѣть, щобъ усе такъ було роблена, якъ я кажу.

— Буде зроблена!—адвеча Демидъ.—Я неколи не аслухавсь, дядку, бо знаю, што ты не на лыха мене учишь.

Погомонѣлы, повечералы; хто спать—а Демидъ Сергѣявъ на нашлѣги паѣхавъ. Астапъ цѣлюсьнюку нуочъ и очей не зводывъ: то лучыну запалыть да люльки пакурыть, то по двару паходыть—а все такы не спыще.—«Да ляжъ да засны!—обзаветься жуонка:—табѣ жъ завтре ѣхать рано»—Астапъ ляже, да якъ жуонка засне,—вуонъ зновъ за свое. Давъ Буогъ свѣтъ, Астапъ паснѣдавъ да й у дарогу...

Пожалуйте жъ! Уранци пріѣхавъ зъ начлѣгавъ Демидъ, бувъ екись празныкъ. Демидъ упоравъ скоть

*) Урочище въ лѣсу.

да и до церкви. Вышли зъ церкви, пастыи абѣдять.

— Нѣ, тютко,—каже Демидъ,—шось минѣ ѣсты не хочеше, ляжу я да полежу, чогось мене тре да мне—наче паганка.

Тютка йому и дарныка съ светою вадою, и се, и те—нѣ, не памагаише Демиду. Дождаты вечера. Сердека хотъ и нездужавъ, да не забудъ дядькавого наказу: злѣзь зъ печи да й ну лаштаваще на нашлѣги.

— Шо ще ты, Демидъ,—абазвалась тютка,—нездужайшъ да ще й на нашлѣги! Злѣзь на черѣнь да грѣйся—паѣде Степанъ.

— Да нѣ,—каже,—я не те, шобъ уже вельми нездужавъ,—паѣду. Дядька казавъ, шобъ я сими трама днями ѣздывъ. Ще сердище буде.

— За шо жъ тутъ сердище?—Буогъ зъ табою, Демидъ, хйба мы не люде? Дядько сказавъ, шобъ кожнѣй зъ васъ знавъ свае дѣла, да шобъ укуши зъ хлопцями не ѣздыли, шобъ лыха не набрацце; а чи ты папереду паѣдешъ, чи Степанъ—то все руовна.

То сякъ, то такъ угомонылы хлопця: на нашлѣги паѣхавъ Степанъ, сынъ Астаповъ.

— Дай,—каже,—мамо, минѣ Демидову шапку, здастня, мочи ядрены, въ шалашку буде холодна.

Маты вынесла шапку. Степанъ на кони да й до Заглыбуочча... Бѣдне хлопця!

Астапъ выѣхавъ рано; доѣхавъ до лѣсу, звернувъ зъ дароги у гущину, распруогъ коненя, да й самъ прилюгъ. Здаецце пять версть праѣхавши, рана бъ папасувать, да у Астапа думки не таки... Лежить—чи вѣтеръ повѣе, чи птыця пралетыть, Астапъ схватыще, озираецце сюды-туды, неначе зладюга тей коло коморы. Не ѣсть, не пѣе да ночи дажидае. Даждавсь акаяннѣй и ночи. Привезавъ крѣпенько шевлягу до воза, а самъ и пашовъ лѣсамъ навпрастецъ. Идѣ, иде да стане гледить то назадъ, то напередъ: ззяду клетьба, шо давъ предъ

Богамъ, а спереду лукавый манить, Пастаить, падумаете да зновъ дальше. Видно разъ пуддавшысь нечистому, трудна вырваще адъ його. Тей, звѣсна, свае шепче: «Иды, Астапъ, труда не багата, а худоба твая: первымъ хазяйиномъ заживешъ. Люде и цѣлый вѣкъ грешать, а живутъ, да ще якъ живутъ, а табѣ двуойчи загрешить и Буогъ велѣвъ; вѣкъ довгій—на старости адмолыссе.» Астапъ иде. Ишовъ, ишовъ да й пришовъ до своейн клуни.—Кругомъ клуни кони ходеть,—вуонъ ближше; коло клуни лежить хтось. Ставъ Астапъ, трусуще,—не живы, не мертвы. А куцый не мовчить: «Отъ табѣ и надумавсь! Рабы скарѣй, другого разу такого не выберешъ. Все руовна адвечать, хоть за дѣла, хоть за намѣреные, дакъ колы адвечать, дакъ знать за що. Да й колы тей адвѣтъ? А худоба велике дѣла!» Астапъ выневъ зъ пудъ палы косу, пудышовъ. Видна, що парабакъ лежить; намацявъ—Демидова шапка; Астапъ нагнувъ, придавывъ, голова адлетѣла,—хлопъя й не пикнуло. Проклета душа, самъ прасля расказувавъ, що нечото буольшъ не знае; туольки, каже, по лѣсу наче зареготало щось.—Адумавсь то, а дале за ноги да за голову да й потегнувъ до Бабруовникавого ставка; дотегнувъ—шубовсть! Думка то—и конци въ воду, а до канця ще далека! Вернувъ до воза, запрюгъ каня да й паѣхавъ на ярмалакъ. Лучче зъ круга-свѣта бѣ йому зѣхаты!..

Пожалуйте жъ! На завтре—абѣдъ, нема Степана. «Може кони загубывъ,—дума матка:—шукае.» И вечеръ—нема. Бѣднуой матци и ѣда на умъ не йде. Прайшла нуочъ,—матка, не спавши,—у Заглыбуочче. Прибѣгла до клуни—кони ходеть, переличыла—усѣ; вона гукать. Колы дывище—кровъ; вона дальше—шапка Демидова, вона въ плачь да въ голась... Може то матци сердце всю правду росказала. Прибѣгла въ село, назвала людей, пашлы у Заглыбочче. Сталы итты па кривавому следу да й пришы до ставка. То тымъ, то симъ

стали шукать да й вытегли спершу тѣла, а дале й голову бѣднаго Степана. Привезлы въ село... Плачѣ, голась таки, шо Боже твоя воля! Хавать? Якъ же його хавать? Може то й тоди хавать такихъ не можна було зразу. Коли на завтра прасля сього їде Астапъ у новоуой свитни. Жуонка якъ глянула, якъ заголосыть: «Батечку муой! сыночекъ нашъ...»

Астапъ скорѣй у хату; дывище—Демидъ плаче, а на столѣ мертвый. Якъ закричыть: «Дакъ се Степанъ бувъ на нашѣгахъ? Боже муой!»

Упавъ, дакъ думалы, шо зъ його и духъ вонъ. Да нѣ, катюзи кара треба,—ачнувсь. Сталы питать, дакъ вуонъ и расказавъ усю правду. Далше—звѣсна: веровку на руки да й у тюрму. У тюрмѣ вуонъ расказавъ, шо й меншаго атруйивъ мишакомъ, замешавши зъ медомъ, бучимъ то дле мухъ.

Взялы у тюрму и жуонку, хоть та не въ чуюмъ, сердека, не выновата. Жуонка черезъ чатыри недѣли, чи шо, тамъ и вмерла. А проклетого Астапа черезъ годъ атшмаровавъ катъ да й повелы по свѣту безъ добра, безъ пуття. Бувъ сынъ у його женатый да дома ще одно хлопця. Женатый тей усе закладавъ да продававъ, щобъ батька якъ адзволыть грошами, а прасля бачыть, шо и худоба прапала, и батька тежъ, да й люде кругомъ тюкають даненавидеть,—забравъ, яки остельсьзлыдни, да й пашовъ зъ малымъ братамъ и семьею у Данцину; абъ юомъ и слуху не було. Все пашло прахомъ. Демидъ добрымъ бувъ хазяйиномъ, да дѣтей йому Буогъ не давъ, такъ и вмеръ...

Тяжко, кажутъ, плакавъ Астапъ, седячи у тюрмѣ, —шо иноди и турменныкамъ жалко його було, нашо вже турменныки! да якъ не плачѣ, не наплачишь тако-го ставка, якъ тей, шо сына бувъ заховавъ! Довга у насъ гомонѣлы пра сей злучай, да туольки жалю не було, а все було одно чуеть: *катюзи чо заслужи!*..

М. Понорница Крелевецкаго у. Черниг. губ. П. К.

248. Гарно, якъ батько вмирае.

Умеръ батько. Симъя вбога була, то часомъ и голодни диты были. А то, зависно, помыналы, то и напеклы, и наварылы всего. Хлопъя мале найилося та:

— Боже мій! якъ гарно, якъ батько вмирае! Якъ бы часто!..

С. Исакова Славяносербск. у Екатериносл. г. Записаль
Б. Д. Гринченко.

249. Одурена дивчына.

Була соби маты и дочка, малы воны и худобу, та ниhto дочку не сватавъ, бо уси зналы, яка вона дурна. Выйшла вона одного разу на вулицю та й жаліється сусидкамъ, що ниhto ййи не сватае. Пидслухавъ сее одынъ паробокъ та й каже: «Пидешъ за мене? буду сватать». — Пиду, — каже, — хочъ и маты не схоче, пиду сама». Зрадылысь воны утекты видъ маткы уночи. Пидйихавъ винъ, дивка тыхенько¹ повыносыла одежу, подушкы, повыкачувалы скрыни; сама убралась у свитну одежу, посидалы и пойихалы. Возывъ винъ ййи по селу, возывъ и привизъ до ййи хаты. — «Ну, иды жъ, — каже, — у хату, а я самъ позношу». Увійшла вона у хату: — «Добры вечоръ!» та й сила. «Оце, — каже, — чысто якъ у насъ: и лавы такъ, и пичъ». — «А куды жъ ты зайшла, хыба не въ свою хату?» — озывается маты зъ печи. — «Отто: и говорка чысто якъ у мойи маткы.» — «Да що ты, дурна, верзешъ? чы тоби уже зовсимъ паморокы забыло?» — «Оце яки бо вы: ше мене не знаете, да уже й лаете». — «Якъ не знаю? давно тебе, дурну, знаю». — «Де жъ знаете? Я ше уперше до васъ прыйихала: я жъ за вашого сына замижъ пишла; винъ тамъ скрыни зносыть.»

—«А ты й скрыни поодавала?»—каже маты да зъ печи, да засвитула свитло.—«Оце, якъ вы схожи на мою матку, чысто якъ маты.»—А маты уже й не слухае, шо верзе ййи дурна дочка: хапыла свитло, та у комору. Колы лышечко: нема ничогисенько. Попобыла тоди маты свою дочку, щобъ не ходыла замужъ, та й осталась безъ худобы.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Степана Паляныци записала
М. С. Чудновская.

250. Брехливый староста.

Одному хлопцеву заманулось свататься. Отъ винъ и побигъ старостивъ шукать. Шукавъ, шукавъ,—нихто не хоче, бо всяке знае, шо винъ бувъ ледащо, лежень, а кому хить прокльону на свою душу ухватить? Хтось зъ селянъ и порадывъ йому питы до Петра Свердла. А Петро Свердилъ та бувъ такой торохтунъ та брехунъ, шо хочъ кому бакы забъе, заговорыть и своего достукається. Пишовъ той парубокъ до Петра и ставъ прохаты у старосты до себе. Довго той одмагавсь одъ цього дила, але жъ парубокъ и зъ хаты не хотивъ выходыть, сльотою дило навъязавсь до його. Дали махнувъ Петро рукою и сказавъ: «Добре, пиду, тилькы не въ свое село, бо тутъ насъ обохъ знаютъ... Иды, збирайсь, а я ось удягнусь, зайду до тебе, та й гайда.»

Прийшли ото вони въ одне село, напытали гарну й заможеньку дивчыну и пишли до хаты. Дило пишло на ладъ,—стари наче бъ то на згоди стали, та й дивка не одъ тыхъ грошей. Слово-по-слову и стали дивчынины стари роспытувать старостивъ про молодого: «А скажите же, свату, по правди, чы вміе жъ вашъ молодой косыть, або шо?»—«Вже чы вміе винъ косыть або молотыть,—не скажу, бо николы не бачывъ, але жать, то вже

йому подай. А въ насъ такъ, якъ жнець добрый, то вскризь про його ходить чутка, якъ про гарного робитняка.»

Одгулялы весилля, молодой ще сякъ такъ повертався по двору. Якъ пидійшли жныва, якъ залигъ винъ у хати, то хоча бъ куды—одно слово, лежить соби на полу якъ бирвиняка, а про жныва ни думкы, ни гадкы... Жинка сама спотыкається у поли. У осени, якось на ярмарку та зустривсь свать (молодойи вже батько) зъ тымъ гаспыдськымъ старостою; поздоровкавь зъ нымъ, та й каже: «А ты жъ казавъ, собака виро, що твій молодой добрый жнець! А винъ, ба,—лежить однимъ лыцемъ та й годи!»—«Та я жъ и казавъ такъ,—одмовывъ староста: вже чы вміе косыть, або молотыть—не знаю, а лежать, то йому подай! Адже такъ я казавъ?»—«Та такъ,»—одмовывъ свать.—«Отъ же винъ и лежить уси жныва, и я не выненъ, що вы не розибралы дила, А вы то думалы, що винъ добрый жнець? Хе!»—И пишовъ соби геть.

Каневскій у. Записаль В. Ф. Степаненко.

251. Якъ невестка маныла свыней.

Оддавала маты дочку у чуже село и наказувала слухать свекруху и ничего не робыть не спытавшысь. Отто уже свекруха и посылае невестку поманыты свыней.--«А якъ же, мамо, у васъ манять?»—«Та якъ же тамъ манять?»—каже свекруха:—«якъ у васъ, такъ и у насъ.»—Выйшла невестка на вулицю, та й давай крычать: «Якъ у васъ, такъ й у насъ, якъ у васъ, такъ й у насъ!»

С. Выбли Черниг. у. Записала отъ Марьяны Новиковой
М. С. Чудновская.

252. Якъ невестка навчылася свекруху ша- нுவаты.

У одного чоловіка та було дви матери—його рид-
на и жинчына, це бѣ то свахи соби. Жинци стала на
завади свекруха, и вона, вкупи зѣ своєю матинкою, на
нейи грималы, йилы. А дали не выдержала такы, наче-
пылась до чоловіка: «Веды свою матирѣ зѣ двору, куды
хочешѣ и дивай ййи, де знаешѣ.» Довго оборонявѣ
чоловикѣ свою матирѣ, огрызався, а дали посадывѣ
ййи на саночки та й повизѣ на перехресный шляхѣ.
Пидославѣ на снигу соломкы, вкрывѣ матирѣ кожухомѣ
драненькымѣ, а самѣ пйшовѣ до господы. Сыдыть ото
вона, бидолашна, трусыться, колы се йиде якыйсь панѣ.
Глянувѣ на бабу та й пытае: «Морозѣ бабусько?»—Мо-
розѣ, паночку, Боже його помножѣ!—И пройихавѣ соби
панѣ, а морозѣ и зменявѣсь трохи. Сыдыть вона зновѣ,
трусыться, та такѣ и всю ничѣ просыдила. Ранкомѣ
йиде прозѣ нейи другый панѣ; побачывѣ ййи, та й пы-
тае: «Морозѣ, бабусько?»—Морозѣ, паночку, Боже його
помножѣ!—Пройихавѣ и цей панѣ, не сказавшы бильшѣ
ничого, а морозѣ ще менчий ставѣ. Третього дня йиле
прозѣ нейи третій панѣ; прыпынывѣ коней, злизѣ зѣ
санокѣ, пидйшовѣ до бабы та й пытае:—«Морозѣ, ба-
бусю?»—Морозѣ, паночку, Боже його помножѣ!—одмо-
выла. Скынувѣ панѣ зѣ себе панське дороге хутро, за-
кутавѣ бабу вѣ його, давѣ булкы и пойихавѣ соби да-
ли. Нагрилась баба пидѣ тымѣ хутромѣ, попойила и сы-
дыть соби та Богу молыться за того щедрого пана.
Отѣ невестка и каже чоловікови: «Пиды, лышѣ, та
визьмы свою матирѣ, годи ййи тамѣ байдыкуваты» (во-
на думала, що свекруха вже замерзла). Прыходыть сынѣ,
а маты сыдыть соби пидѣ хутромѣ, зигнувшысь, та Богу
молыться.—Чы вы ще тутѣ жыви, мамо?—запытавѣ сынѣ.

— «Жыва, сыну, хвалыты Господа мылосердного, — свить не безъ добрыхъ людей, загынуты не дадутъ.» — «А це жъ шо за хутро?» спытавъ сынъ. И маты розказала сынови, якъ було. Посадывъ винъ тоди матиръ на саночки и повизъ до господы. Побачыла жинка, шо свекруха жыва, ще й хутро панське десь добула, ййи ше бильше зло взяло, якъ оса та чиплялась за кожные слово до свекрухи; а сваха ажъ сычыть, таки завидкы взяли. Дали надумалась дочка, щобъ и свою матиръ вывезты на перехресный шляхъ, чы не добуде й соби вона такого хутра. — «Чоловиче, беры й мою матиръ та веды тудыжъ, де й твоя була, — моя привезе шосяще дорожчого,» сказала чоловикови жинка. Взавъ ото чоловикъ тещу и повизъ на те саме мисце. Пидославъ пидъ нейи солонкы, вкутавъ кожухомъ и пйшовъ соби до господы. Сыдыть стара, цокоче зубамы (або то хочъ пенькамы вже) мовъ у млыни каминня наковують, а морозъ ажъ скалкамы сыпле. Колы се, черезъ який тамъ часъ йиде панъ прозь нейи й пытае: — «Морозъ, бабусю?» — Морозъ, паночку, щобъ винъ пропавъ, проклятый!» И пойхавъ панъ дали. Сыдыть баба, тремтыть, одъ лютосты ажъ мыныться, а морозъ ще гириный прыскрыпавъ. Другого дня йиде другой панъ, та наблыжывшысь до бабы й пытае: — «Морозъ, бабусю?» — Морозъ, паночку, щобъ його бырса взяла, щобъ винъ на лысого голови, непевный, ростриснувся!» Помынувъ панъ бабу и пойхавъ дальше. Сыдыть баба чуть жыва та тепла, — руки ййи покандзюбыло, коло носа вискрыкы высять замерзнути, изигнулась у тры погыбели. Третього дня йиде зновъ якийсь панъ, пидйхавъ блызенько, та й пытае: — «Морозъ, бабусю?» — Ой, морозъ, морозъ, паночку, — щобъ його бенеря такъ была, проклятого, якъ винъ оце мене! И навищо його Богъ на свить, клятого, пославъ! — насылу вымовляючы просычала баба. И пойхавъ панъ дальше, а морозъ ще кращый прыскрыпавъ. Не выдер-

жала баба, на сухарь окостылила оттакъ сыдя на соломици, навикы задубла. Не дочекалась жинка й вечора третьего дня,—гономъ погнала чоловіка, щобъ мерщій визъ ййи матирь, та зъ нею й добутокъ. Пійшовъ чоловікъ на те місце, де посадывъ тещу. Колы до нейи, ажъ вона якъ кистка змерзлась. Прывизъ ото винъ ййи до дому, а жинка на поригъ та й пытае: «А що, чоловіче?»—«Онъ що, подывысь...» показуючы пальцемъ на матирь, одповидае чоловікъ.

Кынулась вона до матери, ажъ та нежива. Тоди вона въ плачь, та до свекрухы: «Простить мени, матинко, що мы надъ вами знушались,—се кара Господня за нашу неповагу до васъ—будьте жъ мени матинкою ридненькою!»

Поховалы тещу по закону, и зъ того часу навчылася невестка шануваты свекруху.

Записаль въ с. Полствинъ отъ Устыма Баланенка В. Ф.
Степаненко.

253. Якъ навчено линыву невестку робыты.

То булы соби пара людей и малы однимъ одну дытыну—дочку. Люде заможни, а дытына вдалась гарна та утишна; воны давай ййи пестыть. Воны пестять, а дытына росте; выросло, не научывшысь някойи роботы, опричь танцювать. Колы прыйшлось уже й до людей, такъ воны, порадывшысь, бачять, шо самы вынувати, та й кажуть женихови:

— Мы свою дытыну надилымо всимъ добромъ, тилко щобъ вона въ тебе ничого не робыла, бо вона ничего не вміе.

Ото поткнувсь одынъ, поткнувсь другый, але на таки варункы не согласылись, а дали батько, побачыв-

шысь зъ прыцелемъ, може тамъ пры чарци, або шо, та й розговорылысь:

— А шо,—каже,—товарышу, у тебе дочка—вже пара замижъ, а въ мене сынъ женихъ—чы не будемъ сватамы?

— Чому?—каже.—Тилко умова така, шобъ моеи дочки не заставлять до роботы, бо вона ничего не вмие.

— А якъ навчыться?—пытае женихивъ батько.

— Добре,—каже батько дивчынъ,—тилко зъ тымъ, шобъ ейи не нуждыть, бо вона буде на мене цлакать.

А той подумавшы та й каже:

— Добре, давай руку—нехай Богъ помога!

— Але,—уклымляе батько дивчынъ,—не нуждыть!

— Та вже жъ, слово дане,—будь по сьому!

— Ну, прысылай старостивъ!

Посваталысь, одгулялы весиля, може й тыждень перезва йиздыла одъ одного до другого—гуляють та гуляють, сказано, люды заможни, а нарешти вже й годи. Рано вставшы батько порядкуе: одного сына туды, другого туды, третьего тожъ, невестокъ тожъ, дочокъ тожъ,—роспорядывъ усихъ, соби роботу знайшовъ, стара маты также щось взяла робыть, дочка стала варыть обидать, друга также до якоиись роботы взялась, а молода невестка сыдыть—нихто йий ничего, и вона никому ничого. Колы пора була вже обидать, сходятся вси, сидають за стиль,—батько пытае кожного, хто шо зробывъ? Всякий за себе одвича, а одна дочка мовчыть. Батько до нейи:

— А ты, доню?

— Я, тату, ничего не робыла,—одвича.

— Ну, то вже жъ ты знаешъ порядокъ,—батько каже.

Вона одійшла одъ столу, сила на лавци коло мысняка (то бъ то коло порога) та й сыдыть; а молодойи невесткы не пытається нихто, вона сидае, обидае.

Пообидавши, зновъ до работы. На вечерю сходятся, знову тымъ же порядкомъ батько роспытует. На сей разъ уже друга дочка ничего не робыла,—остається безъ вечери. Молода невестка прыдвляється и прислухається (звычайно, якъ нова людина въ семьи), а дали й пытае потыхесеньну якоийсь ятровки, чы зовыци:

— Якъ сѣ воно, сердце, у васъ діється—чы воно все такъ буде?

— Такъ,—каже,—сестрыце.

— А чомъ же мене за роботу не пытаются?

— Бо ты,—каже,—серце, у насъ ище гостя.

Ну, мынувъ ище день, може й другой, уже й маты zostавалась безъ обиду, чы тамъ безъ вечери,—молода невестка дывыться на все тее (не зна, що то въ йихъ намова), а дали, вставшы рано, пытае матери:

— Що бъ я, мамо сердце, робыла?

— Визьмы, доню,—каже маты,—винычокъ та повымитай хату та сины.

Взяла молода, повымитала. Геть, геть сходятся до обиду. Батько роспытует кожного, а вона бачыть, шо ййи не пытае та й сама обзывается:

— А я, таточку, хату та сины повымитала.

— А, моя дытыно кохана!—каже батько,—я тебе й не пытаю. Я знаю, шо ты доброго роду, розумного батька й матери, ты часу не змарнуешъ, тымъ я тебе й не пытаю.

По обиди вси до работы, молода зновъ пытае матери, шо робыть—маты посылае воды прынести видерцямы. Прынесла вона. Передъ вечерю батько прыласкавъ, поцилувавъ у голову. На другой день то жъ щось зробыла, на третій тожъ, а дали помалу - помалу—уже й обидать наварыть, а дали за приводомъ уже й хлиба напече. (Сказано, чоловика любыть, а симъя вся голубыть ййи та добрымъ прыкладомъ учыть до праці).

Отъ вже якось у тыждень, чы въ дви недили маты ридна каже до батька:

— Пишовъ бы ты, старый, та навидавсь до дытны. Я щось недомогаю, а тоби й байдуже: виддалы дытну въ чужый двирь, Богъ знае, якъ то воно тамъ привыкае.

Старый каже:

— Може, й справди.

Убравшысь, потягъ помаленьку (а було то на другимъ сели). Приходять батько, застае, шо дочка варыть обидать сама. Звычайно, зрадила йому, привитала, попросыла сидаты, а сама знову до роботы. Батько пытае:

— А шо тоби, доню, чы добре діється?

— Добре, таточку.

— А шо жъ ты вже вміешъ варыты обидаты?

— Умію, таточку. Та у насъ таке, таточку,—додае дочка,—шо хто не робыть, то той и не йисть.

— Ну, дытыно моя, у всякого хазяйина свій порядокъ,—одвичае батько,—то ты, може, моя доню, й голodomъ мерла, поky то привычлася до роботы?

— Ни, тату, не нагално вчать, такъ усе помаленьку.

— Ну, добре, моя дытыно.

Свекоръ бачывъ, якъ прыйшовъ сватъ, але переча-сувавъ: нехай трошкы зъ дочкою побалака,—а дали и йде до хаты. Сватъ выглянувъ у виконце, побачывъ свата та взявъ на лави свыточку, шо хлопци задрипалы та вже высохла, та й вымынае грязь сыдячы. Увиходыть хазяйинъ, привиталысь по братській, посадалы—гисть знову за свытку та все такы вымынае та струшуе, а хазяйинъ:

— Шо то вы, свату, робыте? Покрыньте!

— Эге, свату, добре кажете, та колы жъ я сьогондя ше не обидавъ.

— А такъ, такъ, свату, се въ мене давній порядокъ и, хвалыты Бога, мени добре зъ нымъ.

— Авже жъ, свату, у всякого хазийина свій порядокъ, а такъ якъ винъ добрый, то на шо жъ я мавъ бы його псувать?

Нема шо й говоритъ, шо дочка, роблячы свое дило, прислухалася до розмовы.

Записалъ В. Г. Шевченко въ Кіевской губ. въ 1862. г.

254. Хлибъ.

Одынъ чоловикъ нисъ хлибъ. Стало йому важко, винъ и покынувъ його у лиси, чы шо. Пройшовъ верстовъ зъ двадцять, захотивъ йисты, а купыты ниде, а мо й ни за шо. А дали вернувся, забравъ хлибъ та й каже: «Важко тебе було несты, а безъ тебе ще важче: не я тебе несу, а ты мене несешъ.»

В. В. Полуботкова въ Нѣжинѣ Черн. губ. отъ номерного въ Монастырской гостиницѣ.

255. Якъ селянынъ пймавъ вовка.

До одного чоловика зализь у кошару вовкъ и подавивъ усихъ овецъ. Накупывъ той чоловикъ другихъ овецъ и зробивъ для ихъ нову мицну кошару таку, щобъ вовкъ бильшъ не втыся въ нейи. Отъ прійшовъ вовкъ уночи, обійшовъ кошару навкругы, обнюхавъ—ниде йому влизты. Спочывъ винъ на покривлю, продеръ кулыкы и плыгнувъ до овецъ. Собаки счутылы и пидняли таку гавкотняву, шо вси у хати посхвачувались. Выйшовъ чоловикъ и прямо до кошары, бо туды собаки вйидалы. Прислухавсь—овечкы тупотять и сопуть; винъ до хвиртки—хвиртка зачынена. Зазырнувъ черезъ хвиртку въ кошару, ажъ тамъ сыдыть сироманецъ - вовкъ и очыма, мовъ зорямы, свитыть. И почавъ

винь сусидь гвалтуваты: «Степане, Васылю, Карпе, йдить вовка быты въ мойй кошари!» Позбигалысь сусиды ў двирь, а хазяйинь и каже: «Ты, Васылю, бери довбню, ты, Карпе, соқыру, а вы, хлопци, берить дрючки; я жь одчыню хвиртку и буду на йй стояты, а ты, Петре, лизь на кошару та будешь його у дирку дрючкомъ пужаты; якъ тилькы винь бигтыме на мене въ хвиртку, то я його макогономъ и лулусну. Ну, теперь же не зивайте, почиайте!»

Потапъ погнавъ вовка, а винь, зь переляку, якъ пугне у хвиртку, та прямисинько хазяйинови мижь ноги. Заплуталась, заборсалась вовча голова въ матни чоловіка, и ни той одъ того, ни той одъ того. И потысь вовкъ чоловіка на соби прямисинько вгородамы на гору. Але жь вовкъ бувъ навикы переляканный—бида зь йимъ зробылася, такъ винь и пропавъ! Не згирше жь дисталось и тому чоловікови, що йихавъ на йому—насылу жывого та теплого здійняли його зь вовка. Оттакъ то у насъ ловлять вовкивъ!

Записаль въ с. Мартыновкѣ отъ Губежка въ 1895 г. В. Ф.
Степаненко.

256. Чоловикъ заваленый у глыныщи.

У сели Старому читавъ я кныжку на базари «Батько та дочка». Людей багато зибралось було кругомъ мене и слухалы уси зь велькою охотою. Кажуть: «Це кныжка гарна и не дорога».

— А дуже гарна! — одынъ обизвався чоловікъ. — Це кныжка така, якъ розказувавъ мени одынъ чоловікъ у ярмалку у городи Переяслави на постояльному двори. Чы було це давно, за це вже винь не зна; у якому сели—винь не пам'ятуе. Одынъ чоловікъ пишовъ на заробиткы у Херсонщину и пробувъ тамъ шить рокивъ. Догодыло бидолаци працюватись на чужій роботы. Пишовъ винь додому, щобъ ха-

зайнуваты дома та оженытсь. Увѣ осени збудовавъ соби хатыну, а писля Роздва оженився. Оженившысь, ставѣ думать, шо робыть йому треба, щобѣ прожить йому на свити, щобѣ мать кусокъ хлиба. И задумавъ винѣ робыть горшки. Купывъ соби конячку и давай возыть глыну на горшки. Глына була у тій сторони глыбоко, такъ шо треба було выкопать глыбоку яму, щобѣ достать глыны такойи, котра годылась бы на горшки. Одынѣ разѣ пойихавъ винѣ по глыну, а жинка осталась дома. Прийихавъ винѣ до того миста, де копають глыну, и давай копать пудходну яму, щобѣ можна було выносыть глыну корзыною. Выкопавъ винѣ дуже довгу яму и давай выносыть глыну корзыною. Накыдавъ глыны съ пивъ воза, сивѣ оддыхать, закурывъ люльку и полизѣ опгять у яму. И тутъ случылось нещастя бидолаци, завалылася яма и його завернуло землею, ну тилькы такъ, шо йому можна було тамъ ворочаться. Яму завернула земля тилькы искраю. Жинка його ждала, ждала додому—немае чоловіка—и думаетъ соби: «Пойду, бо може въ шынку засивѣ та сыдыть, а коняка стойить та мухы годуетъ; а пиду, лышень, зажену додому, чога винѣ тамъ сыдыть?» Пишла до шынку—немае. «Де жѣ це винѣ е, шо нема коло шынку? А пойду лышень до глыныща, чы не зострину його?» Пишла. Иты було треба верстовѣ дви. Не дойшла вона изъ гоны, бачыть—стойить визѣ, и коняка па-сетсья бияя воза, а чоловіка не выдно. Вона соби и думаетъ, шо чоловікѣ полизѣ у яму по глыну и не спишыть соби дуже скоро иты. Пидходыть до ямы и бачыть—яму выровняло землею: завалылася яма. Вона въ плачь та голось: «Ой, Боже мій! шо мени робыты?» Крычыть, скилкы сылы мае, та никому ратоваты. Попрыбигалы люды. Шо його робыты? «Питы до попа, шо винѣ скаже,»—обиззався одинѣ чоловікѣ.

Пишлы и сказалы попу, шо яка прыгода трапылась чоловікови. Пипѣ говорыть людямъ: «Шо жѣ тутъ

робыть будемъ? Идѣть и скажить паламару—нехай по-
дзвонить по покойнику, а я пообиду та оддышу трохи
та й выйду одправыты похоронъ по покойнику. Гарный
чоловикъ бувъ,—царство небесне йому!» сказавъ ба-
тюшка.

Писля обидъ батюшка выйшовъ одправыть похо-
ронъ. Одправывъ, запечатавъ, якъ треба и пойихавъ до-
дому. Люде, котри були тамъ, пишли помынять.

А той чоловикъ пидъ землю живый и давай ко-
паться на верхъ. Вырвсь на верхъ, узавъ заступъ на
плечи и пишовъ додому. Прыходять до своєї хаты,
заглянувъ у викно, бачыть—горыть свичка на столи, и
въ хати сядять чотыри бабы. Винъ до дверей—двери
засунени. Винъ давай у двери стукать, шобъ одчынылы.
Бабы почулы, шо стукае щось. Одна пишла одчынять.
Выйшла у сины и пытае; «Хто тамъ таки,—свои чы
чужи?»

А чоловикъ обизвався:—«Свои! Чого вы бойте-
сь одчынять? Одчыняйте!»

Баба якъ почувшы цее, чуть не упала въ синяхъ,—
давай крычать:—«Ратуйте! мертвякъ прыйшовъ! Шо бу-
демъ робыть?»

А тутъ якъ на ту пеню нема и одного чоловика.
Жонкы давай крычать:—«Ратуйте, хто въ Бога вируе!»

А чоловикъ пидъ дверыма обзывается:—«Та одчы-
няйте! Чого вы бойтесь, дурныйи? Я не мертвякъ и
не бувъ мертвякомъ. Я живы бувъ пидъ землю и чувъ,
якъ правывъ батюшка похоронъ, якъ плакалы по мени.
Мени все було чутно, шо робылось на верси, и я кры-
чавъ скилкы сылы въ мене було, а вы мабутъ ничего й
не чулы,—голосылы по мени та бильшь и ничего. Такъ
я тоди годи крычать, а давай, думаю соби, рытымусь,
чы не поможе Богъ мени выбраться съ пидъ земли на
свить Божый. Давай копаться... И вырвсь,—колы ничъ
на двори, и мени показалось пидъ землю, шо я тамъ

бувь днівъ два, а воно мабуть я пробувь тамъ одинъ день тыльки. Одчыняйте скорій, бабы, бо я йисты хочу! Не бійтесь ничого: я якы бувь, такы и е.»

— Ни,—бабы кажуть,—мы тебе не впусымъ—молись Богу!

Давай чоловикъ чытать «Оченашъ», «Вирую во единого Бога», «Богородице диво, радуйся...» А жонкы все такы бояться упускать у хату чоловика и думаютъ, що це йимъ прывыденіе, що це изъ йихъ сміється сатана. А деле и одчынылы двери, та самы прожогомъ на двиръ побиглы та до сусида пидъ окно и давай крычать: «Рятуйте! Мертвякъ прыйшовъ и повигонывъ насъ изъ хаты!»

Сусидъ каже:—«А ходимъ подывимось на його, шо винъ робить тамъ?»

Попрыходылы до хаты и заглядають у викна. А мертвякъ сыдыть соби за столомъ та вечерае:—«Идить,—каже,—дурныйи, чого вы бойитесь? Я не мертвы, а я жывы.»

А люде все такы боялысь уходить у хату. А деле кажуть:—«А ходимъ лышень: насъ же гуртъ, а винъ одинъ—чого намъ його бояться?»

Повходылы люде у хату и давай роспытувать чоловика, якъ винъ вылизъ изъ пидъ земли, и якъ воно выйшло, шо його не задушыла земля. Чоловикъ росказавъ усе, якъ було, и уси дывовалысь цюму чуду, шо зроду не було такойи прыгоды у йихній сторони никому.

Въ с. Старомъ Переяславскаго у. Полтавск. губ. записаль козакъ м. Барышполя того же уѣзда Н. Д. Бѣлоконъ въ 1899 г.

257. Лицы линовому.

Повивъ, чоловікъ своихъ волуивъ до ликаря, щобъ запомуигъ видъ линощивъ, а той узявъ та й помазавъ пидъ хвостамы шпыкгынаромъ. Якъ дременулы жъ тоди волы, шо й не збижыть чоловікъ за нмы. Пустывъ, вернувся та й просыть ликаря, щобъ и йому помазавъ зсаду, може чы не нажене волуивъ. Помазавъ ликаръ, а чоловікъ якъ пустывся, то й волуивъ догнавъ и дома зразу ставъ та й крычыть жуинци: «Упусты волуивъ у хливъ, а я ще побигаю.»

М. Веркiевка, Нѣжинскаго уѣзда. Отъ М. Крошки записаль
Е. Н. Гаврилей.

258. Выпытавъ.

Прийшовъ хлопечь позычать сокры до сусида. Той каже: «Я бъ тоби й давъ, такъ ты жъ дрова усе до колодки рубашъ.»

— Э ни, дядьку, не турбуйтесь! Отъ ийй Богу я все до земли рубаю, а то вамъ хтось набрехавъ.

— Ага, ну сього жъ туилькы мени й треба було, щобъ узнать, якъ ты зъ струментомъ обходышся. Пойды ты вонъ, не дамъ!

М. Веркiевка, Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей.

259. Якъ чоловікъ гостей приймавъ.

Зазвавъ чоловікъ гостей и ставъ поштувать го-муинкою и пляшку зъ горилкою въ руки взявъ, та туилько такъ забалакався, шо самъ выпѣе й жуинку почаствуе та й зновъ гомонить. Выпѣе й почаствуе жуин-

ку та й за розказни. И такъ до кинця. А тоди вже наче скаменувся та й просыться: «Не прогнивайтесь, люде добри: на се просылы!»

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Записаль Е. Н. Гаврилей.

260. Добри люде.

— А въ тебе е собаки?

— Ни! Мене и такъ люде оббрешуть.

Прилуцкій у. Полтавск. губ. Записаль В. П. Горленко.

261. Убогый за столомъ у попа.

Було се въ одному сели, може такому якъ отъ наше, а може й ни, цього вже не скажу. Одынъ убогый чоловикъ та й прыйшовъ до дука позычты жыта на посивъ.—«Не можна, чоловиче,—каже дука,—бо тоби треба позычаты на вишне одданья.»—А й чому бъ то я не виддамъ!—запытавъ убогый.—Чому? Тымъ, що ты убогый и ничымъ тоби буде виддаты.—Убогый помовчавъ трохи та й каже: «Хиба убогому и на свити не жыты? Э, ни, це ще на двое баба ворожыла,—хто зна, мо ще убогый зъ бильшимъ почотомъ и повагою сидытyme за столомъ у будли кого, нижъ багатый?!»—Такъ же, такъ—не ты бъ казавъ, не я бъ слухавъ,—одмовывъ дука.—Та я бъ у яку хату не зайшовъ, мене и за стилъ посадовылы бъ и чоґо треба позычылы бъ.—«Якъ тебе посадять, то мене й подавно посадять,»—скозувавсь убогый. Дука самъ соби не вирывъ—якъ можна, щобъ такый дрантогузъ та бувъ у людей въ бильшимъ почоти, нижъ винъ. Довго вони отакъ скозувальсь, а дали и побылы въ закладъ на пару воливъ:—колы, зна-

чця, убогoгo прыймуць дe крашe, тo дука пoвынeнъ да-
ты убогoму пару воливъ, колы жъ багaтoгo, тo вбогый
пoвынeнъ зъ жинкoю цилый рикъ рoбыты багaтoму на
пару воливъ. Заклалысь oтo вoны, та й волы дука oддавъ
за руки.

— Ну, куды жъ пидeмo?—запытавъ убогый.

— Хoдимo дo пoпa, —насмiшкувaтo прoмoвывъ дука.

Пишлы. Oтъ увiйшoвъ дука въ пeкарню дo пoпa, вк-
лoныв ся нызeнькo та й прoхae, щoбъ пoзычывъ йoму сoрoкъ
пудивъ вивса.—Дoбрe,—кажe пипъ,—oсь я вдягнусь та
заразъ и oдвaжу, тилькы жъ щoбъ ты мeнi за сю хвa-
тыкгу вьoрaвъ дeсятну пидъ ярыну!—Дoбрe, батюшкo,—
oдмoвывъ багaтый. Трoхы пeрeгoдa пидхoдыть пипъ дo
убoгoгo та й пьтa: «А тoбi чoгo трeбa?» Убогый пид-
дiйшoвъ дo йoгo, нахылывсь дo вухa та й кажe: «Та я,
бачытe, выкoпавъ учoра въ лиси бoчoнoкъ зoлoтa та
oцe й маю прoхaты вaсь, батюшкo, пoсвятыты йихъ.»
Пипъ oдразу пoвeсeливъ на oблывчи, та дo дука: «Ты
вийды, тымъ чaсoмъ, у сины, бo я маю дe-щo зъ Сeмe-
нoмъ пoбaлакaты.» Вийшoвъ дука у сины, a пипъ знoвъ
дo Сeмeнa: «Ну, тo якъ жe ты, Сeмeнe, тoй бoчoнoкъ
думaeшь пoсвятыты?»—Та хoчу, щoбъ вы прыйихалы дo
мeнe у гoспoду, та тамъ ужe й тee... зручнiшь будe.—
Ни, Сeмeнe, у мeнe будe зручнiшe; знaeшь, якъ йизды-
ты та вoзытьсa зъ усьма прьчaндалaмы,—a людськe oкo
знaeшь прoзoрe... луччe вжe у мeнe, чы такъ, Сeмeнe?»

— Ну, хай ужe будe такъ, вaмъ крашe прo сe знaты.
Такъ пиду жъ oцe я за зoлoтoмъ, та й Бoжe бoгoслoвы!

— Э, ни, Сeмeнe, чeкaй нo,—дoбрe дилo дoбрoмъ
трeбa и пoшaнувaты,—сидaй лышь бльжчe дo стoлу!

Сивъ Сeмeнъ кинeць стoлу, a пипъ кoлo йoгo. Мьттю
пoпадa внeслa мыску свижoйи рьбы, пoстaвыла на стиль
карахвынку гoрилкы и гoтoвлютьсa тpaпeзувaты. Сeмeнъ
пoглядаe на вce цe та тилькы oблывзeтьсa и вусoмъ

пидморгуе. Чарку за чаркою налива пипъ соби та Семенови, попада те жъ килько разивъ прыгублювала чарку; пьють соби та закусують, ажъ по за вушыма лящуть; але жъ Семень пѣе та розуму не пропыває: якъ оце пидносять пипъ йому чарку, то винъ пидійме ййи угору, цокається зъ попомъ, ажъ винця трищять и здорвкається голосно, щобъ чувъ и дука у синяхъ. А дука стойить пидъ дверыма у синяхъ, все те чѣе и въ шилыну бачыть та ажъ минытьса одъ зла. Останню чарку пиднялы воны, выпылы та въ кинци ще й поцилувались. — Такъ тутъ же, га? — «Эге жъ, тутъ, батюшко.» — Писля закускы пидвився Семень и выйшовъ зъ за столу, подякувавъ Богу та й каже: «Такъ вы жъ тутъ тее... покъ я прынесу.» — Гараздъ, — одмовывъ пипъ, — тилькы жъ швыдчій, а я пошлю за сторожемъ, щобъ готовывъ усе.»

Повагомъ переступывъ убогый черезъ поригъ и пишовъ соби вулицею, — тилькы жъ не за золотомъ, а за воламы дуки. Взывъ винъ волю ти за налыгачъ, хвосьнувъ батогомъ та й каже: «Гей, волю, цабе кгезанъ, — вже тебе не побачыть твій дука - пузанъ; гей, сири, цабе мурый — хай зна, якъ убогый жартуе.» Прывивъ волю до обору, нагодувавъ, напоивъ, а на ранокъ и на ныву зъ нымы гайнувъ. Пипъ довго ще ждавъ Семена зъ золотомъ, та ниякъ не диждався, кажуть, шо й теперъ ще жде.

Каневскій уѣздъ. Записаль В. Ф. Степаненко.

262. Якъ кума куму не послухала.

Жне кума жыто, а друга ййи кума иде вже до дому. Отъ, та, шо жне й каже:

— Кумочко, голубочко, поможи мени жаты!

А та йій й каже:

— Э, кумо, разъ, шо жыбиръ колеться, а друге те, шо николы.

А та каже:

— Ну, прыйдешъ же ты до мене зимою муки просыть, такъ я жъ тоби не дамъ.

А та кума, шо жала, та була багата, а та, шо йшла, — бидна.

Отъ зимою прыходыть вона до своейи багatoi кумы, та й каже:

— Дай мени, кумочко, хочъ кившыкъ муки, а то диты квашы просыть, а въ мене муки нема!

Отъ, та кума тоди засунула руку у полубочокъ, та й каже:

— Охъ, кумочко, жыбиръ якъ колеться, билше нико-лы не полизу у полубочокъ!

Та й не дала йій муки.

С. Жеведь Черниговск. у. Записала Н. Г.

263. Лакей и наймытъ не одно.

— А вамъ же подобається зять?

— Та винъ ничего: и зъ себе гарный, и розумный. Такъ ниякойи ганьбы йому дать не можно. Отъ тилькы одно одгоныть трохы, шо лакеемъ бувъ. Такъ наче й проты людей трохы соромъ, шо за такого оддалы, шо въ лакеяхъ бувъ. Отъ я вамъ роскажу, яка вже штука була. Прыйихала на весилля сваха зъ Подгорного, вона сестру нашу за своего сына взяла. Ну, спершу то й ничего, а якъ выпыла трохы такъ и каже матци на-шій:

— Отъ пани-свахо, вашъ новый зять усымъ гарный, та лакей. И на шо такы вы Орыну за лакея оддалы? Така дивчына гарна, шо ажъ жалко.

А matka каже:

— Винъ же, пани свахо, вѣже не лакей, а дома живе. Та й Орына моя.—хыба вона не служыла? И вона служыла та кожному вгождала. Отъ йихъ и пара.

А вона, сваха, матци одказуе:

— Ни, пани свахо, то не однаково. А я своейи дочки за лакея не оддала бѣ и сына въ лакейи не оддала бѣ. Я хочъ и вдова, а сына въ лакейи не оддамъ.

Бачыте, яки люде!

С. Коты Черниговск. у. М. Н. Гринченко въ 1900.

264. Злодій.

Казавъ злодій, впіймавшыся, вкравшы волю: «Покууль кони водывъ—такъ и Богъ годывъ, а якъ почавъ волю—наче чорты ввели!»

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

265. Про воровство.

Въ одномъ селѣ, которѣ называлось Плутовкою, у томъ селѣ жили два чоловѣки: одинъ вельми богатый, а тей бувъ умерены, ни багаты, ни бѣдны; и ободва чоловѣки сіе занималисе пасѣками—було по тималу пчоль. И ены звалисе кумами. Вотъ разъ у недѣлю вечеромъ бѣднѣйшый кумъ и говоритъ своему куму:

— Знаешъ що, кумъ? (А пасѣки неделеко були одна одъ другоий) я сегодня на ночь думаю ѣхать въ торгъ, то будласково позирни тамъ ночью на мойихъ пчель.

Етый заможны чоловѣкъ и каже: «Добре, ѣдь ты у торгъ, я буду гледѣть и твойимы пчеламы».

Такъ сей кумъ и поѣхавъ на ночь у торгъ смѣло, знае, що у его сторожъ надѣжный. Вотъ якъ тольки йонъ вѣхавъ изъ села, воѣ сей тады кумъ позвавъ

своихъ сыновъ и каже: «Знаете що, хлопцы, поѣдте въ пасѣку, а то намъ треба гледѣть и за кумовою пасѣкою».

Такъ ены часовъ у десеть вечера поѣхали въ пасѣку. Приѣхали ены въ пасѣку. Вотъ батько и каже: «Поѣдте въ кумову пасѣку, видеремъ его пчолы».

Хлопцы кажутъ: «Ходете,—его нема дома, то будемо смѣло драть пчолы».

Пошли ены въ кумову пасѣку и стали драть пчолы. Въ сюю ночь вельмы позно шукавъ одинъ чоловѣкъ изъ того села коровы и побачивъ, що въ пасѣцы у того чоловѣка, що не було его дома, свѣтица. Вотъ енъ самъ собѣ и каже: «Се, видно, злодѣи крадуть пчолы». И ставъ на пузи повзты бльжей икъ пасѣцы и подповзъ икъ самымъ ловжамъ, що була загорожена пасѣка, и розгледѣвъ, хто таки дравъ пчолы. Се дравъ пчолы кумъ того хозяина, що поѣхавъ у торгъ. Вотъ надрали двѣ дѣжки меду и ище осталисе одные пчолы недраные, да вже некуды и драть. Вотъ стары погледѣвъ на послѣднѣе пчолы да каже:—«Идѣть, хлопцы, возьмите ночвы у своей пасѣцы».

Хлопцы поставлели дѣжки подъ ловжъ, де одну дѣжку уладили поставитъ акурать туды, де седѣвъ той чоловѣкъ, що шукавъ коровы, а сами пошли у свою пасѣку. Вотъ сей тоды, що седѣвъ подъ ловжомъ, подповзъ тихенько подъ дѣжку, узявъ соби меду и начавъ ѣсти. Хлопцы принесли ночвы. Ены выдралы и послѣднѣе пчолы. Тоды зложили все на возъ и стали ѣхать домовъ. Вотъ сей тоды чоловѣкъ, що седѣвъ подъ ловжомъ, самъ соби и каже: Подожди, надо приглядѣца, куды ены повезуть сей медъ, де его будутъ ховать. Ены поѣхали объѣжжати шлеховую дорогу полемъ, а сей чоловѣкъ, що подгледѣвъ ихъ, пошовъ скорѣй до ихъ двора и жеде ихъ тамъ, закуль ены будутъ ѣхати изъ медомъ. Ажъ ось ены ѣдутъ прямо въ дворъ, а

енъ тоды тихенько прытуливсе къ замету. Вотъ ены вѣхали въ дворъ. Вотъ стары тоды и каже своимъ хлопцамъ: «Де жъ намъ теперь ховать сей медъ?»

А хлопцы и кажутъ:—«Знаешъ, тато, де мы его сховаемъ?»

А стары каже:—«А де?»

— А давайте поставимъ сіе дѣжки у свой имшень.

А стары каже:—«Нѣ, буае за сымъ медомъ де и нашъ заберуть. Луччей давайте мы его сховаемъ во куды. Ото у насъ лежитъ у дворѣ куча гною, то давайте мы его подь гной сховаемъ.»

И ены весма скоро роскидали сюю кучу гною и поставлели медъ въ дѣжкахъ и опять закрыли гноемъ и пошли спать. И мужикъ, шо подстерогъ ихъ, пошовъ домой.

На завтре пріѣжае сей чоловѣкъ изъ торгуи весма рано поѣхавъ у пасѣку довѣдаца своего хозяйства. Пріѣхавъ у пасѣку, ажъ подранные всѣ пчолы. Енъ тоды заплакавъ, да и нѣчего дѣлать. Пріѣхавъ домой и пошовъ до кума питать, ти не бачивъ енъ, хто подравъ пчолы. Приходить до кума и каже:

— Ну, шо ты, кумъ, не бачивъ, хто подравъ пчолы? Вотъ енъ и каже:

— Нѣ, не бачивъ. Я два разы ходивъ за ночь въ твою пасѣку, да никого не бачивъ.

Такъ енъ пожуривсе, пожуривсе, да и нѣчего робить. Вотъ прошло не весма багато времяя. Разъ у недѣлю собралисе въ шинкъ тые ободва кумы и другихъ багато людей и тей чоловѣкъ бувъ, шо бачивъ, хто подравъ пчолы. Вотъ чоловѣкъ и каже:

— Давай-но, кумъ, выпьемъ по чарцѣ горѣльки, годи минѣ журица по пчолахъ.

И сказавъ:

— А ну ка, Хайко, подай-но сюда повкварту горѣльки.

Хайкою звали шинкарку. Шинкарка сейчас подала ему повкварти. Енъ выпивъ самъ впередъ и потомъ поднесъ своему куму, тому, що покравъ у его медъ. И потомъ и ище кое кому ставъ подносить по чарцѣ, каже:

— Выпивайте, хлопцы, да поминайте мои пчолы, що въ мене уже нема ни годныхъ пчоль.

А тему, що бачивъ, хто подравъ пчолы, и не поднесъ чарки горѣлки, и за тымъ не поднесъ ему чарки шо енъ бувъ вельми бѣдный чоловѣкъ. Вотъ теѣ бѣднякъ и каже:—«Що, що ты подносишь имъ по чаркѣ? Хибы ены тобѣ скажутъ, хто подравъ твоѣ пчолы? Ты жъ поднеси минѣ чарку горѣлки, дакъ я тобѣ скажу, хто подравъ твоѣ пчолы.»

Вотъ енъ тоды поднесъ ему чарку горѣлки, потомъ и другу, и третю. А теѣ, що подравъ пчолы и каже:—«Таки невдобны, щобъ ище знавъ, хто подравъ пчолы у мого кума. Не поднось, кумъ, и чарки сему обормошу.»

А еты бѣднякъ и каже:—«Гледи, щобъ ты не потерявъ своихъ новыхъ чоботъ, хоть и богаты. Де моя бѣдность дороже твого багаства.»

Тоды бѣднякъ и каже.—«Берите старосту и свидетелей да ходитъ колатитъ меду. Я васъ сейчасъ зоведу до того чоловѣка, шо подравъ медъ.»

Вотъ сей тоды крестьянъ, шо у его подрано медъ, позвавъ старосту и другихъ тимало людей и пошли.

— Идѣть за мною!—каже бѣднякъ и енъ повевъ ихъ прямо икъ тому багачу, шо подравъ пчолы у свого кума. Приходятъ у дворъ, бѣднякъ каже:—«Розкидайте сюю кучу навозу!»

Староста тоды каже:—«Тетерукъ ты! Щобъ такую хорощую вещь енъ у таке мѣсто ховавъ.»

Бѣднякъ каже:—«Даромъ соби, шо я тетерукъ. Я вамъ кажу: откидайте гной!»

Ены изъ насмѣшкою стали откидать въ сторону. Откидали гной, ажъ подъ гноемъ оказавсе медь. Дакъ тому багачу такъ стыдно стало, шо ему трудно було перенести. Тоды багачъ спомнивъ то, шо ему у шинкѣ казавъ бѣднякъ да и каже:—«Правда твоя, шо твоя бѣдность дороже мого багаства».

Староста сейчасъ донесъ уряднику и его сейчасъ призвали къ суду и придали его съ сынами по шесть мѣсяцевъ въ острогъ.

Записаль Яковъ Бондаренко, кр. с. Деревины Городницкаго у.
Сообщиль В. Т. Андріевскій.

266. Пысарь.

Налаявъ батько курку: «Шобъ ты здохла!» А сыну-пысару се дуже не сподобалось. Отъ винъ и навчае батька: «И на што такое неприличное говорить? Ругай, старый, такъ: «Штобъ тебя писарь искушалъ!»—А батько змитывъ шо до чого й каже: «Добре, сыну, и давно бѣ повчылы—мы жѣ люде темни». Другого разу лизе въ шкоду котеня, а батько на його: «А дзусь! шобъ тебе пысарь искушавъ!» Пысарь чуета: «Отъ тьомной народъ! Съ нымъ и умной человекъ нечого не подѣлаеть!»

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Записаль Е. Н. Гаврилей.

267. Судди.

Судди—шо мирови, шо сельськи—

Неначе одынци

И не розлычышь ихъ ніякъ:

Неначе одна маты ихъ родыла.

Страшни показуються вони мени:

Якъ бувъ я у того судди мирового,

Ще за Опанаса Кривого,
Дакъ у того судди мирового,
Якъ у Бога святого.
Нихто ни на кого не скаже ты,
А все вы, да вы.
А якъ бувъ я у тыхъ суддивъ сильськихъ,
У тыхъ п'яницъ семенськихъ,—
Я удивлявсь изъ ихъ диливъ.
Воны судъ тоди начынають,
Якъ изъ шынку причвалають.
Выновать Киндрать,
Дакъ и винъ сыдыть изъ суддямы пидъ рядъ.
Да якъ шурхне руку въ карманъ,
На суддивъ моргнувши:—
Судди не змагавшысь,
За шапки побравшысь,
У головы не спросывшысь,—
Въ шынку опынвшысь.
Оглядився старшына—
Суддивъ въ волосты нема,
Да и каже своему десятчыку:
«Бижы, Грыцько, суддивъ зажены,
Та тилкы самъ тамъ не сыды,—
Вже обидняя година,
А воны дила нїякого не зробылы.»
Идутъ судди, тыняються
Та объ тыны обпираються.
Прийшовъ суддя у волость
Да карандашомъ по черныльници и стука,
А други сыдыть та слуха.
А жалобщыкъ изъ шанькою
За плечыма до суддивъ каже:
«Докиль мени, господа судди, стоять
Та слыну ковтать,—
Пора мое дило розибрать».

А суддя йому каже:
«Да ты не базикай,
Або ты осквернивъ чоловіка.
Хоть винъ тебе, бачъ, и бувъ,
То значить слидувало.
Тоби треба передъ нымъ покориться
Та нязько въ ноги вклоньтись.
Ты бачъ: винъ хазяйинъ,
А ты ледащо!» (У совещательній судди говорятъ).
А хочъ бы винъ и святы,
А якъ карманъ у його пусты,
То велять штряховать
И въ холодну сажать.
Уже трети пивни спивалы,
А суддивъ жинки додому ждалы.
Прыйшовъ суддя додому
Та й сивъ на лави.
Жинка излазять изъ печи
Та чоловікови и каже:
«Де ты, сякий-такый сыну, тягавсь?
Мабуть за городамы у лопухахъ,
Бо вся голова у коровьякахъ.»
— «Та цыть, жинко!
Мы такъ цихъ диливъ насобиралы,
Що до самойи пивночи розбиралы,
А я дила толковавъ та розбиравъ,
Поки мени якыйсь чортъ репьяхивъ у шапку
наклавъ.»

С. Олександровка Остерск. у. Отъ Семена Музула записалъ
Н. Д. Бѣлоконь.

268. Хытрый чоловікъ.

Занявъ панъ у чоловіка волю, а мужыкъ уже не
знае, якъ йихъ вызволыты та йде прозь панськи викна
та й каже:

— Колы панъ съ панивъ, то виддасть волю, а колы панъ зъ мужыкивъ, то ни, не виддасть.

То панъ почувъ та й видавъ.

Черниговъ. 1898. Б. Д. Гринченко.

269. Добре росказавъ.

Росказувавъ панъ наймыту щось такее дуже довго, а той усе не второпа. Панъ тоди озлывся та—ляпаса, щобъ понимавъ хамло-неотеса.

А той каже: «Теперь росчовпавъ. Такъ бы й давно росказували бъ булы толкомъ, по панськы.»

С. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

270. Скупый панъ.

Посылае панъ кухаря на базаръ, та й наказуе, щобъ не трынъкавъ дурно грошей: «Иди жъ,—каже,—та купы чого, щобъ и дешево й багато було, а то ты мене зовсимъ звездешъ.»

Пишовъ кухаръ та й купивъ нечыщенихъ хлякивъ. Прынисть, а панъ уже й напустывся: «Ты зновъ у снагу мене загнавъ!—Чого ты тамъ накупывъ? Кажы!» Не вытерпивъ уже кухаръ, кынувъ хлякы та й каже: «Та зъ середины пойисы, а хлякы продасы, то ще й барышъ буде.»

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Записаль Е. Н. Гаврилей.

271. Допытався.

Вйизжае становый въ село Воронивци власнисть князя Гоген-Льоген-Шилингс-Фюрстъ, стричае мужыка и хоче довидатись видъ нього, чые се село.

- Якъ вашъ панъ называется?
— Лыбонь що Голи ноги сирый хвистъ.

Записаль В. В. Боржковскій.

272. Черезъ чай сварка.

Повезлы до миста трое сусидъ дрова продавать. Въ дорози було межъ йимы злагодно и на торзи вкупи продады одному пану дрова. Булы воны люде прости, недорого взяли й за дрова, такъ що ажъ панъ зазвавъ погритись коло чаю, а воны та зроду про чай хыба що однимъ ухомъ чулы, не то щобъ пылы. Отъ воны одмагалысь довго на вси боки, боялысь, щобъ и гроши не охрыплы за чай, та панъ йихъ впевнивъ, що за те ничего, й насылу згодылысь. Отъ панъ догадався, що люде зовсимъ прости й глузуе надъ нымы: одному давъ зъ сахаромъ чаю, другому безъ ничего, а третьому зъ силлю. Выпылы, якъ кому прыйшлося, та вже якъ спытавъ панъ, чы ще наливать, пиднялась межъ нымы кутавасія: первы каже:—«Ще», а другы:—«Якъ хочте», а трети и рукамы, й ногамы одгрибається. Выйихалы зъ двору, то первы й почына шкылювать, чому воны не хотилы чаю, а другы каже, що винъ же ничего й що зъ лыхомъ можна було й ще пыть, а трети зовсимъ йихъ дурнямы назвавъ та й каже: «И давъ же дидько помыйныци панськойи напытысь,—щобъ йимъ одъ паскы такъ у роти! Скуилько пылы оковыту, та не було ниякойи змажки межъ намы, а то бачъ що, щобъ тыхъ панивъ кровь пыла!»

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Записаль Е. Н. Гаврилей.

273. Хто скуилько чаю пѣе.

Панъ чай пѣе, покиль чай е.

Жыдъ пѣе, покиль сахаръ е.

А чоловикъ—покиль воды хопыть.

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Записаль Е. Н. Гаврилей.

274. Похвалывъ.

Пошывъ охвыцеръ соби нового мундира, одягнувся въ його та й вертыться въ хати передъ дзеркаломъ, любується собою, мовъ Катря въ постолахъ, а дали захо-тилось йому, щобъ ще хто й збоку похвалывъ його. Отъ и пытае свого денщыка: «А что, слышь ты, на кого я тенерь похожъ?»—А той дума, якъ бы його догодыты начальству? Та й каже: «Вы похожи, ваше благородіе, на лева, ваше благородіе!» Охвыцеру те сподобалось, винъ пытае: «А гдѣ жъ ты лева видѣлъ?»—А той йому: «На туй картини, ваше благородіе, що Исусъ Хрыстось йиде въ Ерусалымъ, ваше благородіе, сыдучы на леви, ваше благородіе!»

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей.

275. Одмова по щыросты.

Прыслалы денщыка охвыцеру, а винъ бувъ дуже злый та заразъ же: «Почему это тебя, такую гадость, ко мнѣ прислалы? Развѣ тамъ не было лучшихъ»? А денщыкъ йому й видмовля по щыросты: «Добрыхъ, ваше благородіе, и послалы добрымъ, а мене до васъ, и я никакъ нѣтъ, не выновать, точно такъ, ваше благородіе!»

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей.

276. Москали укралы гуску.

А то значыть укралы москали въ бабы гуску, та де ййи сховать? А тутъ йимъ уже выходыть,—такъ воны ййи й сховалы въ барабанъ, у отой великый. Гуска жъ тамъ крычыть, а вуонъ у барабанъ бѣе, а воно не такъ якъ треба выходе. А охвыцеръ пытае:

— Чого це въ тебе барабанъ не такъ выбывае?

— Одсырѣвъ, ваше высокее благородіе.

А баба вже огледила, шо гуску немае и наздоганяе москалюовъ и каже охвыцерови:

— Ваше высокее благородіе! Москали въ мене гуску вкралы. Звелить, щобъ оддалы.

А охвыцеръ пытае:

— Ребѣята, вы вкралы гуску?

А воны одвичають:

— Никакъ нѣтъ, не кралы, ваше высокее благородіе!

Винъ тоди на бабу насыпався:

— Чого ты на мойихъ маскалюовъ опорокъ зводишь?
Иды соби геть!

Отъ та баба пишла, а охвыцеръ пытае:

— Ребѣята, вкралы гуску?

— Вкралы, ваше высокее благородіе!

— А де жъ вона?

— Въ барабани сыдыть, ваше высокее благородіе!

Та й извѣлы гуску. Отъ яки москали!

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко отъ дивчины. 1900.

277. Москали вкралы корову.

Разъ москали вкралы корову у мужыка и зарѣзали ййи та ще не вспишылся зварыты, ажъ тутъ идуть трусыты въ казармахъ. Отъ воны—шо робыты? Швыдче корову на стуоль, накрылы одіяломъ, а одынъ москаль

сыдыть и савтырь чытае. Отъ, увиходють туды трусыты, ажъ покуюныкъ у хати. А ундеръ охвыцеръ и пытае въ того салдата:

— Кто это вмеръ?

Такъ наче вуонъ и не знае. А той каже:

— Рыковъ умеръ.

— А, жалко! Хорошій бувъ чалавѣкъ!

Це вже той ундеръ-охвыцеръ каже.

Отъ ти бачуть, шо коруовы нема, а покуюныкъ лежыть, перехрестылысь та й пишыл соби. А ундеръ-охвыцеръ каже:

— Ну, ребъята, теперъ уже пора Рыкова съ стола приймать.

Та й иззілы москали коруову. Та сміються, шо мужыкуовъ одурылы.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н Гринченко отъ дивчины. 1900.

278. Москали крадутъ масло.

Прийшовъ москаль на базари до бабы, а та баба багато масла продавала. Отъ вуонъ и каже:

— Подпоясай мене, бабӯшка, на всю масленицу!

Отъ баба стала його пидперизувать, а другый москаль, його товарышъ, за масло та й утьокъ. Отъ йимъ и стало масла на всю масляну.

С. Жеведь Черниг. у. Н. Г. отъ дивчины въ 1898.

279. Козаки вералы коець зъ гусьмы.

Переходылы козаки черезъ одно село, йшли вони на турецьку войну. Прийшли въ село; заразъ йихъ порозводылы на ничлигъ по хатахъ; дали скилькоро и жыдови шынкарови. Знае добре жыдокъ, шо трудно, щобъ безъ крадижки обійшло, а тутъ ще на биду на

пидсини у нього коець зъ годованымы на пейсахъ гусьмы. Потерпае винъ за коець, але думает: не вкрадутъ же вони койця, якъ ляжу спаты на него? Лигъ. Спыть. А козаки тыхенко вночи зняли жыда зъ койця, поклялы на землю, а самы за коець та й маршъ дали.

Ажъ черезъ якийсь часъ чуе жыдъ, шо взяли Плевну и шо коло тойи Плевны поралысь и знайоми йому козаки. Отъ винъ хытае головою и каже:

— А лыхо мами йихъ! Шо йимъ було Плевну браты, колы вони зъ-пидъ мене коець зъ гусьмы взяли!

Записаль В. В. Боржковскій.

280. Два звощыкы.

У Києви, кажуть, коло вокзалу постоянно багато звощыкивъ, якъ прыйизжають пасажыры зъ пойиздомъ. Разъ такъ трапылось, шо помижъ булы звощыкы—нашъ чоловикъ и кацапъ, дождаючысь того пойизду. Пойиздъ прыйихавъ; згодомъ стали выходыты пасажыры, а за йимы носыльщыкы пруть клункы. Пасажыривъ на цей разъ було небагато, и передни звощыкы йихъ скоро и позабиралы. Остався одынь. Кацапъ жывенько до його пидйихавъ и ставъ торговатысь и за пъятакомъ остановка—пасажыръ не хоче сядыться. Нашъ, бачывшы те, соби тежъ пидбигъ, та жыво пъятака и скинувъ. Пасажыръ и сивъ до нашого. Кацапъ згожувався вже и за ту цину, шо й нашъ сказавъ, але пасажыръ не захотивъ пересидать. Кацапъ росердывся на нашого чоловика та й каже:

— Богъ породылъ осла, а чортъ хохла!

А нашъ йому:

— Дурный тебе пипъ хрестывъ и тебе навчывъ! Хыба жъ такъ, якъ ты казавъ? Може отакъ: Чортъ породывъ цапа, а цапъ—кацапа.

Записаль въ с. Лавахъ Сосн. у. 1896 г. В. П. Кошовый.

281. Хохлу не давай объясняться.

Разъ одинъ панъ прыйихавъ у село. Винъ служивъ по штатскый, мабуть у губерніи. Отъ винъ позвавъ старосту и ше де кого, мабуть и писара. Перегледивъ уси книжки, да такъ скоро, шо я не вспивъ добре розгледиты, якый винъ. А потимъ якъ почавъ на йихъ гриматы за несправности по служби, декъ тилькы держысь! Воны почалы объяснятысь, особливо писарь, и зовсимъ выплуталысь. Панъ усе слухавъ, слухавъ, а дали не втерпивъ, та й крыкнувъ: «Буде!—Хохлу не давай объясняться, а бый його прямо въ морду, декъ може забъешъ йому якъ небудь паморокы, а то якъ дасы йому объяснятысь, дасы йому молоть, декъ винъ вымелеться. Отъ кацапъ декъ друге дило: йому якъ можна бильше давай молоть, декъ винъ самъ умелеться.»

Записаль въ с. Лавахъ Сосницк. у. въ 1896 г. В. П. Кошовый.

282. Не зрозумилы.

Бижыть литвынъ встричъ нашому чоловіку та й пытае:

— Нѣ найшовъ, мавъ, дядзька, кайстеръ, а въ кайсри вицоропень и ляпошка, сѣмъямъ примазана, а пасвистайломъ завъязана?

— Ни,—каже нашъ,—такого не бачывъ. Я й найшовъ, такъ же шаньку, а въ шаньци заецъ и паляныця, а завъязано пугою.

— Ну, ето, мавъ, нѣ майо.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

283. Лытвыны помынають дидуивъ.

Бувъ нашъ у лытвынуивъ, зайшовъ винъ у одну хату, а тамъ дидуивъ помынають, и напоминались такъ, шо вси въ покотъ лежалы, а въ хати—хочъ сокрыу вишай. Нашъ спытавъ: «Шо це у васъ таке?»—«Дзидуивъ паминали.»—«Скуилько жъ разивъ на рикъ помынають у васъ дидуивъ?»—«Юнъ у насъ адинъ етотъ празникъ.»—«Ну, добре жъ, шо одынъ,—якъ бы вамъ симъ разъ помынать, якъ у насъ, то вы бъ и небо закоптылы!»

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Записаль Е. Н. Гаврилей.

284. Цыганъ у монастыри.

Цыгану разъ трапылось буты въ монастыри. Бувъ винъ тамъ якъ разъ на масляну. Чы бувъ винъ у церкви, чы ни, а у трапезу пишовъ обидать. Сивъ,—колы жъ подають борщъ зъ свижою рыбою. «Смашный борщъ, думаетъ цыганъ, наче николы такого й не йивъ. Шкода, шо моя стара такого не вмiе варыты!» Дали подають жарену на масли рыбу. «Якъ йивъ я, миркуе, ййи на оли, декъ думавъ, шо вже крашойи нема.» Потимъ якъ подалы вареныкы,—оттоди вже винъ порався, наче въ останне найидався.—«Э, думаетъ, добре тутъ жыты, добры якы обиды,—тилькы чого се поросятны нема, та й сало бъ не вадыло.» Спытавъ у послушныка: «Чого це нема поросятны?» Послушныкъ йому одповивъ, шо въ монастыри николи не буваетъ поросятны. Цыганъ ставъ жалкувать, шо живутъ у монастыри безъ такого добра, якъ поросятна. «Пидожду до вечери,—якъ и вечера така добра буде, якъ обидъ, то може й не буде скушно безъ сала та поросятны.» На вечеру булы блынни. Цыганъ якъ зйивъ йихъ штукъ десять, а мо й бильшь, не

жалкувавъ вже и по поросятини. Такъ цыганъ живъ днивъ зо тры.

— Гарно, братъ, у васъ годують,—каже вже винъ послушныку,—школа, що мени треба на ярмалокъ.

Побувшы на ярмалку, изновъ цыганъ прыйшовъ у манастыръ. А тоди вже наступивъ першый тыждень посту. Утрапивъ якъ разъ на обидь. Дывыться, колы вже наче не таке на обиди. «Що за нечыста маты», каже самъ соби цыганъ: «боршъ якыйсь, що наче й дома не йивъ. Изроду я не люблю оцихъ поганыхъ грибивъ.» Нигде цыгану дитысь,—голодь не титка, треба йисты. Попойивъ борщу, жеде ище якои небудь потравы; колы жъ дывыться, уси повставалы,—треба и йому голодному вставаты, бо тымъ борщемъ винъ не найився. Не вытерпивъ цыганъ, попытавъ у старого манаха: «Чого се такъ: якъ бувъ я тутъ днивъ изъ шистъ назадъ, декъ тоди що йили, а теперъ декъ не знать шо?»—«Кайся передъ Богомъ та молись Йому, щобъ простывъ тоби грихы. Що це ты выгадавъ? Люде теперъ Богу моляться, говіють, а ты задумавъ скоромне йисты. Ты жъ такы хрещеный! Чы, може, вашъ братъ цыганъ буває и нехрещеный?»—Мабуть хрещеный, одповидае цыганъ, тилькы мене пипъ якъ и хрестывъ, декъ не таке харамаркало, якъ ты.—Та й пишовъ. Пройшовшы геть одъ манастыря, цыганъ побачывъ, що била села чоловикъ на верьовци веде собаку. Поривнявшысь зъ тымъ чоловикомъ, цыганъ и спытавъ: «Куды це ты, братъ, собаку ведешъ?»—Веду до вербы вишаты, ледашо гусей давать, а якъ гавкаты, декъ и на смихъ не гавкне.—«Нашо тоби, чоловиче, задаваты соби клопоту та працы, веды краще въ манастыръ, декъ винъ тамъ и самъ здохне.»

Записаль В. П. Кошевий въ с. Лавахъ, Сосницк. у. въ 1896 г.

285. Цыганъ зъ того свиту.

Несуть люде ховаты мертвого та й плачуть. Зостривається цыганъ:

— Чого вы плачете? Чы вы подурили?

— Покійныка несемо.

— А хлиба жъ йому положили?

— Ни.

— Ну, болячки жъ винъ тамъ голодный улежить. Я самъ бувъ на тому свити та кулыдку хлиба ззивъ, а билшъ не було, такъ я й прийшовъ назадъ.

Черниг. у. Записаль Б. Д. Гринченко.

286. Обое кращи.

Прийшовъ разъ цыганъ до пана. Коло пана саме стояла поросятына и сало. Панъ снідавъ. Цыганъ пыльно подывивсь на пана та й пытае: «Пане, а мени можна йисты те, шо ты йисы?»—«Можна,—тільки те, шо тоби краще, те й можна йисты,—якъ сало краще, декъ—сало, а якъ поросятына, декъ—поросятыну.»

— Обое кращи,—одповідавъ цыганъ.

Записаль въ с. Лавахъ Сосницк. у. въ 1896 г. В. П. Кошевий.

287. Поповна за цыганомъ.

Въ Мигилевской губерни колись не вельми давно живъ попъ въ селѣ Юрковичахъ. Енъ чоловѣкъ бувъ вельми богаты, вевъ самъ себе въ чесности, и въ сего попа була дочка одна, такая красавица, ласкова ле всѣхъ людей. И батько вельми жалѣвъ, куплявъ ей хорошіе уборы и содержавъ еи въ барскомъ состояніи. И въ сего попа були лошади вельми добрые. Вотъ цыганчукъ по-

чувъ, що попъ продае коня, поѣхавъ къ попу куплять того коня. Приѣхавъ у дворъ къ попу, а попъ саме въ темъ время бувъ на дворѣ. Цыганъ и каже: «Драстуйте, батюшко! Я чувъ, що вы продаете коня».

Попъ каже: «Да, я продаю коня. Шо, ты купишь у мене коня?»

Цыганъ каже: «Куплю. Покажѣтъ минѣ коня, я поглежу.»

Попъ загадавъ свойму челяднику вывести того коня, що енъ назначивъ его продать. Челядникъ скоро вивѣвъ коня изъ хлѣва. Цыганъ поглядѣвъ на коня, поводивъ его по двору и стали торговать за цѣну. Ажъ вотъ вишла и попова дочка изъ комнатъ туды, де цыганъ исъ попомъ торговались за коня. Цыганъ хоть погано бувъ напрунуть, да тоже парень акуратны, красивы. Вотъ попова дочка не вгадала, що се бувъ цыганъ, да тихѣнько и питае у челядника: «Шо се таке за чоловікъ такъ плохо одѣтъ»? А челядникъ бувъ тоже парень шутливы и каже:—«А се екись паничъ купляе въ батюшки коня».

Баришне каже челяднику:—«Невже енъ таки бѣдны, що надѣвсе такъ плохо?»

А челядникъ каже:—«Нѣ, се енъ такъ, шо у дорогу убиравсе кудась, дакъ затымъ и напрунувсе такъ бѣдно. Я его бачивъ разъ въ городи, дакъ енъ видно богаты».

Вотъ баришне сама соби подумала: если енъ богаты, то я бѣ за его и замужъ пошла.—А цыгану тоже понаровиласе попова дочка, тоже подумавъ: вотъ екъ бы ена за мене замужъ пошла!

Такъ цыганъ съ попомъ не сышлись на цѣну та цыганъ пошовъ со двора до своихъ коней. А челядникъ поповъ пошовъ воротъ зачинять въ слѣдъ за цыганомъ да й каже: «Бачъ, еки ты цыганъ, шо на тебе и баришне позавидувала».

Цыганъ каже: «Дакъ якъ ена на мене позавидувала?»

— А казала, екъ бы ты багаты, то ена бъ пошла бъ за тебе замужъ.

Такъ цыганъ тоды засмѣявсе да поѣхавъ домой въ свое шатры. Приѣхавъ въ шатры, вотъ батько и питае:

— А що, ка,—мой сынъ Сидоръ, не купивъ ты въ. попа коня?

— Коня не купивъ, а невѣстку тоби багату наглядъ въ

— Де ты наглядѣвъ? Може наглядѣвъ де въ Юрковичахъ мужички въ постолехъ?

Сидоръ каже: «Э, екъ бы то мужичку, а то попову дочку».

Стары цыганъ каже:—«Э, екъ бы я за тебе взявъ попову дочку, то и мы бъ забагатѣли».

Сидоръ каже: «Поѣдемъ исъ своими шатрами да попросимось у Юрковичахъ постоять у мужиковъ».

Такъ стары каже: «Поѣдьмо».

Собралисе ѣхать въ Юрковичи на житте. Приѣхали въ Юрковичи, выпросились тамъ у мужика недалеко одъ попа стоять изъ своими шатрами. Вотъ цыганчукъ и думает: попробую попитать де нибудь у попсвой дочки, ти ена не пошла бъ за мене замужъ. Потомъ самъ собѣ каже: якъ же я буду знать, де ее побачить? Потомъ каже собѣ мовчки: пойду я къ челяднику и распитаю, куды ена ходитъ въ проходку. Пошовъ разъ увечери питать икъ челяднику, куды баришне ходитъ въ проходку. Приходить до двора къ попу, ажъ поповъ челядникъ саме зачинявъ ворота: попъ съ попадею поѣхали къ попу въ другее село на гулянне. Вотъ цыганъ такъ що уже бувъ немного знакомы съ челядникомъ, позрастувались; вотъ цыганъ и питае у челядника: «Кудась ты ѣздивъ, що ворота зачиняешъ?»

Челядникъ отвѣчавъ: «Се жъ я своихъ поповъ выправивъ на гулянне къ попу».

Вотъ цыганчукъ прибравсе хороше, питае въ челядника: «А баришне дома?»

Челядникъ каже: «Дома».

— Ну, дакъ можно минѣ ити съ тобою погулять икъ вамъ?

Челядникъ каже: «Можно».

Цыганчукъ изъ челядникомъ пойшли въ поповы кухни и тамъ розговарують вдвохъ. Вотъ почувла баришне, бѣжить скоро въ кухню посмотрѣть, хто розговоривавъ съ челядникомъ. Ввишла въ кухню, поглядѣла, ажъ у кухни бувъ тей паничъ, шо коня приѣжжавъ куплять.

Сказала: «Здрастуйте!»

И цыганъ отвѣтивъ тоже саме и ей ись почотностю. Цыганъ питае у баришне: «Де твой батько?»

Баришне отвѣчала:—«Батька мого нѣту дома».

— Ахъ, я хотѣвъ его побачить.

Баришне питае:—«На что онъ вамъ?»

— Де хочу коня купить у васъ.

Баришне опять понаровивсе цыганчукъ.

Ена каже:—«То можете обождать,—проходьте далей въ комлаты».

А цыгану се и надо. Цыганъ пройшовъ далей въ комлаты хорошо убранные, а челядникъ оставсе на кухнѣ. Цыганъ изъ баришнею довго гомонѣли то про все, а потомъ цыганъ начавъ баришню сватать. Вотъ баришне каже: «Якъ же минѣ за тебе ити замужъ? Я баришне, а ты цыганъ».—Потому, шо ена уже угадала, шо се бувъ цыганъ.

Цыганъ каже: «Ты баришне да за цыгана замужъ пойдешъ, и я буду тоды паномъ».

Баришне довго думала: шо на се цыгану сказать? Потомъ и каже: «Де, се правда. Мой батька багаты, а дѣтей у его нема больше, только я, то мы заступимо на се богаство, то и будутъ насъ люди звать панами».

Баришне подобѣшала ити за Сидора замужъ да

сказала: «Придешъ мене сватать, коли мой батько буде дома».

Сидоръ попросивъ хороше баришни, щобъ ена и тоды не отказувалась, екъ приде сватать ее сватами. Отправивсе цыганъ домовъ на свои шатры. Пришовъ домой и росказавъ усе своему батьку. Такъ стары цыганъ израдѣвъ и на другій день собрались цыгане и съ сватами сватать попову дочку. Взяли съ собою горѣлки и другихъ дорогихъ наливокъ, приходитъ вечеромъ къ попу въ комлату, кладуть пирогъ на столъ и ставлеють горилку на столъ. Попъ не знавъ, на що цыганы принесли горѣлку де пирогъ, питае у ихъ: «Ну, чего вы до мене пришли, цыгане?»

Цыганы съ насмѣшкою отговоривали: «Пришли, батюшка, до васъ коней мѣнять»

Батюшка каже: «Нѣ, я коньми не мѣняю. Вотъ за гроши купите, екъ хочете».

Потомъ цыганы начали заносить ему и про сваты, до попъ за се на ихъ такъ росердывсе и ставъ ихъ выганять изъ комлатъ. Ажъ идетъ и баришне въ тую комлату, де були цыганскіе сваты, да ѣ заговорила до цыганей: «Почемъ, папенька, знаете, ти пойду за цыгана, ти може и нѣ?»

Батюшка каже. «Хоть ты и согласна ити, да тебе не оддамъ за цыгана».

Баришне каже: «Не оддаси, то я и сама пойду».

Тоды батюшка пуще росердывсе на цыганей, призвавъ своего челядника и вдвохъ выгнали цыгановъ изъ комлатъ. Пошли цыгане въ свои шатры ни съ чѣмъ. А баришне тоды батьку своему сказала такъ: «Я теперь не могу жить на свѣтѣ безъ его».

Попъ и каже своей дочкѣ: «Якъ тебѣ за его ити замужъ, за цыгана?»

Ена каже: «Я баришне, а енъ цыганъ, а екъ пойду за его замужъ, то енъ тоды буде панъ».

Попъ думавъ-думавъ, что съ нею дѣлать? Но такъ якъ ена въ его одна дочка и енъ ее жалѣвъ, захотѣвъ угодить ей и сказавъ: «Дѣлай, дочко, якъ хочешъ,—иди и за цыгана замужь».

Черезъ нѣсколько время наказуетъ баришне цыгану, щобъ енъ приходивъ ее сватать. Цыгане порадились между собою и пошли опять сватать баришню. Приходить цыгане къ попу сватать баришни, то попъ хоть и ненавидѣвъ ихъ, да уже не споривъ.

Вотъ такъ попъ отдавъ свою дочку за цыгана и одгуляли веселле. Перевезли цыгане баришню въ свои шатри и навезли много разного багаства. Баришнѣ сперва показалось жить у цыганей весьма худо, потому що у цыганей не було пищи такое, якъ ена ѣла у батька у своего. И сперва цыгане не посылали поповой дочки на селы просить хлѣба и обманывать людей. Живеть барине въ цыганскихъ шатрахъ и само съ себе удивляется: «Якъ се могло случиться, що я пошла за цыгана и живу въ цыганскихъ шатрахъ? Нема минѣ такихъ привелегій, якъ у батька були, ни саду нема, ни земли своей, некуда и въ проходку ходить.» Разъ барине надумалась: «Пойду я до батька погулять по его садахъ». И пошла.

Приходить барине къ батьку въ цыганскомъ убранни. Попъ якъ зирнувъ на свою дочку, ажъ ена убралась по цыганскому, такъ тоды не придумавъ, что ей сказать, такъ ему жалко здѣлалось. Потомъ якъ нибудь попъ самъ соби розсовѣтувавъ и не ставъ журица по свое дочцѣ. Вотъ и розговоряласе баришне съ своею маткою кой про що, дакъ попада и питае у своей дочки: «Якъ тобѣ, моя донько, жить показалось у цыганей?»

А ена отвѣчала: «Весма плохо, матушко».

Дакъ попада тоды каже своей дочцѣ: «Э, моя донько, се ще тольки цвѣтъ, а ягоды будутъ. Се ены лѣ тебе исперва трохи луччей обходяца, а вось нехай поживешъ ище, то табѣ ище и похуже».

Погуляла барине у свого батька и пошла опять въ цыганскіе шатры. Приходить въ шатры. Старые цыганки поприходили изъ селъ, принесли всего: и хлѣба, и муки у вузлахъ, и бульбы, и другихъ разныхъ овощей. Вотъ молодой цыганчукъ и поповой дочки мужъ и каже на баришню,—звали ее Мотра:—«Погледи ко, Мотры, екого добра принесли наши цыганки изъ села. Щобъ и ты вже ишла изъ цыганками на селы просить хлѣба и разнo обманывать людей, ворожить на карты и разнo дурить людей».

Мотра и каже своему чоловіку: «Якъ минѣ просить, що я буду соромеца людей, потому що мене люде знаютъ, що я попова дочка?»

Вотъ цыганчукъ подумавъ, що ена и въ самомъ дѣлѣ не поиде на селы обманывать людей. Разъ каже своему батьку, старому цыгану: «Знаешъ що, тато, поѣдемъ мы далеко изъ сего мѣста жить».

Старый цыганъ питае: «Чого намъ ѣхать оттюля? Намъ же и тутъ добре жить».

— Да жить то добре, да моя жена соромеца ити на селы просить хлѣба и обманывать, потому що ее уси люди знаютъ, що ена попова дочка.

— Добре, мой сынъ, поѣхать то намъ можно въ другую сторону жить, да такъ, щобъ не знала твоя жена, коли будемъ собираца ѣхать, а ена буде искучать по своихъ родныхъ.

Вотъ дождали цыгане Покровы и стали собираца ѣхать въ другую сторону жить. Мотра и питае въ свого чоловіка: «Куда се вы собираетесь ѣхать?»

А цыганчукъ и каже своей жонцы: «Се мы поѣдемъ на ярмалку».

Собралисе цыгане совсимъ исъ усею своею худо-бою и сѣла баришне на цыганскіе возы и поѣхали кудась далѣ жить. Приѣхали цыгане на мѣсто, де думали жить. Вотъ дождали недѣли, и цыганки собираютца ити

на селы обманювать людей, а поповска дочка ничего и не думаетъ объ томъ, щобъ ей ити на селы съ цыганками. Цыганчукъ и каже своей жонцы: «Ну, а ты, Мотре, чого будешъ седѣть на шатрахъ?»

Такъ барине подумаетъ-подумаетъ: якъ минѣ просить? Да потомъ надумалася: пойду и я изъ цыганками; видно вже такъ: залетѣвши въ вороны, то треба и кричать по воронечи. И пошла Мотра вмѣстѣ съ старыми цыганками на села просить хлѣба и обманювать людей по цыганскому. Вотъ пришли ены въ село. Ихъ було три цыганки съ поповою дочкою. Вотъ поладилисе помежду собою такъ: старая цыганка сама по одномъ боку, а попова дочка да ише одна—по другому боку села. Вотъ уже приходица Мотри ити въ хату просить чого нибудь да ще только въ первы разъ. Дакъ ей такъ було стыдно, що ена ажъ заплакала. Вотъ вошли ены въ первую хату къ людямъ. Вотъ цыганка и умѣе уже якъ шо говорить. Сейчасъ и каже: «Добридень, людечки вамъ, ти живи вы ще?»

А люди отвѣчаютъ: «Здоровъ! А живы ще, будьте вы неладны, бисовы цыгане! Хыба се мы васъ не бачили сегодни? Вашихъ братчиковъ уже перебуло въ насъ душъ десеть».

Цыганка каже: «Дарма, мои дорогенькіе, нехай вамъ Богъ дае щасте и въ поли, и въ доми».

Старая баба седечи на печи екъ закричить: «Пойды икъ бѣсу, пранцовата цыганка, се видно тая, шо у насъ ножъ украла».

Цыганка каже: «Цыть, подожди, бабка! Не кричи, я тобѣ поворожу, ти ты ще будешъ довго жить на свѣти».

Баба ще хуже росердилась на цыганку, а попова дочка и стоитъ соби лѣ печи, ни слова не говорить, бо ей стало жалко и стыдно. Вотъ молода молодица одрѣзала хлѣба по куску, дала цыганцѣ одинъ кусокъ,

а други дае поповой дочцѣ. Вотъ Мотра бере хлѣбъ и слезы у ей на вочахъ стоятъ. Цыганка ще стала просить бульбы:—«Дай, моя молодочка, хотъ бульбинко мойму Сидорку на булдочку».—У ее бувъ малы хлопчикъ Сидоръ.

Молодица каже: «Иды ты къ бѣсу, дуросвѣтка ты!»

Цыганка каже: «Нѣ, моя донечко, я не дуросвѣтка. Осѣ давай я тобѣ поворожу про все, кину на карты».

Молодица каже: «Да пойди ты прочъ, невдобна ты, щобъ угадала про все. Може й ты такъ угадаешъ, якъ минѣ одна ворожила, колись, ище якъ я була у дѣвкахъ?»

Цыганка питае:—«А якъ тобѣ ворожила у дѣвкахъ?»

— А минѣ казала колись цыганка, що екъ пойду я замужъ, то буду щаслива и багата, ажъ отъ ека багата, що въ свѣты день и напрунуть нечего.

Цыганка каже: «Нѣ, моя дорогенька, я все по правди скажу, я дурить не хочу добрыхъ людей».

Молодица дала цыганцы бульбы трохи, ена ей поворожила кой про що и пошли. Цыганка подякувала: «Спасибо тоби, моя доненько!»

Пошли ись хаты, вышли на дворъ, вотъ цыганка и каже поповой дочцѣ: «Ты жъ чого не просишъ? Се хиба я и за тебе буду просить? Пора и тобѣ забуваться на поповскіе вѣхи,—проси вже ты, екъ увойдемъ въ другую хату.»

Увишли цыганки и въ другу хату. Цыганка опять поздравила людей по свойму обичаю, а попова дочка опять ничего не каже. Цыганка начала просить: «Подарѣть насъ, мои любенькіе и щасливенькіе!»

Хазайка встала съ лавки и дала имъ по куску хлѣба. Цыганка ище просить: «И соли дай, моя щасливенька, и сала кусочокъ на затовочку ле борщика.»

Хазайка и каже: «Идить, негодни, ись хаты! Ще тоби и сала хочеца, гуляючи. Мы и дѣло работаемъ, да и то сала николи и въ вочи не бачимъ.»

Цыганки пошли далѣй, обходили село и идутъ домой. Пришли въ шатры и начали вытрусивать изъ кайстеръ, що хто выпросивъ. У старои цыганки то сало, то бульба, усе ена напросила, и въ другой цыганки, у малой, тоже самое—всего напросила. Вотъ цыганчукъ, поповой дочки чоловікъ, и каже своей жонки: «А нужь ко, вытрусуй и ты свою кайстру! Чого ты зажуриласе?»

Мотра вытрусила свою кайстру, ажъ у сее цыганки Мотры кромѣ хлѣба не було ничего въ кайстры: ни сала и ни бульбы—ничого ничогенечко, кромѣ хлѣба. Вотъ цыганчукъ тоды и каже: «Се жъ мы съ тобою съ голоду пропадемъ, екъ ты будешъ такъ приносить изъ села».

На другой день рано чуть свѣтъ цыганки встають и собираюца опять ити на села обдурувать людей, а попова дочка еще спала и ничего не думала про се. Вотъ цыганчукъ екъ закричить на ее: «Вставай ты, колodka! Уже онъ свекруха и етровка собираюца ити на селы, а ты все спишь!»

Мотры нечего дѣлать, встала и пошла съ цыганками не вмываючись, не втыраючись на селы. Походили ены на селахъ и ввечери опять приходять на шатры. Цыганки изновъ вытрусують свои кайстры и опять принесли всего тимало, а попова дочка, кромѣ хлѣба, опять не принесла нечего. Вотъ цыганчукъ уже и росердивсе на свою жонку, потому що вже и батько на его сердца, що его жонка ничего не приносить, кромѣ хлѣба.

Вотъ полегли цыгане спать. Вотъ всѣ цыгане спять и цыганки, и дѣти спять, а поповска дочка исъ своимъ мужемъ не спять. Ена все цыганчука перезывала, щобъ ѣхать жить вдвоихъ къ ее батьку попу. Но цыганчукъ хоть молодой бувъ чоловікъ, а хитры. Подумае: екъ поѣду я съ Мотрою къ тестю на житте, то и менѣ буде такъ

худо жить съ попами, екъ моей жонкѣ съ цыганами. А цыганчукъ ее тоже вучить, якъ просить шо нибудь у людей.

И весьма довго поповска дочка бичоваласе съ цыганами по шатрахъ, а дали разъ ена надумаласе: подожди, я напишу свойму батьку письмо, щобъ приѣхавъ коли нибудь по мене. Разъ ена ходила по селу съ цыганками, вотъ ена зайшла къ жидамъ, купила бумаги, чорнила и написала письмо свойму батьку, щобъ енъ приѣхавъ по ее. Вотъ черезъ нѣсколько дней получивъ попъ письмо и прочитавъ его и розказавъ матушицѣ, шо въ письмѣ було написано, то имъ обомъ такъ жалко стало свое дочки, шо ажъ заплакали. Вотъ попъ черезъ нѣсколько времѣ пославъ своего челядника де ще одного чоловѣка на пары конехъ ѣхать по его дочку. Вотъ сіе посланы поѣхали въ неизвѣсное мѣсто по попову дочку. Кое какъ допитались ены про те село, де стояли цыгане. Остановилисе ены въ селѣ, думаютъ, якъ бы подать письмо поповой дочцѣ, а потомъ попросили того хазяина, шо стояли въ его на кватери; сказали хазяину: «Передайте пожалуста оте письмо поповни, шо за цыганомъ замужемъ, де такъ, щобъ и цыгане не бачили».

Вотъ хазяинъ теѣ взявъ письмо и понесъ на цыганскіе шатры. Приходить на шатры, ажъ Мотры нема на шатрахъ. Вотъ такъ розговоруе съ цыганами про все, а про письмо имъ не каже. Ажъ отъ черезъ нѣсколько времѣ приходитъ и попова дочка. Вотъ теѣ чоловѣкъ передавъ письмо поповой дочцѣ и пошовъ обратно додому. Поповна думаетъ: якъ же бъ минѣ прочитать письмо, щобъ никто не побачивъ. На другое утро старѣйшіе цыганки стали супъ варить, то шо, а молодую цыганку, поповску дочку, послали по воду. Вотъ ена пошла по воду и прочитала письмо, ажъ у письмѣ було написано, щобъ ена собираласе ѣхать додому. Вотъ попова дочка начала собираца додому и думаетъ: якъ же минѣ пойти отъ цыганей, щобъ ены не

побачили? Вотъ на третій день по полученію писма ище вельмы рано, всѣ цыгане спали, напренула цыганка, попова дочка, еку луччу одержу и взяла свое кой еке добро и пошла въ те село, де були извозчики. Приходить попова дочка въ село, допиталась, де були извозчики. Вотъ поповъ челядникъ. Запрегли скоро пару лошадей, поскладались все, що було въ поповой дочкѣ и поѣхали додому.

Вотъ приѣхала попова дочка на свою родину въ поповскіе комлаты. Батько ее такъ срадувавсе, що ажъ заплакавъ.

Вотъ повѣстали цыгане, начали супъ варить; вотъ стара цыганка екъ закричить на попову дочку, ей баца, що ена ще спить: «Пора тобѣ вставать! Се ты видно забуваешсе, що ты на цыганскихъ шатрахъ. Тобѣ видно баца, що ты въ поповскихъ комлатахъ. Уставай де иди по воду!»

Ажъ ее уже давно нема въ шатрѣ. Разглядѣлисе цыгане, ажъ поповской дочки нема. Вотъ ены тоды скидались шукать. Пошукали близь шатра, ажъ ее нема. Старый цыганъ и каже: «Не шукайте ее, ена вже видно утѣпиласе».

Записалъ Яковъ Бондаренко, крестьянинъ с. Деревины Городницкаго у. Сообщилъ В. Т. Андриевскій.

288. Жыдъ-выхрестъ.

У одного выхреста жыда родывся сынъ. Пойихавъ винъ до попа, щобъ охрестыты. За це пипъ просе карбованця.

— Якъ такы мозна, батюска, карбованця?.. Азде зъ якъ вы Моску хрестылы, то взяли карбованця; сцо тому зъ десять годъ, а цей вдсятеро менщый, то за його десять копійокъ.

X.

Преданія о лицахъ и явленіяхъ политическихъ (историческихъ).

289. Богданъ та Юрій Хмільныцьки.

— Се Хмільныцького гора *), на йій и замокъ його бувъ.

— Що жъ то за Хмільныцькый?

— А хто його знае: князь, чы панъ якыйсь. Винъ церкву у Суботови поставывъ, а сынъ його верхъ избывъ; пишовъ на батька да зъ нашойи горы и почавъ палыть. Бувъ бы чысто усю побывъ; такъ уже старшый бачыть, шо лыхо, та зъ йимъ и погодывся.

Г. Чигиринъ Кіевск. губ. Записаль М. Александровичъ. Изъ брошюры М. Александровича: «Изъ Канева въ Чигиринъ и обратно» (Черниговъ, 1860).

290. Б. Хмільныцькый та король.

— Ніякихъ гайдамакивъ я не зазнаю. Булы, кажуть, колысь, та давно. Отъ москали, такъ тійи жыда заризалы и корову укралы да за горою и облупылы, а жыдивка ледви утикла.

*) Чигиринъ расположенъ на мысѣ, образуемомъ Тясминою и болотами; предѣломъ его съ сухого пути служитъ Чигиринская гора. На ней прежде стоялъ замокъ и, командуя городомъ и окрестною мѣстностью, дѣлалъ Чигиринъ сильно укрѣпленнымъ пунктомъ. Объ этой горѣ идетъ рѣчь въ настоящемъ разказѣ. *Объясненія записывателя.*

Я не сталъ спрашивать, зачѣмъ москали сдѣлали такую глупость, и навелъ разговоръ на прежнюю тему.

— Ни, сього ничего не знаю,—отвѣчалъ онъ,—а кажутъ, що якъ була война, то якийсь Хмильницькый збунтовавъ и довго шкоду робывъ, одначе не втикъ; (де вже втикты!) Отъ и привелы його до короля; винъ навколяшки и впавъ, а король и каже:

— Ой, Хмилю, Хмилю! Высоко ты вывся, а нязько стелесся!—Та й помылувавъ його.

Съ того часу Хмильницькый покаявся, вже годи турбоватысь, осадывъ село коло Чыгрына, церкву збудовавъ да тамъ и вмеръ. Бачывъ я людей съ Чыгрына, такъ кажутъ, що й доси видно те мисце, де його замокъ бувъ, а церква цила стойить.

Г. Каневъ Кіевской губ. Записалъ М. Александровичъ. Оттуда-же.

291. Про Хмильницькыхъ. Про Мамаю.

Старшый Хмильницькый зъ ляхами бився и вельмы багато грошей у церкви (отъ у сій) поховавъ; а сынъ його не въ батька бувъ, ополячывъсь, побусурманывъсь да и прыйшовъ пидъ Суботово да зъ горы Валкы збывъ вежу, шо на церкви була, одначе грошей не досягъ. За те винъ и доси сновыгае по гаяхъ да байракахъ, гадюка ссе його сердце.

— Хыба то все одно, шо пополячытысь, шо побусурманывтысь?

— Воно не одно, та, бачте, ляхи тоди укупи зъ татарами воювалы. А се вже чы не писля Хмильницького було, якъ прыйхавъ у Суботово Мамай зъ запорозцями и ляхамъ багато шкоды наробывъ. Тутъ у лиси неподалечку е дубъ невысокый да рясный, Мамаемъ зветься. Кажуть, шо буцимъ то Мамай на йому казанъ вишавъ, да якъ задзвонить, то його хлопцы и бижать. А инши

кажуть, що через те, що и Мамай бувъ нывький, та дужый, якъ той дубъ.

С. Суботово Чигиринск. у. Кіевской губ. Записаль М. Александровичъ отъ крестьянина, владѣвшего въ то время усадьбой Хмельницкаго. Оттуда-же.

292. Орда въ Ведмедивци.

— Якъ я родивсь, то вже той замокъ *) бувъ, тилко пали були товщи. Колись прыйшла Орда, спалила мисто, а люде позбигались у замокъ. Довго думалы татары, якъ бы добыть його; піймалы якогось ляха,—забувъ уже якъ винъ прозывався,—и обещалы йому грошей, щобъ винъ одчывнвъ хвиртку, що була надъ ставомъ **). Винъ и одчывнвъ, воны вночы и влизлы. А тамъ у замку була попада. Вона якъ почувла, що татарва у замку, то вхопыла шаблю и була бъ не пустыла татарь, да ниhto йій пидмогы не давъ; вона втомылась, такъ йійи и зарубалы.

С. Медвѣдовка Кіевской губ. М. Александровичъ отъ старика лѣтъ семидесяти. Оттуда-же.

293. Про Палія.

Йо, знавъ я колись хорошу писню про Семена Палія,—да забувся, усе позабувавъ... Колись було стари люде и спивають, и розказують про козацьке лыцарство, а теперь и не почувешъ,—хыба часомъ, да дуже ридко. Десь воно такъ за панамы, що боронылы перше, чы шо?

*) Замокъ этотъ—пространство окопанное рвомъ и обнесенное полисадомъ при вѣздѣ въ с. Медвѣдовку. Въ 1858 г. онъ былъ еще почти въ цѣлости. *Объясненіе записывателя.*

**) Задней стороной замокъ прилегаеть къ пруду. *То-же.*

Отто и про Палія то колысь то я чувъ, казали одъ чого то пишло, шо його прозвано Паліємъ.

Ось слухайте лышень, я роскажу, шо ще памъятаю, а то забудьсь багацько.

Якъ завивсь винъ зъ Мазепою, то це вже послї, а першъ слухайте.

Разъ зъ рушныцею бувъ Семенъ на полюванні. Коля гляне,—ажъ на берези ричкы, на скели, чортъ грається. Семенъ пидійшовъ до його бльжче, а той и почны зъ Семена кривытыся та драгуватыся. Отъ Семенъ нацильвъ на його да й стрельвъ,—зъ нечыстого тилькы полумъя бльснуло, а винъ самъ такъ и розльвсь по сқели смолою. Одъ того часу й почалы уже Семена зваты Паліємъ,—бо чорта, бачъ, спальвъ.

— Ну, а чого жъ винъ зъ Мазепою завивсь?

— Про тее у насъ писню спивалы, дакъ забудься писню, а такъ роскажу.

Отто, вважаєте, воювавъ Палій, воювавъ, а дали гуляты почавъ; до воювання винъ добрый бувъ, да й коло чаркы маху було не дасть. Дакъ уже такъ загулявъ, такъ загулявъ, шо килькы у його було сриблзлота, такъ усе тее збувъ, гуляючы да частуючы мыръ хрещеный. А дали й до того дійшло, шо гуляты ни-за-шо. Шо тутъ робыты? Заставляе винъ у жыда Мошка свою сыву кобылу. А шо то за сыва тая кобыла була,—кохавъ винъ ййи надъ усе.

Довидався Мазепа, шо Семенъ не мечемъ, а чаркою побрязкуе, ажъ зрадивъ, бо никого не боявся винъ, якъ того Семена Палія. Отъ Мазепа й забунтовавъ тоди проты царыци.

— Проты якои царыци?

— Да вже жъ не проты якои, якъ проты Катерыны. Шле тоди царыця висько на Мазепу. А винъ висько побывае, генеральвъ у полонъ забирае. Шо тутъ робыты? А Потьомка ййи и каже:

— Не вправытыся намъ зъ Мазепою—хыба Палій по-
доливъ бы його, а мы—ни.

Шле царыця за Паліемъ на Украйину. Шукалы його,
шукалы, насылу найшлы у корчми п'яного. Выслуhavъ
винъ, чого хтятъ одъ його, шобъ то до царыци у Петер-
бургъ йихавъ. Отто сивъ винъ изъ тымъ посланцямъ
да й пойхавъ.

Прыйиздыть до царыци, а вона йому каже:

— Таке й таке дило. Поможы, голубчыку!

А сама такъ уже йому кланяється.

— Ну, гараздъ, каже, дайте жъ мени 'коня доброго,
бо у мене й коня нема уже.

Прыводять йому коня. Винъ выйшовъ, глянувъ на
коня—кинъ задрижавъ; узявъ коня за гриву,—кинъ за-
мертво упавъ.

Звелила царыця, шобъ привелы коня що есть най-
крашый зъ усихъ коней самойи царыци. Прыводять. А
кинъ то тамъ такый, що й не сказаты: ведуть його
штыри чоловикоы, а винъ ирже да выбрыкуе. Пидійшовъ
Палій до того коня, а винъ и уши опуствывъ,—стойить якъ
укопаний. Поклавъ винъ йому руку на гриву, а кинъ
такъ и упавъ на вси штыри ноги.

— Ни на чимъ йихаты,—каже Палій,—а пишки не йду.

— Охъ, голубчыку!—якъ заголосыть царыця,—шо во-
ля твоя—усе тоби дамъ, пивъ царства тоби оддилю,—
утыхомыръ тилькы мени того клятого Мазепу.

— Ну, гараздъ,—каже,—нехай же идуть до жыда
Мошка да выкуплять у його мою сыву кобылу.

Послала царыця до Мошка, привелы тую сывую
кобылу. А кобыла та така мизерна, що сами кисткы да
шкура. Якъ сивъ же на ейи Палій, якъ стрепенеться во-
на, якъ заграе пидъ нымъ—такъ и понесла його по-пидъ
лисамы, по-пидъ облакамы, по-пидъ хмарамаы. Прылетилы
воны ажъ до поля, де Мазепа стоявъ зъ виськомъ. Дож-
дався Палій ночи, взявъ свого спыса да й устромывъ

коло самого намету Мазепыного, а до спыса да ще й короговъ свою привязавъ. Прочынае вранци Мазепа да якъ глянувъ на корогву Паліеву, да ажъ зблидъ.

— Эхъ,—каже,—лыхо! Тутъ Палій бувъ, отсе и корогва його. Теперъ ничего не вдіешъ, бо Палій уже лыбонь пыты-гуляты переставъ.

Тоди вже то и годи воюваты, пишовъ винъ на замырення зъ царыцею.

— Ну, а Палій же що?

— Що? Що жъ йому? Мазепу смырывъ да й поихавъ соби до Мошка, або що.

Отъ мельника Уласа въ с. Городищахъ на Роси, версть 15 выше Бѣлой Церкви. Запись неизвѣстно чья.

294. Мазепына хрещеныця.

Стоявъ разъ коло Мазепыного дому часовый; пидходить до його якась жинка и такъ жалослыво почала просыть, щобъ винъ давъ йй свій хрестъ.

Часовый, чы злякався, чы такъ чому, тилькы хреста йй не давъ, и та жинка черезъ кожни симъ рокивъ зновъ прыходыть на землю и усе просыть хреста. Се, кажуть, Мазепына хрещеныця.

С. Выбли Черниг. у. Записаль М. Шульга. Сообшила М. С. Чудновская.

295. Гайдамакы.

Въ той часъ въ Лытви, трохи ты не въ Виленскій губерніи, бувъ атаманъ кашавый—той, що державъ Сичъ Запорозьку. Вынъ ихъ,—своихъ хлопцивъ—катеромъ па Днепру зновъ у Сичъ провадывъ; ы въ той часъ зновъ вылазты на берегъ у Мальгавахъ; ы выла-

зыть вынь,—а у насъ диты валы паслы; ы вынь вылизшы изъ катера ы пытае:

— Хадить, диты, сюды! Нате вамъ па шагу!

Дакъ катри дурны—утиклы, а катори разумнишы—прыйшлы. Ы пыта вынь, у котрого батько, у котрого матка е; а въ насъ сырота була—Гордій Саповычъ; ы говорыть на його:

— А пры кымъ ты живешъ?

— Пры тютци.

— А паидьмо,—каже,—за мною.

— Якъ ихать, пане, дакъ ы паиду: мыни ы тутъ худо жыть, ы тутъ ровно служу!

А кашавый атаманъ лацынныкъ бувъ,—шо яго нычого ны вызьме, ны куля, ны шо. Ы говорыть:

— Будешъ ты такимъ паномъ, якъ я!

Вынь ы наахотывсь. Той часъ йому веливъ одежу дать ы зъ собою взять; а тую адежу тютци обратно атдать, ы тютци бумагу пысать, шо такый узьяв ы не сподіятыся яго! Ы вынь праслужывъ тамечкы семнадцать гадуывъ; ы письма вывчывъ, ы лыцны всякои вывчывъ... Идутъ катыромъ па ахоти; ы намирывся другый стрылять; а лукавый заступае,—де утва седила, тамъ на лапкы ы зопъявсь; дакъ вынь, сыдячы на корми—Гордій Саповычъ,—шо узятый выдсиль,—да й усмихнувсь...

Ы теперечкы на счотъ то уремя було у кашавого атамана тры такыхъ хлопцивъ прегарныхъ; ы кашавый атаманъ ставъ помирать, ы зыбравъ увесь свій кишъ, ы въ його тры лацынныкы було: первый бувъ *Гордій Саповычъ*, другый—*Бондаренко*, шо Чернобыль воювавъ, шо ляхамы гребли гатывъ, третій бувъ *Рацьовъ*. Теперечкы вынь кишъ изобравъ ы говорыть:

— Ну, ребята! Хто буде въ насъ кашавый атаманъ?

Той говорыть:

— Буде Рацьовъ!

А другый:

— Бондаренко.

А кашавый атаманъ сказавъ, що буде Гордій Саповычъ, що вынъ буильше мене знае, що усмихнувся, издячы на ахоту.

Ну, теперечкы кашавымъ атаманомъ ы остановылы Гордія Саповыча. Паслужывъ вынъ саби симъ ліеть ы тымъ часомъ не захотивъ тамъ служыть: наживъ соби тамъ, що Богъ йому давъ, або що,—не захотивъ служыть! Выйшовъ у сваю господу. У насъ тутъ е Чумакова Гряда, де, тутъ вынъ живъ ы усе... А Рацьовъ чумакъ хотивъ чумаковать; тридцять возивъ мавъ, самъ мзавъ ы въ трое сутокъ тры часы спавъ. А Бондаренко забравъ соби хлопцивъ ы пишовъ у Полщу Ляхувъ ы жыдуувъ розбывать.

Гордій Саповычъ бувъ ахотныкъ; пашовъ за ахотою, а тымъ часомъ узято яго жуынку: Татары узялы ы зъ жинкою узялы дочку старшу ы сына меншого ы везуть: ы тутъ протывъ Ковалевого города ы Дуба, въ урочищи Маставымъ везуть, а вона галосыть:

— Гордій Саповычъ! А ты казавъ, що ты латынныкъ, а намъ теперь прыйшлося прапасты зъ дитымы.

Дакъ вынъ якъ стельвъ з-за Дуба—потому, що вынъ латынныкъ бувъ такый—да напустывъ на ихъ шуму, москалювъ,—ы вони напужалысь, ы вси у теки пошлы; той часъ вынъ атбывъ свою жуынку ы диты привизъ дадому. Диты перелякалысь обойко ы померлы. Вынъ поклавъ на ихъ дорогоценны уряды,—одъ того, що вынъ дуже багатый бувъ. Люде ы сказали:

— Не кладите дорогыхъ нарядивъ! Вашымъ дитыамъ не буде спокою! Хтось небудь одкопае!

Вынъ палаживъ каминня, ы то каминня хто бере выдтиль пидъ поригъ на ступенькы,—семъя обнедужае. Теперь той каминь укочуть, було, хлопци у воду, а вынъ выкотычыся на землю ы на тимъ мисци зновъ буде лежать. А теперь Богъ його зна, лита перейшлы не можемъ знать симы часамы, а ще литъ за десять бачылы—

Марусы (у насъ были такыя люди; вони пашлы на слободы у Карсунську губерню)—тіи брали камень: дакъ обнедужае семья, дакъ вызьмутъ ы одвезуть обратно назадъ.

Бондаренко—шо йому зробить— выйшовшы зъ нымъ втрюхъ,—набравъ хлопцівъ ы пишовъ просто до Ходкевича, а Ходкевичъ гусары має. А Бондаренко хадывъ на польскы, усе копався по малности: хто до мене прыстае, на того куля не йметь, ни що таке! Ўсю Чернобыльщину глумить. Ходкевичовы гусары понасыпали у чоботы земли ы прысягли: на чый земли стоимо, тому будемъ Богу ы вировать!—Ы ходылы зъ Бондаренкомъ два года. На третій покумовався вынъ у Чернобыли ызъ кумомъ; той гаворить:

— Ызложитесь мыни, щобъ я мавъ яго угостыть, кума!

Ы вынъ яго угостывъ; дакъ Бондаренко сказавъ:

— Хлопци! куды угодно! хто що нападе, то й ваше!

А гусары зрадылысь—нарада ихъ у те була давня—пистолы, шаблы, мечы поодбиралы. Поодбиралы мечы—прокынется вынъ, ажъ беда. Теперь ти прыбигають—одынъ иднымъ—а ихъ повъязалы, а котори на втыкы, шо бачуть—не сыла: у самого кашавого атамана орудіе адыбралы. Вынъ и гаворить:

— Куме мый, Галаганду! Збавы ты мене наглою смертю!

Ы тымъ часомъ смертю яго адынадцать сутокъ мучылы, а на дванадцаты одъ цырыцы прыйшло: шо не можете такого лачынныка збавыть! Дакъ вынъ самъ соби смерти пожелавъ; пославъ у поле найты, де той прыпилокъ, шо земля йде, шо орють—зриже землю:

— Отимъ мыни горло одпыляйте, а то ни чымъ мене—ны секирою, ни мечемъ, не зрубите,—тылько сынякъ зробите, шо зобъете мене крпико.

Рацьовъ чумакъ на 30 возоувъ хадывъ, самъ и возы мазавъ, ы волы пасъ, ы запрягавъ. Ы хадылы за нымъ гайдамакы: ы яго колеи знать кого Сапоновои Гуты,

де його вбыто; той закопавъ коло Мельниковыхъ Вылокъ
тры возы зализа ы кожу грошей.

Бондаренко бувъ чаловикъ-лацынникъ, а у Якы-
менка хороша була жуынка, дакъ вынъ гнавъ Якыменка
(ще не вбышы, быть:)

Ой пойхавъ Якыменко до млына зъ возамы;
За нымъ, за нымъ Бондаренко густымы лозамы.
Ой ы погнавъ Якыменка по зеленымъ лузи—
Стала жъ його голывонька въ пъянимъ выди й въ
тузи.

—Ой одпрягай, Якыменко, сывую кобылу!

—Ой не дпряжу, Бондаренко, хочъ самъ тутъ
загыну!—

Ой ы побигъ Якыменко да въ лись утекаты,
Зачепывся за колоду да ставъ помираты.

Прылетила зозуленька да стала коваты:

—«Ой Якыме, Якыменко! Може ты хочешъ йисты?»—

—Леты, леты, зозуленько, давай матки віесты!—

Прылетила зозуленька, сила на воротахъ;

Выйшла жъ яго матусенька въ червоныхъ чоботяхъ...

С. Сорокошичи Остерск. у. (?) Черниг. г. Записаль А. М. въ 1853 г.

296. Гайдамакы у Каневи.

Ото вже було дуже давно, ще мій батько бувъ
хлопцемъ, якъ тии гайдамакы прыйшли у Каневъ, усе
мисто спалылы чысто и церкву гречеську, що стояла
отъ на щій гори,—ненарошне.

А то якъ було прыйдуть до якого чоловика, то й
кажуть заразы:

—Веды насъ до жыда або до пана, у якого грошей багато.

А якъ хто скаже, що не знаю, то прывставить
пйштолетъ або рушныцю та й выпальть; багато ляхивъ
и жыдивъ пропало! А якъ повывывалы усихъ, мисто

чысто спалылы, тоди зибралы мужыкывъ та й дали имъ грошей може рубливъ съ тысячу та й кажуть:

— Поставте отуть, де мы жыдивъ и ляхивъ побылы, крестъ!

Такъ люде и поставылы, и стоявъ той крестъ ажъ до велькойи пожежи *). Довго тии гайдамакы блукалы коло Канева, ажъ поки прыйшлы съ того боку гетьманци и привезлы съ собою чотыри пушкы; тоди гайдамакы втикать, и ось тутъ, може верстовъ пъять буде, у лиси окопальсь и былысь зъ гетьманцямы и чоловика може съ чотыри вбылы, а дали въ распорошку пишлы да по лисахъ и поховальсь.

Тии гайдамакы таки булы характерныкы, що якъ хто въ його зъ рушныци выпалыть, то винъ тому чоловику кулю назадъ и кыне: «На тоби, може ще згодыться!» А иншый то й рушныцю заговорыть, такъ що той чоловикъ вже до вику не стрелятыме.

Булы у ныхъ сотныкы и атаманы, а надъ усимы бувъ Хмильныцькый, полковныкомъ прозывався, и довго зъ ными гулявъ. Якъ було спытають гайдамака, хто вашъ батько, то винъ и каже:

— Хмильныцькый, — мы уси Хмильныцького козакы.

А нисля той Хмильныцькый осадывъ слободу въ Херсонськый губернии на ричци Ягорлыци, и багато у його людей було.

Г. Каневъ Кіевск. губ. М. Александровичъ отъ глубокаго старика Алексѣя Гребенника. Изъ брошюры «Изъ Канева въ Чигиринъ и обратно» (Черниговъ, 1860).

297. Золота грамота.

Отъ зъ чого почалась та гайдамаччына. Ляхы пановалы и дерлы народъ, а ченцямъ и промытой воды

*) Пожаръ былъ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, въ 1818 г. *Прим. запис.*

не було. Запорозци якось и прихалы до Мыколаевського монастыря на прощу. Ченци жъ и кажутъ имъ:

— Поможить намъ, бо ляхы скоро зъ насъ и шкуру здеруть!

Запорожци жъ кажутъ:

— Якъ намъ царыця Катерына дасть позволеніе, то и лядського духу въ Польщи не буде *).

Одынъ зъ ченцивъ бувъ у царыци пысаремъ и руку їи знавъ, то пидъ їи руку и пидпысавсь и показавъ запорозцямъ; вони якъ побачылы, то й почалы ляхивъ бытъ, а разомъ зъ ими и нашъ братъ пиднявся. Ляхивъ усихъ за суччу ричку проперлы. Одначе якъ тїи запорозци поповерталысь у Сичъ, то ляхы ше горїй почалы народъ дерты:

— Вы,—кажутъ,—суччи диты у гайдамакахъ булы.

С. Медвѣдовка Кіевской губ. Записаль М. Александровичъ. Оттуда-же.

298. Понятовський та царыця Катерына.

У великый пистъ прыйхавъ винъ **) у Каневъ. Царыця була тоди у Кыиви, а якъ и вона прихала, то винъ и подарувавъ їй Польщу, вона й узала, такъ и войны не було. А Понятовського зробыла мынстромъ у Петенбурси; такъ винъ не схотивъ бытъ королемъ, а бувъ у їи мынстромъ.

*) Западную Украину жители Херсонской губ. и теперь (запись напечатана была въ 1860 г.) называютъ Польшею. Подъ словомъ ляхи слѣдуетъ разумѣть только дворянское народонаселеніе польскихъ провинцій. *Прим. запис.*

**) Станиславъ Августъ. *Прим. запис.*

— Черезъ що жъ не схотивъ винъ быть королемъ?

— А черезъ те, що паны його не злюбыли и хотилиъ вбыть, такъ винъ и подаровавъ Польшу царици.

Г. Каневъ Кіевской губ. М. Александровичъ отъ глубокаго старика
Алексѣя Гребенника. Оттуда-же.

299. Конфедераты.

Я швецъ, и мій батько бувъ швецъ. Винъ ще бувъ парубкомъ, якъ паны збунтовали на свого короля. До короля далеко, такъ вони тимъ часомъ почали людей мурдовать. П'яни понапиваються та й издять, и вже де молодыця гарна, або дивка то ніякъ не вбережешъ. Разъ до дида прыйшли уночи та й кажуть батькови:

— Де у васъ тутъ Польша?

А въ насъ одинъ ривъ Польщею прозывается. Батько бачыть, що вони п'яни, и не схотивъ весты, такъ одинъ якъ вриже його шаблюкою по руци!—руку и розрубавъ. Мусивъ батько йти. А якъ дойшовъ до Польщи, то пидъ гору и втикъ, а вони на коняхъ, то йимъ и невозможно його наздогнаты.

С. Медвѣдовка Кіевск. губ. Записалъ М. Александровичъ отъ Степана Опанасенка. Оттуда-же.

300. Запорожци на Кубани.

(ПРЫКАЗКА).

Лежить Запорожець у своїмъ курини пидъ возомъ и не може головою знести, якъ изъ рички изъ Ковбани воды прынести: видра не було, бакла не случылося... Пишла жинка у сыричуватыхъ постолахъ воды прынести та й спиткнулась, пидковзнулась та й упала, та й прыйшла, та й плаче: «Лучче бъ було панщину ро-

быты, якъ отакъ на воли жыты».—Не журыся, жоно, объ томъ, есть у мене голова Антонъ нашъ Гладкый—винъ головъ и поголыть, та усе жъ намъ козацкую славу зробить!—

Г. Тульча въ Добруджѣ. Э. Кондратовичъ отъ вдовы Маріи Михайловой.

301. Про смерть козака Половаго.

Изъ письма П. А. Лукашевича къ В. П. Горленку, 19 марта 1855 г., изъ м. Березани.

«Нѣкоторыя пѣсни я записалъ мимоѣздомъ, ѣдучи въ Крымъ, тоже въ 1832 году на мѣстѣ бывшей Запорожской Сѣчи въ селѣ Покровскомъ Никопольскаго уѣзда. Недалеко отъ сей слободы, принадлежащей барону Штиглицу, до моего туда приѣзда года за два, размѣщены были для расквартированія въ Никопольскомъ уѣздѣ остатки запорожскихъ козаковъ, которые вышли во время турецкой войны изъ Турціи съ атаманомъ своимъ Гладкимъ; онъ, какъ извѣстно, переправлялъ Императора Николая Павловича чрезъ Дунай. О нихъ тогда мнѣ рассказывали слѣдующее:

Въ числѣ этихъ козаковъ былъ прежній служилый запорожскій столѣтній козакъ, по фамиліи, помнится, *Половый*; предвидя свою кончину, онъ приказалъ двумъ козакамъ вывести его въ поле и, поддерживаемый ими подъ руки, спросилъ:

— А гдѣ то мисто, гдѣ була Запорожская Сичъ съ Покровскою церквю?

Его поворотили къ тому мѣсту. Умирающій сталъ на колѣни, взглянулъ на это мѣсто, читалъ молитвы и умеръ въ такомъ положеніи».

Сообщилъ В. П. Горленко.

302. Звидѣы узялась панщына.

Ото разъ давно ще, за Катерыны, зибралыся паны на сеймыкъ та й говорятъ промижъ себе:

— А зробимъ но, панове, панщыну!

— Добре, кажуть, давай, зробимъ!

Ото кожный панъ (якъ напрыкладъ грапъ нашъ) склыкае зъ кожного села по дванайцять чоловика. Зъ того села дванайцять, зъ другого дванайцять, зъ третьего дванайцять... Ото чы въ хати, чы на двори въ пана поставылы столы, наварылы всячыны, поставылы йисты й пыты, горилкы, усього... Просытъ панъ:

— Сидайте, добри люде, йижте, пийте, контентуйтесь!

Найилыся люде, напылыся, музыка грае—нагулялыся. Дякуютъ панови:

— Спасыби вамъ, пане вельможный, шо такъ уконтентувалы насъ до схочу, спасыби!.. Чого жъ вы видъ насъ хочете?

— Ой, люде добри, хазяйи чесни! Небагато зъ васъ хочу! Тяжко мени зъ велькымъ господарствомъ. Я й наймаю людей, и гроши плачу, та все нема ладу. Не вспиваю хлиба зибраты: осыпається. Якъ бы диты ваши спромоглы мене—подарувалы йиденъ день на тыждень.

— А, Боже нашъ мылосердный! Пане нашъ ласкавый! Щобъ диты наши та не послухалы пана йиденъ день на тыждень?! ну-ну!.. Даруемо вельможному панови йиденъ день на тыждень: чы то велька мащя?

Ото може черезъ пивроку, ба, може й скориче знову паны склыкають по дванайцять чоловика зъ села, знову закладають бенкетъ... Господы, чого тамъ нема? Усього, усього понаставляно: и пыты й йисты, и йисты й пыты... Веселяться люде. И зновъ просятъ паны людей, щобъ подарувалы ще йиденъ день на тыждень... Добре, най ще день. За третымъ разомъ—ще йиденъ день да-

рують. Такъ вони бенкетували, ажъ поки людямъ не лыщылось и одного вильного дня. Отъ якъ выдурили паны одъ людей вильнисть—пышуть вельку бомагу до царыци Катерыны: Такъ и такъ,—кажуть,—люде добре-охотно згодылыся робыты на насъ шистъ день на тыж-день. Царыця глянула на те пысьмо—бачыть, шо люде добре-охотно згодылыся, та й прыклала свою руку. Отъ и минулася воля.

Въ понедилокъ раненько—стукъ-стукъ у виконце:

— Добрыдень!

— Дай, Боже! а чого?

— На панщыну!—забула?

— На яку панщыну?

— А на пана робыты!

— Оце але, маю и свойи роботы доволи, а то ще на пана. Не хочу!

Ги-и! Якъ вытягли на вулицю, якъ почали лупцюваты,—то й мусыла йты на панщыну. А стари батькы, шо запродали панамъ дитый свойихъ—зо страху поховалыся. Згодомъ трохы зибралыся на раду—радылы, радылы—та й напысали й соби прошеные до царыци, шо ось такъ и такъ—не хочемо пидъ панамы буты. Глянула Катерына на те пысьмо, та й видпысуе людямъ: «Шо жъ, люде добри, на вищо жъ вы добре-охотно згодылыся робыты на панивъ? На шо жъ вы за чарку горилкы голову свою застромылы? Теперь ничего не вдю, руку свою прыложила». И справди ничего не помоглося. Якъ настала панщына, то терпили нашы праиды, диды, батькы—та й мени, старому, довелося скоштуваты того добра. А оце й воля прыйшла, якъ у Вынныци чагунку насыпаты стали.

Въ 1890 г. записаль М. М. Коцюбинскій отъ 94-хъ лѣтняго нищаго Василя Вихля, изъ с. Стаднищ, Винницк. уѣзда, Подольской губ.

303. Кармалюкъ.

I.

Отъ що я чувъ, то и вамъ скажу про Кармалюка. Кармалюкъ, кажуть, дуже любывъ въ лиси сыдиты. Отъ разъ иде Кармалюкъ лисомъ и мавъ переходыты черезъ дорогу; але це було въ недилу рано, и ставъ Кармалюкъ край дороги, але дывыться ийде баба до миста. Якъ встритылась зъ нымъ, то каже йому:

— Добрыдень пане!

А Кармалюкъ видказуе:

— Дай Боже здоровля!

Та баба скоро бижыть, але я не знаю, чы вона на ярмарокъ спишытья, чы Кармалюка бойитыся.

Кармалюкъ бабы пытаецыся.

— Ты не бойишся Кармалюка?

А баба йому видказуе:

— Нехай його гримъ забъе, бодай винъ не дочекавъ дитей!

Такъ дуже клене, що ажъ страхъ. Кармалюкъ каже:

— На тоби, бабо, тры гроши, и якъ будешъ у мисти, то купы мени цвашкивъ, но не забудь, купы!

А баба каже:

— Добре, добре, куплю.

И пишла та баба своею дорогою до миста; а Кармалюкъ ще стойитъ надъ дорогою; але иде друга баба и каже Кармалюкови:

— Добрыдень!

А Кармалюкъ видказуе:

— Дай, Боже здоровля!

Пытаецыся ийи Кармалюкъ:

— Ты не боишся Кармалюка?

А та баба йому каже:

— Чого його боятыся? Хыба винъ не такой самый чоловикъ хрещеный, якъ и мы? Винъ справедливый, винъ

бидныхъ людей не обижае, винъ богатыхъ обдырае, а биднымъ виддае,—то чого жь його боятысь?

Кармалюкъ выинявъ зъ кыщени сто карбовонцивъ и давъ ти баби въ руки та й каже:

— Я есть самъ Кармалюкъ, йды зъ Богомъ, колы ты не бойишся Кармалюка.

И та жинка пишла до миста. А та баба, шо давъ йй Кармалюкъ тры гроши на цвашкы, пишла до миста, купыла цвашкивъ и йде назадъ тою самою дорогою, а ййи вже давно чека Кармалюкъ. Якъ вона стрилася зъ нымъ, то Кармалюкъ ййи пытається:

— А шо, купыла цвашкивъ?

— Купыла.

— Давай йихъ сюды!

И баба выняла зъ за пазухы цвашкы въ папири завенени и дала йихъ Кармалюкови. Кармалюкъ взявъ у руки и зновъ пытається:

— Боишся Кармалюка?

А та баба зновъ стала його прокльнаты на чимъ свить стойить, а нарешти каже: Боюсь.

Тоди Кармалюкъ звернувъ ту бабу и набывъ йй тыхъ самыхъ цвашкивъ, котрыхъ вона купыла въ мисти, въ пъяты и каже:

— А то не бйся Кармалюка! Я есть самъ Кармалюкъ.

Та й пишовъ у лись, а жинка налякалась и лежала такъ якъ нежива, докы ййи не взяли.

II.

Одынъ разъ гнавъ чоловикъ до миста козу продаваты. Але його здыбае Кармалюкъ и пытається.

— Куда ты женешъ ту козу?

— На ярмарокъ продаваты.

— Отъ на тоби сто карбованцивъ, иды, наймы музыкы и накупы йисты, и справляй у себе баль.

А чоловикъ каже:

— А якъ буде мене панъ быты?

А Кармалюкъ видказуе:

— Не бійсь, не буде быты; а якъ схоче быты, то скажешъ, що казавъ тоби баль робыты Кармалюкъ.

Той чоловикъ послухавъ Кармалюка, пишовъ до миста, наймывъ музыкы за двадцять карбованцивъ и сказавъ, щобы на вечоръ до нього прыйшли граты. А вже ввечери панъ слухае, десь музыкы паньски грають. Винъ сказавъ фурманови запрягты кони и йихаты, де то грають музыкы. И прыйхалы до того бидного чоловика и ставъ на подвиру,—ажъ минуться, чекае, закымъ поросходяться гости.

А тымъ часомъ якъ панъ стоявъ у того чоловика, а Кармалюкъ прыйхавъ до нього на подвира съ своймы козакамы; козакивъ лышывъ на подвиру, а самъ пишовъ въ покойи, и якъ прыйшовъ въ покойи, то заставъ въ покояхъ тилько стару паню и каже до нейи:

— Давай гроши!

А вона не хочыть, а кажыть, що нема. А Кармалюкъ крыкнувъ до козакивъ, щобы ишлы. Козаки попрыбигалы и давай пани пидошвы ризаты; паня не вытерпила и сказала, де гроши. Кармалюкъ забравъ гроши, и якъ выходывъ, то напысавъ на брами, що: «Никого, пане, не вынуй, бо то я забравъ гроши, и чоловика того не зачипай, бо якъ прыйиду, то жывый не будешъ». Кармалюкъ забравъ гроши и пойихавъ, а панъ якъ прыйхавъ, то тилько почухався та й мовчыть, бо никому жалуватысь.

Записаль парубокъ крестьянинъ Андрій Дулякъ въ с. Лопатинцахъ Ямпольскаго у. Подольской губ. въ 1892 г. Доставилъ М. М. Коцюбинскій.

304. Писня про Кармалюка.

— А я люблю оцю писню (про Кармалюка), та въ насъ ййи не спивають.

— Не вміють?

— Ни, вміють, та не можна: вона въ насъ заклята.

— Якъ то заклята? Хто ййи заклывъ?

— Батюшка. Го, знаете, у насъ изъ цією писнею така штука була. Я сама не знаю, а це вже розказували матка й сестра старша. Це не въ нашій церкви. У насъ церкви нема, а мы ходимо въ Смолынъ. Такъ це не въ Смолынській церкви було, а въ Пакульской. Тамъ, значть, такъ стало, що якъ правиться служба, такъ воно й спивае цю писню про Кармалюгу. Батюшка служыть, а воно спивае.

— Та хто жъ спивае?

— Я не знаю... Кажуть, шо нечыстый, чы шо. Да такъ, кажуть, люде страхаються, ажъ изъ церкви выходють. Такъ батюшка обявивъ, шо буде його закльнать.

— И закльнавъ?

— А якъ же, закльнавъ. Людей насходылося—и—и багато! И моя сестра старша ходыла.

— Ну якъ же батюшка закльнавъ? Сестра чула?

— Шо тамъ вона розбере! Значть, якосъ тамъ вычитувалы.

— Шо жъ, не стало спиваты?

— Одъ того дня не стало. Такъ теперь и не спивають у насъ цієї писни. Батюшка не звеливъ,—сказавъ, шо вона заклята.

С. Жеведь Черниговскаго уѣзда. М. Н Гринченко отъ дивчины
въ 1899 г.

305. Крипакы дожыдалы воли.

Моя матка розказувала, шо якъ ише булы панськымы, то оце було орють на поли, а старецъ иде, то вони й бижать до дороги та пытають старця:

— Дидусю, чы скоро воля?

А винъ каже:

— Скоро вже, диточки, скоро.

То вони пооддають йому свои лусточки, а самы увесь день голодни. А якъ иде старецъ изъ бандурою, то те жъ попрыбигають та просять заграты, та повиддають йому лусточки за те, шо грае, поставляють плугы, а самы якъ заходються танцюваты. Ну вже жъ якъ и попадутся, то й пудъ розкамы потанцюють добре.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко, въ 1899, отъ дивчины.

306. Про Т. Шевченка.

Тарась являється людямъ трычи на день: рано хлопцемъ, удень чоловикомъ, а ввечери дидомъ.

Записаль въ 1880 г. на Шевченковой могилѣ отъ селянь Е. С. Грибинюкъ.

XI.

Преданія о лъстностяхъ.

307. Преданіе о ручьѣ „Буковище“.

въ с. Юриновкѣ Новгородсѣверскаго у. Черниг. губ.

— Не пагнѣвуйся, Оедька Трахимовичъ, я маю папитаць, чи нѣма нашайи рѣчки Буковища у книзи? Вы людзи хоть и млады, да на чужбини пабували, нехристьянъ павидали и нашимъ Юрнавцамъ то то, то сьо, бачъ, па письменному карпаяце: то чи не бачили ейо тамъ па вописи?

(Записыватель сказалъ, что рѣчка не важна, чтобъ быть извѣстной).

Няважна?

Да вы нязапамятуяце, — вана кались була — и Божачка мой, яка правялика, що и вокамъ ня скинишъ! Нѣ, вы смяетесь, — наша рѣчка йость на бумази.

— Не знаю.

— Якъ ня знате? Стала бытъ вы ня всьо въ бумази перечитали. Вы папытайця у малаго дятьоначка, и той зная, да й дякъ нашъ, Иванъ Кузьмичъ (бачъ, вонъ письмака, да ище якій ловкій), — той разъ разказувавъ... Бачъ, вонъ найшовъ у церкви — у книзи, а вы нѣ.

— Слухайтя жъ, кали не гнушяетесь! Се було, — рас-

казувавъ майму бацку бацкинъ бацка Антипъ, а бацка мини,—за Бѣлага царя Петра, за Святаго Оядоса, що просвятывся въ Чарнигови и праклятаго мацапуру—Мазепу, що змянивъ Бѣлому за хлѣбъ-соль и передався Швейцамъ и аглицкимъ людямъ, — да ище тады, кали наша Юрчавка була падъ манастыремъ. Бачъ, жила у Юрнавци маладыца вѣдьма ище съ хвостомъ, звали яйи Степанида, а у яйи була дачка Хадора. Вотъ такъ лѣтамъ, не скажу вамъ кали, — чи передъ Петромъ, чи передъ Спасамъ святымъ,—Хадора пашла купаться—да й утопись... вонъ тамъ—подъ вербами, супративъ шинку. Канечна, такъ було на раду написана, такъ Богу святому угодно; но якъ пачула акаянная матка, такъ и взблянилась, будцомъ дурнапъяну абѣлась, — кричить да вищить, галосе и кляне рѣчку; да изъ сердца взяла и швирунула у яйи горячую, якъ жаръ, сковараду, примовивъ: вотъ тябѣ.

(Тутъ старикъ остановился, снялъ съ головы еломкъ и, перекрестясь набожно три раза, какъ бы нехотя, шепотомъ сказалъ: «Сказана, не при насъ говорено, съ нячистымъ зналась,—ей не жаль було православнаго народу». Далѣе продолжалъ уже громко):

— Тади рѣчка изъ Юрнавки перешла въ Бялицу; а сама вѣдуга, надѣлавъ много пакасти православному народу, згинула безъ святаго сакрументу лютою смертію: яйи скорчило, языкъ выперло, раздуло, — и канчилась три дни, пакуда людзи не дагадались да не сняли столи, не ототкнули верха и не разбили балонокъ. Бацка казувавъ, що вана акаянная хадила мертвая дадому и часто хлопци, якъ пасли на начлѣжкахъ каньовъ, то бачили, якъ вана галасила тамъ, идѣ утопилась яйи Хадора. Да й вашъ прадзедъ, якъ прабивавъ акаянную асиновымъ каломъ, то бачивъ, що ляжала ниць и рягала. Такъ вѣрна Богъ наказавъ акаянную.

— Нѣтъ, — сказалъ я ему, — все, что говорятъ люди про рѣчку—это басня, ложь.

— Якъ!—какъ бы въ ужасѣ вскричалъ онъ. — Ахъ вы жъ якія! Да вы папитайтя у млада и стара, и тая вамъ скаже, шо правда. Да и Тимохавъ бацка Забалотный расказувавъ, якъ пахавъ кала Деряжни, то бачивъ, шо ишла изъ Юрнавки наша рѣчка въ Бялицу дѣвкою—въ красной плаhti, съ манистами, личманами и червоными стьожками на шийи, въ пригожихъ сярьожкахъ, въ панчохахъ и чорявикахъ, съ растрепанай касой и вельми плакала, выла и галасила, ажъ дуброва стогнала! Бачили хлопци, бачили дѣвчата, бачивъ пакойный Качубей, якъ вана сядѣла на цамри, шо на криници, вокала бялицы, и часала касу сваю,—а якъ вонъ кашлянувъ, такъ въ воду и згнула. Ну, и тяперь наймиты вѣры? Да пажалуста, я вамъ вялю, пашукайця ка у церкви, у книзи; да кали найдице, тади и мяни скажице!

С. Юриновка Новгородсѣверскаго у. Черниговск. губ. Записаль ученикъ Черниг. Духовн. Семинариі Ѳеодоръ Богославскій. Изъ «Черниг. Губ. Вѣд.» 1854.

308. Озеро Синее.

Въ Новгородсѣверскомъ уѣзлѣ, между селомъ Каменкою и деревнею Дупликовою, на полѣ, есть озеро «Синее». Оно окружено со всѣхъ сторонъ непроходимымъ очеретникомъ и лозою, и ведетъ къ нему только одна узенькая тропинка, проложенная, вѣроятно, для водопоя. Окрестные старожилы говорятъ, что никогда лодка самага искуснаго пловца, достигнувъ середины этого озера, не возвращалась назадъ, и что не одинъ уже смѣлый парубокъ сдѣлался жертвой своей отваги. Под-

шучивая надъ храбростью какого нибудь хвастуна, говорятъ:—А вже жъ ты храбрый, и мы се знаемъ: може ще й Сынее переплывешъ?—Или:—Ты бъ переплывъ и Сынее!

Изъ этого озера идетъ, какъ бы нарочно вырытый ровъ, на пространствѣ около трехъ верстъ и оканчивается въ лѣсу, извѣстномъ въ народѣ подъ именемъ «Желѣзница», у подошвы одного небольшого холма. О немъ разказъ полуслѣпного старика:

— Вы може коли чули про Зелезницу? Тамъ и доси е — слыветь вже зовсимъ зравнявсь—бугоръ. Вотъ калысь ще не въ запамятныйи годы, тоды нехристи въ притузи держалы православныхъ, и люде спасалысь, де хто попавъ; а набальшъ хавалысь у лиси. И отъ въ тые крутые годы жылы два чаловика и у насъ тамъ въ лиси, що теперацки зовуть Жалезница; тады ще не звали ййи Залезницаю, а такъ сабы—пуца та й пуца. Нихто, навирну не скаже, якъ йихъ звали — хто каже Кузьма и Демянъ, а хто—инше. Да й дякъ, бачъ, гаманивъ, що не ваны, а хтось другый живъ, — бачъ вонъ па книзи все вѣдае. Ну, да се дарма... се друга казка... Тилько воны булы ридные браття; жылы въ симъ лиси, малились Богу ивыкапавши зъ земли кузню на бугарку, що казавъ я, начали кавать железно да прадавать православнымъ и симъ кармить себе. Зъ тыхъ поръ сей лись якъ «Зализница», такъ «Зализница»,— и теперь кали хто пытае тебе: Куда идешъ?—Въ Зализницу.—Гдѣ будемъ орать?— Въ Зализницы.— А косить?— Въ Зализницы.— Такъ отъ разъ литомъ, откуда ни паявись, чи вана гадына, чи то така звярука — хто вже яйи зна, тилько вона ни давала пропуску ни чалавику, ни бѣдной скатынцы,—такъ цѣлыкомъ всяку всячину и ковтала. Папужалысь бѣдны люде, никуды ни ходять, ни ѣзять—ни па грибы въ дуброву, ни па дровы, и въ хати трясутця, ажъ кожа ходаромъ ходе,—мовъ отъ лихоманки. Ска-

тына зъ голоду на загороди пухне, бо сино въ дубровы. А дали пошла ся змяюка на сихъ братьявъ, що спасались въ Зализницы. Ваны якъ забачили, то й спужались; вбегли въ кузню, яка вона тамъ була вже въ йихъ,— та й заперли двери; а вана акаянная, подбѣгла и давай гризть йихъ. Що дѣлать въ такой притузи? Порадились та й рѣшилися зкавать саху и запрегти, бо вже ничимъ помогты горю:

— А може жъ Богъ и поможе уходить ейи акаянную!—гамоне братъ брату.

— Охъ, навдаку, братику роднынъкы,— отзывается другы—се, кара.

— А вже жъ що буде, то буде!— промовляе старшій,—а свое будемъ дилать,—давай ковать!

Вже саха гатова, и вана двери прагризла и языкъ въ шелку прасунула. Одинъ братъ,—не скажу вже вашій милости сяго—чи старшій, чи малодшій—распекши клещи, да хвать за языкъ!.. Вана суды—туды,—никуда небораку и повырнутыся—языкъ клещами вывертають; а другы атчинывъ квартиру, выскочивъ да й запрегъ въ саху,—таку пакуту на яйи налажили... Тады вже кой якъ ваны зправились, забриталы яйи небогу, да адынъ клещами за языкъ веде, а другый одною рукою хутка соху въ землю запырае, а другою зелизнымъ кнотомъ наяруе. Отъ вана оттуда проарала, ажъ до сіого балота,—вонъ до тыхъ поръ иде вото плавъ. Тады ще не було балота, а була невеличка лужа... Да якъ змарнила акаянная, впала са всѣхъ ногъ и давай жрать зъ сяйи лужы воду; жрала, жрала, да й тамъ лопнула: такъ згинула

Тады ать вони довго повзъ се озеро нельга було ни пройты, ни пройхать; вода адъ сійи погани праваялась и зробылась сыньюю. Зъ тыхъ поръ се озеро и началы звать «Сынее» та й «Сынее». Патъ канецъ вода начала въ йомъ прибувать да прибувать,—такъ, що и близко нельга вже здѣлалось подайти, и стало вано та-

кее жъ пражирливе, якъ тая гадина, що втапилась въ йомъ. Отъ аткуда взялось «Сынее»,—взялась канава и лись назвали «Зелезницею».

Теперь, паничу, не въ пагнивъ будь сказано, хоть ваша милость и знае «Зелезницу, да вже вана далеко не та, що була — и сотои доли нема! Кались я запамятую ще тилько небо да земля,—и, Божа!—яка правялика була пуца,—теперачки зкаренилы; знавъ иде и кузня була братьявъ; бывало тамъ зъ хлопцами жужаль и зелезьяче кой яке збирайимъ, якъ пагонимъ було каньовъ пасти. Да й народъ було—чи хто занеможе, — скорей жужали одъ братьявъ да напоють чаловика въ притузи: його лыхо й праходе марно на сухи леса. Теперь вже и сяго нема.

Новгородсѣверскій у. Черниг. губ. Записаль ученикъ Черниг. Духовн. Семинариі Феодоръ Богуславскій.— Изъ «Черниг. Губ. Вѣд.» 1854.

309. Про Глуховъ.

Разскаъ старожила *).

Башта була Московська и Киевська и крипость кругомъ. Башта Московська разобрана билшъ двадцаты годовъ, Киевська стоить, а була проты ей на другимъ конци города, де теперь крамни лавкы камъяни, розійшлысь, за Спасомъ: трохы бльжчъ, на тры сажени сказати, одъ произду мыжъ лавками; поставлена була та башта Московська не прямо на сей шляхъ, що въиз-

*) Разскаъ знакомить нѣсколько съ прежнимъ видомъ Глухова, до пожара 1784 года, и дополняетъ живыми красками очевидца официальную картину этого пожара, переданную публикѣ благодаря извѣстному почетному любителю отечественной старины, въ 30 № Ч. Г. В. (Всеподаннѣйшія донесенія Гр. Румянцева). *Примѣчаніе редакціи «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» (1852, № 32), откуда заимствованъ этотъ разскаъ».*

дять у городъ зъ того боку, а мовъ бы на яръ укрьвилась и одъ еи ишовъ шляхъ такъ, якъ стоить теперь домъ Котлярова, черезъ двирь, а сей домъ якъ ставылы (годъ дванадцять буде вже), яму саженой въ дванадцять одкопалы, мо, погребъ який бувъ за дедивъ. Башта була въ валу, бо и изъ сего боку йшовъ валъ наливо надъ яръ, а направо на путывльський шляхъ, и по гори по краечку зверта въ обаполы на Киевську башту; за валомъ шинковая продажа була: Вынокурки жылы (такъ и прозвыще имъ було—Вынокурки—хазяины таки), за городомъ, за валомъ, на ливо одъ Спаса. Пры Куракыну выганялы насъ, плата —звисно—була, тамъ уже якъ усимъ платылы: отъ мы валъ розривнялы... березкы въ пушу сажалы, булеварты робылы; скотъ заганялы и свиной, и на острогъ бралы, щобъ не хадылы. Було такъ годывъ чотыри, а потомъ того булеварты розвалылыся.

Нашъ увесь городъ выгоривъ назавтра Спась, тому вже годъ шесдесятъ; с. Билополовка, Виригень и Усовка осталысь, а городъ на гори ввесь; зъ Поганого-Ставка почало, въ городи тилько духовне правленіе осталось: лавкы, дома, церкви— все якъ не було. Кладбыська-поминальная церковь Вознесенія не згорила. Церква Михаила Архангела оттуть, де Хаменко живе, надъ валъ, стояла; якъ пожаръ бувъ, престолъ перенесли и колокольню перевезлы сюды у Троици. Манастирь Дивичій тогди жъ згоривъ, а сыльна була постройка страхъ, не одинъ десятокъ и не два престоалы стины, дакъ якъ довелось разбивать, оце годъ п'ять, яму щобъ засыпать, дакъ мы не привмылы шо казать имъ, рубалы якъ камень-щырець... — Тогди вольна продажа була, — дакъ горилкы на Спаській улыци розлылыся: Боже мій!—земля горыть... Бочки зъ дегтемъ, де лавкы булы пудъ валомъ, дакъ ихъ зорвало на воду и на води горилы... Одъ поганой хаткы завелося ото, баба стовпци пекла,

одъ Поганого-Ставу; на городъ саме витерь бувъ изъ Москвы...

На казенній гребли машина за Кыевською баштою стояла и два млына. По однимъ лотоку тры колеса ходылы, подсобойни булы, а не наливныи;—то вже мельницы якъ поставылы, дакъ по тры колеса булы наливныи. Ии не вырвало бѣ (машины), дакъ греблю роскопалы—черныговскый Бахуровъ спустывъ воду, якъ мость строилы. Тутъ рыбы що було народъ поповравъ...

Государевъ дворець стоявъ, де теперь лыпки, де Куксынъ домъ. У ему Румянцевъ живъ.

Ярмалкы становылысь: Троицкая, Ильинская по Путывльскому шляху, де теперь манежи и Салдатська Слободка,—воно часомъ и теперь Старе-Ярмалкове зветьця, по улышньому;—а Михайловъ день и Новый годъ—Васыльевская ярмалкы булы у самому городи. А теперь уси по Кыевському трахту на Виригени.

Подымне платылы трыдцять копійокъ зъ двора.

На Билополовци поставлена камьяна церква до мене ше.

Г. Глуховъ Черниговской губ.

310. Преданіе о построеніи церкви св. Иліи въ Черниговѣ.

Въ Черниговѣ разсказывають среди мѣщанъ, что церковь св. Иліи выстроена каменщиками, достроившими соборъ Мстислава. У нихъ былъ атаманъ Илья. Увидѣвъ, что плотники берутъ шабашки, онъ, а за нимъ и его каменщики то-же начали брать шабашки—кирпичъ, изъ котораго и выстроили церковь. Строили они ее по праздничнымъ днямъ. Сперва каменщики не хотѣли работать въ праздники, считая это грѣхомъ, но

атаманъ объяснилъ имъ, что строить церковь въ праздникъ не грѣхъ. Въ честь атамана церковь названа была Ильинскою.

Черниговъ, 1896.

311 О м. Красномъ Колядинѣ.

(Черниговской губ. Конотонскаго уѣзда *).

I.

Давно, ще якъ я бувъ маленькымъ, живъ у мого батька старый престарый дидуганъ; винъ не лазывъ зъ печи и ходывъ зъ оселедцемъ, якъ стари люде ходылы. Такъ винъ намъ, малымъ хлопцямъ, и росказуе, було, про наше село. Казавъ ще винъ, що зазна Ромень чыстою и бигучою ричкою, що по йому байдакы и стругы великы ходылы **).

А теперъ чортъ-зна-шо, просты мене Господы болото—не болото, а такъ щось таке. Ще я зазнаю:

*) Въ углу, образуемомъ изгибомъ р. Ромна, стоитъ на правомъ возвышенномъ берегу, прислонясь другой стороною къ вѣковѣчному лѣсу, мѣстeko Красный Колядинъ, посрединѣ мѣстечка находится неглубокій прудъ, называемый *Краснымъ ставомъ*, черезъ который проходитъ широкій ровъ соединявшійся, вѣроятно, нѣкогда съ р. Ромномъ. За новою деревянною церковью находится возвышенность изъ взгроможденныхъ одинъ на другой кургановъ,— это мѣсто называется *замкомъ*. Замокъ этотъ представляетъ видъ острова, потому что здѣсь р. Ромень обтекаеть его съ трехъ сторонъ, а съ четвертой находится глубокий яръ, который, очевидно, былъ прежде рукавомъ Ромна и обтекалъ этотъ островъ и съ четвертой стороны. На этомъ островѣ и теперь видны остатки вала, составлявшаго крѣпость. *Изъ описанія записывателя.*

**) Слова стараго рыбака подтверждаютъ тѣмъ, что недалекъ отъ города Ромна нашли остатокъ кормы большого судна, кажется, барки. *Записыватель.*

якъ Ромень дуже була гарна ричка, якъ вырвала уси гребли, ше тоди утопывся хлопець Очеретянчыкъ; а теперь весною у бридъ можна перейты. Такъ тоди по Ромну стругы ходылы. Ромень, вы знаете, тече поузь Соснивку; тамъ жыла пани Покорська съ сыномъ. Сынъ бувъ такый гарный панычъ. Винъ бувъ разъ у гостяхъ у айворонського пана. Ото якъ ставъ винъ плысты на пороми додому, пиднялась велика хвыжа, — поромъ и одирвало зъ вирьовкы. Отъ винъ бачыть, шо лыхо, узявъ та й кынувсь посередъ ричкы зъ конемъ у воду зъ порома. Отъ, маты, стара Покорська, якъ почула се, дакъ такъ росердылась, шо й Боже! Прокляла Ромень! А клятва та слезы матерынськы—звисно яки. Ото вони стали сушыть Ромень. Дакъ съ того часу и начала ричка персыхаты, а теперь зовсимъ стала болотомъ. Дакъ уже передъ самою смертю стара Покорська сказала, шо тоди буде чыстою ричкою, такою, якъ була першъ, якъ хлопець семылитокъ на кони, тожъ семылитци, найде у болоти очеретынку: половынка золота, а половынка срибна, та й вырве ййи; дакъ вода и його, и коня його залле, а ричка упъять зробыться чыстою и бигучою.

II.

Ще колысь, не за нашойи памъяты, розказувавъ мени старый дидъ, шо у насъ живъ, шо на цьому мисци, котре й теперь замкомъ зветься, стоявъ великый замокъ, кругомъ которого стоялы высоки стины, на стинахъ було крый Боже скилькы гармать! Оцимъ усимъ замкомъ владивъ ляхъ Коляда. Винъ бувъ дуже багаты и дуже злы, — багато перемучывъ народу. Гайдамакы дознались о такихъ неправдахъ Коляды и пидплылы у темну ничъ пидъ замокъ. Сталы збираться на стины, колы ляхы й побачылы гайдамакывъ. Заразь давай одбываться одъ нихъ; а наши, котри булы у замку, змо-

вылысь та й одчынылы вoроты. Отъ Коляда якъ побачывъ се лыхо, дакъ заразь насыпавъ багацько возивъ зóлотыхъ та срибныхъ грошей и одправивъ на село тайныкомъ, который выходивъ ажъ у село, на долину де теперь ставокъ. Отъ Коляда и звеливъ выкопаты тры колодязи и насыпавъ туды гроши; потимъ звеливъ розгатыты греблю, дакъ вода зъ Ромна и пишла, и затопыла всю долину. Ти колодязи теперь е въ ставу, тилькы ихъ неможна знайти, бо занесло муломъ.

III.

Мени старый росказувавъ, що якъ було йому, прымирно, литъ п'ять, дакъ уси люде, опричъ старого батька, котрый лежавъ на печи—нездужавъ, пишлы на Велькдень до церкви. Отъ, якъ стали такъ якъ на Достойне дзвонить, щось якъ загуркотило!... Мы выбиглы зъ хаты, колы наша церква сїдае въ землю, тилькы мы й побачылы хрестъ святой,—церковъ зо всимъ народомъ провалылась крузь землю. Тилькы на тому мисци, де церква стояла, инколы люде чують, що звонить пидъ землею.

М. Красный Колядинъ Конотопск. у. Черниг. губ. Записаль Н. Трубицкий отъ рыбака 90 лѣтъ. Изъ «Черниг. Губ. Вѣд.» 1858.

312. М. Понорница.

(Кролевецкій у. Черниг. губ.).

Давно вже ся штука була, добродію, що ще я вамъ казатему; ни дѣдъ муой, ни прадѣдъ сього не зазнá. А все таки и теперь у насъ е чималенько людей, що тее жъ расказують — видно таки тутъ не безъ правды.

Тутъ де наша таперъ Панарныця, була колысь, зволте знать. пуша, гушина да еры булы, кажуть, такіе, що безъ хреста на шійи да безъ добрайи дубыны на плечахъ и прайты було страшно. Було, кажуть, чиѣде хто, чи йде тою пушаю, некому не пруйдыще безъ пришты: або засвыще що по лѣсу, або засмееще, або чупырне пудъ коней да коней злека, такъ що не адному, прасля ціѣ дароги, прыходылось сорочку надѣвать пазухою на спину. Отъ хто його зна и адкуль не вазьмись—хто каже палякъ, хто—такъ екась невѣра, збудававъ въ туой пуши хату, да й паселывсь наче въ батькавшини. Спершу людцѣ Божи думалы, що то нечиста сила ека, а деле пригледылись—чалавѣкъ, туольки, звѣсно, на хрещеныхъ не пахожи. Вадкуль вуонъ узявсь, чего вуонъ тутъ живъ, що вуонъ тутъ рабывъ—усѣ бажалы знать да пудступитъ до його не въ кого фабрости не було. Такъ прайшло гадуовъ два, чи й лучше. Негде вуонъ не бувавъ, не зъ кимъ не гомонѣвъ, живъ собѣ у лѣсѣ неначе вавчуганъ тей та й годи; зустрѣне було, кажуть, чаловѣка и насупыть пику въ въ землю; чи магайбу хто, чи шо друге—вуонъ не пары зъ устъ, наче не до його. Спершу то людцѣ хрещене и геть, кажуть, баялысь ціѣ невѣры, а якъ пригледылись да разшалопалы, що вуонъ самъ баище людей—давай глузовать. Именья його нехто не знавъ, спитать нѣ у кого, а сусѣду не жить же безъ именья—його и прозвалы—панура, за те, бачъ, шо, наче та панура, пику держить у землю. Ну, панура, панура—й мала нужды. Чи астапранцяватѣло то паляку таму жить такъ, чи шо друге, туольки вуонъ взявсь присля за розумъ—обчалавѣчивсь трохи, ставъ гомонѣтъ зъ людми, хадыть па селахъ, а деле и кунпанью вадыть зъ сусѣдами. Да шо, кажуть, за бестыя була! усе вуонъ знавъ, про всячину гомонѣвъ до кожного ласкаве слово умѣвъ приладыть—його, кажуть, усюды и вподобалы. Скуольки

такъ прашло гадовъ—не знаю, туольки, кажуть, скоро людцѣ Божи разшалопалы, що тей палякъ—вовкъ въ авечуой шкури; що вонъ хочъ и гарна про все гомонить, да правды въ його бесма. Ходыть, було, кажуть, у жупанахъ, а плаче, що хлѣба нема да наровить, якъ бы въ кого мешочокъ барашенця выдурить. Звесты людей на лайку да на буюнку йому падай; прапыть чалавѣку астанню капѣйку—вуонъ паможе! обцыганить кого, обдурить—його дѣла; а якъ да чого дуойдыще, вуонъ и правъ; зъ усього й выкрутеще, наче його негде и духу не було — звѣсна кательцька натура! Якъ разшалопалы, що за птыця палякъ цей, дакъ то звали Панура, а то прибавили ще ницій за те, що лукавить усюды. Такъ и пашло: Панура-ницій, або Ницій-панура; стали звать и старе, и мале, другого ему и имения не було. Асвуйчильсь людцѣ съ тымъ лѣсамъ, де живъ Панура, да и сабѣ де яки бѣдалаги стали тамъ куренѣ будавать,—зробывсь хуторець, а въ йому Панура слыве атаманомъ екимъ. Прасля, не скоро, кажуть, зробилось сельцо, Пануры вже и духу не було, а йде було кажуть, чы ѣде чаловѣкъ у те сельцо:

— Куды?—спытай.

— До Пануры—ниці!

У насъ теперечка мѣстечко наше величаютъ Понорница, або ще й Понорница, да тыльки жъ що въ насъ, а де я не бувъ, дакъ його усюды зовуть Панурныця.

П. К. въ Поворницѣ Кролевецк. у. Черниговск. губ.

313. Легенда о Поганомъ полѣ.

Кольсь *), якъ ишовъ войовать шведъ на Билого нашого цара и ставъ на симъ поли да й пославъ гонцивъ

*) Жаль только, что записавший эту легенду о Трифонъ Стефановскій передаетъ ее не въ такомъ видѣ, въ какомъ она

до цара, що винъ иде до його въ гости и жеде витатись зъ йимъ на симъ поли; а до Мазепы пославъ другыхъ, щобъ и винъ, и його козацтво икъ йому приста-лы иты вмести на билого цара. Дакъ не такъ зробылось. Билый царъ позвавъ його въ друге мисце да й давъ йому и Мазепи табаку такъ, що не обзыраючысь насылу попали у Бендеры. А якъ стоявъ винъ на тимъ поли, то живъ тогди у Плоскому отаманъ Миргунъ Билыменко, чоловикъ сукретный и письменны. Въ його була дочка Катра, да така прегарна, така хороша, що якъ краля, якъ намумльована. Самъ хорунжий хотивъ ййи сватать, якъ бы лихо ййи не спиткало. Якъ заговорыть, дакъ мовъ шебече, а заспивае, дакъ пречъ твй и соловейко!

Отъ вона разъ изъ товаришкою своєю, Фесею Шевченковою, пйшла въ гай за губамы. Де не возьмысь чотыры шведы! Заразъ йихъ поймали, и такъ якъ Катра була прехороша, то вистымо, щобъ угодыть своему старшому, повелы ййи въ шатерь, а Фесю хотилы одпустыть. Дакъ Катра вчепылась за нейи и каже:

— Коны мене ведете, то ведить и мою товаришку.

Воны туды и Фесю. Продержалы йихъ у шатри може изъ тыждень. А батькы да маткы сумують, плачуть и не знаютъ, де дивалысь йихъ дочкы. Коны жъ вони и прыходять. Пытають йихъ, а вони, вистымо, тее лихо зъ ляку, давай брехать да божытця, що ходылы до родычывъ у Кукшынь*) и Хотыновку въ гости. Ну, такъ йому и быть, да ни—шыла въ мешку не втайишь! Все наши дивчата охкають да сумують, не ходять на улыцю, до храму Божого не витають и ховаютця одъ людей,

разказывалась старожиломъ, а подѣлалъ нѣкоторыя свои измѣненія для плавности разсказа, въ чемъ и самъ признается. Впрочемъ редакція усердно благодаритъ его за этотъ памятникъ народности.
Прим. редактора Ч. Г. В.

*) Сосѣднее селеніе. *Записыватель.*

мовъ зазуля по крапыви. Дакъ де вже схватця! Стало гласно по всьому селу, де вони були, а парубки, гуляючы на улицы, взялись сміятця да гукать:

- Передай кодолу! (?)
- Другый крычить:
- Котору?
- Катру развору!
- Кому?
- Поганцямъ шведамъ!..

А инчи писеньку спивае:

Пошовъ Миръунъ до млына,
Мироньха спать лягла,
А Катруся—люба донька—
Къ шведамъ тягы дала.
Прылетила зузуленька
Да й стала коваты,—
Затужыла Катрусенька,
Не выходыть съ хаты.
Не плачь, не плачь, лебедыно,
Така твоя доля:
У гай иты за губамы
Була твоя воля.
Крыкнувъ пивень опивночи,
Въ поли завыхрило,—
То шведонькы въ походъ идуть—
Катри занудыло.
Прощай, прощай, Катрусенько,
Прощай, сира утко,
Изъ-за моря далекого
Шведъ вернется хутко.
Ударылы изъ гарматы
На пилтавскимъ поли,
Полетили зъ плечь головы
Въ шведовъ по неволи.
Летыть гонецъ зъ пидъ Пилтавы,

На-взаводы скачѣ,
Що вси шведы леглы лоскомъ—
И Катруся плаче.
Плачѣ, Катрусю, плачѣ, небого,
Такъ тоби судылось;
Щобъ не вернувсь шведъ никола—
Тоби се й не снылось.

А ще гирше стали говорити да сміятця Катри и Феси, бо до году обидви зробылись накрывками. Феся жъ свою дытну на роду утлуныла *), а Катра на свить Божи пустыла. И де то вже такее лыхо сховати!

Заразъ йихъ обохъ на громаду. Вони, ничего вже робити, признались де булы, що и якъ. Громада й прысудыла:

— На обохъ живцемъ сорочки спалыти!

А посля того кажуть:

— Ни, Феську простыти, що вона на свить Божій поганойи кривы не пустыла, а Катру одвести до отця батьошкы—яку винъ наложыти покуту, такъ тому и бутъ.

Отъ Мирзунъ слухавъ, слухавъ да й каже:

— Ни, панове громадо, не такъ, а ось якъ буде: я свойму дытяти батько,—моя сыла, моя й воля!

Прывъйивъ Катру додому, распытавъ хорошенько—що, де и якъ? а посля взявъ заступъ да лопату и пошовъ на те мисце, де поганого старшого стоявъ шатерь; выкопавъ яму да изновъ вернувсь додому, забравъ Катру зъ дытною, прывъйивъ до ямы да й каже:

— Не спомынай же мене, моя дытно, лыхымъ словомъ... оце тоби хата!

Катря въ голось, до Бога руки знимае, за ноги батька хватае, крычыть и рветця, у груди бьетця, а Мирзунъ ничего того не чуе, мовъ лозакладало, да въ могылу ййи прямуе. Отъ, ставъ ййи закыдаты землю,

*) Уморила. Запис.

дакъ неякъ не засыпле: усе Катра пудныметься вгору. Що робить? Звисно, чортяка заразъ йому указавъ. Винъ вырубавъ колокъ, застругавъ його, ускочывъ у яму, убывъ той колокъ посередъ ямы, звязавъ Катри ноги й руки да й прывъязавъ до колка. Оттутъ то Катри у ями и повернутця не можно. Засыпавъ ййи живую зъ дытнюю землю. И прышовъ додому опивночи, да хотивъ лягты спать. Отъ задремавъ... Якъ схопытця буре, якъ пудныметця выхоръ—хоромы трещать, двери въ синьцяхъ и въ хати росчынылысь, гремьть, реве, блискавыця смалыть, а пидъ викнамы усе щось неначе тужыть да голосятъ. Винъ—що робить?—давай передъ образами страсну свичку ставыть,—свичка тухне; давай хрестытця—хрестъ не кладетця; давай мольтця—слова не промовыть...

Стало свитать... Винъ боржій до отця Ивана, все йому, якъ на папири росказавъ. Отець Иванъ, выслушавшы, йому и каже:

— Поганю жъ ты, пане Мыроне, зробывъ; аже жъ не такымъ гришныкамъ, а ще гиршымъ, мылосердны Богъ прощае, а ты молодій людныи, свойій дытныи, не простывъ и дви души зъ свиту стребывъ. Воны не по своей воли такій пидпалы доли, за сее тоби мій судъ такій: симъ литъ нема прычастя, симъ годъ у храми не бувать и хвалы Божойи не слухать, а въ Воскресенные (свѣтлый праздникъ) якъ уси мыряне будутъ иты на всеношну до храму, то ты боржій бижи на ту яму, де закопавъ свою дытну, и якъ почувешъ, що вона тоби скаже: «Воистыну воскресь!» тогди й покути твойій конецъ. Богъ и я тебе прощаю.

И шожъ послы сього? Нашъ Мырѹнъ не выживъ и трохъ дней: бигавъ, гукавъ, сміявся, казывся да пидъ тыномъ звалывся и Богу духъ отдавъ...

Якъ бы да теперь хто умеръ, то бъ полежавъ руськи мисецъ, выглядяючы станового да дождыдаючысь ликара, а то Мыроныха заразъ до пан-отця и дяка... Прыхо-

дять, зобралысь люде на похоронъ, кладуть його въ домовыну и понесли, спиваючы *Святый Боже...*

День ангельски тогди бувъ: не було на неби и маленькой хмаркы. Якъ прынесли до ямы и стали його упускать туды, — де не возьмысь хмара, насупило, якъ ничъ, схопылась бура, выхоръ, выкинуло Мырона зъ домовыны и закотыло не знать куды. Гледять, ажъ у домовыни лежить той колокъ и верьовка, що винъ привъязувавъ дочку, якъ ййи закопувавъ. Оттуть то уси полякались и розбиглись—куды хто попавъ, тилькы отець Иванъ били маръ усе хрыстытця да чытае: Святъ, Святъ, Святъ!..

На другый день Мыроныха поклыккала де-яку родню, бо зъ чужыхъ людей усякъ боявсь туды прыступыть,— знайшлы Мырона за повверствы одъ ямы: лежить, чубъ стрымыть дыбомъ, зубы выскалывъ, очи вытрещывъ и чорны, якъ сажа. Изновъ уси полякались и не знаютъ, що тутъ робыть, а послая перехрестылысь, напылысь горилкы, якъ и теперь водытця на похоронахъ, выкопалы коло його яму, положиы на дручче и внеслы зъ домовыною у яму. Сталы закъдаты, дакъ нивидь щось стогне да тужыть. Прыслушаютця, ажъ мертвецъ зубамы скрыгоче и нимо мовляе:

— Просты мени, моя доню, простить уси, добри люде!

Що жъ послая того? Якъ наложывъ отець-батюшка покуту на симъ литъ, то симъ годъ усе у тую ничъ, въ яку Миръунъ закопавъ дочку, пуднымалась велька бура и выхоръ, и булы такйи смильчаки изъ паробкивъ, що якъ тилькы пудныметься бура, то ходылы на ту могылу, де Катра захована да ледви видтуля до дому допихалысь. Такъ усе за ными щось вые, плаче, тужыть, а инколы крычыть: «Просты мини, мій тату, простить уси, добри люде!» Отъ, одъ тыхъ поръ и по сей день якъ начали, дакъ и начали те поле *Поанымъ* звать.

С. Плоское Нѣжинск. у. Черниг. губ. Записаль священникъ Трифонъ Стефановскій въ 1856.

314. Могила Деречыха.

При истокахъ р. Удая, на границѣ Борзенскаго и Прилуцкаго уѣздовъ, съ востока на западъ, вдоль южнаго возвышеннаго берега рѣки, идетъ рядъ холмовъ, между которыми мѣстное населеніе выдѣляетъ «могилу Деречыху», расположенную нѣсколько въ сторонѣ, еще далѣе на югъ. Деречыха—большая могила съ двумя глубокими котловинами посрединѣ. Вокругъ нея въ разныя стороны радіусомъ расходятся распаханныя, но еще замѣтные валы. Вотъ какое преданіе сохранилось объ этой могилѣ въ с. Рожновкѣ, Борзенскаго у.

«На Деречыси, кажутъ, жылы колысь шведы и вельку обиду робылы нашымъ людямъ: було поймають чоловіка, закнуть у льохъ та й годують канхветамы та волоськымы орихамы, ажъ покы стане такой сытый, шо урижъ пучкы, то й кровь не йде; тоди заколють якъ кабана та й йидять. Мою бабу тежъ поймали. Пишовъ дидъ изъ бабою, молодымы ще бувшы, на Удай по опенькы. А по Удаю тоди рослы гайи та лозы здорови. Бачыть дидъ, шо шведы наскочылы, пидирвавъ михъ та й сховавъ пидъ михъ. Баба и соби туды, дакъ дидъ: «Куды ты,—каже,—заберуть и тебе, й мене». Баба тилько закрыла дида, ажъ тутъ и шведы. И взяли ййи.

Дойшла чутка до гетьмана у Батурынъ, шо шведы обыжають народъ. А винъ саме затявъ вѣйну вельку,—дакъ вѣйська у його зовсимъ не було. Трохы зибравъ и хотивъ иты на шведивъ. А сынъ його каже:

— Пиду я, тату, прожену шведивъ.

— Э, молодой ще ты, сынку, гетьмануваты: одурять тебе шведы.

— Ни, не одурять.

— Ну, йды!

Отъ пидходить гетьманенко до Деречыхы. Шведы вѣйшы йому на зустричъ, просятъ до себе на родыны.

Винъ пишовъ до йихъ у замокъ. Справди: и жинка стогне, и дытна крычыть. Сталы його частувать, та й пиднеслы такого, що винъ тамъ и сконавъ. Выйшли тоди шведы до козакивъ та й кажуть:

— Идить, люде добри, додому почеськи, бо вже вашъ гетьманенко на *) лежыть.

Козаки не вираять—якъ? шо? Вынеслы йимъ шведы гетьманенка. Узялы його козаки та й повезлы у Батурынъ. Заплакавъ гетьманъ, поховавъ сына. А тутъ же вйська нема! Отъ винъ зробивъ млынъ, до валу привязавъ довбешкы, попрычиплювавъ барабаны та й повизъ той млынъ до Деречыхы. Витеръ вие, барабаны пидняли торохняву таку, що якъ зачулы шведы, то подумалы—хто його зна й яка до йихъ сыла прыступае—злякальсь та й втекли ажъ за Чорне море.

В. Т. Андриевскій въ с. Рожновкѣ Борзенскаго у. отъ 70-лѣтняго козака Омелька Бондаря, въ 1898 г.

315. Ричка Роменъ.

Жыла соби одна удова козачка зъ сыномъ. Ничого на свити вона такъ не любила, якъ своего сына; да й берегла вона його, якъ свое око. Однакъ, якъ вона за нымъ ны глядила,—не вберегла його, и винъ утонувъ у ричци Ромни. Маты, якъ почувла се, давай тужыть; усе тужыть да й тужыть. Росердывшысь на ричку, вона узяла да й забыла тее жерело, видкиль вона текла, а дали узяла да й прокляла ййи. Отъ посли сього ричка й стала тее жъ болото. Якъ не стало ричкы, дакъ люде якыйись хотилы одбыть ййи, а маты сына, того, що утонувъ, сказала тымъ людамъ, що вони пропадутъ, якъ

*) Слово не разобрано.

изроблють те, шо думаютъ, бо вода вырветься и затопить ихъ тамъ. Одъ тыхъ поръ никто не смивъ и подумать, щобъ одбыть жерело.

С. Голенка Конотопск. у. Черниг. губ. М. Исаенко.

316. Г. ЗИНЬКОВЪ.

(Полтавск. губ.).

Жывъ чоловикъ Зинець тамъ, де теперъ кузни,— одъ його й прозвалось мисто Зиньковомъ.

Запись неизвѣстно чья.

XIII.

***Сказки фантастическія, игра словъ и
остроумія.***

317. Ракова скоро работа.

Кольсь ище, якъ дрижки булы таки риденьки, якъ водычка, такъ ракъ пишовъ по дрижки и ходывъ симъ годъ. Отъ прыйшовъ винъ додому, ставъ черезъ поригъ перелазыть, упавъ и глечыкъ зъ дрижжамы розбывъ та й каже:

— Скоро работа, такъ нагла смерть.

Записала Н. Г. въ Черниговск. у.

318. Про хлопця, що ничего не боявся.

Булы соби чоловікъ и жинка, и бувъ у йихъ такый сынъ, що ничего не боявся. Ходыть сынъ за батькомъ та усе й просыть:

— Тату, покажы мени, що воно за страхъ!

А дякъ почувъ та й каже:

— Хай же я його злякаю.

Попросывъ винъ того хлопця звоныть на утреньу, а самъ упередъ злизъ на звонцю, одягся у билу довгу сорочку, ростопыривъ руки и стойть.

— А що се,—пытае хлопецъ,—стойть?

Дякъ мовчыть. Винъ у друге:

— Кажы, що стойить, а то штовхону!

Дякъ думас, що винъ злякається, и зновъ мовчыть. Тоди хлопецъ якъ штовхоне: дякъ и покотывся зъ звоньци, и зломывъ соби ногу. А сынъ зновъ прыстае до батька:

— Покажы, та й покажы той страхъ!

— Веды його,—кажуть люде,—у гай: тамъ;высыть ажъ симъ висилныкивъ,—хай винъ йихъ стереже.

Одвивъ батько сына у гай. Розложывъ хлопецъ огонь, та й давай тыхъ висилныкивъ грить: зниме, погріе, та й зновъ повисыть.

— Ну,—пытають люде,—спужався?

— Ни,—каже,—не спужався: воны мовчалы, а я йихъ гривъ, та й зновъ вишавъ.

— Поведы ще його,—кажуть люде,—у тей домъ, що никто не жыве.

Одвивъ батько сына туды у кимнаты, а у тыхъ кимнатахъ, та таке страхитте! Спершъ побачывъ хлопецъ багато голодныхъ котивъ, и давай воны його дряпать. Узывъ хлопецъ и поодрубывавъ йимъ лапы. А потимъ якъ почало тамъ стукотить та кыдаты каминюкы,—и чого, чого винъ тилькы тамъ не бачывъ! Лигъ винъ на м'якый услонъ, и якъ почало його носыть по комнатахъ, та стукотыть, та гуде, а винъ лежыть соби и ничего не бо-йиться. Такъ и переночывавъ.

Якый бы ще тоби страхъ показать?—думасе батько. Отъ разъ хлопецъ заснувъ, а батько возмы та й лыны на його видро холоднойи воды. Сынъ якъ схопытьса, та такъ испужався. И съ того разу годи вже пытаты, що то за страхъ.

Записала отъ крестьянъ с. Б. Муравейки. Черниг. у.

М. С. Чудновская.

319. Негода.

Одынъ чоловікъ заколовъ свиню та й ставъ обривать сало, та де товще—само соби, а тонше—само соби, а жинка и каже:

— Чоловиче, на шо це ты одкладаешъ?

А чоловікъ и каже:

— Та це тонше негоди, а товще намъ.

А жинка и пыта чоловіка:

— А яка то негода?

А чоловікъ и каже:

— Та, шо въ сынъому халати, то й негода.

Ото чоловікъ пойхавъ на поле, а жинка була дома и дывытсья, колы йде жинка въ сынъому халати по вулицы, а вона выбигла та й каже:

— Жинко, жинко! Иды сюды, на сало!

А жинци шо жъ одказуваться? Ото прыйхавъ чоловікъ до дому та й каже:

— Изжарь сала!

А вона й каже:

— А-ге! Я оддала негоди.

Ото чоловікъ росердывся та й каже:

— Ну, ходимъ наздоганять!

Ото воны й побиглы... (Отрывокъ).

С. Исакова, Славяносербск. у. Екатеринославской губ.

Б. Д. Гринченко.

320. Нужда.

Жылы соби дидъ и баба. Дидъ и каже баби: «Збирай, бабо, гроши про нужду!» Стала баба одкладувать гроши и назбирала цилый рукавецъ.—Зайшовъ разъ до йихъ москаль,—дида не було дома. «Чого се ты такый обидраный?»—пытае у москаля баба. «Охъ, бабка, нужда,—

потому и ободраный.»— «А у насъ,—каже,—е гроши про нужду.» Унесла вона той рукавецъ и оддала москалю. Трохы згодомъ приходять дидъ, вона йому и похвалылась, шо уже оддала нужди гроши: Дидъ на коня, та за москалемъ. Бачыть москаль, шо беда,—ставъ коло кривойи березы и держыть ййи рукамы. «Чы не бачывъ,—пытае дидъ,—нужды?»—«А ось тилькы шо пройшла; подержы березы, а я заразъ на кони дожену.» Сивъ москаль на коня, та й бувъ такый.

Записала въ д. Гусавкѣ. черниг. у. отъ Адриана Мольки
М. С. Чудновская.

321. Маты зрадныця.

Жылы у лиси чоловикъ и жинка. Чоловикъ занедужавъ и вмеръ. Тоди жинка заховала його. И скоро у тиейи жинкы народылось двое дитей. И лежыть та жинка и дума: «Господы! хто мыни оцыхъ дитей охрысте, якъ я не знаю ни слободы, де вона есть, ни люде сюды не заходятъ,—хто мени йихъ перехрысте?» Колы дывытсья—иде двое: Святый Петро и Богъ. Перехрестылы: Святый Петро дивчынку, а Богъ хлопчыка; Святый Петро давъ имъя дивчынци Настя и ще давъ йй гребеныкъ и дныщечко. А Богъ давъ имъя тому хлопчыкови Петро и ще давъ жупанокъ и рушныцю. И той хлопчыкъ прегарный бувъ стрилецъ, такый, шо якъ нацильвсья, такъ и вбѣе. А дивчынка якъ сяде було на дныщечко, такъ и зна, де шо робытсья. И той Петро було якъ пиде на охоту, набѣе птыци, звиру всякого и назбиравъ стилькы шкуръ, шо нигде йихъ диваты у хати вже. Ото одынъ разъ йидуть чумаки по шляху, а Петро и каже чумакамъ:

— Купить у мене шкуры!

А ти чумаки й кажуть:

— Де вони у його взялысь, ти шкуры?

А Петро й каже чумакамъ:

— Ось трошки подождить, я заразъ принесу вамъ шкуръ.

Ото пишовъ Петро, принисъ багато шкуръ, що стало уси возы понавалювать, ти люде тоди пойихалы, а Петро пишовъ додому. Прыйшовъ винъ додому и каже матери:

— Мамо, дывиться, мени чумаки дали грошей за шкуры.

Ото скільки тамъ годъ проминуло. Петро усе бивъ зайцивъ, птыць, вовкивъ, лысыць, усе, усе. Одынь разъ Петро пишовъ на охоту, а маты осталася дома. Колы це иде чоловікъ якийсь, прыйшовъ у хату:

— Здрастуйте!

А маты каже:

— Здрастуйте!

Отъ, той чоловікъ и каже:

— Давай сына твого стребымо, а съ тобою будемо жыты.

И вподобався той чоловікъ матери, а то бувъ змій, и пытається вона:

— Якъ же його стребыты?

А той чоловікъ и каже:

— Якъ прыйде винъ изъ охоты, такъ ты прывствася, наче хвора и кажы:—Сынку, якъ бы ты мени прывизъ дыкойи поросятыны, то я бъ може одужала бъ.

Отъ, прыходе сынъ, змій заразъ пидъ кровать и сыдыть, а маты и прывставылась, наче хвора; сынъ пыта:

— Чого вы, мамо, хвори?

А маты й каже:

— Та хто його зна, чого я нездужаю; якъ бы ты мени, мій сыночку, пойихавъ та прывизъ дыкойи поросятыны.

Отъ, Петро узявъ свого конька и пойихавъ, та

просто до сестры, (а сестру тоди уже замижъ оддалы).

Отъ, прыйхавъ Петро до сестры и каже:

— Послала маты мене за дыкымъ поросямъ.

А сестра й каже:

— Ой, братику! У нашойи матери есть уже другой чоловикъ, такъ хотять тебе стребыть. (А вона така, що якъ сяде на дныщечко, такъ и зна, що и де робыться).

А Петро й каже:

— Ни, нема, сестрычко, никого у хати.

Тоди й каже:

— На, братику, оцього мого коня, та гляды жъ ты мени, що я тоби буду казать: не беры одного поросята, а то свыня якъ нажене, такъ изысьть, а хапай двое; якъ двое ухапышь, такъ якъ бигтыме свыня, такъ ты одно кынешъ, а зъ однимъ прыбжышь.

Отъ Петро пойхавъ. Прыиздыть, колы дывыться,— лежать поросята, а свыни не було, паслася десь. Отъ Петро ухопывъ двое поросятъ и подався. А свыня якъ почула, що хтось поросятъ забравъ, давай бигты, давай бигты,—отъ отъ нажене; а Петро узывъ и кынувъ одно порося, а зъ однимъ побигъ до сестры. Прыбигае до Насти, тоди Настя оставыла те порося, а свое дала. Тоди Петро пишовъ додому. Прыходять додому, а той змій заразъ пидъ лижко, а маты на лижко и упъять хвора. Прыиздыть до матери Петро й дае порося. Маты його спекла, попойила трошкы й каже:

— Отъ, сыну, наче я трошкы одужала; тилько якъ бы ты, мій сыночку, ще доставъ дыкого яблука, то тоди бъ я, може, и одужала зовсимъ.

Треба тоди упъять йихаты Петрови. Переночувавъ винъ дома и пойхавъ упъять до сестры. Прыиздыть винъ до сестры и каже:

— Упъять мене послала маты, щобъ я ище прывизъ яблукъ.

А сестра и каже:

— Гляды жъ мени, братеку, тамъ птыця изъ зализ-ными носамы, такъ ты якъ будешъ рваты яблука, такъ не рвы одного, а рвы такъ, щобъ уси осыпалысь, бо якъ не попадаютъ вонны, такъ птыця тебе нажене и заклюе.

Тоди Петро узавъ коня ййи и пойхавъ.

Прыйиздыть Петро до тйи яблуни, дывыться, колы нема птыць; винъ ухопывъ одну, та якъ трусне, такъ и осыпалысь. Птыця до тыхъ яблукъ, почала збирать, а Петро уже втикъ далеко. Прыйиздыть винъ до Насти. Настя тоди узала ти яблука, а своихъ дала. Тоди Петро пойхавъ до матери. Прыйиздыть, отдавъ. Маты иззила, тоди и каже:

— Отъ, сыну, якъ иззила я оци яблука, такъ наче я не хворала.

Походыла такъ маты недиль тры, тоди Петро упгъять и пыта:

— Чого вы, мамо, нездужаете?

— Та хто його знае, чого я нездужаю. Мабуть уже коса за плечыма. Якъ бы ты мени, сынку, привизъ воды сцилющой и живущой. Десь за тры-девгъять земель въ иншимъ царстви есть така гора, що вона на одынъ часъ расходыться, и съ тйей горы леться вода сцилюща й живуща, — такъ ты мени привезы тйей воды, може бъ я одужала тоди.

Пойхавъ Петро упгъять до сестры и каже:

— Ну, сестро, упгъять мене маты послала, щобъ я принисъ воды сцилющой и живущой.

Тоди сестра и каже братови:

— Ну, на, братику, тоби оцього коня (а той кинь бувъ такый, що пробига у часъ 400 верстовъ) та на ище тоби, братику, оцей глечычокъ, та гляды жъ мени, не жды, помы набереться повно, а то задаве гора.

Тоди Петро пойхавъ до тйей горы.

Прыйиздыть винъ до тйей горы, гора ище не расходылась; винъ пидождавъ, помы гора розйшлаь.

Тилькы гора розійшлась, винъ заразь туды,—колы ды-
вуться, вода сцилюща й жывуца; винъ заразь тоди пид-
ставивъ кубушечку, и не набигла половынка, винъ заразь
и гайда назадъ. Бижить винъ и бижить, а та гора зав-
довшки 400 верстовъ,—отъ уже й сходиться; винъ би-
жить, ажъ пылява стовпомъ иде, насылу, насылу выско-
чывъ; тутъ заразь и гора изійшлась.

Прыйиздыть винъ до сестры, сестра тоди узяла ту
воду соби, а своейи дала. Тоди Петро пойхавъ до ма-
тери, отдавъ воду. Маты узяла ту воду и выпыла и на-
че уже зовсимъ одужала. Отъ маты и змій бачуть, шо
ничого не зроблять, то тоди уже и не посылали никуды.

Петро шо-дня ходывъ на охоту, бывъ звиривъ,
птыць,—усе чысто. И той Петро якъ надине жупанокъ
той, шо Богъ йому давъ, такъ такый сыльный, шо дубы
ирве. Ото одынъ разъ той змій каже жинци:

— Ты ще спробуй такъ: якъ прыйде винъ зъ охоты,
такъ ты кажи: сыночку мій, а ну давай, я въ тебе спро-
бую сылу.

Та й навчывъ ййи, шо робыть. Отъ прыйшовъ
Петро зъ охоты, а маты й каже сынови:

— А ну, дай я, сыночку, сылу твою спробую.

Винъ давъ. Маты умотала усього у дритъ, той якъ
надувся, такъ и лопнуло. Тоди маты й каже:

— А ну бо, сынку, искинь жупанокъ.

А Петро тоди й каже:

— Та ни, мамо, не треба скидаты.

А маты:

— Та скинь бо, сыночку, я спробую сылку.

Отъ винъ тоди скинувъ, маты умотала його шов-
комъ,—отъ винъ якъ надувся—не перерывавъ. Колы ды-
вуться Петро, лизе съ пидъ кровати такый мацапура,—
надивъ заразь жупанокъ, а тоди каже:

— А ну, давай теперъ бытсья!

Тоди винъ заразь убывъ Петра, порубавъ на шмат-

кы, привъязавъ до коня и пустывъ. А той кинь побигъ та просто до сестры. Сестра побачыла, що братъ убыйтъ та заразы до його:

— Охъ, мій братику! Я жъ тоби казала тоди, що убьють, а ты мени не вирывъ.

Узяла його тоди сестра, збрызнула водою сцилюшою, винъ исцилывся; збрызнула вона водою живушою, винъ оживъ. Тоди уставъ и каже:

— А й заснувъ я крипко!

А сестра й каже:

— Заснувъ бы ты навикы, якъ бы не я.

Тоди Петро zostався жыты въ сестры, и живъ винъ у нейи годъ девъять. Разъ сестра й каже:

— Оце, братику, зробысь ятлыкомъ, полеты до йихъ у садокъ, — воны теперь тамъ гуляють, такъ ты прылети та такъ наче смырною птычкою.

Отъ винъ перекрынувся птычкою и полетивъ. Прылетивъ винъ и сивъ билия йихъ, а въ йихъ була вже дытына. Отъ маты й каже:

— А ну, старенький, пиймай оту птычку дытыни.

А та птычка узяла й сила на дереви. Винъ полизъ за нею на дерево, а жинка каже:

— Та скынь бо, старый, жупанокъ, а то порвешъ.

Отъ винъ искынувъ, а птычка усе выще, а винъ за нею. Доманывъ його ажъ на самисинький верхъ дерева ятлыкъ, а тоди пурхъ на нызъ та перевернувся та й зробывся чоловикомъ, ухватывъ жупанокъ, надивъ, а тоди каже:

— А ну, излазь сюды!

Винъ злизъ, а Петро тутъ заразы и зарубавъ його. Тоди матиръ узявъ до сестры, и живутъ пожывають та добра наживають.

Славяносербскій у. Екатериносл. губ. записаль Б. Д. Гринченко.

Въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (1858, № 21, стр. 161—162) напечатанъ слѣдующій вариантъ этой сказки, записанный С. Д. Носомъ.

Якъ бувъ соби дидъ та баба; дождалы соби дочку и сына. Умеръ батько и маты, довелося йимъ—нигде жыть. Отъ вони узялы и пишлы зъ своего дому:

— Ходимъ, сестро, на заробиткы!

Идутъ та йдутъ, колы стойитъ хата у гайи; вони тамъ стали жыть. Жывуть та й жывуть, дакъ до тоеи сестры и парубка унадывся змій. Теперь вони жывуть та й жывуть, хочуть брата зъ змиемъ зъ свита згубыть. Отъ:

— Якъ його,—каже змій,—зъ свита згубыть?

Сестра и каже:

— Послатъ його заячого молока достать, такъ його зайци зйидать.

Прийшовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала зайчыця выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановычъ? Чы по воли, чы по неволи?

— Бильшь того, що по охоти!

— Дамъ тоби молока, а старшого сына на послугу.

Прынисъ те молоко, оддавъ сестри, вона взяла, на черинь высыпала та й каже:

— Не помогається! Иды,—каже,—лысычого молока достань!

Прийшовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала лысыця выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановычъ, чы по воли, чы по неволи?

— Бильшь того, що по охоти: забажала сестра вѣшого покорму.

— Дамъ я тоби покорму, а старшого сына на послугу.

Винъ прийшовъ, загнавъ ту лысыцю зъ зайцемъ у хливъ, прынисъ молоко. Вона вылыла на черинь, каже:

— Не помоглося! Пиды лучче вовчого прынесы!

Винъ прийшовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала вовчыця выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановичъ, требуешь? Чы по воли, чы по неволи?

— Бильшь того, що по охоти: забажалось сестри вашого покорму!

— Дамъ я тоби покорму, а старшого сына на послугу.

Винъ узявъ, прынись те молоко, вовка загнавъ у хливъ. Вылыла вона й те на черинь:

— Не помоглось! Пйды,—каже,—ведмежого достань!

Прийшовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала ведмедыха выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановичъ, требуешь? Чы по воли, чы по неволи?

— Бильшь того, що по охоти.

— Дамъ я тоби покорму и старшого сына на послугу.

Винъ прынись те молоко, отдавъ, загнавъ ведмедя въ хливъ. Вона вылыла на черинь, каже:

— Пйды, левого достань молока!

Прийшовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала левчыха выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановичъ? Чы по воли, чы по неволи?

— Бильшь того, що по охоти: забажала сестра вашого покорму.

— Дамъ я тоби покорму, старшого сына на послугу.

Прынись, отдавъ йй. Вона вылыла на черинь:

— Не помоглося! Пйды,—каже,—достань млынця того, що на мори машына стойить, що самъ и мелеться, и мисыться, и самъ выкыдається, и въ тйй машыни дванадцятэро дверей.

Винъ пишовъ зъ тымы хортамы, ускочывъ у машыну, ухватывъ млынецъ, оглянеться, ажъ хорты ослысь тамъ, у тйй машыни.

Ото йде, а сорока билобока летыть:

— Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановичъ: уже твойи хорты двое дверей прогрызлы!.. Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановичъ, уже твойи хорты четверо дверей прогрызлы! Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановичъ, уже твойи хорты

шестеро дверей прогрызлы!.. Огьнайсь, огьнайсь, Иванъ Ивановычъ: уже твойи хорты восьмеро дверей прогрызлы!..

Летыть та й летыть сорока:

— Огьнайсь, огьнайсь, Иванъ Ивановычъ: уже твойи хорты десятеро дверей прогрызлы!..

Изнову летыть сорока билобока:

— Огьнайсь, огьнайсь, Иванъ Ивановычъ: уже твойи хорты одьнадыти двери прогрызлы!..

Прыйшовъ додому, прынись млынця. Загадала йому сестра окропы грить, ножи гострыть. Сорока билобока каже:

— Клады, Иванъ Ивановычъ, мокрець (мокрыи дрова, щобъ не швыдко горило).

Знову каже:

— Клады, Иванъ Ивановычъ, сухойи дрова (що хорты бижать).

Кыплять окропы, ото вже його зовсимъ ризать.

— Пождить, — каже, — шйду на дуба свысну!

Винъ свыснувъ, — бижать хорты. Хорты попрыбигалы, излизъ изъ дуба, увйшовъ у хату, хорты за нымъ повбигалы и полягалы пидъ лавою; отъ-отъ вже зовсимъ, вже його рубать, то й каже на хортивъ:

— Беры, левко!

Той якъ ухватывъ змя, дакъ такъ и рознись його. Тыйи кынулись, дакъ и ничего. Такъ винъ узьяв сестру, у погребъ заперъ и сказавъ йй:

— Наплачь бочку слизь, тогда выпущу!

Вона плакала, плакала, да тамъ и зотрухла. Той братъ узьяв ружья да зъ тьмы хортамы и пишовъ у лись.

322. Про хлопчика Покотыгорошка.

Жылы собъ дѣдъ де баба, не було въ ихъ дѣтей. Ены хоть старые уже були, но скучали сами жить на свѣти. Вотъ начали ены хадить до ворожокъ, щобъ ены

посовѣтвали имъ еке нибудь средство, щобъ и у ихъ було дитя. Вотъ разъ дѣдъ и каже своей бабы:

— Хадемъ, бабо, ще куда нибудь до ворожки.

Приходятъ до ворожки въ другое село. Вотъ ворожка имъ и каже:

— Здѣлайте вы такъ: екъ знесе курка ~~ей~~цо, то возмите его завергѣте въ тряпку и положите его въ печерку и ней лежить въ печеркѣ да тыхъ поръ, закуль родица изъ его мальчикъ Покоти-Горошко.

Вотъ дѣдъ зъ бабою заплатили ворожкѣ шо слѣдувало и пошли додому. Приходятъ додому, живутъ день, живутъ други,—курка не несе ейца. Вотъ дѣдъ и каже своей бабы:

— Бачъ, пене бабо, екіе мы шасливые, шо вотъ и курка наче знае,—не несе ейца.

Ажъ отъ послѣ того, екъ сходявъ дѣдъ до ворожки, пройшло десеть дней,—знесла курка имъ ейцо. Израдувалисе, завернули ейцо въ тряпку и положили его въ печерку. Ждутъ дѣдъ да баба собѣ дитяти и нѣякъ не дождуца.

Вотъ вишло петнадцать недѣль послѣ того, екъ положили ены ейцо въ печерку, ажъ отъ проявивсе мальчикъ Покоти-Горошко. Израдувалисе дѣдъ да баба. Вотъ живутъ ены, нѣякъ не налюбуюца на его. Вотъ разъ дѣдъ поѣхавъ орать на поле, а на бабу каже:

— А ты, бабо, принеси минѣ обѣдать.

Такъ поѣхавъ дѣдъ орать. Вотъ орае дѣдъ утро, а баба готовица нести обѣдать. Вотъ сынокъ ее каже:

— Понесу, мамо, и я съ тобою обѣдать.

А баба каже:

— Якъ же тобѣ, мой сынокъ, нести обѣдать, шо ты совсѣмъ маленечки.

— Дарма, пене мамо, шо я маленьки. Я буду съ тобою ити.

Баба каже:

— Ну, понесемъ.

Собралисе и понесли обѣдать. Несуть обѣдать, и баба ніякъ не надивуєца на свого сынка. Принесли ены дѣду обѣдать.

Вотъ хлопчикъ и каже:

— Давай, тато, я буду орать, а ты иди обѣдай.

Дѣдъ каже:

— Якъ же ты будешъ орать, що ты не достанешъ и за соху держать?

А енъ каже:

— Дарма, пене тато, що не достану за милицу, я и такъ буду орать.

Вотъ дѣдъ и каже:

— Ну, ори!

Вотъ малчикъ сѣвъ волю на роги и оре, покривуєт на ихъ, а дѣдъ пошовъ обѣдать.

Вотъ ѣде въ те время дорогою панъ и чує, що хтось ле воловъ и кричить, и волы ходять съ сохою якъ слѣдує. Вотъ панъ и питає у дѣда:

— Хто се у тебе воре? И нема никого ле воловъ, а хтось кричить.

Дѣдъ каже:

— А се у мене єсть таки малчикъ, що сидить у вола на рогахъ и воре собѣ.

Вотъ пану завидно стало на такого малчика, вотъ енъ каже дѣду:

— Продай минѣ сего мальчика.

А дѣдъ и самъ радъ, що дождавъ малчика:

— Нѣтъ, баринъ, я сего малчика не продамъ, енъ минѣ самому годящи.

А малчикъ подбѣгъ къ дѣду да и каже тихенько:

— Продавай минѣ, тато, я утеку отъ пана.

Вотъ мужикъ тоды и согласивсе продать малчика. Вонъ панъ давъ мужику тимало грошей за малчика, забравъ малчика и поѣхавъ домой. Вотъ привозить панъ додому малчика и каже:

— Погледи, барине, екого я малчика привезъ.

Барине погледѣла на малчика да екъ закричить:

— На що ты его привезъ, щобъ минѣ покою не дававъ?

Панъ и каже:

— Ты не гледи, що енъ маленьки, а енъ уже и орать умѣе.

Барине каже:

— Якъ же енъ воре—таки маленьки? Енъ не достане и за соху держаца.

— А енъ сяде волу на голову де воре.

Вотъ живе малчикъ у пана день, живе други, а потомъ разъ урани вставъ, подѣвъ хорошенько да пошовъ домовъ до свого батька. Пришовъ малчикъ додому, дѣдъ израдувавсе, що малчикъ утѣкъ одъ пана.

Повставали панъ ись панею, челядки приготували имъ обѣдать. Вотъ барине и зове малчика обѣдать, ажъ его уже и въ дому нема. Побѣдкалисе паны, да нечего дѣлать... А потомъ панъ разъ и каже своей баринѣ:

— Се нашъ малчикъ видно утѣкъ до свого батька.

Барине и каже пану:

— Дакъ ты коли нибудь ѣдъ, забери його опять къ собѣ.

Вотъ панъ запрогъ коней и поѣхали съ челядникомъ въ те село, де живъ малчиковъ батько. Приѣхали къ нему дѣду, що панъ купивъ у его малчка, ажъ малчкы гуляеть по двору. Вотъ увишевъ въ дворъ панъ, а малчикъ сейчасъ побѣгъ у хату и сказавъ батьку, що приѣхавъ панъ. Вотъ мужикъ виходивъ на встрѣчу пану. Панъ якъ стрѣвъ мужика, такъ начавъ питать у его, ти не втѣкъ малчикъ къ ему. Мужикъ каже:

— Хоть и втѣкъ, дакъ я тобѣ вже не дамъ малчика.

Дакъ панъ тоды и каже:

— Якъ же минѣ не даси малчика? Я жъ тобѣ гроши заплативъ за его.

Мужикъ каже:

— Заплативъ, дакъ було берети, щобъ не втѣкъ.

Ажъ отъ входить и малчикъ до пана. Дакъ панъ и питае у малчика:

— Чего малчикъ, отъ мене втьокъ?

А малчикъ каже:

— Въ тебе я не хочу жить. У тебе нечимъ орать, а я гулять не хочу.

Вотъ мужикъ и каже пану:

— Ну, забери малчика, де больше не пускай, щобъ не втѣкъ.

Вотъ панъ забравъ малчика и поѣхали додому.

Привезъ малчика додому да тоды и каже:

— Ну, теперь уже не втечешъ.

А малчикъ каже:

— Нѣ, екъ захочу, то изновъ утеку.

Панъ каже:

— Нѣ, вже будешъ въ одной комлати проживать.

— Дакъ що, що въ одной хати? Я у вокно утеку.

Вотъ панъ тоды росердивсе на мальчика да и каже:

— Я тебе зарубаю, екъ будешъ лѣзти въ вокно.

Вотъ малчикъ надумавсе: подожди, я тебе обманю опять. Вотъ разъ гулявъ малчикъ на городи и найшовъ тамъ екусь костку изъ коня и забравъ зъ собою. Принесъ додому, положивъ въ ту комлату, де начовавъ съ паномъ. Дождавсе малчикъ вечера и ввечери и каже пану:

— Вотъ я екъ захочу, то я и сю ночь утеку.

А панъ самъ собѣ и думаетъ: погуляй же, я тебѣ шаблю голову отсѣку. Вотъ часовъ у десеть вечера полегли панъ съ малчикомъ спать. Вотъ малчикъ собѣ не спитъ, не спитъ да думаетъ: якъ бы утекти? Отъ а панъ вставъ тихенько съ постели, взявъ шаблю, пошовъ на дворъ и сѣвъ подъ вокномъ съ шаблю. Вотъ малчикъ уже знаетъ, що панъ его стереже подъ вокномъ. Вотъ

малчикъ взявъ костку и ладица, якъ бы утекти. Придививсе тихенько, подь екимъ вокномъ стоявъ панъ съ шаблею. Вотъ малчикъ взявъ костку де попередь посунувъ ее въ окно. Вотъ пану думалосе, що се мальчикъ у вокно лѣзе, дакъ панъ тоды екъ сѣконувъ костку шаблею, дакъ и пересекъ пополамъ, де тоды и кричить:

— Барине, неси свѣтло, я уже малчика зарубавъ.

А малчикъ тоды вылѣзъ въ вокно да и пошовъ додому. Принесла барине свѣтло, розгледилисе ены, ажъ то панъ не малчика пересекъ, а костку. Малчикъ тоды живе собѣ зъ батькомъ да зъ маткою, живутъ и красуюца.

Записалъ Яковъ Бондаренко, кр. с. Деревини Городницкаго у. Сообщилъ В. Т. Андриевскій.

323. Про багатого купця дочку.

У одного купця було трое дитей: два сыны и одна дочка; сынивъ винъ оставивъ дома торговать, а дочку отдавъ учиться до одного далекого попа; а у того попа учылось багато дивчатокъ, тилько красывишойи одъ дочкы того купця не було. Учылась купцивна у того попа тры годы, вела себе чесно и розумно. Тилько той пипъ бувъ ще молодой и задумавъ призвесты на безумье ту купцивну, а вона на те не согласылась; пипъ дуже росердывся на нейи и напысавъ ййи батьку, що дочка його не учыться, а балується и робыть негарно. Гирко було сее чуты батьку, дуже винъ росердывся и прыказавъ свойимъ сынамъ пойхатъ до дочкы и одризать ййй голову, вынять изъ нейи сердце и його йому, купцю, прывезты, а тило шобъ спалылы на огни и попелъ пустылы на воду. Сыны пойхалы до своейи сестры и чуть тилько уйхалы до попа у двиръ, якъ йихъ стрила сестра, зрадила здорово

такъ, що не знала, що и сказать йимъ одъ радости. Браты тежъ порадили побачившы сестру, признались йій, чо-го прыйихалы, потимъ заризалы собаку, выняли зъ його сердце и те сердце повезлы до батька, а сестру оставылы жыву. Зажурылась та купчивна и пошла у лиса да горы и тамъ ходыла ажъ симъ годивъ. Ходыть соби та й ходыть, йистъ кориння, а сама хороша, хороша. На сьомый годъ стричае ййи охотныкъ—купецъ; распытавъ ййи и взявъ соби ййи за жинку. Пойиде було сей купецъ за моря за товаромъ и прыйихавшы росказуе, що бачывъ тамъ, що чувъ. По росказкамъ догадалась вона, що винъ буває у ййи батька. Черезъ скилько то годивъ той купецъ заболивъ, а треба було йихать за товаромъ. Отъ винъ и пославъ свою жинку изъ кумомъ за море. У йихъ уже була и дытынка. Пойихалы вони кораблемъ. Кумъ захотивъ призвесты на безумъе купчыху и ставъ ййи пидговарувать, тилько вона не согласылась. Кумъ росердився и вкынувъ ййи дытынку у море, а потимъ укынувъ и ййи. Дытын-ка потонула, а вона выплыла на берегъ и пошла у той городъ, де живъ ййи батько. Прышла до батька и нанялась до його. Ни батько, ни браты ййи не позналы. Годивъ черезъ тры, або чотыри прыйизжае туда до батька и ййи чоловікъ. Батько и пытае його, чо-го довго не бувъ? Той росказавъ свое горе, що винъ заболивъ, пославъ за товаромъ свою жинку зъ кумомъ. Дорогою дытына умерла, а жинка його зъ гора утопылась у мори. Слухае йихъ мову наймычка, бачыть, що ниhto ййи не познае и говорить тоди все те надогадъ, що зъ нею було ще малечку и до того, якъ вона наймычкою стала. Догадався тоди старый купецъ, що сая наймычка—його ридна дочка, а молодого купця жинка. Зрадилы вси, що вона жыва и здорова. Молодый купецъ узывъ ййи съ собою и, прыйихавшы додому, одризавъ голову тому паганючому куму. Отъ грамотнаго крест. Гавриила Вѣрича въ селѣ Русановѣ, Остерскаго уѣзда Черниг. губ., записалъ И. Е. Коноваль.

324. Шептуха.

Була соби стара баба и така вона була вбога. Отъ пишла вона до батюшки та й пытається, що їй робить, що вона своєї души не прогодусь, бо сама вона не здужає робить, а люде не дають. Отъ батюшка їй и каже:

— Ты окажись шепетухою.

Вона й пытається въ його:

— А якъ же мени, батюшко, казать?

— Ты,—каже,—кажы: я баба шепетуша одъ святого духа: якъ я пры тоби, такъ и' духъ у тоби, а якъ я одъ тебе, такъ и духъ изъ тебе.

Отъ та баба и оказалась шепетухою, и вси їй несуть и везуть, и стала вона багатою. Теперки у батюшки у горли зробывся нарывъ, винъ забувъ, що винъ ту бабу вчывъ, та й поклыкавъ їйи до себе. Отъ вона й стала йому шептати, винъ и пытається:

— Якъ же ты кажешъ?

Вона каже:

— Я баба шепетуша одъ святого духа: якъ я пры тоби, такъ и духъ у тоби, а якъ я одъ тебе такъ и духъ изъ тебе.

Батюшка зареготався, нарывъ прорвався, и батюшка одужавъ.

Черниговскій уѣздъ. Записала Н. Г.

325. Бачылы очи, що купувалы.

Чоловикъ мавъ тильки одну копійку; ходыть винъ по базару, выбирає, щобъ його купыть. Побачывъ хринъ. Пытає, кильки стойить. «Возьмы,—каже передерійка,—за копійку.» Узывъ, ставъ йисты—не йистыся: гиркый, слъозы

йдуть. «Ни,—каже,—плачте скільки хочете, а йижте, хочъ повылазьте: бачылы очи, що куповалы.»

Записала отъ Орины Непомнящей, въ с. Выбляхъ Черн. у.
М. С. Чудновская.

326. Кавунъ-Рябчыкъ,

Насадывъ чоловикъ баштанъ. Добре вродылы кавуны. Бильшь усихъ бувъ одынъ рябий кавунъ, котрого хазяйинъ дуже кохавъ и прозавъ «рябчыкомъ». Кавуны поспилы; хазяйинъ наклавъ визъ добрыхъ кавунивъ, зверху положывъ «рябчыка» и повизъ на продажъ. Йиде соби и курить люльку, замыслывшысь. Коло дороги була могыла, на котрій поросла гарна травця. Воны звернули до могылы попастысь, и хазяйинъ тоди огледивсь, якъ вони вже зйихалы на могылу. «Цабе! цабе!» крычуть... Але вже було пизно. Визъ пйшовъ шкареберть, и кавуны покотылись зъ горы на дорогу. Самъ хазяйинъ тежъ полетивъ зъ воза, але не пускае люльки зъ зубивъ; дывыться, якъ кавуны котяться, да й каже: «А рябчыкъ усихъ попереджа».

Борзенскій у. Г. В. Дорошенко.

327. Смерти спужалась.

Одна жинка мала чоловика пьяныцю и усе просыла соби у Бога смерты. Якъ прыде було чоловикъ изъ шинку, та почне ййи быть та нивечыть, то вона:

— А, Господы, пошлы мени скорищъ смерть!

И почувъ сее москаль, що стоявъ у йихъ на квартири. Пйймавъ винъ индыка, обскубъ пире, и якъ пьяный чоловикъ, поповывшы жинку, захрыпъ, а жинка стала прычтатъ: «А, Господы, пошлы мени скорищъ смерть!»—москаль упустывъ у хату индыка та й каже:

— Молодка, вотъ смерть за тобой идють.

Молодыця тоди якъ кинеться, та якъ закрычыть:
— До чоловіка иды, смерть, до чоловіка!

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Ульяны Ключицкой
М. С. Чудновская.

328. СКУПЫЙ ЧОЛОВИЕЪ.

Одынъ чоловікъ та загубывъ у лиси кобылу. Блукое винъ по лисови, шарыть кобылы, бидкаеться й за ушыма шкребе, а нигде не знайде—мовъ кризь землю провалылась. Отъ ставъ винъ, здійнявъ шапку, утеръ пить та й каже:

— Господы! Якъ бы мени оце знайти кобылу, то купывъ бы на цілого пивкарбованця воскову свичку до божого дому.

Не встыгъ чоловікъ останнихъ сливъ сказаты, колы кобыла якъ заирже на весь лись. Вдарывъ винъ по кышени рукою та й каже:

— Отъ слава Богу, и полтынникъ не пропавъ!

В. Ф. Степаненко, въ с. Полствинѣ Каневск. у.

329. Дрова.

— Отъ, кумочко, яки въ васъ дрова: повну пичъ наклады и вси горять, та ще й якъ жарко. А въ мене таки прѣкляти, що однимъ-одне полинце положу, та й те не горыть.

Записала М. Н. Гринченко.

330. Розмова.

Два селяныны йидучы на волахъ зустрілися въ

степу пидъ хуртовьну:

- Здоровъ будь!
- Здоровъ!
- Ты видкиля?
- Кто, я?
- Э-жъ!
- А ты видкиля?
- Кто, я?
- Э!
- Я зъ Чепеля.
- О, ба—и я видтиля.
- Кто жъ ты такый?
- Кто, я?
- Э-жъ?
- А ты хто?
- Я?
- Э!
- Я Чепеливъ сынъ.
- О, ба, а я його зять.
- Тпру! Закуримъ!

В. Ф. Степаненко, въ с. Полствинѣ Кіевской губ.

331. Добре, та не дуже.

- Здоровъ!
- Здоровъ!
- А що нового?
- Ничого; шага тилькы знайшовъ.
- Це добре.
- Не дуже то й добре, бо шербатый.
- Це погано.
- Не дуже то й погано; бо хоча й шербатый, а миру гороху за його купивъ.
- Це добре.

- Не дуже то й добре, бо зъ червоточною.
 - Це погано.
 - Не дуже то й погано, бо хочъ зъ червоточною, а свиню цымъ горохомъ выгодувавъ.
 - Це добре.
 - Не дуже то й добре, бо вовкъ свиню вкравъ.
 - Це погано.
 - Не дуже то й погано, бо я вовка вбывъ.
 - Це добре.
 - Не дуже то й добре, бо панъ шкуру виднявъ.
- Г. В. Дорошенко въ Борзенскомъ у. Черниг. губ. 1897.

332. Чого хоче.

- На шага.
- Не що.
- На два.
- Не бачу.
- На тры.
- У торбу пры!

333. Нисенитныця.

То жъ бувъ я колысь поганымъ хазяйномъ и було въ мене худобы стара собака та коза та кобыла, шо якъ положишь два мишки, до зъ горы ще й бижить. То жъ пойхавъ я у биръ по хмызъ. Дывлюсь—величезна купа хмызу, а зъ нейи злетивъ здоровенный ведмидь. Я туды—ажъ тамъ дванадцятаро яецъ. Давай я ти яйця на визъ котыть. Котывъ-котывъ, одынадцятаро скотывъ, а дванадцятаро не мистытьсся. Я тоди йихъ уси въ шапку. Набравъ хмызу та й додому. Прийижджаю, ажъ моя свиня завоктала. Я ти яйця пидъ комору, и высе-

дила мени свыня дванадцять парь воливъ якъ соколивъ.

Треба, думаю, погоньча наймать; колы дывлюсь—у мене батько, родився, а дида ще й на свити не було. Пойихалы мы зъ батькомъ ораты. Оралы, оралы, а дели якъ нападе на волы опадь—уси до одного повывздыхалы. Що тутъ його робить? А тутъ поля-поля,—дакъ и окомъ не скинешь: усе те мисце, де собака качався та одъ мухъ одганявся. То жъ мени батько й рае:

— Не беры ты кобылы, а нумо мы ораты козою та собакою.

Запрягли мы козу въ соху, а собаку впередь. Собака лягла, а коза бойиться йты. Що тутъ робить? Огъ батько й прыдумавъ: «Запряжемъ козу впередь, а позадь, у саму соху, собаку». Запрягли та ще й шма-токъ хлиба на рогы кози привъязалы. Собака за хлибомъ, а коза на втьоқы. Батько бижить та поганяе, а я навскачъ за сохою. Тры дни бигалы якъ непрыкаяни, та такы выоралы поле. Сталы оддыхать. Дывимось—дровъ нема, та й сокыры забулысь. Малый батько якъ насып-леться на мене! Лаявъ, лаявъ та й пославъ по сокыру ажъ додому. Йиду я, йиду, прыйихавъ до ричкы: нема броду, а тутъ и перевозу не дають. А йисты хочеться и не приведы, Господы! Дывлюсь я—верба, а въ тій вер-би щось пыщыть. Прыслухаюсь—ажъ то жарени курча-та. Я въ дупельце, а воно маниусеньке-маниусеньке. Я туды пальцемъ—не лизе; я руку—не потовпыться. Я ро-зигнався та й ускочывъ у дупло. Найився, назадъ треба лизты—не можна: розийився та потовщавъ, до й не вы-лизу вже. Що тутъ його почать? Побигъ я додому, уxo-пывъ сокыру, прорубавъ дупельце, вылизъ та й пойи-хавъ за тымъ, за чымъ батько пославъ. Вертаюсь на по-ле—запхнувъ сокыру за поясъ. Моя кобылка тюпъ-тюпъ, а сокырка ййи по спыни цюкъ-цюкъ! Ото прыйихалы до воды, ставъ я кобылку поить. Пъе моя кобыла, пъе,—някъ не напъеться. Що воно таке? Оглянувся назадъ—ажъ у мойи кобылы заду нема: одрубала сокыра. Верта-

юсь я назадъ, дывлюсь—ажъ задъ пасеться. Облупивъ я вербу, сшивъ лыкомъ задъ исъ передомъ и пойхавъ. Йиду, йиду, колы моя кобыла стала. Я ййи пугою, я ййи пугивьямъ—не йде. Оглянувся, ажъ изъ лыка выросла верба, вчепылася въ небо, та й нема намъ съ кобылою ходу. Полизъ я обрубать щытъ. Ставъ обрубувать гилля та якъ зацижу у небо—такъ дирку й прорубавъ. Излизъ на небо:—товару тамъ, товару—и окомъ не скинешъ. Пытаю у пастуха: «Що вы зъ цымъ скотомъ робыте?»—Э,—кае,—мы його на комари та мошкы миняемъ. Бачъ, у пекло багато сьойи пакосты треба, такъ отъ и приходыться минять.—Злизъ я та въ болото. Наловывъ цилый кившъ и хутній на небо. Наминявъ добру отару—до диркы, а вербы пидъ диркою чортмае. Моя кобылка попасалась, попасалась та й одыйшла. Я й туды, я й сюды—нема ходу. Ото лыхо! Узявъ я вола, зачепивъ рогамы за небо, узявъ я другого та прывъязавъ до хвоста першому та й пойшовъ изъ скоту верьовку плесты. Усихъ воливъ упливъ, спустывъ той канатъ зъ неба—лизу та лизу,—до кинця долизъ, а до земли ще далеко. Я хутенько до неба, канатъ одъ неба одирвавъ, а внызу на пальци повисывъ. Отъ-отъ земля! Якъ издыметься жъ витерь, якъ розгойдае мене зъ воламы—ли-таю я одъ Одесу та ажт до Беремецького *). Обирвався та въ болото по самисиньки уши. Сыжу та горюю. А тутъ гемоньска чапля на голови кубло мостыть. Терпивъ я, терпивъ, а тутъ и терплячкы не хватае. Колы це унадывсь вовкъ чаплены яйця йисты. Приходыть винь одного разу, а я за хвистъ: «Тю!» крычу. Вовкъ якъ рвонеться та й вытягъ мене зъ болота.

Прыхожу додому, ажъ тамъ гульня. Пытаю: «Що це таке?»—Э,—кажутъ,—у тебе дидъ найшовся!—Роска-

*) Беремецьке—хуторець била оповидачового села.

завъ я йимъ усе, що було. Дидь якъ учувъ це, та схо-
питься съ колыскы та за чуба мене! «А чому ты,—каз,—
сучый сыну, не привъязавъ кобылы?» Бый, думаю соби,
бый, це жъ на те ты й дидь! А батько й каже: «Иды жъ
да гостей на хрестыны зовы. Та щобъ бильше назбирать,
до ты одну хату мыны, а въ другу не йды, одну хату
мыны, а въ другу не йды». Сталы мы частуваты гостей:
у безодній бочци горилкы принесли, у безбоки барыла
розливали, а недовбанымъ ковшемъ обносылы.

Писля хрестынъ давай мы за хазяйство браться. На
тимъ поли, що козою та собакою оралы, уродыло такого
проса, що й чысла нема. Пойшовъ я одтыкаты тійи копы:
«Це чуже, це не наше; це чуже, це не наше». Наодты-
кавъ такого, що й страхъ.

Давай мы радытсья, куды його складать. У клуни?
Не зложышъ. У скырты?—погны. Дакъ уже дидь ста-
рою головою, спасыби йому, надумався: зибравъ полу-
копкы въ рукавець та на коменъ. И просторо та й суш-
ка жъ не абы яка.

Багато було бъ корысты съ поля, та десь не су-
дывъ Богъ розбагатить намъ. Унадылысь вражи мыши
та й точатъ пашню. Надумалысь мы одъ мышей кота по-
садыть. Сыдыть китъ у горшкахъ та въ макитрахъ. Якась
мышка—шкрябъ, шкрябъ! Китъ туды та штовхнувъ на-
ше просо, а воно зъ комена та въ помыйныцю! Отакъ
и розвѣялось наше хазяйство прахомъ!

С. Евминка Остерскаго у. Г. С. Неводовскій.

334. Нисенитныця 2.

То жъ пойшовъ я ходыть по базару. А въ мене
грошей була одна дурна копійка. Отъ выбиравъ, выби-
равъ я соби товару та й купывъ кручене дурне порося.
Збираю колійивъ. Колють колійи те порося—не зако-

лють,—уже зъ десятокъ голокъ поламалы. Де не взявся добрый чоловікъ—однымъ ножемъ одразу заколовъ. Бачу я: треба порося пекты. Укутавъ я його кожухамы та въ холодну нетоплену пичь—хай, думаю, упріе; а самъ пойшовъ у церкву поблагословытись порося йисты. Де не взявся паламаръ: «И такой ты, и сякий ты! Иды додому: твое кручене дурне порося по печи бигае!» Прыйшовъ я додому. Хочу я йисты, нигде мени систы. Посадылы мене за плечыма та дали мени пыригъ изъ очыма. Я за той пыригъ та за поригъ. Де не взялася вража оса, да хватыть мене за волоса да понесе на небеса. Излетивъ я на небеса—дывлюсь—стежечка. Пойшовъ я тією стежкою—дывлюсь церковця, изъ калачыка дверци, попрянычкомъ пидперта, бублычкомъ заперта. Укусывъ я бублычка, церковця одимкнулася; укусывъ я попрянычка, церковка прочынылася; укусывъ я калачыка, церковця розчынылася. Увійшовъ я у ту церковцю—стойить пипъ, якъ грецькы снипъ. Укушу я... дакънемае ніякого прысмаку.

С. Евминка Остерск. у. Г. С. Неводовскій.

335. Нисенитныця 3.

Бувъ соби та не мавъ соби, затесавъ соби тесана, та нетесана... То жъ подарувавъ мени дидъ вола. Якъ пойшовъ я тымъ воломъ ораты, та наоравъ на прыпечку на тры горшки кваши. Та вродылы вербы, та зацвилы раки, та поспилы уюны. Якъ полизъ я тыхъ уюнивъ трусыты: трушу та трушу та натрусывъ папушу тютюну. Повъязавъ я той тютюнъ и продавъ по тры копійкы голова въ голову. Та купывъ я руно вовны, та покройивъ заступомъ свytu, та прыставывъ изъ подушкы комиръ, дакъ выйшлы такі штаны, що й не пидоймешъ.

С. Евминка Остерск. у. Г. С. Неводовскій.

336. Нисенитныця 4.

(Видкиль взялась Смолянка, болото била Вертійивкы).

Давно було це, колысь, якъ бувъ я ще маленькымъ, а дидъ уже парубкувавъ, батька жъ не було на свити ще. Достаткы въ насъ звисно яки: чортмало ничего. Отъ пошлы мы зъ дидомъ на Дуинъ на заробуиткы. Заробуиткы трапылысь правда, добри, заробылы страхъ куилько: якъ бы прыложывъ копійокъ тры, такъ мабутъ назбиралося бѣ шагуивъ шистъ. Ото жъ, вештаючысь по тыхъ заробуиткахъ, розсмакувалы мы, що земля тамъ дуже добра, такъ мы и надумалысь зъ дидомъ розвесты и въ себе такойи земли. Ну, порадылысь, набралы шаньку и пошлы. Прыходимо додому, колы жъ батько саме народывся, на прыпичку сыдыть и вже порядкуе намы: пославъ у лись по дрова на хрестыны. Идемъ, колы жъ пидъ лопухомъ на «Ташлыку» ведмидь лежыть. Мы до його, а вуинъ на втикы, мы пидъ лопухъ, ажъ тамъ кубло, а въ кубли шестеро яецъ, та ніякъ не выкотымо зъ кубла та вже я ледьве въ шапку забравъ. Прыходимо додому, ажъ у насъ свыня квокче, такъ мы й пидсыпалы тійи яйця пидъ свыню, такъ вона высыдила шистъ волуивъ-соколуивъ,—п'ять парыстыхъ, а одинъ шосты. А въ насъ уже и земли донськоїи доброи розвелось чывало. Налагодылысь оратъ мы, прыиздымо, ажъ лыхо тяжке! Вовкы внадылысь и выносылы всю землю, а на тимъ мисци верстовъ на двадцять гныле болото, гнояка чорна, смола неначе. Отъ дидъ объ полы: «Осе Смолянка!»

М. Веркiевка, Нѣжинскаго у. Е. Н. Гаврилей.

337. Прыказкы.

Доставлены: **Е. Н. Гаврилеемъ**—изъ Нѣжинскаго уѣзда, **В. П. Горленно**—изъ Прилуцкаго у., **Б. Д. Гринченко**—изъ Сумскаго, Харьковскаго и Черниговскаго уѣздовъ, **М. Н. Гринченко**—изъ с. Жеведи Черниговск. у., **Т. А. Зиньковскимъ** (одна), **М. М. Коцюбинскимъ**—изъ Винницы, **Лопатинець** и **Балты** Подольск. губ., **Оробіевки** Прилуц. у. и **Рени** Бессарабск. г., **Г. С. Неводовскимъ**—изъ Остерскаго у., **В. В. Полуботковою**—изъ Осняковъ Черниг. у., **В. Ф. Степаненно**—изъ Каневскаго у., **В. П. Цымбаломъ** (свои записи и **Т. Галушки**)—изъ г. Звенигородки и Звенигородскаго у., Киевской губ. и **М. С. Чудновской**—изъ с. Выбель Черниговск. уѣзда.

1. А бреше!—и въ землю ны дывытєся. Г. Звенигородка.

2. Абы голова—буде й борода. Нѣжинск. у.

3. Абы медь, а мухы нализуть. Нѣжинск. у.

4. А щобъ тоби дыка коза прыснылася! Звенигородка.

5. Безъ прымхы (прышты) смерты не бувае. Нѣжинск. у.

6. Безъ хлиба и куска не зйисы. Нѣжинск. у.

7. Бидному куды не кынь—то все догоры диркою. С. Лопатинцы, Под. губ. Ямп. уѣз.—Чуб., I, 232.

8. Бидность не грихъ, а неволя не смихъ. Нѣжинск. у.

9. Благодареныкы за вареныкы: боршу не йивъ, каши не бачывъ та й такъ выбачывъ. Каневск. у.

10. Блызенька солуимка лучче далекого синця. Нѣжинск. у.

11. Бодай чорты въ дядька службылы, якъ бы дядько въ мене! Нѣжинск. у.

12. Борода по колина, а дровъ не полина. Нѣжинск. у.

13. Борщъ, каша, кисиль, кваша, мамалыкга зъ мо-
локомъ, прысыпана табакомъ. Каневск. у.

14. Будьмо, та цуръ никого не гудьмо! Каневск. у.

15. Бытому собаци не показуй палкы, бо заразы
удере. Прилуцкій у.—Номись, № 5800.

16. Васыль баби сестра въ первыхъ, а бабына Гап-
ка—сама соби титка. Каневск. у.

17. Васылю! Я нароблю тоби на шью, ше й шкур-
латомъ прышыю, умрешъ, а не оддерешъ. Звенигородск. у.

18. Вашъ вуизъ—вамъ и везты. Нѣжинск. у.

19. Велька птыця, якъ горобецъ. Сумск. у.

20. Весилля тры дни, а цилый викъ злыдни. Г. Вин-
ница Под. губ.

21. Весна очи краде. (Кажуть, що передъ весною
якъ увйдешъ у хату, такъ поночи. Я помитыла, що це
звычайно въ соняшний день кажуть). С. Жеведь Черниг. у.

22. Весною—насиння, а въ осены купуй корин-
ня. Звенигородка. (Зъ приводу, що черва пойила
насиння).

23. Видчынняйтеся врата—чортъ несе тата. Лопат-
тинцы, Ямп. уѣзд. Под. губ.

24. Винъ такъ живе, якъ гуся на води. (Ни о чемъ
не заботясь). Прилуцкій у.

25. Владыка! мылость твоя велька, та чарка мала.
Звенигородка.

26. Вона тоди випчатиметься, якъ собаки лыняты-
мутъ, а ложки гулятымутъ. С. Жевель Черниг. у.

27. Въ умилотоу руки не болять. Нѣжинск. у. Но-
мись, №№ 6021 и 6022.

28. Выйде, ляше, на наше. Звенигородка.

29. Гарбузь струплеваты — безъ молока пранцеваты.
Нѣжинск. у.

30. Гарный, якъ свиня въ дощъ. Звенигородка.

31. Гобидайте ротато, бо завтра сьвято. Звенигородка.

32. Говоры на волю! Каневск. у.

33. Говоры та годуйся. Каневск. у.

34. Горе вашымъ, горе й нашимъ, але вашымъ все
тако лучше: хочъ картопля своя. Звенигородка.

35. Горе въ роскоши можна забыть, а роскоши въ
гори никола не можна. Прилуцкій у.

36. Горивонько мученице! перешлась безъ вогонь,
безъ трубы, не попадайся въ мойи зубы! Пашпортъ-
есть?—«Нѣтъ, нема.»—Вотъ тоби и тюрьма!—Хлопъ та й
выпывъ. Подольск. г. Кіев. Стар. 1892, XI, 179.

37. Горохъ по дорози качається,—поповъ челяд-
никъ высыпається. Выбли Черниг. у.

38. Гындыкъ думавъ та й злохъ, то й ты здохнешъ,
якъ будешъ думать. Звенигородка.

39. Дай же, Боже, щобъ ваши ворогы рачки лазылы,
а вамъ очи повилазылы (здоровкаются шуткуючы).
Каневск. у.

40. Дай, Боже, диты, да у дитяхъ щастя! Выбли
Черниговск. у.

41. Дай, Господы: хлиба, солы, всього доволи-
Звенигородск. у.

42. Дай тоби, Боже, здоровья повенъ жывить.
(жинци). Каневск. у.

43. Дай тобі, Боже, повни груди здоров'я, щобъ
никуды було й дыхаты. Каневск. у.

44. Де днювавъ, хай тамъ и ночує (про мертвого).
Осняки Черниг. у.

45. Де стари кони диваються? У бидного на шыйи
чепляються. Нѣжинск. у.

46. Диду, диду, я тобі въ поле пойиду. Звени-
городск. у.

47. Дило робыть—голова болыть, а за скокы оби-
бью й боки. Остерск. у.

48. Добра пряха й на скипку напряде. Нѣжинск. у.

49. Добре въ дурныкахъ буты. Каневск. у.

50. Добре слово—не полова. Винница, Под. губ.

51. До зла шыроки ворота ввнты, та узьки выты.
Нѣжинск. у.

52. До свого роду хочъ черезъ воду. Нѣжинск. у.

53. Достанеться и въ хвистъ, и въ гриву. Остер-
скій у.

54. Дрита-дрита середъ лита, прыйшла зима—
хлиба нема. Сумск. у.

55. Дурни чудеса не йдуть пидъ небеса. Прилуц-
кій у.—Чуб., I, 279.

56. Дурный такый якъ сорока. Звенигородка.

57. Жинка до пояса—чужа. Лопатинцы, Ямпольск.
у. Подольск. губ.

58. Зажурывся, що молодымъ оженився. Звениго-
родка.

59. За ткачемъ хлибъ зъ плачемъ. Нѣжинск.

60. Здоровый якъ быкъ. Звенигородка.

61. Зерко до зерка, та й выйде берко. Звенигород-
ка.—Чуб. I, 245.

62. Зъ кого сміються люде,—съ того й Богъ буде.
Нѣжинск. у.

63. Иванъ - барабанъ, Семень - бусурмень и Каленыхъ - вареныхъ напялы соби куреныхъ. Каневск. у.

64. И вже! мертвого личить, або вченого вчить. Нѣжинск. у.

65. А. Избавы, Боже, огня, меча, села Бигача, Вересоцькойи гребли и березенськоїи жинкы. Выбли, Черниг. у.

Б. Щобъ ты не мынувъ окружного суда, кошелывського бога, або вересоцькойи гребли. Нѣжинск. у.—
Номись, стр. 72 и 285, № 3674.

66. Изъ дужымъ не борысь, а зъ добрымъ не судысь. Нѣжинск. у.

67. И клипае очыма, якъ кить на глыни. Каневск. у.

68. И совається, якъ Марко голоколинный. Кан. у.

69. Йивъ бы вуиль и нежаръ, та хазяйинъ лежень. Нѣжинск. у.

70. Йижте, люде добри, годуйтесть... Якъ бы вы зналы, скільки то стойить! Каневск. у.

71. А. Йижъ, покы ротъ свижъ, а якъ зовьяне тоди не стане. Звенигородка.

Б. Йижъ, якъ ротъ свижъ, а якъ помрешъ, то й коломъ не вобъешъ. Нѣжинск. у.—Номись, № 5932.—
Гринченко, II, № 61.

72. Йижъ, Хома, та хлиба нема. Выбли Черниг. у.

73. Йому це робыты такъ, якъ дурному пирря драть (легко). Черниг. у.

74. Казавъ чортъ: Кузьму соби озьму,—та й доси не бере. Черниг. у.

75. Козы не товаръ, а дивкы не люде. Выбли Черниг. у.

76. Колоть - колоть да й на плотъ! (Якъ хто погапно пере або купається). С. Жеведь Черниг. у.

77. Колы голова обляже, тоди всякъ докаже. Выбли Черниг. у.

78. Колы пыты, то не мутыты. Балта Под. губ.

79. Колысь и нашь богъ проспытсья (поталаныть и намъ). С. Жеведь Черниг. у.

80. Кому служышь, того й слухай. Нѣжинск. у.

81. Корова въ двори, а середа въ хати. Нѣжинск. у.

82. Кумыной свахы наймыть. Черниг. у.

83. Курка на сидало,—жинка додому. Сумск. у.

84. Кыдай сапку, та полы грядку. Звенигородск. у.

85. Летивъ крукъ черезъ сукъ, черезъ безверхе дерево. (Скороговорка). Нѣжинск. у.

86. Лизь у пекло, тамъ буде тепло. Каневск. у.

87. Линывому що дня празныкъ. Нѣжинск. у.

88. Лучче пропыть, нижь солы купыть. Нѣжинск. у.—Номись, № 11718.

89. Люде—божи собаки. Каневск. у.

90. Люде хотилы, щобъ бувъ зъ мене хазяйинъ, та не диждуть. Каневск.

91. Мовчанка не пушыть,—де положишь—тамъ лезыть. Нѣжинск. у., и Харьковск. губ.—Номись, № 1117.

92. Може, кумо, вы будете дуже на горилку сылуваты (якъ просятъ у гости, такъ одмагаются) — я бильшь не выпью, якъ пѣять - десять, а пѣятнадцять найбильшь. Каневск. у.

93. Мынулыся диды, мынулыся й меды. Лопатинцы, Ямп. уѣзда Под. губ.

94. Мыши пойилы лемешы. Каневск. у.

95. На днуий гради, да тры биды. Нѣжинск. у.

96. Найився, напывся—лигъ та й укрывся. Звенигородка.

97. Налетили горобци, зговорылись про крупци, не про крупци, та про пракрупячко. (Скороговорка).— Нѣжинск. у.

98. На очы не несы, а въ ротъ не надасы. Прилуцкій у.

99. Наче бѣ и не Хома, та й миста нема. Выбли Черниг. у.

100. На що тоби гроши, якъ ты самъ хороший Звенигородка.

101. Не бійсь крыкльвого, а нышкльвого. Нѣжинск. у.

102. Не бійсь, та стережысь. Звенигородка.

103. Не буде зъ пшавчкы багачкы, а зъ ткача багача. Лопатицы, Ямпольск. уѣзда Подольск. губ.

104. Не все й макъ,—нехай буде такъ. Черниг. у.

105. Не доведеться свыни на небо дывыться. Нѣжинск. у.—Номысь, № 3830.

106. Не завсигды якъ на диды: по тры ложки меду. Выбли Черниг. у.

107. Не карай, Боже, ничымъ, якъ борщъ ни съ чымъ. Выбли Черниг. у.—Чуб. I, 232.

108. Не кыдай дровъ—до печи знадобыться.—Нѣжинск. у.

109. Не лай старого, самъ старый будешъ.—Нѣжинск. у.

110. Нема дурныхъ: поженылысь. Звенигородка.

111. Нема ключа—якъ у тань утонувъ. Жеведь, Черниг. у.—Номысь, № 10818.

112. Не напрыла пидъ дымкомъ (у зимку) та напрыла пидъ танкомъ. (Багато напрыдешъ, якъ лито-почнетъся!)

113. Не пры дитяхъ кажучы. С. Осняки Черниг. у.

114. Не родывся ще той на свытъ, щобъ себе гудывъ. Сумск. у.

115. Не родыся краснымъ, та родысящ асенъ (шаснымъ) Черниг. у.

116. Не сердься на Бога: самъ выновать. Нѣжин. у.

117. Не ты хлибъ носышь, а винъ тебе носыть. Прилуцк. у. См. № 245 этой книги.

118. Не хвалы самъ себе—есть лучи тебе. Нѣжинск. у.

119. Не хвалысь, рано вставшы, а багато наробывшысь. Нѣжинск. у.

120. Не хватайся попередь батька въ пекло лизты, бо не знайдешъ, де й сисы. Каневск. у.

121. Ни гысь, ни брысь (ни на шо не способна) Выбли Черниг. у.

122. Нихто не баче й не чуеть, якъ сирота плаче й горюе. Каневск. у.

123. Ну, дай же, Боже,—чуешь, куме, и ты, небоже,—помершымъ чаркы та пляшчата, а намъ, живымъ, горилка й дивчата (здоровкаются). Каневск. у.

124. Ну та й морозъ прыпикае! — За те мухъ та комаривъ немає. Каневск. у.

125. Обидравсь, якъ цыганъ пидъ ярмалкомъ. Нѣжинск. у.

126. Облышь, Катре, нехай твое на завтра. Чернигов. у.

127. Одведы въ монастырь,—вона й сама ктыкгне. Каневск. у. См. № 284 этой книги.

128. Одынъ годокъ подвойила, другы потройила, а на трети зблзныла—одно. Нѣжинск. у.

129. Охота не сердыться. Нѣжинск. у.

130. Опе твоя дочка ходыла праты, бо и праныкъ у загати. Каневск. у.

131. Парася, Парася, на все ты здалася—и у панстви панувать, и якъ лыхо—горювать. Выбли Черниг. у.—
Номись, № 5733.

132. Пеня не пѣе, а (имья) пѣе. (Кажуть частуючы). Остерск. у.

133. Першый хвистъ кобыли. Каневск. у.

134. Пойихавъ по сино, та й у души посило. Нѣжинск. у.

135. Покиль позычышь грошей на нови чоботы, то въ смакъ находыцца въ старыхъ. Нѣжинск. у. — Гринченко, II, № 131.

136. Покрыдида, поты й хлиба: якъ бувъ дидъ, бувъ и хлибъ, була й рыба на обидъ. Каневск. у. — Номысь, № 9137—Гринченко, II, № 129.

137. Получывъ: два бильхъ, а третій якъ снигъ. Звенигородка.—Номысь, № 13824.

138. Пообидавшы хто не оддыше, того Богъ за гришныка пыше. Нѣжинск. у.—Номысь, № 11293.

139. Попередъ невода рыбу ничего ловыть. Харьк. губерн.

140. А. Пора йой у Глыбовъ изъ дошкамы іѣхать. Б. Боюсь спать на дворіѣ, щобъ не пошуміть у Глыбовъ изъ дошкамы.—У якый Глыбовъ? —На той світъъ. Бо теперь уже холодно. С. Жеведь Черниговск. уѣзда.

141. Пошлы дурного, а за нымъ другого. Черн. у.

142. Про мене, сынку, хотъ свынку абы на мене не рохкала. Остерск. у.—Номысь, № 8926.

143. Пропало билше, нехай пропадае й менче. Звенигородка.

144. Прыходъ жыдуивеськы, а росходъ попуивеськы. Нѣжинск. у.

145. Пусты сусида у хату та й дай йому волю. Выбли Черниг. у.

146. Пьяны дурному братъ. Нѣжинск. у.

147. Пыво не дыво и медъ не хвала, а честь дорога. Нѣжин. у.

148. Рогожа на все згожа! (погордливо про людуну). Черниг. у.

149. Рукавичкы дороги, то на рукахъ берегы. Нѣжинск. у.

150. Рябый прыходывъ до рябойи качаты бараболи. Каневск. у.

151. Сало скоро растало. Нѣжинск. у.

152. Свого дида якъ бы помъявъ до обида, а послѣ обида та зновъ до дида. Нѣжинск. у.

153. Свуй хлибъ лучче чужого калача. Нѣжинск. у.

154. Се добре мъясце, колы й дытына його сце. Каневск. у.

155. Серпъ—робота, коса—охота, а ципъ—сухота. Звенигородка.

156. Скуилько не литай, а сидать треба. Нѣжин. у.

157. Слугы, на барыню пугы! Выбли Черниг. у.

158. Слушайте, громадо, що намъ панъ бреше. Каневск. у.

159. Слюсаривъ Гордій та ковалева Йивга булы соби Мыкыта въ первыхъ. Каневск. у.

160. Смерть та родыны такъ не ждуть добройи годыны. Нѣжинск. у.

161. Соби та мени, то не буде пени. Каневск. у.

162. Собъ, сири, бодай вы выдохлы,—черезъ вась, чортивъ, я й паскы не йивъ. Каневск. у.

163. Соломы жминька—копійка, а сина жмачокъ—пятачокъ. Черн. у.

164. Сонечко—золоте виконечко. Прилуцкій у.

165. Сохы та прысохы, та соломы трохы. Каневск. у.

166. Спасыби Богу, найився йй Богу, а якъ бы сивъ, до й вола бъ ззивъ. Остерск. у.

167. Спасыби за обидъ,—найився дармойидъ. А божытсья ййбогу не буду, бо ще десять разъ до вечора буду. Остерск. у.

168. Спасыби твоему батьку, що тебе такого гарного зробывъ. Черниг. у.

169. Старого учить, а кривого лечь. Выбли Черниг. у.

170. Стары, якъ песь, а бреше, якъ щеня. Оробіевка, Прилуцк. уѣзда Полтавской губ.—Номысь, № 6905.

171. Стережысь, горилко-сывухо, бо буду пыты, псяухо! Каневск. у.

172. Суивкы засуивкы прыйикалы гости зъ Носуивкы. (Якъ свитае). Нѣжинск. у.

173. Сяты Гаврыло побье й рыло (громомъ), Пантелемонъ вытопче й ромень (грядомъ), а сяты Илля наробыть гнылля (негоддю). Нѣжинск. у.

174. Така свята, — тилкы не такъ шыта. Звенигородка.

175. Такой ты гарный, якъ комень навыворотъ. Нѣжинск. у.

176. Гато маму продае, бо му хлеба не стае. Лопатинцы, Под. губ. Ямп. уѣзда.

177. Тилькы й не було, що гусыного молока. Выбли Черниг. у.—Чуб. I, 230.

178. Тоди винъ буде женытыся, якъ будуть бычки тельтыся.—Г. Рени, Измальск. уѣзда Бессараб. губ.

179. Тоди маты дурненька, якъ диткы маленьки. Остерскій у.—Номысь, № 9190.

180. Тоди соромъ загубыла, якъ ще безъ плахты ходыла.—С. Жеведь Черниговск. у.

181. Тоди це буде, якъ у поли ракъ свысне.—Черн. у.

182. Треба кебить и на печи сидить. Нѣжин. у.—Номысь, №№ 6580 и 6581.

183. Трудно, трудно Грыцькомъ звать,—та й Грыцько—гу! Выбли Черниг. у.

184. Туркы летять якъ цуркы, а наши безъ голивъ стоять.

185. Ты жъ мени, я жъ тоби, ты жъ пропъешь, на жъ тоби. Остерск. у.

186. Ты хочешъ упасть и не забыться. Канев. у.

187. Ты хочешъ, щобъ чортъ та Богу молився. Каневск. у.

188. Тыше: кабанъ пыше, а свиня дыктѹе. Звенигородка.

189. У безодню дижку воды не настачышь. Нѣжинск. у.

190. У Бога всего по многу. Прилуцкій у.

191. У Божу путь, де горилку пьють. Выбли Черниг. у.

192. У діжку гребйонка впала (воды мало, кухоль объ дно черкається). С. Жеведь Черниг. у.

193. Укравъ та й побігъ, зогнувшысь. С. Жеведь Черниг. у.

194. У лиси не безъ звира, въ болоти не безъ чорта. Прилуцкій у.

195. У осень и горобецъ мъясо. Нѣжинск. у.

196. У понедилокъ родылась, у вѣвторокъ хрестылась, у середу зльвкы, у четвергъ допывкы, у пъятницю грихъ прясты, а въ суботу помыть да поместы и гребенюовъ у хату не несты. Нѣжинск. у.

197. Усе, усе наше, тилькы грихы не наши. Каневс. у.

198. Устряешъ не мижъ свойи лыка. Харьк. г.

199. Хай йому заморочыть! (Лаяно злодія). Черниг. у.

200. Хай йому очи грають, а зубы танцюють. Звенигородка.

201. Хлиборобъ полемъ живе. Нѣжинск. у.

202. Хоть мене родычи й не зовуть, такъ я знаю, де жывуть. Нѣжинск. у.

203. Хоть нывку покынь, хоть свынку вбий. Нѣжинск. у.

204. Хоть дурный. та хытрый. Звенигородка.

205. Хоть крупнѣй, абы додому хутнѣй. (Якъ хапаются поденныци полоты). С. Жеведь Черниг. у.

206. Хоть маты моя, абы не я. Нѣжинск. у.

207. А. Хоть не дойжно, такъ долийно. Сумск. у.
Б. Хоть не вбйжно та влийно. Остерск. у. — Номись, № 10387.

208. Хоть поганый, такъ багатый. Каневск. у.

209. Кто бреше, тому лехше, а кто ны йме виры, тому въ голови дыры. Звенигородка. — Гринченко, I, № 234.

210. Кто знае й той умирае. Нѣжинск. у.

211. Кто потрудыться, — той натрубыться. Сумск. у. — Номись, № 7198.

212. Кто пытае, той не блуде. Харьк. губ.

213. Кто рано встае, тому Богъ дае, а кто пуизно ходыть, той самъ соби шкодыть. Нѣжинск. у.

214. Кто рано пидводыться, за тымъ и дило водыться. Каневск. у.

215. Худъ обидь, колы хлиба нить. Нѣжинск. у.

216. Хура не ходе здура. Нѣжинск. у.

217. Хыба свыня зыст гарбузь, покы не вкача въ болото? Звенигородск. у. — Номись, № 12270.

218. Царь на слезы не вдаря. (Що некруты хочь якъ плачуть, а йихъ у салдаты такы берутъ). С. Жеведь Черниг. у.

219. Цыганови забожытысь, що батогомъ мяснуть. Каневск. у.

220. Чого ты такъ пейсы попустыла, наче багатырка? — А чого жъ багатырки пейсы понускають? — Та йимъ

за багатствомъ и росчесаться никола). С. Жеведь Черниг. у.

221. Чортъ його беры: пропалы вивци, пропалы й кони (а не помырюсь, позываючысь). Звенигородка.

222. Чый ты? — Гапчынъ. — А Гапка чья? — Жинка моя. Каневск. у.

223. Чы прынесли (горилки), чы не прынесли, а васъ вже чорты й знесли. Каневск. у.

224. Чытае такъ, якъ бобомъ сыпле (гарно). Жеведь Черн. у.

225. Шыстомъ-кыстомъ, да не великымъ пыстомъ. (Говорится, когда человекъ горячится или требуетъ не имѣя права).

226. Щаслывому по грибы ходить, а нещасному на печи сидить. Нѣжинск. у. — Гринченко, I, № 247.

227. Що вбѣшь, те и вйдешъ. (Что заставишь, только то и сдѣлаеть). Звенигородка.

228. Що въ поли виростае, все дома знадобыться. Нѣжинск. у.

229. Що иконка, то й молювка. Звенигородка.

230. Що майстеръ — то мошеникъ, що пысарь — то пьяныця. Нѣжинск. у. Чуб. I, 266. — Ном., № 10411.

231. Якъ бере цыганъ сино, каже: я сокуру настало; якъ набравъ — ножа зроблю; а якъ за ворота вже пиде — и цього зъ його буде. Каневск. у.

232. Якъ будешъ йисты булки, то нападуть думкы. Звенигородка.

233. Якъ бы вси люде жылы, то бъ свить затьмылы. Лопатинцы, Ямпольск. у. Под. губ.

234. Якъ голодень, то йивъ-бы, а найився, то спавъ бы. Звенигородка.

235. Якъ гужа ворвать, тоди за хуру гроши по-
братъ. Нѣжинск. у.

236. Якъ корыться постолу, лучче просыть чобота.
Нѣжинск. у.—Номысь, № 1041.

237. Якъ любовь та совить, такъ и у пистъ
мясойидъ. Выбли Черниг. у.

238. Якъ не дасть Богъ смерти, то не визьмутъ
черты. Звенигородка.

239. Якъ пасе (дывиться)—якъ кить на сало. Зве-
нигородск. у.

240. Якъ пиде кому зранку, то й до вечора. Сум-
ской у.

241. Якъ пойдешъ навпростецъ, то николы дома
не будешъ. Прилуцкій у.

242. Якъ посылатъ до мыскы—такъ страму наби-
рається, а якъ до рота ведеться, то радистъ прибавляеть-
ся. Прилуцкій у.

243. Якъ схоче, то й на гору выйде, а якъ не
схоче, то й зъ горы не зйде. Звенигородка.

244. Якъ удавнытьсе, то ще й піѣсня буде (якъ
довго побуде, то стане писнею). Жеведь Черниг. у.

245. Якъ щытать корову по вдою, то молока не
йисты. Каневскій у.

Загадки.

Доставлены: Е. Н. Гаврилеемъ (Нѣжинск. у.), Г. С. Неволовскимъ
(Остерск у.), В. Ф. Степаненкомъ (Каневск. у.) и М. С. Чудновской
(с. Выбли Черниг. у.).

1. **Верства.** Самъ не бачыть, не чуе, а всимъ доро-
гу вказуе.—Нѣжинск. у.
2. **Видро.** Деревъяне, подвязане деревомъ—Нѣж. у.
3. **Виль.** Народыться—на дудку грае, выросте—поля

копает, а вмре—прочыщае,—Канев. у. Номись, № 109.—
Гринч. II., 310, № 1.—Семент., 336.

4. **Выла.** Вызу рогы, а вверси хвистъ—Нѣжин. у.

5—6. **Вытушка.** 1. Прыйихалы гости, стали на помости,
розипъялы, розставылы свои руки-кости. Каневск. у.—
2. Въ одному гнизди чотыри ярма.—Нѣжинск. у.

7. **Голна.** Кынувъ Орыну черезъ долину,—де впала,
тамъ и пропала—Каневск. у.

8. **Жорна.** Чотыри стоять, одынъ верне.—Нѣжин. у.

9. **Замонъ.** Мовчанъ собачка всього дому стереже.
Нѣжинск. у.—Номись, № 274.

10. **Заступъ.** Изъ тюрьмы та въ тюрьму скаче.—Выбли
Черниг. у.

11. **Звидъ до крыныци.** Журавель у нору, а яйця
нагору—блысь!—Каневск. у.

12. **Каблучна и палець.** Сыдыть пани на майдани,
прыйшовъ панычъ, каже:—«Позычъ».—Вельке маешъ, у
мое не вбгаешъ».—Остерск. у.

13. **Каганецъ.** Чорна мазнычка. а золоты пыпныкъ.—
Нѣжинск. у.

14. **Кинь: хвистъ, очи, уши.** Симсотъ свыще, чотыри
тупоче, дви дывытсья, два слухае.—Нѣжинск. у.

15—16. **Ключъ и замонъ.** 1. Сандачыть, сандачыть,
поки дирку побачыть, а якъ дирку знайшовъ, по шыю въ
ней зайшовъ.—Каневск. у.— 2. Бижыть гонецъ, выстро-
мывъ конецъ, якъ дирку побачывъ, туды й засандачывъ.—
Каневск. у.

17. **Колеса и кинь.** Чотыри браты та уси горбати,
а пъятый Хома и той зъ хвостомъ.—Выбли Черниг. у.

18. **Колядки.** Загадаю загадку, перекину черезъ хатку,
пошла загадка въ походъ, а вернулась черезъ годъ.—
Нѣжинск. у.

19. **Конопли.** Стоить верба, на верби много гилля.
Нѣжинск. у.

20. **Корова и овечка.** У рули чотыри кгули, а у стрыли дви.—Нѣжинск. у.

21. **Коромысло.** Бисъ на бабу полизъ, на баби впо- тивъ та на дивку схотивъ.—Остерск. у.

22. **Кропыва жалыть.** Олена зелена, поцилуй—свер- быть, болыть и чухаты хочеться.—Каневск. у.—Номысь, № 211.

23. **Курна.** Бигае Мотрушка у ста кожушкахъ, якъ витерь повіе, то й спына замріе.—Каневск. у. Чуб. I, 310; Ном., № 75; Закр., 84; Семент., 360—361.

24. **Ложка.** Булава, а въ ротъ лизе.—Нѣжинск. у.

25. **Лысыци на викини.** Що саме лучче квиткы робыть?— Нѣжинск. у.

26. **Льонъ.** Стойить трава зеленая, а на верси 20 голуивъ.—Нѣжинск. у.

27. **Лянтва (?)**. Не гришнее, а повишене. — Нѣ- жинск. у.

28—29. **Млынъ.** 1. Крутыться, вертыться й Бога не бойиться.—Нѣжинск. у.—Номысь, № 425.—2. Дубъ-верто- лубъ, а на дуби хатка.—Нѣжинск. у.

30. **Молоко птыче.** Чого не було й не буде, а його называютъ люде? —Конотопск. у.—Нѣжинск. у.

31. **Мрець у труни.** Деревъяный пырожокъ начыне- ный мясомъ.—Нѣжинск. у.

32. **Муихъ.** И въ васъ, и въ насъ поросюкъ завязъ.— Нѣжинск. у.

33. **Небо, зирны, сонце, мисяць.** Розисланный кожу- шокъ, посіянный горошокъ, а на краяхъ хлибъ и пивъ хлиба.—Каневск. у.

34. **Нижъ.** Изъ кинця колодочка, а на кинци гостре.— Нѣжинск. у.

35. **Нисъ и пальци.** Одынъ пыщыть, а пъять та- щыть.—Нѣжинск. у.

36. **Овоць.** Що безъ диркы нальваеться?—Нѣжин. у.

37. **Очи, нись и ротъ.** Моргунъ, хапунъ и сопунъ.— Нѣжинск. у.—Номысь, № 222. Закр., № 14. Семент., № 73.

38. **Павутыня.** А що въ хати нетесане й чоловікомъ не роблене?—Каневск. у.—Номысь, № 329;—Чуб., стр. 313;—Закр., № 115;—Семент., № 250.

39. **Паперъ.** Кынъ на землю—не розбѣється,—кынъ на воду—ропливеться.—Нѣжинск. у.

40. **Перо.** Безъ языка, а все скаже.—Нѣжин. у.

41. **Пивень.** Родився, не хрестывся, писнею Богу згодився.—Нѣжинск. у.—Номысь, № 72.

42. **Пичъ.** Злизъ на мене, поялозь мене,—я покрашаю.—Нѣжинск. у.

43. **Помело.** Прыйшла пани въ сыньому жупани, шаталася, моталася, пудъ пичъ заховалася.—Остерск. у.—Номысь, № 331 и 334;—Семент., № 239 и 240.

44. **Ратыще.** Изъ конца гостре, а изверху хвистъ.—Нѣжинск. у.

45. **Росколына.** Що въ хати само робыться?—Нѣжинск. у.

46. **Рыба.** Есть крыла,—не летаю, нуигъ нема, а гуляю, по земли не хожу, на небо не гляжу, зуйръ не щытаю, людей не знаю.—Нѣжинск. у.

47. **Самуваръ.** Стоить хлопечь на мосту, крычыть: «Усихъ оболлю».—Нѣжинск. у.

48. **Снипъ пашни.** Тысяча бративъ звязаны, на матиръ поставлени.—Нѣжинск. у.

49. **Сонце.** Стоить дубъ-вертолубъ, на туимъ дуби вертолуби сидить птыця-вертолыця, ниhto ййи не доста не—ни царъ, ни цариця.—Нѣжинск. у.—Номысь, № 17;—Семент., № 5.

50. **Соняшныкъ.** Стоить дубокъ, а на верси картузокъ, въ картузку много дитокъ.—Нѣжинск. у.

51. **Соплякъ.** Що морозу не бойиться, а ще на верхъ вылазыть?—Нѣжинск. у.

52. **Сосульки на стриси.** Що вверхъ коринемъ росте?—
Нѣжинск. у.

53. **Стриха.** Що внизъ дывыться?—Нѣжинск. у.

54. **Телямъ.** Чымъ сперва вуиль ходывъ?—Нѣжин. у.

55. **Трое.** Ишлы мужъ изъ жоною и братъ изъ сестрою, и шурынъ изъ зятемъ, найшлы вони яблуко й розризали на четверо та й не подиляться: взять по четвертыни — одна остається; а взять по дви—одному не стае. Скуилько йихъ було? — Нѣжинск. у. — Номысь, № 257.

56. **Хата, покривля.** Основа соснова, пидткання соломяне.—Каневск. у.

57. **Ципокъ.** Ни очей, ни плечей, а старцуивъ водыть.—
Нѣжинск. у.

58. **Ципъ.** Лищынка й дубокъ, въ середины шкура-токъ.—Нѣжинск. у.

59—60. **Цыбуля.** 1. Марушка-семькожушка, якъ допече, то й вода потече.—Нѣжинск. у.—2. Сыдыть сыдуха въ самы кожухахъ, а ще посынила.—Нѣжинск. у. Номысь, № 184.

61. **Чоботы.** Дусели, дусели, лизте на мене.—Нѣжинск. у.

62. **Навищо жыто сіють?**—Бо садыть не можна.—
Каневск. у.

63. **На чимъ стойить викно?**—На дирци.—Канев. у.—
Номысь, № 281.

64. **По чому жыто сіють?**—По рилли.—Нѣжинск. у.

*Матеріалы, поступившіе во время
печатанія книги.*

Къ отдѣлу I-му.

339. Кишка.

1. Якъ киньмы йидешъ, такъ не можна кишку або кота на визъ браты, а якъ воламы такъ можно.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко.

2. Не можна кишку на визъ браты, бо хочъ вона и не важка, якъ ййи пидняты, а конямъ дуже важко, якъ вона на вози, такъ, шо й прыстануть. Хочъ такъ положи, шо кони й не бачытумуть и хочъ четверыкъ запряжи, такъ усе одно прыстануть.

Богодух. у. Харьк. губ. М. Н. Гринченко.

340. Мыши.

Якъ мышей багато заведеться, то выжывуть съ того мисця.

Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

341. Гадюка.

— Моя невістка такъ оце журытьсе: Кузьма вже чотыри дни хворый лежыть.

— Шо жъ йому такє?

— Погана штука йому случыласє: самъ собіѣ лыха здобувсе. Бачыте, вуонъ на поліѣ бувъ, оравъ и вже чы вуонъ выоравъ гадюку, чы де вона взеласє, я вже не знаю. Ну, туолькы бачыть вуонъ, шо гадюка и така здорова, а вуонъ излякавсе и давай йійѣ люшнею быть. Вуонъ же бѣе, а вона проты його такъ и зопнетъсе, такъ на хвустъ зопретъсе да такъ и зопнетъсе та такъ сычыть. А вуонъ йійѣ люшнею. Добре попоганявсе, покуль убывъ такы. Та съ того дня й лежить: болыть усе и такъ наче пропасныця трусуть. И зовсимъ не здужає ничего робыть. Волочыть уже чоловіѣка одного попрохавъ за себе. Кто зна, шо йому й робыть теперь? И на шо було йійѣ займаты?

с. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко.

342. Жыве серебро.

II. Це озерце мабуть одъ розльву zostалося? Довго якъ не высыхає.

— Ни, це озерце не одъ розльву. Це такє озерце, шо може колысь и Десна высохне, а воно ни.

— Чому жъ то такъ?

— Це, бачыте, якєе озеро. Колысь тутъ, кажуть, зовсимъ трохи воды було. А одынъ чоловикъ и вкынувъ туды жывого серебра. Не мало й укынувъ: хунтъ, чы може й два. Такъ воно якъ почало крутыть, якъ почало крутыть, та выкрутыло такъ, шо й дна не можна достать. Вы гляньте, якъ по йому витерь хвылю гоне. Такъ и видно, шо глыбня.

— На шо жъ той чоловикъ жывого серебра кыдавъ?

— Ну, значыть, уже йому треба було. То такыи чоловикъ бувъ, шо...

Звощыкъ озырнувся на озеро и не ставъ билше про його розмовляты.

М. Н. Гринченко по дорогѣ изъ Чернигова на вокзалъ. 1898.

II. Чы правда, що живого серебра не можна у ріѣчку кыдаты? У насъ кажуть, шо не можна.

— Чому жъ не можна?

— Кажуть, шо яму здорову выкруте. У насъ у ріѣчциѣ не було ямы, а теперъ стала та така глыбока. Такъ хлопци кажуть, шо то вони живого серебра вкынули, такъ воно й выкрутыло.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко, въ 1900 году.

Къ отдѣлу II-му.

343. Про годыну.

1. Качкы и горобци хлюпошуться на дощъ, а якъ дзюбки ховають пидъ крыла—холодъ.

2. Якъ у вуси свербыть,—буде дощъ.

Веркѣвка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

344. Дытына.

1. Якъ нарощенному завъязують пупокъ плоскинню, то не буде йому ладу у жытти.

Каневск. у. В. Ф. Степаненко.

2. Якъ дытына стуляе кулакы, то скупе буде, а якъ растуляни долони держыть, то буде щедре.

3. Якъ пелюшка заночуе на двори, то дытына не спатыме.

4. По заходъ-сонця не вынось купелю на двуирь—дытына неспокойна буде.

№№ 2—4 записаль въ м. Веркiевкѣ Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

345. Хвороба. Смерть.

1. Не годыться личыть зубивъ у роти, бо падаты-муть.

2. Переступаты черезъ коромысло не годыться, бо спына болитыме.

3. Якъ несуть мерця, то не годыться у викно ды-выться.

Каневскій у. В. Ф. Степаненко,

4. Хворы мисце перемина—на смерть.

5. Нись свербыть — на покойныка, а переносья на смерть.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

6. Якъ хто гукае уночи пидъ викномъ, такъ треба лаять: «Иды за чортовымъ батькомъ!» або «За лысымъ дидомъ!»... Воно й пиде. А обзыватися не можно, а то ще хто вмре.

В. В. Полуботкова въ с. Оснякахъ, Черниг. у., въ 1900 г. Харьк. г.

346. Йижа.

1. По заходи сонця не годыться почынаты хлиба ризаты.

2. Не годыться зъ ножа хлибъ йисты.

3. Не годыться въ молоко крышыты хлиба ножемъ, бо корова захворіе на жывить.

4. Якъ умре хто въ сели, не клады въ той день ва-рева въ погрибъ—буде snyднты.

Каневскій у. В. Ф. Степаненко.

347. Кваша.

— А то ще хотілося мінії дознатсье, якъ квашу звать, такъ matka, ажъ была мене, щобъ не дознаваласе.

— Та якъ же це якъ квашу звать? И за що жъ васъ matka была?

— Та знаете, въ насъ такъ кажуть, шо квашу якосъ звать, ну не коженъ знае якъ, и не можна визнавати, бо якъ хто есть у хати такый, шо знае, такъ уже тоды хочъ не робы кваши, бо не вдастьсе. Такъ мене matka й была, щобъ я не визнавала, а то бъ и въ насъ кваша не вдавасе.

— А есть же въ васъ у сели таки, шо знають, якъ квашу звать?

— Ну, звісно есть. Тамъ у насъ одинъ чоловікъ, такъ вуонъ до безконешности квашу любить, ну знае, якъ йийъ звать, такъ у йихъ зроду не вдастьсе. Уже якъ схочуть, щобъ удаласе, такъ у сусіѣдъ роблють, або хочъ и дома, такъ такъ, щобъ вуонъ не знавъ, бо якъ узнае, такъ усе одно хочъ заразъ геть выльи, бо не вдастьсе. Спасыбы матціѣ, шо мене тоды побыла, а то якъ бы визнала, такъ и въ насъ бы не вдавасе, а я жъ йийъ шо люблю!

С. Жевель Черниговск. у. М. Н. Гринченко 1900.

348. Одежа.

1. На соби одежи не зашывай, бо й розумъ зашпешъ.

2. Хлопцямъ не годыться намыста надиваты, бо будуть вовка боятысь, а дивчатамъ—шапки, щобъ урокивъ не боятысь.

3. По дви шапки не годыться надиваты, бо дурнымъ будешъ.

Каневскій уѣздъ В. Ф. Степаненко.

349. Гарбузы.

I. Ты жъ гледы, у Переплавну середу гарбузы посады. Та не поленысь, раненько встань, щобъ до схуодъ сонца вже й посадыла. Такъ шо солодкійи будуть!

М. Н. Гринченко, отъ дивчины изъ с. Котовъ Черниг. у., въ 1900.

II. Треба пустоцвить зъ гарбузивъ позриваты та мижъ череду кынuty, такъ дуже багато гарбузивъ буде. И зъ огиркивъ такъ саме.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко 1900.

350. Свѣйска тварь.

1. Якъ собака потягнется на кого,—той подарокъ получе.

2. Якъ собака вые, пиднявши вгору голову, то ан пожаръ, а якъ унызь опускае—на мерця.

Веркѣвка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

3. Не колядуй у пистъ, бо куры не нестымутся.

4. Не перевертай куркы, бо не нестыметься.

5. На Благовисныка ничего не шля гребты, щобъ куры не греблы грядокъ.

Каневскій уѣздъ. В. Ф. Степаненко.

6. Вы знаете, шо якъ буюбъ цвите та макъ, такъ гусятамъ тоды дужей погано бувае. Якъ попрыходють до дому, такъ якъ пьяныйи, такъ и валяютьсе, та дохнуть. Я вже й сама не знаю, чога воно такъ, а туольки добре знаю, шо покуойна матка такъ було плаче, якъ макъ цвите, бо то вже знае, шо дохтымуть. Уже було вона й ихъ и гнѣздомъ подкуруе, знарошне було гусяче гнѣздо зоставляе, и чога вона йимъ не робыть! И чога воно такъ? Шо вже жъ вони тоды й чымалыйи перостуть, а дужей йимъ нездорово бувае. Чы то може духъ такый одъ маку недобрый на й ихъ бувае?

С Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко, въ 1900 г.

351. Не годяться робыты на порози.

1. На порози не годяться зустричатысь.
2. Черезъ поригъ ничего не подаваты: не годяться.
3. Рубаты до порога не шля.
4. На порози йисты не годяться.

Каневскій уѣздъ. В. Ф. Степаненко.

352. Що и колы не годяться робыты.

1. Проты п'ятницы не годяться мыты ложокъ.
2. Винька не годяться кыдаты у пичъ,—сажа займатиметься.
3. Жинкамъ топтаты помела не годяться.
4. Проты великого свята зъ свитломъ не годяться выходыты на двиръ.
5. Понедилокъ та четверъ важки дни.

Каневск. у. В. Ф. Степаненко.

353. Якъ продаваты.

Якъ несешъ або везешъ на базаръ шось продаваты, такъ не треба ставаты на дорози, якъ хто хоче купыты, бо добре якъ купыты, а якъ не купыты та заторгуе, то вже никто бильшойи цинѣ не дасть, а то й зовсимъ не продасы.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко.

354. Злагода.

1. Шобъ була злагода, треба суиль на хлиби передавать.
2. Ножа не даруй: посердышся.

Веркѣвка Нѣжин. у. Е. Н. Гаврилей.

Къ отдѣлу III-му.

355. Ночныця.

Я бѣ хотила, щобъ на мене ночныця напала, щобъ не спаты... А то такъ сплю!

С. Жевель, Черниг. у. Б. Д. Гринченко.

356. Золотуха.

Одъ золотухы помагають золоти сережки, куплени безъ торгу.

Веркиевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

357. Грызь.

— Прийшла до Одарки, щобъ нуогу погрызла. Оце прийшла въ городъ, а вона такъ дужей заболѣла. Думаю, шо жъ воно такее? Уже жъ минѣ не первына въ городъ ходыть. Колы слухаю, ажъ рыпыть,—ну, грызь, значыть. Такъ оце й прошу Одарку, щобъ погрызла. Вона жъ послѣдняя, такъ одъ йѣ поможетьсе. Одъ первого й одъ послѣднього помогаетьсе, а одъ середульшыхъ уже нѣ. И чога воно такъ?

М. Н. Гринченко, отъ дивчины изъ Черниговск. у., въ 1900 г.

358. Отрута жабою.

— Ой Боже мій! Така въ мене болисть, шо вже ма-
буть навикы я нещасна черезъ нейи буду. Хочъ бы вже
и вмерты, такъ не дае Богъ смерти.

— Шо жъ у васъ больть?

— У животи болить. Дано мени. Ось нате, полапайте, якый у мене живить; а теперь прытулиться отутъ^м вухомъ та послушайте. А що, чуєте?

— Ничого не чую.

— Ой, Боже мій, якъ же такы вы не чуєте? И шо жъ мени на свити Божому исъ такымъ лыхомъ робыты?

— Та роскажить же, шо вамъ таке?

— Охъ, лышенько мое тяжке! Хазяйинъ мій, то живъ якъ слидъ, а то й почавъ ходыты до однійи удовы, полюбовныця, значыть, вона йому була. Мени й сказано. Господы, шо я попомучылася! Уже жъ такы мы не молоденьки, сына оженыты диждали, а винъ отаке надумавъ. Я вже ййи й не чипаю, бо такы жъ и проты свойихъ дитей, и проты людей соромъ, шо отаке на старистъ. А йому кажу нышкомъ, уговоряю. Такъ и не блызько, такымъ важкымъ духомъ на мене дыхаты почавъ. Ну, вже терплю, а винъ уже такъ почавъ носыты до нейи, шо вже й сынови выдно. Такъ йй же мало того: схотилося замижъ за його питы, шобъ уже все хазяйство посисты. Такъ вона й надумала мене зъ свиту звесты и сына. На весилли увъ одныхъ людей гулялы мы, и вона гуляла, такъ вона тамъ и дала и мени, й сынови.

— Чого жъ вона дала?

— Мени чоловикъ такый, шо знае, росказувавъ. Я, якъ сталося мени лихо, пойихала до його, такъ винъ и каже: «Це,—каже,—тоби дано, чорнява молодыця у горилци дала». А шобъ дала, такъ и казаты страшно. «Узяла,—каже,—жабу та съ чорнойи гадюкы голову, высушыла, зомъяла та въ горилци й дала. И я,—каже,—тоби не поможу, шукай людей». Я зновъ до бабы пойихала,—не пособылося. Нездужаю та й годи: сама сохну, а жывить росте. Бачыте, якый вырисъ, це його кубло такъ роспирае.

— Яке кубло?

— Та вони жъ выплодылися тамъ. Та, Господы, якъ заворушуться, якъ почнуть крюкаты, то вже, якъ бы гриха не боялася, то смерть бы соби загодіала. Другый годъ оце мучымося и я, и сынъ.

— И въ сына жъ така хвороба?

— Ни, винъ тилькы сохне. Йому такъ и дано, щобъ сохъ. Де вже я не була, кого не пытала, такъ ниhto не пособляе одъ цього лыха. Оце прыйшла до святителя Феодосія, одговіюся, та може чы не напытаю людей, бо тутъ, кажуть, багато народу буває.

— Хотите, бабо, я поведу васъ до ликаря та попрося, щобъ прыняли васъ у ликарню, може тамъ пособиють?

— Э ни, спасыби вамъ, що клопочетеса, а тилькы я туды не пиду, не хочу.

— Чому?

— Мени вже давно казано: иды, бабо, до ликаря! а я не йду. Хыба я ликаривь не знаю? Вони, звисно, ради булы бъ, якъ бы я до йихъ пишла ись такою болистю: «Отъ, бабка, харашо сдилала, шо прыйшла, мы тебе выличымъ». А якъ бы бабка була дурна та послухала бъ йихъ, то вони бъ ййи швыдко выличылы. Дали бъ бабци такого, щобъ заснула та ничого не чула, та живій и розризали бъ живить.

— На шо?

— На те, щобъ подывытеса, шо тамъ таке, бо така болисть не часто буває, такъ йимъ и треба роздывытеса. А тоди зварылы бъ бабку на кгокголь.

— На який кгокголь?

— На такый, щобъ людей нымъ личыты. Та й нехай диты шукають тоди матери. Ни вже, спасыби вамъ, шо клопочетеса, а я до ликаривь не пиду. Вже якъ не найду соби людей, щобъ пособиылы, такъ пиду додому та й дождыдатыму смерты. И высповидаюся, и запрычастюся, и поховаюгъ якъ слидъ. А то пишла бъ я до ликаривь, щобъ

заризалы та зварылы, та й пропадай хрыстыянська душа...
Ой-ой-ой, уже заворушылись!..

М. Н. Гринченко отъ прочанки изъ Полтавщины, въ 1898 г.

Къ отдѣлу IV-му.

359. Нечыста сыла у непосвяченій хати.

Була въ чоловіка хата непосвященная. Винъ бувъ самъ, а до його ходывъ небожъ ночуваты. На ту ничъ старшый небожъ не хоче йты: — «Дидь,— каже,— говорыть зъ кымсь». И меншый не хоче, вже сылою його вытаскалы. Дидь спавъ на печи, а хлопецъ на полу. Ажъ влитае наче коршыкъ красный зъ верха. Дида заразы за глотку, перекусывъ йому глотку, подравъ бикъ, а хлопця давывъ, а той кынувся тикать, а хата защабнута (хто його знае звидкиль). Коло порога языка йому вытягъ, подравъ когтями груди...

Назавтра не одмыкаются, ничего не чутъ. Такъ люде зибралыся, одбылы двери, ажъ дидь совсимъ мертвый, а въ хлопця языкъ вытягнутый.

В. В. Полуботкова въ с. Оснякахъ Черниг. у., въ 1900 г.

Къ отдѣлу V-му.

360. Москаль и упырь.

Ишовъ москаль зъ службы, ажъ у лиси стойтъ хатка, а у хатци лежить мертвецъ и всего наготовлено: и горилка на столи, и сало, и все... Винъ найився, напывся, та тилкы ставъ хрестытыся, ажъ мертвецъ и встает. Москаль перелякався и сивъ на лавци. И собака чорный

лежавъ тамъ. Такъ мертвецъ зсунувся, а москаль хотивъ въ хаты; мертвецъ його за полу, повалывъ його та й задушывъ. Людей насходилося та москаля однесли въ церкву, одправили надъ йимъ панахыду, а того мерця положили въ труну, обложили дошкамы, та тоди привели другого москаля, щобъ винъ штыкомъ пробывъ труну, щобъ и груды мерцю проколовъ. Пробывъ той труну, высочыла кровь, попала попу на рызы, пидняло його высоко и той убывся.

В. В. Полуботкова въ с. Оснякахъ Черниг. у., въ 1900 г.

361. Щобъ видьма не влисла.

Протывъ Ивана застыркують кропыву за викна, щобъ видьма не влисла.

В. В. Полуботкова въ с. Оснякахъ Черниг. у., въ 1900 г.

Къ отдѣму IX-му.

362. Про жинку скупого чоловика.

Бувъ соби на сели одынъ чоловикъ—такый скупый, що не дай Господы! Жинка його скільки не заробить, а все ходыть у драному и боса й гола, ще й голодна. Жалко йий дитокъ, та ничего не може вдять, такой поганный у нейи бувъ чоловикъ: скрыню одъ нейи замыкае и ничего йий не дае, а самъ на себе тратыть. Пишла тая жинка до попа—росказала усе. А пипъ каже:

— А ты ось що зроби—умры. Я тебе наче поховаю, потимъ побачымъ, що буде. Нехай тилькы про це знае твоя кума, а бильшь ниhto.

Пошла тая жинка та й каже усе куми, щобъ вона прыйшла, якъ вона вмирать буде. На другый день жинка тая лягла та й стогне. И кума ййи прыйшла.

— Идить, каже, куме, жинка ваша вмирае.

Вона певне знае, що то тилькы кумедія.

Прыйшовъ чоловікъ, подывввся, баче, що справи такы вмирае. А винъ ййи не любывъ.

— Дайте жъ хочъ билу сорочку на мертву надить,— каже кума.

Винъ вытягъ зъ скрыни таку драпу сорочку, що кума якъ надила, дакъ и соромъ дывтыся: ажъ гришне тило свитытыся. Закрыла вона ййи рядомъ, поклала вже й у труну.

Тая жинка чуе, що биля нейи диты плачуть. Якъ ййи, бидній, було лежаты! Але вона все терпила. Тоди була зима, то на кладовыще ништо не пишовъ: тилькы чоловікъ, кума, та тйи люде, що неслы. Оце вже треба ййи ховать у яму, та ни на чимъ спуськать. Батюшка каже до чоловіка:

— Иды додому да прынесы полотно.

Винъ пишовъ додому за полотномъ, а батюшка вже каже жинци:

— Вставай швыдче!

Вона встала. Кума надила на нейи кожушанку.

— Бижы,— каже пипъ,— до мене.

Побигла жинка до попа. Прынисъ чоловікъ тее полотно, труну порожню поховалы. Жыве тая жинка у батюшкы, а чоловікъ зъ дитьмы бидуе: хата не топлена, диты голодни й не мыти. Не знае винъ, що зъ нымы робыты. Клыче його батюшка до себе на роботу. Колысь увйшовъ тый чоловікъ у хату, баче— жинка коло печи пораеться.

— Якъ бы оце я самъ не бачывъ, батюшко, якъ вы мою жинку ховалы, то подумавъ бы, що це моя жинка,— каже мужыкъ до попа.

А пипъ йому каже:

— Се удова зъ сусиднього села; вона въ мене другый рикъ живе, дуже гарна жинка: роботяща така.

Черезъ килькы днивъ приходить чоловикъ зновъ до попа.

— Се я,—каже,— хочу одружиться, та не знаю, чы пйде жъ хто за мене, що въ мене дитей багато?

— А може моя наймычка й пйде? Та тилькы я боюся йй и казаты про тебе, бо ты и зъ нею будешъ такъ жыть, якъ зъ першою. Ты въ гости и до шинку, а вона дома. Ты гарно вдягнутый, а вона въ драній спидныци.

— Йй Богу, батюшко, теперъ уже я такъ не буду, абы ся жинка пишла за мене.

— Та хто жъ його знае? Може й пйде? Я зъ нею поговорю—каже пипъ.

Дакъ у того чиловика ажъ очи загорились—такъ уже йому тая жинка подобалась. Винъ до нейи усе прыдвляється, а вона скаже слово, два, та й зновъ за роботу. Не дуже то на його й дывыться.

Зновъ приходить чоловикъ до попа, а його нема дома. А пипъ уже навчывъ жинку, що треба й казаты.

— Се,—каже,—я до васъ. — Та й ставъ коло порога и очей не зведе.

— Та чого жъ вы стали коло порога? Идить сюды,—каже його жинка.

Вытягла зъ печи млынци, поставыла на стилъ горилку. Винъ такый радый. Пойивъ, попывъ, потимъ каже:—«Се я прыйшовъ до васъ, та боюсь, що вы й слухаты мене не схочете».

— Та кажить уже, може й послухаю.

— Чы не пйдете вы за мене замижъ? Въ мене дитей багато, та ще й мали.

— Дакъ шо жъ? Я дитей люблю.

Винъ такый радый, а вона ще бильшъ. Повинчавъ йихъ батюшка. Якъ увишла вона въ хату, то старша

дочка думает:—Якъ вона похожа на нашу матинку, та чы буде жъ вона така добра, якъ маты?

Чоловикъ каже:

— Мы ляжемъ на пичъ, а диты нехай доли сплять.

А въ нейи ажъ сердце болыть, та вона йому ничего вже не каже. Винъ клыче старшу дочку:

— Нахыльсь, нехай маты на твою спыну стане, щобъ на пичъ злизты.

Бидна дытына думает: Якъ наступыть мачуха на спыну, то й кисткы поламае. А вона легесенько ступыла— тилькы що доторкнулась ногою.

Тоди диты лежать та нышкомъ розмовляють: «Мабудь и мачуха така буде добра, якъ маты». Зъ того часу взяла тая жинка все добро въ свои руки. Диты вже не спалы доли. Вона гарно одягнута. Що хоче те й робыть. Чоловикъ зовсимъ другый ставъ. Выйдуть диты на вулицю, дакъ инши кажуть: «Въ насъ мачуха лыха». А вони кажуть:—«А наша мачуха така добра, якъ ридна маты».—Такъ отъ якый чоловикъ зробывся, якъ удруге побрався зъ своею жинкою.

Записала Одарка Романова отъ крестьянки с. Филевки Нѣжинскаго уѣзда, Черниг. губ., Василисы Наконечной.

363. Стрыжено! Стрыжено!

Йихавъ чоловикъ зъ жинкою полемъ. Було се литомъ, саме о ту пору, якъ на поли такъ хороше, такъ весело та любо, що й додому не хочеться. Йихалы вони дорижкою помижъ пашнею. Кобыла тюпае соби помаленьку, а лоша попереду—вскубне трохы травыцы, зробыть выбрыка та й дали. Дывытьса чоловикъ, хтось на ньви ячминь покосывъ.

— Дывысь,—каже,—жинко: вже й ячмень покошено.
А жинка каже: «Стрыжено».

Булы воны въ кума въ гостяхъ, дакъ ще тамъ жинка чогось распрындылась. Чоловикъ подывывсь на нейи та й каже:—«Опъяты!»—А вона закопылыла пысокъ та й одвигуе:—«Опъяты».—«Жинко, — ставъ винъ изновъ казаты,—мовчы колы хочь!..»—«Чого я буду мовчаты?»—«А чого жъ ты перечышь: стрыжено, колы воно кошено.» А вона изновъ:—«Ни, стрыжено!»—«Ой, та будешъ быта; кажуть тоби: кошено!»—«Стрыжено!» Чоловикъ зопынывъ кобылу. Злизъ винъ зъ воза та й пытае, держучы батигъ наготови: — «Чы кошено?»—«Стрыжено!»—«Злизъ зъ воза!»—grimнувъ на нейи чоловикъ: А вона:—«Не злизу!»—«Геть зъ воза, кажуть тоби!»—«Не злизу я зъ воза... чого я злизу?»—«Злазь, тогди побачымо, чы кошено!» А вона изновъ:—«Стрыжено!»—«Брешешъ, кошено!»—закрычавъ чоловикъ та й почавъ ййи чустрыть батогомъ. Чустрыть та прыговорюе:—«Кажуть тоби: кошено! Кажуть тоби кошено! Бисова баба ажъ пыщыть пидъ батогомъ та знай свое грае:—«Стрыжено! стрыжено!»

Кобыла, почувшы, якъ чоловикъ трактуе батогомъ свою жинку, стала комызыться, трохи воза не перекинула; побигла бъ, дакъ хазяинъ въ одній руци вижки держыть. Бачыть чоловикъ, що зъ сього дыва не буде пыва. сивъ на визъ та й пойхавъ дали.—«Ось потрывай,—каже,—суча дочко, прыйидемо до господы: буде въ мене кошено!»—«Стрыжено!»—«Буде й кошено!»—«Стрыжено!»—«Потрывай! потрывай! Буде й кошено!»

Прийихалы додому. Ставъ пытать чоловикъ жинку:—«Чы кошено?» А вона изновъ:—«Стрыжено!» Пиймавъ винъ ййи за космакы та й потаскавъ до коморы.—«Кажы, суча дочко, чы кошено?»—«Стрыжено!»

Роздягъ винъ ййи, прывъязавъ до стовпа та й почавъ частуваты батогомъ. Бывъ, бывъ, а потимъ пытае:—«А чы, що кошено?»—А жинка изновъ свое:—«Стры-

жено!»— «Ось постой же!—каже йий чоловікъ: я тебе, проклятушу бабу, втоплю!»—та й потягъ ййи до ричкы. А ричка була недалечко, заразъ на городи.

Прывивъ до берега, пытае:— «Кажы, що кошено, бо втоплю!» А вона:— «Стрыжено!» Винъ ййи шубовть у воду!.. Подержавъ трохы въ води—вытягъ, пытае:— «А що, чы й теперь стрыжено?»— «Стрыжено!»

Винъ ййи изновъ у воду... Отъ-отъ пропаде дурна баба.. ажъ бульбашкы стала пускаты, а ще такы пидняла зъ воды руку та й стала выробляты пальцями такъ, наче кравець ножицями риже: се бъ то: — «Стрыжено! стрыжено!»

Бачыть чоловікъ, що нельзя здолаты завзятойи бабы, вытягъ ййи зъ воды та й плюнувъ.

Полтавская губ. Л. И. Глябовъ.

364. Чортъ посварывъ чоловіка зъ жинкою.

Бувъ соби на сели мужыкъ зъ жинкою, жылы вони гарно багато рокивъ, николы мижъ ними не було сваркы. Чорту ажъ нудно стало, що вони такъ гарно жыють. Винъ всякъ думавъ, якъ бы ихъ скусыть. Прышовъ винъ у хату до жинкы, вона саме пичку топыла. Самъ одягнутый якъ мужыкъ.

— Ось, каже, якъ ты гарно зъ чоловікомъ живешъ, а винъ сю ничъ умре.

А вона каже:

— Лышенько! Чого жъ се винъ умре?—Злякалась.

А винъ каже:

— Стій, молодыце, не лякайся! Ось я тебе навчу, що робыть. Якъ винъ засне, то ты йому пидъ шыєю одрижъ тры волосыны. Та якъ будешъ ризать, то не рижъ ни ножемъ, ни ножицями, а брытвою. Тоди твій чоловікъ буде живый.

Дакъ жинка не знала, якъ дождаты вечера. Приготовыла брытву, а чортъ пишовъ до ййи чоловика, шо въ поли оравъ. Чоловикъ зъ наймытомъ оддыхають писля обиды, и чортъ сивъ зъ нымы; попросывъ у мужыка воды. Выкресавъ вогню. Закурылы. Тоди чортъ каже:

— Отъ якъ ты гарно зъ жинкою жывешъ, а вона тебе сю ничъ зариче.

А чоловикъ не йме виры.

— За шо?—каже.

А чортъ каже:—Отъ побачышъ.

Чортъ попрошався та й пишовъ, а чоловикъ засмутився дуже.

— Чого жъ се вона мене вбъе? Мо въ нейи другый е?

Ще й рано було, а винъ каже наймыту:

— Пойидьмо вже, сыну, додому.

А наймытъ каже:

— Та чого жъ, дядьку, такъ рано додому? Може огонь дви ще проженемъ?

— Колы мени, сыну, щось не спокойно: руки трусютъся и плуга не вдержу.

— То й пойидьмо.

Прийихалы до ворить, а жинка выскочыла зъ хаты.

— Чого се вы такъ рано прийихалы? Поламалося шо, чы шо?

— Не поламалось. Утомывся,—каже чоловикъ. А сердце въ його болыть, болыть, шо отъ-отъ смерть.

Попоралы скотыну. Силы, повечерялы. Жинка скореньки послала постиль.

— Лягай, чоловиче, колы тоби недобре, а я ще горшки помю та ложки писля вечери.

Винъ лигъ. Чуе жинка, шо чоловикъ спыть (а винъ нарочыто прытайвися), закачала рукава. Поставыла каганецъ бльжче, щобъ краще роздывтыся, де тйи волосыны на горли. А въ його справди була тамъ бородавка зъ трома волосынамы.

Взяла жинка бритву и приступае до чоловіка зъ жахомъ. Серце въ нейи затайилося, руки трусются. Тилькы простягла зъ бритвою руку, а чоловікъ ййи за руку:

— А що се ты хочешъ скойиты? Надойивъ?

Та й давай ййи быть. Бывъ, бывъ—тилькы що живу оставивъ.

Посидали вони на лавци, та й плачуть обое. Жинка каже:

— За що ты мене вбывъ?

А чоловікъ пытае:

— На що ты мене заризать хотила?

Вона одъ болю та плачу не може говорыть.

— Подожды, переплачу.

Отъ, потимъ уже, якъ выплакалась добре, тоди усе розказала, якъ було.

А чоловікъ и соби розказуе. Колы чують, щось якъ зарегоче въ синяхъ, та заплеще въ долони.

— А що, каже, и дождався, а то я вже засохъ пидъ пичкою сядячы та дывлячыся, якъ вы гарно живете.

Сказавъ и щезъ.

Тоди мужикъ упавъ навколишки и почавъ у жинкы прощеніе просыть: — Поки вмру, не буду тебе вже бильшь быты.

Записала Одарка Романова отъ Василисы Наконечной, крестьянки с. Филевки Черниговской губ., Нѣжинскаго уѣзда.

365. Якъ жинка чоловіка вбывала.

— Чы вы не чулы чого про Мытрохвана? Чы вуюнъ очунявъ?

— Про якого Мытрохвана?

— Та про того, що йому дивчына межи очы кислоти лынула.

— А! Кажуть шо очунявъ, туюльки на одно око слѣзный zostавсе. А це зновъ, кажуть, дѣвка лежить. Мо-

лодыця якась хоті́гла йой очи выпекты, да якось Буогъ давъ, шо не попала въ очи. а туольки выдъ попалыла та руки, не въ мою мі́ру мі́раючы, отъ поты. Та ще, кажуть, такъ хытро: повночи лынула та й побі́гла, шобъ и не знали, хто, шобъ, значыть йой ничего за тее не було. Такъ дозналисє: ді́вка сказала, на кого вона думає. До йие, ажъ у йие юпка попалена. Вона, значыть, якъ лынула, такъ и собі́ на юпку та й попалыла. По тому й узналы, шо то вона зробыла. Якъ по вашо-му: я думаю, шо тую кыслоту скоро зовсі́мъ знышто-жуть?

— А воно добре було бъ, якъ бы зныштожылы, бо таке теперь повелосє, шо якъ шо, такъ заразь кысло-тою очи выпекты. Бо кожде пидє въ обтеку й возьме, абы гывенныкъ.

— Ні́, оцє въ насъ гомоні́лы людє про одну сторію, до кравца прый́здылы, такъ росказувалы. Кажуть, у Рабцахъ случылосє. Одъ насъ и Рабцы тлє недалєчко. Дакъ росказувалы, якъ одна жуонка чолові́кови своему хорошей зробыть хоті́гла. Пошла, значыть, до дохтора и кажє: «Дайте мині́ мышаку». Дохторъ пытає: «На шо тобі́ мышаку?» Ну, вона вжє тамъ шось исказала йому, зві́сно, збрєхала. Дохторъ заразь и догадавсє та й думає: Ну постуой жє, голубко, я жъ тебе выверу! И давъ йой, замі́сто мышаку, того, шо горло нымъ полощуть, якъ болыть. Ну, вона вжє забрала тую суоль, чы шо воно тамъ такеє, и пошла, раді́є вжє, шо одурыла дохтора. А дохторъ знавъ, шо вона не въ согласіи съ своимъ чолові́комъ живє. Заразь пославъ по того чолові́ка и кажє: «Твоя жуонка въ мене мышаку просыла, то вона мабутъ тебе отруйить хочє. Такъ ты не бойсє— усє й́жъ, шо даватымє, бо я йой такого давъ, шо не отруиссє. Туольки примі́чай, шо якъ вона дасть тобі́ такого, шо сама не й́стымє, такъ ты послі́ його зробысє неначє хворый. Побачымо, шо вжє вона тоды ро-

бытме». Той чоловіккъ пошовъ додому и вже прыгледається до йие, приміѣчае, значыть. Отъ вона:

— Шо це въ мене ця курка така чогось смутная? Мабуть йие заріѣзать треба!

Заріѣзала, натерла тымъ мышакомъ, шо дохторъ давъ, бо вона жъ думала, шо то мышакъ, ижжарыла и подае. Подала, а сама не сіѣдае йѣсти. Чоловіккъ каже:

— Чому жъ ты сама не сіѣдаешъ йѣсти?

А вона: «Я, каже, впросли іѣстиму, бо теперь ми ніѣ ніѣколи».

Ну, вуонъ самъ найѣвсе добре, тоды й починае, такъ, наче йому вже погано:

— Охъ-охъ! Чогось у мене живуотъ такъ дужей заболіѣвъ!—Такъ стогне и вже й піѣну зъ рота пустывъ.

—Охъ-охъ! Пойду въ хліѣвиѣ ляжу!

Пошовъ, а вона радіѣе, шо вже його взяло. Туольки до хліѣва все біѣжыть, наслухуе, чы ще вуонъ живый. А вуонъ то дужей стогнавъ, а то вже тихшей-тихшей, а тоды вже й замовкъ. Вона думае:—«Ну, слава Богу, вмерь уже». Заразь узела вировку, пошла въ хліѣвъ, зачепыла його вировкою за шыю и тягне, шобъ повіѣситъ.

— На шо то ще й вѣшати, колы вже вона думае, шо вуонъ и такъ неживый уже?

— Такъ шобъ не подумалы люде на йие, шобъ подумалы, шо то вуонъ самъ завіѣсивсе. Ну, значыть вона його зачепыла вировкою и хоче тую вировку перекрынуть угоріѣ та ніякъ не перекрыне. Кыдала-кыдала—ніякъ.

— Треба,—каже,—палку взяти, такъ палкою перекрыну.

Пошла палку шукать, а чоловіккъ уѣставъ, узывъ товкачъ изъ ступы и зачепывъ вировкою, заміѣсто себе, значыть, а самъ пошовъ у хату и люогъ на печи. А вона прыйшла съ палкою, тоды вже палкою перекрынула вировку и тягне його. А товкачъ вѣжкый и повночи въ хліѣвиѣ, такъ йой не выдко, и думае вона, шо чоловіѣка

тягне. Пові́сила той товкачъ и тоды вже голосыть и бѣ́жыть до сусі́дъ, крычыть:

— Ой ретуйте, муой чолові́къ заві́сивсе.

Сусі́ды позбі́гались, засві́тили сві́тло, пошли въ хлі́въ, ажъ тамъ товкачъ изъ ступы высыть. Вони въ хату, а той чолові́къ на печі́ лежыть та смейтысе:

— Дывытысе, люде добри, яка въ мене жуонка! То жъ вона мене и труйила, и ві́шала!

Такъ йіе заразъ и забрала. Кажуть, шо на ві́ки въ каторжну роботу пуойде.

М. Н. Грищенко отъ молодыци Марьи Коваленковой изъ с. Пѣв-повъ Черниг. уѣзда, 1900.

366. Старшына.

Въ окружнуимъ суди чытають ришинець одному старшыни: — Ришаемо всехъ правъ состояння й видъ должности устраняемо.

— Покирно вамъ дякую, господа судди, за ласку; та ще бъ я васъ просывъ по ласци, шо-бъ ослобонны й видъ сільського одбутку, та щобъ и на греблю не го-нено.

Нѣжинскій уѣздъ. Е. Н. Гаврилей.

367. Старцевы гроши.

Хто й зна, чы се правда, чы такъ брехенька. Кажуть, живъ у одного пана старецъ, и такый винъ бувъ бидный, ну зовсимъ старецъ. А тоди винъ умеръ. И осталася його свята така погана, шо дворникъ погыдувавъ ййи и въ руки взяты, а взявъ та выламы й закинувъ на хату. Отъ вона тамъ и лежыть. Ну, треба було хату перекрывать. Сталы тую свату ись хаты ски-

дать, а вона вже зогнула. Тилькы взяли ййи на выла, а вона й распалася, зогнула значыть, а гроши зъ нейи такъ и посыпалыся. Воны тоди до пана:

— Такъ и такъ, гроши въ старцевій свыти найшылся.

Ну, забралы ти гроши и думаютъ, шо зъ йимы робыты. Панъ людей изобразвъ и пытае:

— Шо съ цымы гришмы старцевымы робыты?

Люде прысудылы, шобъ йихъ на вбогыхъ людей виддаты. А панъ каже:

— Ни, не можна на вбогыхъ отдаваты. Ти гроши зъ жадности, бо винъ якымъ старцемъ прыставлявся та все йихъ збиравъ. Йихъ не можна на добре дило повернуты.

Думалы, думалы и надумалы за ти гроши купыты свыней и годуваты. Ну, купылы свыню й кабана и годуютъ йихъ за ти гроши. Свыня поросятъ навела и йихъ годуютъ. Отъ и не стало вже грошей. Панъ каже:

— Вже свыни вси гроши пойилы, шо жъ теперь изъ йимы робытынемъ?

И прысудылы такъ, шо нехай теперь свыни самы себе йидять. Якъ зачалы свыни самы себе йисты,—усихъ поросятъ пойилы, восталыся тилькы свыня то кабанъ. А тоди кабанъ и свыню ззивъ. Отъ иззивъ та й пишовъ. А панъ каже:

— Визьмите десятеро коней и йидьте за нымъ назырци,—куды винъ пиде?

Отъ посадалы на кони и йидуть за кабаномъ, назырци, звисно—не швыдко, бо винъ не швыдко йде, та ше й стане, и воны стануть—дожыдають його. Отъ винъ прыйшовъ на кладовыше и ставъ старцеву могылу рыты. А панъ каже:

— Нехай рые!

Отъ винъ рывъ, рывъ, дорывся до труны, тоди расплатався на ййи та й здохъ.

Отаки то старцевы гроши. Такъ воны й пропалы.

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко, ръ 1898г.

368. Про добру панію.

Звісно, всякійи паны бувалы... Отъ у нашуомъ селіѣ одна панія, К—ка, такъ, кажуть, дужей гарна до людей ла.бу Вона знала, шой сама вона до людей гарна, и було каже своимъ уже панськымъ (я сама не знаю, а матка покуойна було розказуе, шо було каже): «Молить за мене Бога, шобъ давъ меніѣ царство небесне, шо я до васъ добра». Такъ шо вы думаете? — и молылы Бога. Оце й за стуолъ посядуть, такъ молютьсе и спать лягають, молютьсе. Ще бъ не молылысь, колы йимъ куды жъ луччей було жыть, якъ у иншыхъ якыхъ пануовъ. И вона така була, шо все знала и людянь розказувала. Оце вже хочъ и не панськи булы, а йдуть до нейи пытать, колы шо робыть, колы тамъ шо сіять чы садыть. Такъ вона й розказуе, бо вже вона знала. Отъ було не вельты кіяхы садыть тоды, якъ у печи горны; а то головня въ кіяхахъ буде. И-и-и багато було чого розказуе людянь про хазяйство! Такъ шо вы думаете?— плакалы наши люде, якъ вона вмерла и Богу за йие молылысе.

С. Жевель Черниговск. у. М. Н. Гринченко, въ 1900 г.

369. Догадавсь.

Ще за панського права одынъ чоловікъ та зробивъ соби парныкы и выкохавъ уже пару огиркивъ передъ Велькоднемъ. Отъ и понисъ до пана на подарунокъ. Зрадивъ панъ, шо такый у його хазяйноватый мужыкъ и подарувавъ йому за пару огиркивъ пару воливъ.

Зачувъ се багачъ та й думаете соби: «Ну, вже жъ я лучче зроблю! Я йому визъ огиркивъ повезу. Дастъ мени панъ не пару воливъ!»

Та диждавши лита, якъ зародылы огиркы, насыпавъ йихъ визъ та й до пана.

— Такъ и такъ, пане,—прывизъ вамъ огиркивъ.

— Спасыби! спасыби! — каже панъ, — оддай тамъ на кухни.

Стойить чоловикъ, не йде зъ хаты.

— Чого жъ ты стоишь?

— Та дождаюся—шо ваша мылость пожалуете.

— За шо?

— Та за огиркы-жъ... Онъ Мытрови за пару огиркивъ пару воливъ дала, а я жъ визъ прывизъ.

Якъ росердыться жъ панъ, якъ закрычыть на слугы:

— Визьмить його! прывъязить його до стовпа!

Заразь його вхопылы та й прывъязалы въ двори до стовпа.

— Берить огиркы, цияйте въ його огиркамы, быйте!

Беруть слугы огиркы та й ну влучаты въ багача.

То оце тилькы который—лусь! то заразь той: «Догадавсь!» Другый—лусь! а сей знову: «Догадавсь!» И такъ за кожнымъ разомъ. Почувъ сее панъ, крычыть:

— Стривайте! ведить його сюды!

Одъязалы, привелы.

— Шо ты тамъ кажешъ? шо ты догадавсь?

— А вже жъ догадавсь! Жинка казала: визьмы,—каже,—чоловиче! ще й кавунивъ, а я й не схотивъ узяты... Хыба жъ и не догадавсь? Шо бъ то воно було, якъ бы ще й кавунами почалы цияты?

Зареготавсь панъ та вже й пустывъ його.

Харьковскій уѣздъ, Б. Д. Гринченко.

Прибавленіе.

Старая рукопись.

Цѣликомъ печатающаяся ниже рукопись представляетъ изъ себя тетрадку въ четвертушку сѣрой бумаги, въ которой заполнены только первыя 14 листковъ. Письмо начала XIX вѣка.

Копія сдѣлана небрежно, очень много искаженныхъ словъ. (Гдѣ могли, мы возстановляли въ скобкахъ первоначальный текстъ). Правописаніе непослѣдовательно; мы удержали его, сдѣлавъ лишь, для облегченія чтенія, слѣдующія измѣненія: а) разставили почти отсутствующіе въ рукописи знаки препинанія (кромѣ нѣсколькихъ испорченныхъ мѣстъ), б) отдѣлили союзы а и и, которые систематически стоятъ въ рукописи вмѣстѣ со слѣдующими за ними словами, в) раздѣлили нѣсколько словъ, случайно написанныхъ переписчикомъ вмѣстѣ (напр.: ботяти, покриего), г) большія буквы, разставленныя въ рукописи случайно, безъ всякой системы, поставили только тамъ, гдѣ требуетъ современное правописаніе. Необходимо сдѣлать еще слѣдующее замѣчаніе. Въ рукописи отмѣчается йотированіе и, производится это тѣмъ же знакомъ, который обозначаетъ и краткость и, т. е. °, напр. «тийи, шо дѣти свой стратятъ» написано такъ: тий, шо дѣти свой стратятъ». Этотъ же значекъ (°) стоитъ иногда и надъ і.

Рукопись доставлена намъ В. Ф. Степаненкомъ изъ Каневского у Кіевск губ.

Сторія о мудромъ младенцу.

Билъ нѣкоторый младенецъ изпростого стану, барзо мудрый и учоний внауцѣ своей и умудрости своей. Мовить: «пойду где воиншое панство и пристану доякого цара, жемъ зласки Божой науки маю доброю». Але онъ неимѣлъ зашо сукнѣ справити. Теди продалъ оца,—купилъ коня, матку продалъ,—сукнѣ справилъ. И всѣвши наконя поехалъ вдалеку страну. Случилося ему зихатися здругимъ младенцемъ, которому онъ (конь!) присталъ, и дали собѣ добриденъ. Запиталъ его мудри младенецъ: «околь ти идешъ? Вижу, же тѣбѣ конь присталъ». И они мовить младенецъ: «иду доцаря злистомъ». Мовить м(у)дри младенецъ «дай мнѣ той листъ, я знимъ поѣду доцаря, бо мой еще конь добри». А они младенецъ уклонилъ и далъ листъ мудрому младенцу, а самъ пойшолъ додому. Мудрый мла-

дениць, взявши листь, и мислить себѣ: щобѣ би втомъ листу написано? Отволилѣ и почаль читати, и тамъ написано: хто той листь доцаря донесе, тому чоловіку утѣяти (голову) и напаль избити. Почитавши, подраль: «хвалю тя, Боже мой, щомъ о(т)безумія моего незгнуль!»

И приихаль дотого мѣста, которого о(т)чотирехъ странъ оточили води, и обачиль мудрий младенець около замки голови напалыхъ человекѣчи. Барзо собѣ мислилѣ: Що то запричина? Буду я того питати. И сталъ уедной жени ночовати, барзо старой. А втой жени билъ единъ синь, и натои часъ умеръ, и она уфрасунку била посвоему сину. И обачила того младенца и мовить: «сину мой, младенцу!» Увойшовши оній младенець удомъ ей и назвалъ ей маткою, и она его засина приняла. И мовить младенець: «матко моя, щото заголови напалыхъ позбитія?» И рече: «сину мой, то мѣсто царское, а утого царя только една дочка, барзо учона, нетолько, але и отецъ ей слухаетъ. Тая скаждимъ гадаеть, и нѣхто ей неперегаетъ, бо жаденъ человекък неможеть ей о(т)казати нетолько, але всвѣтъ ей нихто неоткажеть что загадаеть и така есть красна и учона. Много младенцовъ ей скарбовъ показовали, а она нѣтое неглядѣла, только зними онаукахъ диспутовала, мовить: мнѣ скарби непотреба; хто хочеть мене взяти нехай отъкаже тую науку, чого я запитаю и коли би мене хто перегадае, той мене озметъ; а неперегаетъ мене, то кажу ему голову отяти и напаль избити». Жена мовить: «сину мой, то голови паничовъ тихъ, которіе царевнѣ неотповѣдали». А потомъ жена младенца запитала: «околь ти, младенче, приихаль?» И оповѣдѣль ей: «матко моя, я затвоимъ благословеніемъ пойду доцаревни обозьку науку гадати й спробую щастя. Я тую науку добре знаю: за-божию помощию перегадаю ей и озму засебе». Мовить жена: «дляБога прошу я тебе, сину мой, дай тому по-

кѣй, бо жаденъ невийшовъ о(т)оей царевне вѣлости». Младенецъ мовить: «матко моя, хто боітся смерти, нѣколи добраго дѣла незробить». Жена мовить: «Богъ тебѣ вспомошь».

А потомъ младенецъ пойшолъ доцаревни, прийшолъ до вратъ царскихъ и обачиль стражу стоячую и мовить младенецъ: «позвольте мнѣ доцаревни увойти!» И вйде первіе доцара и мовить: «найяснѣйший цару! позволь мнѣ с(с)воею цоркою поговорити». И риче царь: «нейди! мало ти науки знаешъ,—нинѣшняго дня страченъ будешъ». И рече младенецъ: «и я позволяю, тилько, цару, дай знати царевнѣ отомъ». И заразь дано знати, и сказала прийти досебе. Младенецъ прийшолъ доней и далъ ей добридень, а она, поздоровивши его, казала принести кресло злоцѣное. Сѣвши млденицъ безпечне, неглянулъ нацаревну и умисли своей гадае: «если буду нацаревну пилно глядѣти,—скваплюся ей красотѣ, той зийду зрозуму». Якъ сѣлъ, и мовить доцаревни: «питай мене чого хочешъ,—буду тебѣ о(т)казувати».

Царевна мовить: «уцѣмъ сидишь?».

Младенецъ мо: «шати мой намѣнѣ, оусвоихъ сижу».

Царѣвна мовить: «хто такой безмеча воюе?»

Мла: мо: «риба вморѣ, же кораблѣ вивертае злюдми».

Ца: мо: «хто такой умогилъ лежалъ три дні?»

Мла: мо: Иона пророкъ вочревѣ рибномъ».

Ца: мо: «хто такой умогилу увойшолъ, да гробной муки невидѣлъ?»

Мла: мо: «той, котораго Богъ о(т)ъ гроба четверодневнаго воскресивъ».

Царѣвна мо: «хто такой родился безъ матки?»

Мла: мо: «1-й—Адамъ, 2-а—Ева, 3—барановъ (баранокъ!), которій закланъ бисть вмѣсто Исака, 4—крестъ, накоторомъ Христось распятыя булъ».

«Которій ангели (лгали!) и посвари чинили?»

Младенца: «братій Иосифови, породавши (продавши!) его, оцу своему Иякову лгали».

Ца: мо: «которихъ Богъ дванадцять принялъ и грѣхи имъ прибачилъ? вмѣсто воины (?) изновъ вийшли шесть тысяць народу?»

Мла: мо: «Ияковъ здва надесятима вийхаль до Мисера мѣста и тамъ сина своего знайшоль и радъ билъ, що его синъ Иосифъ уцарствѣ осѣлъ, потомъ тая шо-ста своего добра догала преведене пророка Моисея».

Ца: мислить собѣ: «кождое рече, що тилько запи-таю, тое минѣ откажу».

Мислить себѣ: «оБоже мой милостивий, аби мой мла-денецъ неперегадаль мене!»

И мовить царевна: «сего дня вцѣлости о(т)мене видешъ, а завтра рожнихъ клопотовъ учиню тобѣ».

Младенецъ мовить: «сего дня Господь помогль мнѣ и завтра поможе».

И потомъ, вставши, и пошоль догосподи. Господи-ня мовить: «якъ вийшоль еси отоей царевни здо-ровий?» Младенецъ мови: «хваляю Бога моего Спасителя, жемъ вишоль.» Другаго дня вставши, пойшоль зновъ доцаревни и далъ ей добридень, накрѣслѣ (сѣлъ).

И царѣвна почала гадати: «що то есть за древо, що внемъ есть 12 гѣлей и на каждой гѣлѣ потридцять ли-стовъ, уверху древо болѣ (бѣло!), а усподѣ черно?»

Мла: мо: «латво мнѣ тое угадати: древо то есть рокъ, а дванадцять гѣлей, то есть дванадцять мѣсяцѣвъ, а вкаждомъ мѣсяцѣ потридцять дней, уверху бѣле, то есть день, а усподѣ чорне, то есть ночь».

Ца: мо: «що то з(а)птахъ: яйце несе, дѣтей не-плодитъ?»

Мла: мо: «то есть рокъ: нѣпребувае, нѣодбувае».

Ца: мо: «много есть птаховъ именемъ названихъ?»

Мла: мо: «1 ластовицу, 2 воронъ, 3 голубъ, 4 пчелѣ, 5 удождь, 6 соловей, 7 жайворонокъ».

Ца: мо: «скажи мнѣ, кому Богъ далъ прирожену науку?»

Мла: мо: «то есть пчелѣ».

Ца: мо: «скажи мнѣ двѣ речи: (кто)то есть двое людей, що правду реклі и допекла пойшли?»

Мла: мо: «то есть тии люди едни есть умрене (вѣрмене!), а другѣ жиди. (Жиди) мовятъ: увѣр(м)енѣ вѣри нимае, урмяне мовятъ: ужидовѣ вѣри нимае». И блудятъ и допекла идуть».

Ца: мо: «Якъ Сатанѣ имя било?»

Мла: мо: «харись твой часъ, якъ билъ небеси; Адама и Еву прелстилъ еднимъ ото вещь и о(т)того часу сатаню ставъ».

Ца: мо: «много лѣтъ Адамъ жилъ насвѣтъ?»

Мла: мо: «девять сотъ тридцять лѣтъ и умерлъ».

Ца: мо: «кто такой нетворить (не говоритъ?), тѣла и кровѣ нейметъ, и особѣ вѣдомости дае?»

Мла: мо: «то есть в(ѣ)теръ»

Ца: мо: «божѣ створеніе (що) уводитъ допекла?»

Мла: мо: «кажди человекъ безбожни загрѣхи упеклѣ зостае».

Ца: мо: «языкомъ якимъ будемъ упеклѣ говорить?»

Мла: мо: «Жидовскомъ, а врай греческимъ».

Ца: мо: «пойди додому! хочай рицеромъ хочешъ бути,—заутра зновъ прийдешъ».

Младенецъ вставши и пойшоу, Царевна зостала увелікимъ фрасунку и младенцивимъ словамъ дивовалася. Другаго дня приходитъ младенецъ, далъ день добрий и сѣлъ знову накреслѣ. Ца: мо: «сегодня невидишь отмене вѣлости, бо смѣся измене и ругаеся, а если неотгадаешъ загадки моей, кажу тебѣ голову отяти и напалъ избити».

«Нинѣ мнѣ Господь поможе».

Ца: мо: «есть жена альбо пан(н)а,—много говоритъ непопански».

Мла: мо: «царевно, много ешь губила паничовъ, а нехочешъ ся каяти!»

А той царевни имя било Сельгадка грецкими словами.

Мла: мо: «ну вже три дни гадаю стобою и все тобѣ отказую. Теперь я тобѣ запитаю одной речи, але якъ неоткажишъ, то я (скажу) тобѣ голову утяти и напаль избити, а если откажешъ, то будешъ мнѣ женою».

Ца: мо: «на я натое позволяю; любо твоя власть надомною, а мой надтобою».

Мла: мо: царевнѣ: «хто таки мудрий и уродоу хорошии и зотца учинилъ коня, а зматки учинилъ сукнѣ».

Ца: мо: «прошу тебе, младенце, вижу тебе предсобою якъ свѣшу свѣтлу, немашъ тилко, якъ ти много разумѣшъ! Прошу тебе, дай мѣне по(ко)й натую ношъ, завтра прийдешъ, откажу тобѣ, а еслѣ неоткажешъ (не откажу!); волно тобѣ що моя (твоя?) мисль поднесе: хочъ голову отяти, хочъ зажену узяти».

Младенецъ далъ ей добривѣчоръ, а царевна восталася звеликимъ фрасункомъ. И почала мислити: «оБоже мой! дивуюся барзо, що неоткажу загадки тоей, тилько уставши и пойду дотого младенца, питаючися его озагадку (онъ мя невидѣлъ много, неп(о)знаеть мя), питаючися, чий онъ естъ синъ: если царскій, то пойду занего, а если простаго стану,—непойду занего. Вѣдаю я добре, же онъ мнѣ скаже свою загадку». И убравшия вшати дорогѣ: «хто намене гляне, то изрозуму зийдетъ!» И взяла ис(с)обою напитки дрозѣ и пянїе, а младенца (младенцу!) Богъ напомощъ. И приїде царевна догосподи, закалатала и вийшла доней господиня и мовить: «небого дѣво, чого ти приїшла?» Ца: мо: «Матко моя, позволь минѣ увойти удомъ свой: маю потребу подлюю (пилную?)»—И поблагословившия и поїде домладенца и мовить: «добривѣчоръ, младенце!»—Мла: мо: «здорова ходила,ясная! скоро (скажи?) очемъ приїшла?»—«Мисль твоя приїшла (привела?)мя дотебе»—

Младенець мовить: «якого ти роду?»—Она мовить: «естемь ковалѣвна, мой отецъ коваль и слюсаръ. А ти, младенце, шо маешъ запотребу унашомъ мѣстѣ? Тебе люди хвалять и рицаромъ називають».—Мла: мо: «естемь я такой, якъ мене бачишь».—Ца: мо: «якого ти роду?»—Младенець мовить: «непамятаю, бомъ уночѣ виіхавъ здому».—Ца: мо: «тебе люде хвалять, же царевну перегадалъ, немѣла тобѣ отказати. Отець мой приволилъ (прислалъ?) мя престерѣгати, я тежъ, просячи (милуючи?) тя приймалъ (прийшла?). Ца:

Отъ (онъ!) бачилъ ей красоту, немогль ся догадати. И почали напитки пити, царевна сама наливаєть. И стали между собою увеселятися и сидячи наложку его едно другого сѣловати. Царевна мовить: «мой мили младенце, прошу тя для Бога, скажи мнѣ, чога питала царевна тебе? Повѣдали люде, шо царевну перегадалъ».—Мла: мо: «я то власни отца продалъ,—коня купилъ, матку продалъ,—сукню справилъ и учужое панство служить пойхалъ и того я запиталъ,—она мнѣ неотказала». Ца: мо: «мой милый младенецъ, я нѣзкимъ нѣвила, нѣпила, а дотебе пю люблячи тебе».—Мла: мовить: «дай тобѣ, Боже, здоровіе и мисль долгу!»—Отакъ розмовляючи (зъ) младенцемъ и сѣлующися, ношъ щося младенцу уподобало, то робили. Заразъ ся младенцемъ (младенець!) зпянчилъ, а вона вставши злужка, заразъ пойшла до покоювъ своихъ, бо южъ близко день билъ.

И рано младенець ледво дорозуму прийшошь, зафрасовался барзо, нипозналъ, шо царевна била. Младенець уставши, глянулъ налужко свое и знайшошь ей золотий (перстинь), наверху перстня камѣнь аспѣшовий, имя ей написано било. И взявши той перстинь, пошолъ доцаревнѣ, далъ ей добридень и сѣлъ накреслѣ. Царевна мовить: «я твою загадку отгадаю. Ти самъ той оца продалъ,—коня купилъ, матку продалъ,—сукнѣ справилъ,—ото твоя загадка, младенце!» И уводала слугъ своихъ

и мовить: «повидѣте его настрату, бо его перегадала».

И взявши его слуги повели доцаря наросудокъ. И мовить младенецъ: «наяснѣйши цару! маю одно слово мовити». Царь говоритъ: «мовъ смѣле!»—И рече младенецъ: «шщо то такое есть, же летѣвъ голубъ одцарского двора и прелетѣвъ навѣдовинъ дворъ яко нѣби чужоземичъ, надѣл того голуба хорошего и поймалемъ его, шчо хотѣлемъ, той изнимъ чинилъ. Обезпечившись, привикъ домене и обознался зомною и полетѣлъ зновъ доцарского (двора). Але хвалю Бога моего, же стого голуба одно пиро зосталося оумене».—Царь питае: «шчо то запричина?»—Перстень показалъ: «отожъ, цару, перо, которое я знайшолъ насвоему лужку».—Царь обачилъ, зафрасовался о цорцѣ своей и мовить: «о цорко! шчо той перстинъ чинить, утого младенца?»—Царевна мовить: «то перстень немой, але сей гдижъ перстень неподобенъ моему, а вмене (мене?) онъ нецѣнотливи (не цнотливу?) передочима вашими вдаеть».—Царь мовить: «а чомъ я твоего невижу перстиня притобѣ?» Царевна вставши и пойшла и казала закликати и превести золотара, и превели. Ца: мо: «прошу тебе, золотару мой, изроби минѣ перстинъ загодину злоцѣсти, зроби камень аспѣсовий, имя мое напиши». И заразъ сталъ робити. И дала ему кѣлка черво(н)ихъ и почала просити: «Мой мили золотару, невидавай мене оттого!» И взявши той перстинъ и пойшла доцара своего и мовить: «отожъ, отецъ, мой перстень примѣнѣ, а то немой, шчо умладенца, але его визволяю».

Оттого часу били доца(ра) гостѣ далекіе, воеводи. И взяли воеводи оба перснѣ и приклали еденъ додругого и немогли зрозумѣти,—оба ровніе, только вцаревни новій билъ. Теди царъ мовить: «одамъ я тебе, цорко моя, занего и будешъ въ мудрости царствовати». Цурка мовить: «я(кѣ) твоя воля, оче, билъ, и я рада шчо билъ (би-мъ?) клопоти болшъ немала». Учинилъ царъ веселя,

а посмотри отримати (по смерти цара отримали) царство, и жили собою и потомъ болшу власть мужъ имѣть, нижели жена. Амѣнь.

Повѣсть о царѣ Филиментѣ.

повѣсть о агий оцару.

Бисть воградѣ Филиментѣ царѣ славенъ зѣло и богатъ. И прилучися ему стояти всоборной церкви въ престола божественной литургій (литургии!), а чтуще иерей святое евангеліе, внемже написано: «богатий обнищаша и нищій обогатиша». И слыша царѣ Агїя они евангельскія словеса и размыслише воумѣ своемъ вой(с)тину ложь сие восвятомъ евангелій написано, понеже естемъ царѣ славенъ и богатъ, а нишему невозможно обогатѣти». А егда скончися святая евангелія, то царѣ Агїя повелѣлъ иерея втемницу всадити, а взявъ евангеліе, листъ вонъ видралъ. И поиде царѣ Агїя многими боляри вцарскія свої палати и началъ пити. Его вѣрній слуга и возвѣсти цару: «проявися вотвоихъ лукахъ елень вельми красенъ, и нѣкто его несмѣетъ безтвого царского велѣнїя ловить». И слышавъ царѣ Агїя, повелѣ предстоямъ осѣдлати коня своего и взявъ (съ) собою двадцать одного юношу, и поиде въ царскіе свої луга и увидѣлъ царѣ Агїя еленя зѣло прекрасного и погна заеленемъ послѣдъ. И прибѣжа елень зарѣку, царѣ же Агїя устремися заеленемъ и глагола юношамъ: «стойте ви здѣ, азъ еденъ уловлю еленя». И скинувъ зсебе царскую одежду заеленемъ попли, препли рѣку и наеленя порегу вслѣдъ его жебѣ ради царѣ Агїя вельми утомленъ бисть, ангелъ Господенъ вообразѣ царя Агїя прииде креченимъ юношамъ соонаго полу рѣки и рече имъ: «подайте мнѣ платѣе и коня моего! Елень бо убѣжа изочей моихъ». И одѣлся ангелъ Господенъ воодежду

Агѣя цара. Сядетъ на коня и поиде вградъ Филимень сославою царскою.

Агѣя же царь гнавъ заеленемъ, елень же невидимъ бисть. И возвратися впятъ, препли рѣку и невидимъ коня своего, ниплата, ниюношей, сталъ нагъ, задумался и смотри сѣмо и овамо и видѣ пастуха, пасучи овци. И прииде кнему нагій просить: «пастуше-братія! гдѣ видѣлъ коня и юношей?» Пастухъ же глагола кнему: «ти хто еси?»—Царже отвѣща кнему: «азъ есть царь вашъ Агѣя, града Филимена». Пастухъ же рече кнему: «окаяни! како ти смѣшъ царемъ наречися? Азъ видѣлъ царя Агѣя, приижалъ сославою вельможи и сомногими юноши, а ти окаяний нагій и нарикаешъ себе царемъ Агѣемъ?» И началъ его бити долгимъ батогомъ и трубою, Агѣя же началъ бѣжати. Пастухъ же гнаше волци (овци!) вослѣдъ его и бѣяше кнотомъ и швиграя трубою. Егдаже Агѣя бѣжа далече о(т)ъ пастуха и нача плакати и умильно каятися предбогомъ: «войстину согрѣшилъ и Бога прогнѣвилъ и святое евангеліе похулилъ и ерея втемилицу посадилъ безвине и листъ изевангелій видрахъ написаніе: богатій обнищаютъ, а нищій обогатѣютъ. Загрѣхи своя азъ жукшее (хужшее) всѣхъ неимушихъ: царствія своего лишися и царици». И воставъ поиде Агѣя царь, пойшолъ незнаемимъ путемъ и стрѣтоша его напути торговѣ люде, глаголя кнему: «человѣче, чтоти еси нагъ? гдѣ твоя одежда?» Агѣя же поклонися имъ доземъли и рече книмъ: «одежду мою разбойники похитиша».—Ониже даша ему худую одежду, вкоторую одѣяся царь Агѣя, поки (паки?) поиде путемъ и стрѣтишася снимъ нищія братія. Агія же поклонися нищимъ братій: «возмите мене (съ) собою, азъ вамъ готовъ служить, понеже я работаѣ неумѣю, а просить стижуся». Онеже (они же!) воспросяще его: «ти хто еси таковъ?»—Агѣя же рече книмъ: «азъ естемъ единъ отубогихъ и нищихъ». Взаяша его (съ) собою и даша ему суму засобою нести, и поидоша нищій во свояси. Агія же воспросиша оунищихъ: «братія моя,

скажете ви мнѣ: кто есть воградѣ Филименѣ царь есть?»—Ониже рекоша к нему: «безумни! или ти нинашой земли, яко невѣси? унасъ царь Агѣя царствуетъ воградѣ Филименѣ, оуже тому пять десять и единъ годъ». Агѣя же воздихниль (воздихнулъ!) сосълезамы и ка-ся: «Господи Боже!» день и(но)щъ освоемъ согрѣшеній. И пристъ (И пребистъ?) Агѣя царь впорабощеній, внишетѣ два года, и услыша Господь моленія его и покаяніе и теплія слезы. По третѣмъ же лѣтѣ ангелъ Господень сотвори пиръ проубогихъ и понищихъ братій и повелѣ собѣратъ повсему градѣ Филименѣ и покаждимъ силамъ и деревнямъ водворецъ царскій. И повелѣнію ангеловому поставиша трапезу изобильная пища. И снищею братією приде царь Агѣя вовеликомъ оужасѣ и трепетѣ и стояше на царскомъ дворѣ и помишляше воумѣ своемъ: «како азъ окаяни лишенъ бистъ чертога своего царскаго з(а)грѣхъ свой!» И услыша Господь воздыханіе Агѣя царя. Ангелъ Господень глаголя копредстоящимъ: «возмѣтъ комнѣ снищія братій единаго мѣхоношу, котораго азъ самъ повелю, преведите в мой царскіе палати!»—Предстоящимъ же повелѣнію его превидоша Агѣя царя, (не) знаяше, что царь ихъ есть. Ангелъ же Господень поятъ его сособою и его наказа, Агѣя царя, и научи его евангельскія слова нехулити, абистъ коротку и смирну доубогихъ и нищихъ милостивий и вручи ему царство и заповѣда ему никому осебѣ повѣдати сие, ангелъ Господень невидимъ бистъ. Агѣя же царь попрежнѣму нача царствовати и вельми донищихъ много милостивъ и кротокъ билъ и тако сконча жизнь свою, воблагодущій. А: Ко: Жи:

Печатные варианты этого разсказа указаны въ «Этнографическомъ, Обзорѣніи» 1894, III, 126.

Чудо святителя Христова Николая.

Чапу одного святии Николай ишоль путемъ пищею (пушею) навидѣти святаго Макарія пустиножителя. И тамъ срѣтилъ его дияволъ напути, образомъ барзо страшнимъ, сталъ великъ и космать, очи ему огненіе, зуби ему железніе, языкъ ему голи и росоховати, ноги ему якъ уведмедя, волоси ему наголовѣ, набородѣ—якъ стрѣли огненіе, огнемъ лютимъ и страшнимъ дише, изухъ его димъ виходить якъ спечи, и весь страшни показался, хотячи устрашити святителя Христова Николая справаю гута (пути!). Видевшегосвяти Николай, знаменается крестомъ святимъ и рече: «Господи, оружіе надѣявола крестъ Твой даль еси намъ». Изнову рекохъ: «небоюся страха бѣса полуденаго». Потомъ придетъ нанего Духъ Святии и покри его и укрѣпилъ мощно Святителя Николая. Святитель Николай, ставше смѣле посередѣ пути, и риче кодияволу: «Ктоти еси, идоль, идешъ, якъ имя есть тебѣ.» Дияволъ рече: «имя минѣ есть Вселзавишъ и иду свѣта повѣжати и святихъ божиихъ посѣщати». Святи Николай рече ему: «але ти есть зли духъ неприязни, отийди отмене, сатано!» Дияволъ рече святому Николаю: «о Неколаю, якъ ти смѣшъ мовити такому ангелу великому, которому и весь свѣтъ кланяется и хвалить и вси людіе мнѣ повинуются». Тутъ Святи Духъ указался святому Николаю и повелѣ узяти его вруцѣ свой и бити мощно того лютого диявола. И такъ святи Николай оузавъ его заволоса, извернулъ его наземлю и вложилъ ему мѣзиний вротъ палець свой и рече ему: «Повѣждь ми, сатано, отъколь ти ходишъ и где ти идешъ и що твоя заробота?» И такъ дияволъ сталъ молити святаго Николая: «о святителю Христовъ Николае! молютися, оче святи, ослабити магло и вийми святи свой палець изрота моего, онъ бо мя палеть, немогу терпѣти, и все тебѣ повѣмъ». И тако попустилъ ему святи Николай, и тако сталъ повѣдати святому Николаю: «теперь естемъ избездний, амо едѣло таковое

есть: я сна сотцемъ звожу на свари, цорку изматкою невѣстку зосвекрухою, нагнѣвъ привожу врага, избратомъ и систрою наблудъ привожу; и я дитину приотцевѣ и приматцѣ сномъ твердимъ одавляю; я на все злое тий, що дѣти свой стратятъ и живихъ вземлю закопають, наводу вътопятъ, научаю, всякого злого дѣла чинити и труіти людей на(у)чають, аби своїхъ власнихъ мужей труіли и отрукъ ихъ умерали и мужи своихъ власныхъ женъ забивали и загубляли, въ корчмахъ и нагосподахъ и(з)води чиню, що единъ другаго забивае насмерть; я кума скумою наблудъ привожу; я навеселяхъ мижи святими наймилишими приятелями изводи чиню безобитнаго руганя, крово пролитія и межи молодими нелюбовъ укидаю, межкати (мешкати!) имъ недаю; я напразникахъ зводи и збойства чиню я въсего злого дѣла привожу; я тамъ, где хошетъ добрее дѣло изробити, то я тамъ, и перешкоду роблю, и тамъ где хто хошетъ рано доцерквити, то я его сномъ тяжкимъ пресипаю; я тамъ, где хто хошетъ офіру Богу принести, то тое згубить; я тамъ где хто хошетъ наотпустъ ити, тоя его и женою нагнѣвъ изведу, альбо то(до!)смертельнаго грѣха приведу; я и тамъ где отецъ сина любить, альбо и matka дочеръ свою кохае, я тамо между ними осуругу въ кидаю еще забийство великое, которое неможется насвѣтъ показати. Я теперьъ шобъ града кирскаго сина наотца изводити, аби синъ отца своего роднаго забиль, и еще стога града возвратившиися назадъ догемона и тамо булаби мнѣ похвала вилика отнашего цара Фамадея и зплату себѣ затое дѣло отрималъ би иеще вознелся, а теперь ти, святей Николае, пости (пусти!) мя и(з)своихъ святихъ рукъ, боуже немогу отвоого страха видужати,пусти мя хочь ницѣла, аби жива и большъ забывамя». И тутъ Духъ Святей показался Николаю и сказавъ его связати и бити и заклинати именовемъ Господа Бога Творца, которій оувесь свѣтъ сотворилъ. И тако роступайся зем-

ля, увернулъ его вбездну и тако яму Духъ Святій глагола: «иди во свой путь». А конецъ житія

Слово о смерти и рицериу богатомъ и славномъ.

Слово осмерти. Биль нѣкотори рицерь веляможній годний панъ и во всемъ рицерствѣ потежній и грозній и моцній, которій рицерствѣ своемъ много вѣску также потежне побиваль и поражаль кождаго дня (слово не разоб.) и пиваль, гайноваль а набога неуповаль, непамяталь. Еднаго часу самъ всобѣ: «шщоту люде много биваютъ, же яка смерть есть потужная и страшная, радъ я ей видѣти, щото она затакая рицерь, щося ей люде боютъ и лякаются. Много, чую, людей и пановъ и кролевъ побираеть, щото она затакая рицерь. Гди би я ей хочъ окомъ накинулъ, нехайби зомною пограла, погралася бъ я ей? То глупіе що ея боятъ, або и дають побирати, я естемъ панъ славни, потежни и богати, а дотого и рицерь моцній и потужній».

И трафилося еднаго часу, альбо еднаго дня, оубравшися рицерь ведлугъ строю своего вовшелѣку зброю свою рицерскую и взявши оружие свое барзо подуфалое, шукаюче скимъ бися попограти або речи и побити, и захаль вполе далеко седнимъ хлопяткомъ своимъ и то не великимъ. А кди южъ издили пополю много, надибали смерть. Барзо страшнимъ образомъ ему показала: самие голие кости, худая, сухая, блѣдая, голенатая, кострубатая, зубатая, окатая, ногатая, во всемъ непристойная, головатая, плечистая, постредѣ барзо суптелная, во всемъ зѣло страшная, косячи косою своею всѣ зброй, всѣ свой риштунки: косу кривую а острую, серпъ, пилу, мечъ, лопату, заступъ, мѣтельку, грабли, мѣтлу. Видѣвше рицерь такую отособи страшную, непристойную, засмѣялся и до-

бывши своего меча, хочеть гости (тяти!) изближившия и рече: «хто еси такое, повѣждь ми, жесь такая ходишь оружиемъ непристойнимъ довольно? чого ходишь пополю?» Рече смерть ему: «человѣче, хочь мое оружие здается непристойне, але я пристойнихъ людей тимъ оружиемъ посѣкаю и всего свѣта побѣраю, да не слухай ти коли предя осмерти, бо смерть бо я. Самъ потребовалъ абымъ я видѣль, изомною ся побити,—отомъ готова зовсѣмъ своимъ риштункомъ». Глагола рицеръ: «да чи того смерть, що побираеть краснихъ людей сего свѣта, даже шося люде боять и лякають». Рече ему смерть: «отож тою якъ мя видишь, яковая ся то здаю воочахъ твоихъ?» Глагола рицеръ: «тфу ствоимъ рицерствомъ, своимъ риштункомъ та своею уродою!» И риче ему смерть: «неплюй, але перше да спитай да спробуйся зомною, якъ видишь никрасную, але я людей мно(го) краснихъ сего свѣта побирала, и ато и потебе приишла? Що ти гадаешъ?» Глагола ей рицеръ: «щоти, страшилище, страшишь людей слабихъ, а дотого еще душнихъ охъ, бѣдо сухая, куструбатая, голѣнчатая, носатая, зубатая, окатая, головатая, та ти мене хочешъ узяти а чи неслухала ти орицере вѣмоцномъ и славному и пану богатомъ, а неслухала ти омоей моци, якихъ я людей, войсковъ, рицеровъ позабивалъ, порубиль, посѣклъ, накопие отой моей рицерской голови досвоего вобозу приношалъ? Ото то коли слухала овеликомъ пану—осимъ моимъ билитовимъ (булатовимъ) мечемъ посѣкалъ, а ти мене хочешъ оузяти! Есть умене мечъ рицерскій, копие надахъ остріе, стрильба барзо огнистая. Если хоче еще потомъ полю ходити та немного говорити, бо чого хочешъ достати оумене, заразъ достанешъ».—Рече ему смерть: «да що ти ся хвалишь своимъ риштункомъ? тое все вмене врукахъ, маю я на тебе косу кривую, серпъ барзо остри, лопата, мечъ, долги пила, заступъ, граблѣ, мѣтла, отого штука, челвѣче, отожъ слухай що тобѣ повѣдаю: хочь оружие прости, але шляхетнихъ людей руба-

еть». Глагола ей рицерь: «що ти ся хвалишь своимъ неужитнимъ оружиемъ и непристойнимъ и нестройною зброєю своею, коси ти косою поболоту шувахъ, жни ти своимъ серпомъ полугахъ тростини, сѣчи ти своимъ до-гимъ мечемъ сухии хащи, три ти своею пилою гнилие колоди, копа ти своимъ рискелемъ суху землю, мечи ти своею лопатою гной, загриба ти своими граблями солому, загрѣба ти, своею мѣтлою полову замѣта ти,—твои риштунки дотого подобній, а не довойни. Умене натебе мечь булатовий рицерскій, дотого подобни, а не довойни, а вмене натебе котори внемъ я возму потохъ сухихъ голенатихъ и високихъ вѣчимъ симъ умене стрѣли которий очи твой окатие повыстрилю, есть умене копіе дахъ остріе, котримъ я наскрузъ прободу, есть у мене стрила барво огнистая, копіе кости твой сухие, нама смотри и пойди отмене собѣ безбѣди, еще то мя догнѣву и доохоти рицерской и нерушися, о смерти и нерожважная да подобно и глупая, нетакимъ я рицаромъ сего свѣта погубихъ, да нетакихъ я головъ рицерскихъ постинахъ, а ти, смерте сухая, голенатая омнѣ ся видишь воочахъ яко муха изгинешъ; яколи хочешъ зомною грати, грайже!»—Рече смерть: «человѣче, послухай перше моей бесѣди, которую я тебѣ повѣдати буду, и перше собѣ побесѣдуймо, то вжесея будемъ сѣчи хто будетъ знасъ лѣпши, альбо дужши».—Глагола ей рицерь: «южь вижу, жися мя большъ (боишь) такого славного пана и рицера потужного и (з)витяжци мощнаго, вижу же трохи небудешъ ся озгоду умене просити. А втомъ—мовъ що маешъ, даю ти волю».—Рече ему смерть: «человѣче, що тия хвалишь своимъ рицерскимъ, же много позвизязалъ, посѣкалъ и войска побивалъ? Отожь то я знаю добре, що безмене тамъ небило, що есь тамъ возвахъ и втинахъ, стрѣлахъ, забивахъ, колохъ, топтахъ, которихъ пробивахъ, то я тобѣ помагала, иншихъ прибвала, хочъ ти мене невидѣлъ, а я тамъ завужди стобокъ била».—Глагола ей рицерь: «о смерте! тожь иль-

жешъ, яко неправдивая и нецнотливая! Та ти зомною тамъ бувала? Нѣгди то неправда! Я разумѣмъ, ощосми (що сми!) мовити мешъ доречи, а ти плетешъ нѣте, нѣте. Я тебе нѣвидѣвъ ажъ донинѣ».—Рече смерть: «я хожду невидимо и некождому явни. Где кого застану, тамо его втомъ и озму, рече, забожимъ росказомъ. А теперъ а тобѣмъся показала явно, бо тяти згола хочу взяти, бо я по тебе додвора твоего неходила, самъ ти потребоваль,—отожъ теперъ конечно ходи, южъ тобѣ впанскомъ домѣ небути и слугъ своихъ неоглядати и впалацахъ роскошнихъ негуляти, але тутъ натомъ чистомъ полю лежати, и звѣримъ будетъ ипташки тѣло твое около костей обѣрати и кости твой розносити, абися смерти могль бояти».—Глагола ей рицеръ: «а пойди собѣ, напасниче, прочъ отмене, бо достоися тутъ бѣди оумене, бо умене тилько жаль моего меча булатового, абомъ его обтвой голие и сухие кости непритупиль, а що больше стрѣлба огнистая, а зѣло певная, а сухи кости намуку потреть, копіе надахъ остріе мню и зелѣзо просадить,—обачимо чійся кости будутъ жмежи насъ валяти будутъ наполою». И южъ ся барзо рицеръ розгнѣвахъ, добивши мича, хошетъ тяти наню,—сежъ ему рука всхла, альбо зомлѣла. Рече ему смерть: «що ти, человѣче, робишъ? вижу, жеса розгнѣвахъ, а я твого гнѣву небоюся. Ти мя хочешъ нипорицерску, але позрадечку тяти. Постой, мощній рицеру и богаті пане, зачимъ ся будешъ бити волно ти (ми?) исобою и поговорити. Нехай тимъ булатовимъ остримъ мичемъ!—острѣшая моя пела, певнѣшая моя мотика albo рискель, неж твоя огнистая albo певная стрѣла, лучая моя лопата и мѣтла, нѣжъ твоя надахъ копіе остріе, нихъвалися самъ собою, albo силую твоею противъко моей уроди сухой, блѣдой, еще и гагеречь (на герецъ?) зомною неиздилъ, и южъ ти рука умлѣла».—Глагола ей рицеръ: «когожъ би то такіе слова поганѣ догнѣву незрушили, якъ ти

мовишь и ганишь нетилко мене самого, але оружіе, що мовлю надахъ остріе, коли хоцешъ его дознати,—озмѣмся пробовати, южъ я багато такихъ страшнихъ пловихъ ялити тися натое взяла, що ми рука отмича умлѣла, недивуюся, бо живъ; южъ ти пополудню третяя наспѣла».—Рече ему смерть: «щоже такъ ослабѣлъ, що килька годинъ неиль? я мало коли що идаю, але прудко ся зсвоимъ отимъ всѣмъ оружіемъ убиваю. Южимся болше небавмо, далѣ южъ будетъ вечеръ,—шо маешъ мовити,—мовмо».—Глагола ей рицеръ: «твой слова пороженїй и неуважній нѣгди мя непрепритъ и допокори мя претобою недоведуть, аться ти поколонихъ плетешъ, нѣсе нѣте правишь, о Адамъ и потопѣ (слово не разобрано) тихъ копѣе твое будетъ вроботѣ». И то ся порветъ докопѣя. Рече ему смерть: «постояно, человекѣ! щося такъ розгнѣвахъ? послухайно, человекѣ, щоти мнѣ плотки завдаешъ о Адамъ альбо о потопѣ? послухай, що повѣмъ! Еще отсотворенїя свѣта амъ (я-мъ?) другая по Адамъ родомъ, бо коли Богъ доАдама: аще будете воотцу (овоццу?) одревати заказного,—смертїю умрети; скоро Адамъ воотцу (овоццу?) вкусивъ, я заразъ ся тамъ знайшла. Послуха(й)же: Адамъ вашъ прадѣдъ билъ,—того я взяла; Аврамъ билъ патриарха старозаконѣ,—того я взяла; тайже Исаакъ, Ияковъ, царей, крелевъ предтопомъ и попотопѣ—и тихъ я взяла; Ной билъ которий животъ людски о(т)потопу у(ков)чезѣ заховалъ,—того я взяла; Александеръ крадмакедонскїй (краль македонскїй) и немензскїй, барзо моцнїй и славнїй билъ,—и того я взяла; Моисей пророкъ божи, игаманъ игаманъ жидовскїй,—и того я взяла; и такъ ти иНавинъ, Самсонъ силнїй билъ, такїй моцнїй, ижъ онъ самъ повѣдалъ мнѣ—такїй найшолся майстеръ, жебы втой села(?) посродку руску управни абися некрушила тоби якъ млиное имъ каменемъ албо карповимъ и оберто,—и того я взяла, кромихъ и всякаго стану мужескаго и жеїнскаго и малихъ

дѣтей краснихъ и некраснихъ, старихъ и молодыхъ
вещаду, але заровне косою своею кошу и граблями
загрѣбаю и лопатою закидаю, мѣтлою замѣтаю и сер-
помъ пожинаю и пилою потираю и рискелемъ приси-
паю, нѣкогося небою, нивстидаю и грози небою нѣ-
чией».—Тое вислухавши рицеръ зумѣлся, сердце внемъ
нача трепетатися и натѣлѣ почаль слабѣти, южъ сила
почала отступати

Притѣчанія и параллели.

№ 1.

См. Гринченко, Этногр. матеріалы, II, № 10: Гадюка.

№ 2—7.

По истолкованію крестьянъ, метеоры — это огненные змѣи, которые есть не что иное какъ тѣ-же нечистые духи, летающіе къ женщинамъ, какъ ихъ любовники, или-же, чтобы носить деньги людямъ, съ которыми они имѣютъ дѣло. Поэтому рассказы о метеорахъ незамѣтно переходятъ къ рассказамъ вообще о чертахъ и специально о «перелесныкахъ» (см., напр., въ этой книгѣ № 120, стр. 94).

Различные рассказы, относящіеся къ этому предмету: Чубинскій, «Труды», I, Падающія звѣзды, Падающіе камни, 16—17; Перелестникъ, 193.—Гринченко, «Этнографическіе матеріалы», II, № 2: Змій (метеоръ).—Харьковскій сборникъ, IX, 271—274: Огненный змій, Змій-любовникъ.—Манжура, «Сказки», 9: О змѣяхъ.—Ястребовъ, Матеріалы по этногр. Новоросс. края, 78: Лятавецъ (перелесныкъ).—Данильченко, 21—22: Перелесныкъ.—Къ легендамъ о летающихъ змѣяхъ, И. Манжуры (Этнографическое обозрѣніе, 1892, II—III, 254).—Этнографическое обозрѣніе, XXXV (1897), 126—128.—Сборникъ Харьковскаго историко-филолог. об-ва, V, 58—59.—Этногр. Обозрѣніе, XIII—XIV (1892), 81—82, 254; XXXI (1896), 153—154; XXXV (1897),

126—128; XXI (1894), 87, 91—94.—Сумцовъ, Культурныя пореживанія, № 125: Украинскіе инкубы и суккубы. (Кіевск. Стар. 1890, I, 68—73).—См. приѣчаніе къ № 125 настоящей книги.—Кіевская Старина, 1899, IX, 396—400.—Аванасьевъ, Зооморфическія божества у славянъ, III, 1, 98, 109—110, въ «Отеч. Запискахъ» 1852, №№ 1—3).—Nowosielski, Lud Ukraїński, I, 251.—Ивановъ: Разск. о вѣдьмахъ, 216. (Об. Харьк. и-ф. о-ва, III).—Руданський, Творы, II, 237.

№ 9.

См.: М. Васильевъ, Антропоморфическія представленія въ вѣрованіяхъ украинскаго народа: Вѣтеръ—въ «Этногр. Обзорніи» 1892, IV, 159.

№ 10.

Этнографичный Збирникъ, V, 78, № 8: Градь.—Харьковскій Сборникъ, II, 88.—Чубинскій, Труды, I, 28: Градь.—Ястребовъ, Матеріалы по этногр., 7.—Bartoš, Moravsky lid, 293.

№ 11.

Совершенно обратный взглядъ на климатъ земли: Гринченко» Этно. мат., II, № 1: Тепло въ старовыну.

№ 12.

Жыте и слово, III (1895), 386, № 21: Дытына зиму ззяла.

№ 14—18.

Разказы эти перепечатаны изъ «Черниговскихъ Губ. Вѣдомостей» 1859 г., гдѣ они помѣщены въ №№ 23 и 38. Первые три нумера передаютъ нар. вѣрованія въ то, что волками управляетъ или св. Юрій, или волчій богъ Полисувъ (Лисунъ); послѣдніе два не имѣютъ отношенія къ волкамъ, но ихъ связываетъ съ предыдущими образъ Лисува, почему мы и помѣстили

ихъ здѣсь, а не въ отдѣлѣ IV-мъ. Вотъ относящаяся къ предмету литература: Харьковскій Сборникъ, I, 75—76; VIII, 117.— Ястребовъ, Мат. по этн., 11, 71.— Драгомановъ, Мал. пред., стр. 5, № 9: Волки.—Манжура, Сказки, стр. 147: Св. Юрій та вовкы.—Этнографическое Обозрѣніе, VII (1890), 85—86 (св. Юрій замѣненъ св. Петромъ).—Кіевская Старина, 1887, XI, 405—408; 1894, XII, 495—497.—Чубинскій, Труды, I, 51—52: Волкъ; 171; II, 7, № 1.—Булгаковскій, Пинчуки, 179: Св. Юрій.—Гринченко, Этн. мат., II, № 69: Вовкъ та св. Юрій (сказка, связывающая рассказы о волкахъ и волчьемъ богѣ со сказкою о чертѣ, отслуживающемъ краюшку хлѣба).—Номысь, Укр. прык., №№ 434 и 435.—Этнографичный збирникъ, II, Дикаревъ, стр. 12—13, № 11: Гр. Побидоносець, № 12: Про св. Георгія, еще стр. 34—35.—Ефименко, О Ярилѣ (отд. брош. и въ «Запискахъ И. Р. Г. О-ва, II, 77).—Кирпичниковъ, Св. Георгій и Егорій храбрый—въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1879, XII; 1880, I и II.—А. Н. Веселовскій, Разысканія etc., II, 1—227.—Н. Сумцовъ, Отголоски христіанскихъ преданій въ монгольск. сказкахъ — въ «Этногр. обозр.», 1890 III, 18—20.—Аванасьевъ, Поэтич. воззрѣн., I, 699—711.—Valjavec Крастанов, Narodne pripowiedke, 93—94.—Черниговск. губ. вѣд., 1861, № 4: Ефименко, Нѣск. словъ о Полисунѣ; № 6: Павловскій, Волчы праздники.—Nowosielski, II, 225.

Къ этой темѣ близко примыкаетъ тема про *бидного вовка* (вовка-дурня): Рудченко, Н. ю. р. сказки, I, 1—12, №№ 1—5: Бидный вовкъ, Кравецъ и вовкъ, Марко и убогий вовкъ, Кравецъ и вовкъ.—Чубинскій, Труды, II, 124, № 42: Про вовка; стр. 126, № 43: Куцый вивкъ та кравецъ.—Этногр. збирникъ, I, 25—26: Дурный вовцюга, Вовкъ и кравецъ; IV, 167, № 2: Про вовка, що не мавъ нигде щастя.—Черниг. Губ. Вѣд. 1861, № 21, стр. 159—161.—Запыскы наук. Т. и. Шевч., XXIX (1899), Верхратський, 149—150.—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), I, 31—43, № 24: Волкъ-дурень.—Даль, Повѣсти, сказки и разск. козака Луганскаго, II, 459.—Эзопъ, басня «О лошади и львѣ». — Эзоповы басни съ баснями латинскаго стихотворца Филельфа, перев. Д. Т. Москва (1792), стр. 36 и

348—350. — Haupt und Smolar, Volkslieder der Wenden (1843), II, 161—164: Des Wolfes glücklicher Tag.—Glin-ski, Bajarz polski (1853), III, 177—191.—Матер. для изуче-ніе нар. словесн., 42—47.—Библиотека для чтенія, 1836, томъ XIV, стр. 133.—Шейнъ, Матеріалы для изуч. быта и языка р. нас. сѣв.-зап. края, II, 344—348: Голодны воукъ, 262—263: Баранъ и волкъ.—Materiały antropologiczno-archeolog. i etno-graficzne, T. II, 2, стр. 61—62, № 33.—Valjavec, Narodne pripovjedke, 267—269: Vuk-Rimljan. — Романовъ, Вѣлорус-скій сборникъ, т. I, вып. III, стр. 15—20.—Hahn, Griechische u. albanesische Märchen, II, № 92—93. — Wolf, Deutsche Hausmärchen, 419—421.—Руданський, Творы, I, 146—148, № 90: Старый вовкъ.—Erben, Vybrané báje a povesti národní, 256—258: O hloupém vlkovi.—S. Barącz, Bajki, 215—219.—Бидный вовкъ. Нар. казка, Харьк., 1885. (Пере-печатка № 1 изъ Рудченка).

№ 19.

Гринченко, Этногр. матер., I, № 192: Дрикъ та виль.—Кіевская Старина, 1888, VI, 359 (въ «Молотникахъ» Г. Бар-винокъ).

№ 20.

Разсказчикъ очевидно забылъ легенду и напуталь.

№ 21.

Гринченко, Этногр. мат., I, 253, № 196.

№ 23.

Разсказъ взятъ изъ № 26 «Черниг. губ. вѣд.» за 1852 г. Иные разсказы о дятлѣ: Чубинскій, Труды, I, 61.—Гринченко, Этн. мат., I, № 155; II, № 5.—Ястребовъ, Мат. по этн., 164—165, № 24.

№ 24.

Подобное относительно журавлей и гусей: Драгомановъ Млр. пред., 7—8, № 24 и 25. — Ефименко, Млр. закл., 37, № 112. — Номысь, Укр. прык., №№ 327 и 13387. — Чубинскій, Труды, I, 62. — Правда, журн., 1867, № 13. — Етногр. збирникъ, V, 80, № 5: Журавель. — Nowosielski, Lud Ukr., II, 127, 128.

№ 25.

Данильченко, 16: Липа. — Чубинскій, Труды, I, 76: Липа.

№№ 27—112.

Указатели различнымъ примѣтъ, повѣрій, заговоровъ и пр. см.: Гринченко, Этн. мат., II, 27—30, 48—54, 355; — Сумцовъ. Заговоры, библиогр. указат. — въ Сборникъ Харьк. ист.-ф. о-ва, IV, 258—273; а также тамъ-же стр. 291—292.

Изъ «Черниг. губ. вѣдомостей» взяты: въ № 27 примѣты 6, 8, 10, 13, 14, 19 и 23 (изъ № 9-го 1863 г.), въ № 30 примѣта 1 (оттуда-же), въ № 33 прим. 6 (№ 46-й 1862 г.), въ № 39 пр. 9 (изъ № 9 за 1863), въ № 43 прим. 4 (изъ № 23 за 1859), въ № 68 средства 3 и 4 (изъ № 6 за 1860), № 85 (изъ № 23 за 1859), (въ № 36 прим. 13, въ № 38 прим. 4, №№ 48, 55, 59, въ № 60 средство 1, № 67, въ № 99 ср. 4, въ № 101 ср. 2—взяты изъ брошюры Исаенко: «Село Голенка Конотопск. у.», Черниг., 1860 (первоначально была въ №№ 43, 44 и 46 «Черн. губ. вѣд»).

Въ № 112, на стр. 80, слѣдуетъ исправить опечатку: въ строкѣ 6-й сверху должно быть: а; ѱ; к; і (1712).

№ 115.

Иной разказъ о появленіи черта въ видѣ паныча: Чубинскій, Труды, I, 184.

№ 122.

Изъ брош. Исаенка «С. Голенка», стр. 12—13.

№ 123.

Драгомановъ, Млр. пред., 54, № 2: Чертъ заводить чело-
вѣка съ дороги.

№ 125.

Гринченко, Этн. мат., 95, № 79.—Сборникъ Харьк. ист.-ф.
о-ва, III, 225; V, 58, 59.—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897),
II, 331, № 212: Вдова и бѣсъ.—Кіевская Старина, 1899, IX,
381—382, 384. — Казанскія Губ. Вѣдомости, 1859, № 7, стр.
62.—Podania i legendy Семеньскаго, 36—37.—См. еще при-
мѣчаніе къ №№ 2—7 настоящей книги.—Харьк. Сборникъ,
VIII, 391—392.

№№ 127 и 128.

Различные рассказы о чертяхъ, слушающихъ музыку и тан-
цующихъ: Чубинскій, Труды, I, 186, 187, 190; II, 364, № 99.
—Сборникъ Харьк. ист.-фил. о-ва, V, 64—65.—Драгомановъ,
Млр. пред., 52—54, №№ 19 и 20.—Рудченко, Н. ю. р. сказки,
I, № 41.—Гринченко, Этн. мат., II, №№ 60 и 61.—Давильчен-
ко, 20. Nowosielski, II, 32—34, 38—41.

№ 132.

Чубинскій, Труды, II, 379, № 105: Про бидного чоловіка
и чорта.—Эварницкій, По слѣдамъ запорожцевъ, стр. 117: Чо-
ловікъ у чорта на позычкахъ; стр. 133—134.

№ 133.

Номысь, Украинскіи приказки, 284, № 1254.—Tausend
und eine Nacht, übertr. v. M. Henning (Leipzig, Verlag v.
P. Reclam), T. I, 35: Der Fischer und der Ifrit.—Этимъ сю-
жетомъ воспользовался Le Sage въ своей книгѣ: «Le diable
boiteux».

№ 134.

«Малор. преданія» Драг., № 1,з.— Основа, 1862, V, 80: Якъ Анцыболоть дражнивъ Бога.—Этногр. збирникъ, IV, 147, № 31: Чому громы б'ють.—Харьковскій сборникъ, II, 87; VII, 441.—Жыте и слово, III (1895), 218, 372; II (1894), 180.—Добровольскій, Смол. сб. I, 226, № 2, 3, 5.—Revue trad. pop. I, 94; II, 269; X, 222.—Этногр. Обзор. XXVIII, 116.

№ 135.

«Малор. преданія» Драг., 48, № 13.—Сборникъ Харьк. ист. ф. о-ва, V, 61—63.

№ 140.

Чубинскій, Труды, I, 192.

№ 141.

Чубинскій, Труды, I, 49: Лошадь.

№ 145.

Сборникъ Харьковскаго историко-фил. о-ва, V, 67.

№ 155.

Различныя сказки о смерти-кумѣ и о врачѣ, находившемся въ союзѣ со смертью (иногда съ замѣной смерти чертомъ): Ивановъ, Изъ области млр. н. легендъ—въ «Этногр. Обзорѣніи» V (1890), 154; VII (1890), 83—84.—Чубинскій, Труды, I, 217, № 93; 428, № 130: Про пятницю.—Кіевская Старина, 1892, VIII, 147—148; 1899, VII, 71.—Жыте и слово, III (1895), 219, № 31: Смерть кумою.—Рудченко, Н. ю. р. сказки, I, № 31—32.—Moszyńska, Bajki i zagadki, № 22: Якъ баба чорта голыла.—Шейковскій, Быть подолянь, II, 66—68: Смерть за куму.—Стороженко, Украински оповидання (Спб., 1897), 36—40: Жонатый чортъ.—Стихотворная передѣлка: Осташевскій, Piw kory kazok (Wilno, 1850), 116—124: Мартынъ Знахарь (то-же во второмъ изданіи той-же книги:

«Пивъ сотни казокъ», Кіевъ, 1869, стр. 199—204, № XXX). — Гринченко, Этн. мат., II, № 75. — Зоря, 1890, 151. — Стихотворная передѣлка по русски: Данилевскій, Украинскія сказки, 6-е изд., стр. 58, № XIV: Смергь. — Шапкаревъ, № 241. — Carnoy et Nicolaides, 144, 172 (ново-греческая). — Сборникъ за народ. умотворенія, VI, 162. — Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, 1892, III, 299 (указаніе на сходное талмудическое сказаніе). — Добровольскій, I, 314. — Сотанинъ, Очерки с.-з. Монголіи, IV, 498. — Садовниковъ, Сказки и пред. Самарск. края, § 88, 92, 104. — Караджичъ, 145 (сербская). — Ciszewski въ IX т. «Zbiór wiadomosci» (польская). — Потанинъ, IV, 498 (монгольская). — Фламандскія сказки, пер. Галибина (Спб., 1893), 59—71: Кумъ смерти; 201—215: Крестникъ смерти. — Kúnos, Oszmán török nép költésy gyűjtemény (см.: Гордлевскій, Обзоръ турецкихъ сказокъ, № 78). — О лубочномъ рисункѣ на эту тему см. въ «Кіевской Старинѣ» 1890, XII, 506—507.

№ 164.

Испорченная редакція. Подобное о вовкулакѣ см.: Гринченко, II, 126, № 93.

№ 166.

Кулишъ, Записки о Южной Руси, II, 43—44. — Чубинскій, Труды, II, 416—417, № 122. — Сборникъ Харьк. ист.-фил. о-ва, III, 225. — Малор. преданія, 392. — У Ястребова (135, № 10) за дѣвучкою гналися черти, а она старалась спастись отъ нихъ при помощи такой хитрости, какъ и въ нашемъ разсказѣ.

№ 170.

Легенда эта относится къ Василию Борковскому, сотнику выбельскому, впоследствии полковнику черниговскому (до 1686.) и наконецъ генеральному обозному. О существованіи легенды сообщалъ еще Н. Маркевичъ въ своей книгѣ: «Обычай, повѣрья...

малороссіянь» (Кіевъ, 1860, стр. 79). Кромя него см. еще: Кіевская Старина: 1883, VI, 376; 1894, III, 530 — 536: «Генер. обозный В. К. Борковский»; 1886, VI: Сялецкій, Колдовство въ юго-западн. Руси въ XVIII в., стр. 209—210; 1883, VI, 376: Ефименко, Упыри.—Иловайскій, Черниговская старина по преданіямъ и легендамъ, 35—37.

№ 171.

Малорусск. преданія, 62, № 2: Мертвякова намитка.—Харьковскій Сборникъ, IX, 259—261, № 36: О тямъ, якъ дивка пошуткувала.—Чубинскій, Труды, II, 422.—Кіевская Старина 1899, VIII, 203.—Аванасьевъ, Р. н. сказки, 314, № 205.—См. еще № 174 настоящей книги.

№ 172.

Объ обсыпаніи мертвецовъ и упырей макомъ: Ефименко, Закливанія, 70, № 221.—Зоря, 1890, 152.—Этнографичн. збирникъ, I, 5—8; № 2: Чоловикъ безъ страху и упырь.

№ 173.

О мертвецахъ, пребывающихъ временно среди живыхъ людей: Кіевская Старина 1889, VII; 88—89 (въ разск. Г. Барвинокъ «Русалка»); 1899, VIII, 198.—Буслаевъ въ «Библ. для чтенія» 1864, III, 6.

№ 174.

Чубинскій, Труды, I, 91: Битье о закладъ; II, 422, № 125. Про ковпакъ мертвеца.—Данильченко, стр. 12: Битье о закладъ: Харьковскій Сборникъ, IX, 259: Якъ дивчына зняла хустку зъ мары.—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, 314—315, № 205: Разказы о мертвецахъ. А.—См. еще № 171-й настоящей книги.

№ 175 и 176.

Иные разказы на ту-же тему: Харьковскій Сборникъ,

VIII, 44, 289.—Кіевская Старина 1894, III, 553.—Сборникъ Харьков. и. ф. о-ва, III, 170—172, 175.—Чубинскій., Труды, I, 198—199.—Nowosielski, II, 84—85.

№ 177.

Кіевская Старина, 1889, V—VI, 505.

№ 178.

Сборникъ Харьк. и.-ф. о-ва, III, 165. — Харьков. Сборникъ, VII, 449; VIII, 43, 290, IX, 245.—Манжура, Сказки, 135.—Малорусск. пред., 69 и 70.

№ 179.

Различные виды, въ которыхъ является вѣдьма: Гринченко, I, № 87.—Сборникъ Харьк. ист.-ф. о-ва, III, 177—202, 220.—Харьковский Сборникъ, VII, 449, 451, 452; VIII, 44, 83, 288, 290—291; IX, 248, 250.—Чубинскій, Труды, I, 199.—Малорусск. преданія, 68, 69, 73 (№ 15).—Этнографичный збирникъ, V, 216.—Ястребовъ, Матер. по этн., 64.

№ 181.

Сборникъ Харьков. и.-ф. о-ва, III, 166,

№ 187.

Кіевская Старина 1899, III, 139.

№ 188.

Гринченко, I, № 87.—Сборн. Харьк. ист. ф. о-ва, III, 167.—Кулишъ, Записки о Ю. Руси, II, 38.

№ 189.

Сборн. Харьк. и.-ф. о-ва, III, 165, 166; V, 41—43.—Этнографическій сборникъ, V, 97, 3.—Харьковский Сборникъ, VII, 449; IX, 24, 310, 427.—Малолорусск. пред., 35, № 41;

70, № 9.—Гринченко, Этн. м., I, № 87 и 207.—Чубинский, Труды, I, 198, 205.—Кіевская Старина 1889, VII, 38.

№ 192.

Харьковскій Сборникъ, II, 86.—Сб. Харьк. и.-ф. о-ва, III, 214.—Малор. пред., 68, № 3.—Манжура, Сказки, 134.—Кіевская Старина, 1890, I, 60.—Чубинскій, Труды, I, 17.

№ 193.

Спеціальное изслѣдованіе о противодемоническомъ значеніи собаки (преимуществ. объ иранскихъ повѣрьяхъ) принадлежитъ В. Ө. Миллеру. См. также *Revue d. trad. populaires* 1890, «Кіевская Старина», 1895, V, 192—193. Объясненіе слова «Ярчукъ» см. у Потебни: «Этимологическія замѣтки» въ III вып. «Живой Старины» 1891 г., стр. 17.—Чубинскій, I, 53, 198.—Ястребовъ, 9.—Кіевск. Старина, 1894, III, 553.—Гринченко, Этн. мат., I, № 87.—Сборн. Харьков. и.-ф. о-ва, III, 177, 179—180.—Харьковскій Сборникъ, II, 93; VII, 451; VIII, 302.—Малорусск. пред., 69.

№ 194.

Сборн. Харьк. и.-ф. о-ва, III, 178.—Манжура, Сказки, 140.

№ 195.

Сборникъ Харьк. и.-ф. о-ва, V, 57.

№ 199.

Кіевская Старина, 1889, XII, 588.—Г. Барвинокъ, Перемогла (Першый винокъ, альм., стр. 54—55).—Осташевскій, Пивъ сотни казокъ, 15, № 3. Орендарь.—Nowosielski, II, 103—108.

№ 201.

О летаніи вслѣдствіе колдовства: Кулишъ, Записки о Ю. Руси,—II, 39. Ястребовъ, Этн. мат., 69—70.—Квитка, Конопська видьма. Nowosielski, II, 147.—Wojcicki, Klechdy I, 94—100.

№ 208.

Гринченко, Этн. мат., I, 283, № 208.

№ 208.

Малорусск. нар. преданія, стр. 79, № 3.

№ 214.

Чубинскій, Труды, II, 505, № 10 (вторая половина); 520 № 16: Скупый (первая половина).—Харьковскій Сборникъ, IV 35.—Гринченко, II, № 97: Задра на гроши.

№ 217.

Вторая половина этой сказки, разрабатывающая мотивъ о путешествіи къ солнцу, входитъ въ составъ сказки о Маркѣ Богатомъ. Параллели для этой половины: Чубинскій, Труды, II, 11, № 2; 133, № 47; 290, № 76; 341—344.—Драгомановъ, Млр. преданія, 329, № 22.—Kolberg, Pokucie, IV, № 5 и 6 Етнографичн. збирникъ, I, стр. 3, № 1: Подорижъ до сонця; стр. 81, № 21: Дубъ-береза и його подорижъ до сонця; т. IV, 132, № 26. — Ивановъ—въ «Этн. Обзор.», кн. VII, 80—83. Moszyńska въ Zbiór wiad., кн. IX, № 1.—Давилевскій, Украинскія сказки, 6 изд., 76, № XIX.—Казки Игнатія зъ Никловичъ, 39—44 (то-же, что и въ «Млр. пред.»).—Обширная литература сказки указана М. Драгомановымъ въ статьѣ: «Славянскитѣ сказанія за рождението на Константина Великий»—въ «Сборникѣ за нар. умотворенія», т. II, 132—184; т. III, 206—246; также Н. Сумцовымъ: «Сказки и легенды о Маркѣ Богатомъ»—въ «Этногр. Обзор.», XX (1894), стр. 9; см. еще IV томъ «Етнографичного збирника», стр. 136, при № 26-мъ. Národopisny sborn. csl. III, 5. sl., 118. sl. c. 55—Andrews, Contes figures, № 52.

№ 219.

Гринченко, Этногр. мат., II, 151, № 103.

№№ 220 и 221.

Чубинский, Труды, II, 432, № 132.—Харьковский Сборникъ, VIII, 264.—Кіевская Старина, 1885, XI, 186—187; 1887, XI, 415.—Этнографическое Обозрѣніе, XXV (1895), 147.—Руданський, Твори, II, 223—225, 256, № 6: П'ятниця и ведила.

№ 225.

Гнатюкъ, Гал.-р. анекдоты въ VI т. «Этногр. Збирника», №№ 382, 482, 483.—Аванасьевъ, Р. н. сказки, II, 419.—Вук Врчевич, Срп. н. прип., 58—59, № 131.—Magazyn anekdotów, IV, 17—18.

№ 226.

«Записки о Ю. Руси» Кулиша, II, 30.—Драгомановъ, Малорусск. н. пред., 247, № II.—Номысь, Укр. приказки, 10, № 430.

№ 227.

Вмѣсто ошибочнаго примѣчанія въ концѣ разказа см.: Кіевская Старина, 1886, III, 463: Кузьмичевскій, Турецкіе анекдоты въ укр. н. словестности.—*La faccie del Piovano Arcotto ed Giuseppe Vacconi*, Firenze, 1884, стр. 80.—Гнатюкъ, Г.-р. анекдоты въ «Етн. Збирн.», VI, №№ 273, 274 и 298.—Жыте и слово, IV (1895), 366, № 4.—Аванасьевъ, Р. н. сказки, II, 434 ррр.—Насрадинъ-Ходжа, Београдъ, 1896, стр. 6—7, № 10.—*Die Schwänke des Nassr-ed-din und Buadem* (Verl. v. P. Reklam), 19, № 30.

№ 228.

Гринченко, Этногр. Матеріалы, I, № 188: Смерть.

№ 230.

Вмѣсто ошибочнаго примѣчанія въ концѣ разказа см.: Этнографичный Збирникъ, I, стр. 10, № VI: Зъ подрыганіємъ; стр.

28, № V.—Рудченко, Н. ю.-р. сказки, II, 196, № III.—Гнатюкъ, Г.-р. анекдоты—въ «Етн. Збирн.», VI, № 274.—Мозуїńska, Bajki, №28 (также въ «Zbiór wiadomosci», IX, 142--146).—Сборникъ Харьковскаго и.-ф. о-ва, XI, 141.—Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 24.

№ 232.

Руданський, Творы, I, 151: Пипъ зъ кропыломъ.

№ 234.

Сказка эта принадлежитъ къ циклу сказокъ объ удостовѣреніи вѣрности жены (невинности дѣвушки); сюжетъ этотъ часто сплетается съ другимъ: объ отсутствіи жены для выручки изъ неволи мужа и объ обвиненіи ее изъ-за этого въ невѣрности; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ являются иногда у супруговъ сорочки, остающіяся бѣлоснѣжными до тѣхъ поръ, пока сохранена вѣрность. Вотъ извѣстныя намъ сказки этого цикла въ обонхъ его развѣтленіяхъ: Аванасьевъ, Русскія н. сказки (1897), II, № 194. Оклеветанная купеческая дочь, 195. Царица-гусларь. — Вольфъ, Deutsche Hausmärchen, 98—115.—Zeitschrift für D. M., II, 377—384 (Die getreue Frau). — Нѣмецкая дѣсня: «Der graf v. Rom (О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 638—639). — Московскій Наблюдатель 1837, XI, 350—352 («Германскія преданія»).—Янчукъ, Къ исторіи и характеристикѣ женскихъ типовъ въ героическомъ эпосѣ (въ «Юбил. Сборникѣ въ честь В. Θ. Миллера» 1900 г., ст. 353 и слѣд., а въ отдѣльн. оттискѣ 6 и слѣд.). Въ этой статьѣ приводится, какъ народная, «Дума про княгиню-Кобзаря» и говорится: «М. С. Кононенко, пишущій малорусскіе стихи и перелагающій въ стихотворную форму нар. рассказы, сдѣлалъ, между прочимъ, изъ вышеприведенной думы «балладу» слѣдующ. ритмич. склада: «Не туманъ ото сьвіе |И не кураява чорніе, |И не хмара йде, |Ни, то лавою живою, |Вже знаряжене до бою |Військо князя жде. (М. С. Кононенко, Княгиня Кобзарь. Баллада,

Кіевъ, 1893). На мой (г. Янчука) запросъ, откуда имъ взято содержаніе для этой баллады, г. Кононенко отвѣчалъ мнѣ любовно, что его стихотвореніе есть не что иное, какъ искусственное переложеніе думы, которую онъ записалъ въ двухъ мѣстахъ, въ Харьк. и Кіевск. губ., отъ стариковъ, почти безъ всякихъ отличій. Харьковскій вариантъ и есть тотъ самый, который мы привели», (стр. 358 въ «Юб. Сб.» или 11 въ оттискѣ). Но приведенный въ статьѣ г. Янчука текстъ думы есть не что иное, какъ *собственное стихотвореніе* редактора настоящей книги, написанное въ формѣ малорусской кобзарской думы на сюжетъ сказки Аванасьева, № 195. Царица-Гусярь и никогда и нигдѣ не былъ записанъ отъ народа. Стихотвореніе это изданное въ 1891 г. въ сборникѣ «Колосы» (Одесса, 71—79), перепечатывалось потомъ въ журн. «Дзвиннокъ», 1891, № 10, и нѣсколько разъ въ сборникахъ стихотворнахъ передѣлокъ нар. сказокъ В. Гринченка (В. Чайченка), — см. «Книга казокъ виршомъ» (Львѣвъ, 1894, стр. 99 и Одесса, 1895, стр. 72) и брошурки львовскаго (1891) и харьковскаго (1893) изданія. — На тотъ же сюжетъ, но, съ значительно отличными подробностями написана (въ 1859 г.) поэма чешскаго поэта Vitezslav'a Hálek'a: «Krásná Lejla» (Spisy Hálkovy, porada F. Schultz, V Praze 1879, dil II, p. 67—80). — В. Миллеръ, Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ, Этногр. Обзоръ, XVIII (1893), стр. 65—66. — Boccacci, Il Demameron. La seconda giornata, Novella nona. — Tran Kurelac, Jacke ili narodne pesme prostoga i neprostoga puka hrvatskoga, Zagreb, 1871, стр. 138—147: «Aleksander», — стихотворная поэма. Издатель (стр. LIII) догадывается, что хорватскій текстъ, найденный въ двухъ копіяхъ XVII в., представляетъ переводъ какой-то старонѣмецкой поэмы, написанной вѣроятно въ Вѣнѣ и называвшейся должно быть: «Die schöne Juliane». Этотъ текстъ послужилъ основою для малорусской «Поэмы про биду сорочку» Ивана Франка, первоначально появившейся въ V-й книгѣ «Литературно-науковаго Вистника» за 1899 г. (стр. 117—140) и повторенной въ сборникѣ стихотвореній Франка: «Поэмы». — См. еще «Кіевскую Старину» 1900, VII—VIII, Библиогр., 39.

№ 235.

Номысь, Укр. приказки, 252, № 12827. — Гривченко, Веселый Оповідачь, № 50. — Комаровъ, Нова збирка н. и. приказокъ, № 1011.

№ 236.

Гнатюкъ, Г.-р. анекдоты въ VI т. «Ет. Збирн.», № 168.

№ 237.

Иные рассказы о мнимомъ мертвецѣ: Ястребовъ, Матер. по этн. 172, № 32. — Чубинскій, Труды, II, 540, № 31. — Манжура, Сказки, 132: Наказанный скупецъ. — См. еще: Киевская Старина 1894, III, 440: Н. Сумцовъ, Пѣсни и сказки о живомъ мертвецѣ; также Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 107—113, № XXXVI.—Die Schwänke des Nassr-ed-din und Buadem (Verl. v. P. Reklam), 26, № 45.

№ 238.

Гнатюкъ, Г.-р. анекдоты—въ «Етн. Збирн.», VI, № 697: Дурни люде. Тамъ-же указана и литература.

№ 241.

Указаніе на польскіе варианты у Ciszewskiego. См. Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 89. — Вольвачивна, Кажы жинци правду, та не всю. Харьк. 1893.

№ 242.

Перепечатана изъ «Черниг. губ. вѣд.» 1859, № 29, стр. 208.—Чубинскій, Труды, II, 530—537, №№ 25—28.—Сборникъ Харьковскаго ист.-ф. о-ва, VI, 177. — Киевская Старина 1883, XII, 701—703; 1894, XII, 395.—А. Торишній, Жаръ птыця, Катеринославъ, 1884. — Cosquin, Contes popul. de Lorraine, II, 317—322. — Вѣлорусская сказка у Шейна въ

«Матер.», II, болгарская, Шапкарева, въ VIII кн. «Сборника».
—Осташевський, Пивъ сотни казокъ, 158, № 24: Иванъ.—Руданський, Творы, I, 101, № 62: Чужая дытына не то, що ридня.

№ 245.

Ношысь, Укр. прыказкы, 183, № 9450.

№ 246.

Изъ № 2 «Черниговскихъ губ. вѣдомостей» 1854, стр. 7—11.

№ 247.

Оттуда-же, 1857, № 4, стр. 28—32.

№ 250.

Разсказъ принадлежитъ къ циклу сказокъ о попыткахъ дурня жениться. См. сказки этого цикла: Ястребовъ, Мат. по этя., 163.—Квитка, Пидбрехачъ.—Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 145 (Сб. X. и.-ф. о-ва, XI, 262).—Сумцовъ, Квитка какъ этнографъ—въ «Кіевск. Старинѣ» 1893, VIII.

№ 252.

Мѣсто этой сказкѣ собственно въ XIII отдѣлѣ; здѣсь она помѣщается какъ образчикъ примѣненія сказочнаго мотива къ извѣстной нравоучительной цѣли. См. Манжура, Сказки, 143.—Аванасевъ, Р. н. сказки (1897), I, № 52: Морозко.—Жыте и слово, II (1894), 360: Морозъ.—Этнографичн. Збирныкъ, VI, № 142.—Чубинскій, Труды, II, 434, № 133.—Сумцовъ, Сказанія о займѣ дней—въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» 1891, № 3.

№ 253.

Чубинскій, Труды, II, 543—546, № 33.—Ястребовъ, Ма-

тер. по этн., 170, № 31.—Этнографич. Сборникъ, III, 189, № 27: Царь, пань и царивва (вторая половина сказки).—Сто-роженко, Укр. оповидання (1897), стр. 6: Вчы ливного не молотомъ, а голодомъ (то-же въ «Основѣ» 1861, № 1).—Илю-стрована библиотека для молодежи, 1891, № 6, стр. 86—88: Малына, Кто ся колыше, най ся колыше.—Добровольскій, Смо-ленскій этнографич. сборникъ, 359—361: Упирливая дѣвка.—Гомановъ, Вѣлорусскій сборникъ, III, 307: Празнишна жонка

№ 254.

См. стр. 365 настоящей книги, приказка № 117.

№ 255.

Разсказъ этотъ въ разныхъ селахъ прилагается къ опре-дѣленнымъ людямъ. Въ дѣтствѣ составитель этой книги слы-шалъ его отъ своего отца, приуроченнымъ къ одному знакомому крестьянину на х. Немышля, Харьковск. у. Въ Черниговѣ отъ г. Зборовскаго составитель слышалъ его въ 1900 г., какъ мѣст-ное происшествіе. Вотъ еще вариантъ, доставленный Д. К. Ле-бедемъ изъ м. Беркiевки Нѣжинскаго уѣзда: «Два чоловікы йдуть уночи,—колы-жъ вовкъ; посталы вонкы тай дывляться. Колыжъ вовкъ проломавъ дырку у хливи та й полизъ туды. Отъ одынъ чоловікъ присивъ надъ диркою передомъ до тыву та й заслонивъ дырку, а другый побигъ людей нагукаты. Чуе вовкъ, що люде бижать, та якъ розженеться у дырку. та головою у матню чоловікови; чоловікъ и повмысь на йому, а вовкъ понисъ та й понисъ його. Але й вовкъ такъ перелякався, що тилькы за село выбигъ та й здохъ. Отъ тоби й пiймавъ вовка; на що-те сило та ружже!»

№ 257.

Folklore de l'Ukraine. Украинскій фольклоръ. Extr. des *Kpυπτάδια*, t V, 1898, Paris, p. 138—139: Tziganes.—M. Tewtik, Die Schwänke des Nassr-ed-din und Buadem (Verl. v. P. Reclam), 75, № 87.

№ 258.

Драгомановъ, Малорусск. преданія, 181, № 15: Сосѣдское добро.—Гринченко, Веселый Оповидачь, № 59.

№ 261.

Чубинскій, Труды, II, 647, № 108.—Этнографическй Збирныкъ, IV, 187: Якъ цыганъ зъ паномъ обидавъ.—Гринченко, Веселый Оповидачь, № 204.—Жыге ч слово, III (1895), 70: Якъ цыганъ штукою найввся.

№ 262.

Zbiór wiadomości do antrop. kraj., VIII; XIII, стр. 243
Линыва кума.—Этнографическй Збирныкъ, VI, № 201: Зюбрій.

№ 270.

Этнографическй Збирныкъ, VI, № 60: Хлопъ и мищухъ, № 93: Видтяла.—Жыте и слово, IV (1895), 364, № 3: Богачи и бидни. 2.—Насрадин-Ходжа, Београд, 1894, ст. 32, № 48.

№ 271.

Зеркало (юмор. газ.), 1892, № 15—16, стр. 3.

№ 272.

Гринченко, Этногр. Мат., I, 89, № 115.

№ 275.

Этнографическй Збирныкъ, VI, № 237: Розмова (конецъ).

№ 276.

Тотъ-же анекдотъ составитель книги слышалъ въ дѣтствѣ въ Харьковскомъ уѣздѣ.

№ 277.

Этнографичный Збирникъ, VI, 194, № 441: Быколашь.— Вотъ еще вариантъ, доставленный изъ Нѣжинского уѣзда Д. К. Лебедемъ въ 1900 г.: «Москали украли теля, заризали його та й шкуру зняли. А йихъ начальныкъ и потуравъ йимъ въ сивъ. Колы-жь пиднялась трусанына, йдутъ трусыты й москаливъ. Вони положили теля на стиль, прикрылы його рядомъ, а одынъ москаль сивъ у головахъ та й псавтырь чыта. Колы ввиходять и сюды трусыты; бачать — покойныкъ. Ну, якъ же тутъ трусыты!—«Хто умеръ?—пытають.—«Бычковъ».

№ 278.

Различные рассказы о покражѣ солдатами масла: Рудченко Н. ю. р. сказки, II, 167, № 38: Чоловикъ зъ масломъ и моска ли.—Аванасевъ, Р. н. сказки (1897), II, 431 666.

№ 279.

Зеркало (юмор. газ.), 1892, № 17—18.

№ 282.

Драгомановъ, Малор. преданія, 195, № 38.—Гринченко, Веселый Оповидачъ, № 142.—Аванасевъ, Р. н. сказки (1897), II, 425 и. —Календарь Просвѣты на р. 1870, стр. 78.—Zbiór wiadomości do antrop. kraj., VII, 3, стр. 32, № 84.—Этнографичный Збирникъ, I, стр. 13, № III: Грынджолы; VI, 175, № 390: Русны и мазурь.—Ястребовъ, Матер. по этн., 186, № 3.—Билецкий-Носенко, Казы сліпого бандурыста (Кіевъ, 1871), стр. 34, № V: Лыцвынь да Украйинець.

№ 284.

Этнографичный Збирникъ, II, Дыкаривъ, 22, № 21: Цыганъ-монахъ; IV, 185, № 6: Цыганъ у монастыри.—Аванасевъ, Р. н. сказки (1897), II, 410, № 248.

№ 289.

Записки Юго-Зап. Отдѣла И. Р. Геогр. Об-ва, I, 295.—
Кулишъ, Зап. о ю. Руси, I, 277.

№ 290.

Кулишъ, Зап. о Ю. Руси, I, 114: Легенда о В. Хмѣль-
ницкомъ,

№ 291.

Записки Ю. З. Отдѣла Геогр. Об., I, 295.—Кулишъ, Зап.
о Ю. Р., I, 277.

№ 292.

Записки Ю. З. Отдѣла Геогр. Об., I, 299—300: Ведме-
дивська попивна.

№ 293.

Различные рассказы, пѣсни и пр. о Паліѣ: Rulikowski, Zapiski
etnograficzne z Ukrainy въ Zbiór wiadom., III, 139—140.—
Легенды о Паліѣ въ «Запискахъ о Южной Руси» Кулиша, I,
115, 117, 123.—Записки Юго-Зап. Отд. Геогр. О., I, 298.—
Основа, 1861, XII, 29; 1862, VIII: Замѣчат. варианты укр.
пѣсенъ,—Драгомановъ, Млр. пред., 201—208, №№ 11—13.—
Вл. Антоновичъ, Послѣднія времена козачества на правомъ бе-
регу Днѣпра, 61—73 (Архивъ юго-зап. Россіи, т. II, ч. III,
Предисл., 61—73).—Кіевская Старина: 1882, III, 611—615;
IX, 579; 1886, II, 405; 1888, V, 47: Легенда о
Паліѣ.—Черниговскія губернскія вѣдомости 1860, № 14.—
Grabowski, O gminnych ukraińskich podaniach—«Rubon»,
Вильно, 1845, VI, 169—174.—Чубинскій, Нѣсколько народ-
ныхъ ист. пред., Кіевъ, 1873, 8—9 (тоже, что въ Зап. Ю:
З. О., I).—Полит. писни укр. н., т. I, вып. 2, 37—46.—Кіев-
лянинъ 1868, № 111: Комаръ Хмыничъ, Коростышевъ.—Кіевля-

нинь, 1870, № 57: Свидницькій, Легенда о С. Паліѣ.—Черниговск. Епарх. Извѣстія, 1868, № 7, ч. неофф., 256-257.—Черниговск. Губ. Вѣдом., 1888, № 11.—Новости. 1889, № 66, Мордовцевъ.—Этнографическое Обозрѣніе, II (1889), 80: Каллашъ, Палій и Мазепа въ нар. поэзіи.—Журналь Мин. Нар. Просв., 1839, 5: А. Н. Веселовскій, Мелкія замѣтки къ былинамъ, XII.—Екатеринославскія Губ. Вѣдомости, 1888, № 10, Новицкій.—Эварницкій, Запорожье, II, 233.—Кулѣшъ, Укр. нар. пред., Москва, 1847, отд. I.—Кіевлянинъ, 1888, № 34.—Якушкинъ, Сочиненія, Спб., 1884, стр. 312: великорусская легенда о Мазепѣ и Петрѣ.—Лисенко, Збирн. укр. писень, II, № 1.—Кіевск. Губ. Вѣд., 1868, №№ 14 и 147.—Полтавск. Губ. Вѣд., 1860, № 14.

№ 294.

Гринченко, Этногр. Матер., I, № 149.

№ 295.

Изъ «Черниговскихъ губ. вѣдомостей» 1853, № 10, стр. 69—71. — О Бондаренкѣ: Кіевская Старина, 1882. III, 530, XI, 393; 1886, II, 405; 1890, IV, 30, 31.

№ 296.

Кулишъ, Записки о Ю. Руси, I, 151 (иной рассказъ о погожденіяхъ гайдамакъ въ Каневѣ).

№ 297.

Кулишъ, Зап. о Ю. Руси, I, 149.

№ 302.

Гринченко, Этногр. Мат., II, 233, № 173.

№№ 303—304.

Различные рассказы, пѣсни и пр. о Кармелюкѣ: Кіевск.

Старина: 1882, X, 183: Кармелюкъ; 1883, II, 466: Визитъ Кармелюка; VI, 393: Гнидо, вариантъ Кармелюка; 1884, IV, 698: Е. Маковскій, Изъ разсказовъ о Кармелюкъ; 1886, III, 495: Ролле, Кармелюкъ; VI, 371: Олтаржевскій, Воспоминанія старожила о Кармелюкъ; VII, 553: Венгржиповскій, Еще кое что о Кармелюкъ; 1887, XI, 588: Пѣсня о Кармелюкъ; 1889, VIII, 533: Вариантъ пѣсни о Кармелюкъ; 1892, X, 118: На родинѣ Кармелюка. — Этнографическое Обзорѣніе, XX (1894), 131: А. Малинка, Преданія о Кармелюкъ. — Основа 1862, VIII, Дневникъ Шевченка, 17: пѣсня. — Екатеринославскія Губ. Вѣдомости, 1889, № 70: Вариантъ пѣсни о Кармелюкъ. — Зоря, 1894, № 11: В. Боржковскій, Нар. згадка про Кармелюка. — Литературная обработка: Марко Вовчокъ, Оповідання (Спб., 1865): Кармелюкъ (то-же въ «Правди» 1867, №№ 4 и слѣд.). — Чайка, альм. 1875, № 4. — См. еще: Гринченко, Этногр. Мат., III, 618—619.

№ 306.

Различные нар. рассказы и пр. о Шевченко: Кіевскія Старина: 1882, VIII, 371: Взглядъ народа на Шевченка; 1885, IX, 187: Нар. пѣсня о Шевченкѣ; 1887, VIII, 711; 1894, II, 165: Н. Вѣляшевскій, Рассказы крестьянъ с. Пекарей о Шевченкѣ; 1896, II: А. Крымскій, Шевченко въ нар. разсказахъ; 1900, VI, 141: М. Васильевъ, Т. Шевченко въ легендѣ. — Зоря, 1891, № 5: Хв. Крымскій, Нар. память про Шевченка; 1892, № 5: М. Школыченко, Оповідання про Т. Шевченка (зъ нар. усть); 1895, № 3: Два анекдоты про Шевченка; №№ 5 и 6: Д. Писочынець, Шевченко и народъ.

№ 307.

Изъ «Черниг. губ. вѣд.» 1854, № 15, стр. 102—103. — Соединено два мотива: а) Заклятiе рѣчки матерью за утопленіе дочери (сына); б) переходъ рѣчки съ одного мѣста на другое. Параллели перваго мотива: Гринченко, Этногр. мат., I, № 153: Преданіе о болотѣ Замглай (то-же въ «Кіевской Старинѣ» 1893, VI, 521). — См. еще №№ 311 и 315 настоящей книги.

№ 308.

Изъ № 32, стр. 227—229, «Черниговск. губ. вѣд.» 1854.— Сюда вошелъ мотивъ о паханіи змѣемъ, имѣющей обширную литературу; къ нему примыкають рассказы о Кир. Кожемякѣ и змѣѣ: Рудченко, Н. ю. р. сказки, II, № 23: Поповичъ Ясать.— Манжура. Сказки, 24—26: Марко Сучченко.— Гринченко, Этнограф. мат., II, 233, № 175.— Киевская Старина 1898, X, 13; III, 95.— Осташевскій, Пивъ сотни казокъ, 38, № 6: Змійивъ валь.— Moszynska, Bajki, № 10: Про Сучченка.— Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), I, 196—197, № 85; въ томъ-же томѣ №№ 75 и 76.— Русская Бесѣда, 1856, III, статья Максимовича, 74.— Аванасьевъ, Поэтич. воззрѣнія, I, 560—562.— Кулишъ, Зап. о Ю. р., II, 27: Кир. Кожемяка.— Драгомановъ, Малор. пред., 248, № 1. Илья Швець и змій.— Nowoselski Lud Ukraiński, I, 133—135; 254—284.— Москвитянинъ, XII, 146—149. Въ Малор. преданіяхъ Драгом., 248, указано еще: сербскую пѣсню о больномъ Дайчинѣ у Караджича, II, 460, № 78.— Древне-русскій рассказъ объ Усмошведѣ см. въ Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей, I, 53.— Больной Георгій. Dozon, Chansons pop. Bulgares, № 40. О кракѣ и змѣѣ въ Вавелѣ см. San Marte Polens Vorzeit, 16.— Другіе примѣры у Буслаева: Клинообразныя надписи Ахеменидовъ, Рус. Вѣстн. 1873, № 12.

№ 311.

Изъ «Черниг. губ. вѣдомостей» 1858, № 51, стр. 400.— См. № 307 настоящей книги.

№ 312.

Изъ «Черниговскихъ губ. вѣдомостей», 1857 г., № 3, стр. 17—18.

№ 313.

Оттуда-же, 1856, № 48, стр. 372—374.— Стихотворныя.

обработки темы: П. Кузьменко, Погане поле (Черниговск. губ. вѣд. 1860, № 21;—Основа, 1861, II, 41;—Чайка, альм. 1876, стр. 9).—Осташевскій, Пивъ сотни казокъ, 9, № 2: Гандзя кошового.

№ 314.

О вѣтрыныхъ барабанахъ см. въ «Запискахъ о Ю. Руси» Кулиша, I, 114—115, гдѣ устройство ихъ приписывается Богдану Хмѣльницкому.

№ 315.

Изъ брошюры М. Исаенка: «С. Голенка Конотопск. у.», Черниг., 1860. стр. 4. (Печаталось первонач. въ Черн. Г. В.» 1860 г.).—См. № 311 этой книги.

№ 317.

Гринченко, Веселый Оповидать, № 31.—Номысь, Укр. прыказки, № 10970.

№ 318.

Сказка о безстрашномъ, желающемъ узнать что такое страхъ и отыскивающимъ его, существуетъ во множествѣ вариантовъ у различныхъ народовъ: Етнографичный Сборникъ, I, 5—8, № 2: Чоловикъ безъ страху и упырь.—Гринченко, Этногр. Матеріалы, I, 49, № 85.—Чубинскій, Труды, II, 366, № 101.—Kolberg, Pokucie, IV, № 30.—Манжура, Сказки, 60.—Ястребовъ, Матер. по этногр., 81.—Аванасьевъ, Р. нар. сказки (1897), II, 310—314, № 204: Безстрашной.—Kolberg, Lud, III, 119, VIII, 133 (здѣсь указаны польскіе варианты).—Kozłowski, Lud, 336, 358.—Ciszewski, Krakowiacy, 209, 210.—Шалкаревъ, Сборникъ за нар. умотвор., №№ 122, 248.—Верещагинъ, Вотяки Соснов. края, 161.—Нѣмецкія сказки изъ Верхняго Пфальца указаны Кольбергомъ въ вышецит. мѣстѣ «Lud'a».—Grimm, Kinder- und Hausmärchen, I, № 4: Märchen von einem, der auszog

das Fürchten zu lernen и въ III т. примѣчаніе къ ней (стр. 13—19 изд. «Univ. Bibl.»).—Wolf, Deutsche Hausmärchen, 408—416.—Schleicher, Litauische Märchen, 79—83.—Gonzenbach, Sicil. Märchen, II, 237.—Hahn, 24, 32, 64.—Schott, Walach. Märchen, 27.—Cosquin, Contes pop. de Lorraine, II, 253—263, № LXVII. Jean sans peur (здѣсь указана литература).—Фламандскія нар. сказки, пер. Галибина, изд. Ледерле (Спб. 1893), стр. 95—116: Побѣдитель дракона.

№ 319 и 320.

Мотивъ объ отдачѣ обманщику женщиной предназначенныхъ для другого лица вещей и погонѣ за нихъ ея мужа, который въ свою очередь тоже оказывается одураченнымъ, разрабатывается въ двухъ версіяхъ: а) жена, не понявъ мужа, отдаетъ обманщику вещь, предназначенную для сбереженія, б) жена отдаетъ человѣку, выдавшему себя за идущаго съ того свѣта, вещи для передачи умершему родственнику (вторая половина—о погонѣ мужа—обѣихъ версій сходна). Вариантъ первой редакціи: Манжура, Сказки, 108.—Сборникъ Харьк. Ист.-фил. 0-ва, XI, 110—111, 143.—Cosquin, Contes populaires de Lorraine, I, 238—240.—У Цингерле—тирольскій вариантъ.—Этнографичный Сборникъ, III, 130, № 2. Дурна баба (литература къ этой сказкѣ въ т. IV «Етн. Зб.», 201).—Krauss, Sagen und Märchen d. südslav, II, 232.—Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 122, 147 (то-же въ Сборн. Х. н. ф. о., XI, 239, 264).—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, № 227 в, стр. 367.

Вторая сказка существуетъ или самостоятельно, или является частью болѣе обширной сказки объ исканіи даннымъ лицомъ людей болѣе глупыхъ, чѣмъ его домашніе (плакавшіе о несчастной смерти возможнаго въ будущемъ ребенка). Излѣдованія (съ указаніемъ многочисленныхъ вариантовъ) послѣдней сказки (съ составными ея элементами), а также и сказки о передачѣ вещей умершему см.: Cosquin, Contes populaires de Lorraine, I, 237—245, № XXII, Jeanne et Brimboraiau.—Сумцовъ, Разысканія въ области анекдотической литературы.

Анекдоты о глупцахъ, стр. 23—56 (то-же въ Сб. Харьк. и. ф. о-ва, XI, 140—173, а также 110—111).—Кузьмичевскій, Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности (Кіевск. Старина, 1886, III, 445—450).—Аванасевъ, Р. н. сказки (1897), II, № 220. Ворватый мужикъ.—Clouston, The book of noodles, 204 и слѣд.

Кромѣ всего указаннаго, см. №№ 696—697 въ «Галицко-р. анекдотахъ» Гнатюка (VI т. «Етн. Збирчыка»), гдѣ находятся и дополненія къ литературѣ предмета, а также Archiv für slavische Philologie, XXII Band, отдѣлъ критики, стр. 310.

№ 321.

Вариантъ очень распространенной въ Европѣ, Азии и Африкѣ сказки о **матери-предательницѣ**. См.: Kolberg, Pokucie, IV, № 17.—Мавжура, Сказки, 33—59.—Кулишъ, Зап. о Ю. Р., II, 48—57.—Гринченко, Этн. Мат., I, №№ 157 и 158.—Чубинскій, Труды, II, 285—290, № 75.—Халанскій о Маркѣ Кралевичѣ, I, 17.—Zawiliński, № 4.—Садовниковъ, 69, 133.—Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа, XVIII, 18, 79.—René Basset, Berberes, 222.—Къ этой темѣ примыкаетъ тема о **сестрѣ предательницѣ**: Kolberg, Pokucie, IV, №№ 13 и 14.—Рудченко, Н. ю. р. сказки, I, № 49 (перепечатана отдѣльн. брошурою въ Кіевѣ, 1890, подъ заглав. «Братъ и сестра»); №№ 50 и 51; II, № 22.—Чубинскій, II, 138—167, №№ 48—50.—Ciszewski, Krakowiacy, 89.—Kunoš, Oszmán-török népköltésy gyűjtemény (см. Гордлевскій, Обзоръ турецк. сказокъ, № 71).

Литература входящаго въ эту сказку мотива о **благодарныхъ животныхъ** указана г. Сумцовымъ въ «Этногр. обзорѣніи» XXII (1894), 103.

№ 322.

Драгомановъ, Малорус. пред., 355, № 33: Мальчикъ-мизинецъ.—Худяковъ, Влкр. сказки, II, № 64.—Hahn, Griechische und

albanesische Märchen, I, № 55; II, № 99.—Schleicher, Litauische Märchen, 7—8.—Grimm, Kinder-und Hausmärchen (Verl. v. P. Reclam), I, 178, № 37: Daumesdick; 201, № 45: Daumerlings Wanderschaft; III, 72, № 37; 76, № 45.—Norweg. Volksmärchen, II, № 14.—Zeitschrift für D. M., I, 48—49 и 381.—Valjavec Kračmanov, Narodne pripoviedke, стр. 116—119.—Аванасьевъ, Поэтич. възврѣнія, II, стр. 738—739.—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, 225—228, № 168: Мальчикъ съ пальчикъ.—Vogl, Volksmärchen (slawonische, 1851), № 6.—Cosquin, Contes populaires de Lorraine, II, 147—155, № LIII: Le petit poucet.—Данилевскій, Укр. сказки (6 изд.), 49, № XII: Коротышки (стихотв. русск. передѣлка).

№ 323.

Kolberg, Pokucie, IV, № 9.—Kolberg, Lud, XVII, стр. 180; XIV, № 15.—Kunoš, Oszmán-török népköltésy gyűjtemény (см.: Гордлевскій, Сборъ турецк. сказокъ, № 68).—Сравни. Cosquin, Contes popul., I, № XXVIII: Le taureau d'or; № LXXVIII: La fille du marchand de Lyon.

№ 324.

Чубинскій, II, 355, № 93.—Moszyńska, Bajki, № 24.—Этногр. Обзорѣніе, XXII (1894), 129.—Этногр. Збирникъ, VI, № 167.—Руданскій, Творы, I, 106, № 65: Крыва баба.—Жыте и слово, II (1894), 359: Якъ бидна баба ворожекою стала; IV (1895), 357, № 22: Якъ баба пана вылычыла.—Zbiór Wiadomości do antr. Kraj., T. XI (3), стр. 62.—Календарь Просвѣты на рікъ 1872, стр. 61—62.

№ 325.

Изъ малорусскихъ вариантовъ намъ извѣстны только литературныя обработки сюжета: прозаическая у Квитки: «Пархимове свидання» и стихотворная у Руданскаго, Творы, I, 66, №

34: Цыганъ зъ хрономъ. —Сходная индусская сказка: Миннаевъ, Инд. сказанія, 15. (М. Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 41.

№ 328.

Афанасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, № 248: Разсказы объ иноподцахъ. z.

№ 330.

Подобныя «Розмовы»: Гринченко, Этн. Мат., II, № 203.— Чубинскій, II, 679, № 146: Роспыталысь.—Гринченко, Веселый Оповидачъ, № 64 и 171.

№ 331.

Чубинскій, II, 677, № 142.—Руданскый, Творы, IV, 15: Ни зло, ни добре.—Афанасьевъ, Р. н. сказки (1897), I, № 230: Хорошо да худо.

№№ 333—336.

Kolberg, Pokucie, IV, № 73: Кошалки-опалки.—Moszyńska, Bajki, № 29 и 30: Про мудрого дурня и Якъ то соби сынъ зъ батькомъ хазяйнували.—Манжура, Сказки, 83—84: Врехня; 123—126: Якъ мы зъ дидомъ багатылы, а батька ше на свити не було, Небылиця, Прыказки.—Чубинскій, Труды, II, 83—85, 336. № 85; 517—519, № 13; 678, № 143.—Ястребовъ; Матеріалы по этногр., 11—13: Одъ чого зайди куци? 178—180, №№ 35 и 36.—Драгомановъ, Малоруск. преданія, 372—374, №№ 42 и 44; 338—339: Дурень на неби.—Сборникъ Харьк. Ист.-фил. Об-тва, VI, 171—175.—Харьковский Сборникъ, VIII, 29, 114.—Гринченко, Этногр. Матеріалы, I, №№ 176—179; II №№ 241—247.—Кулишъ, Записки о Южной Руси, I, 228—233. (Отсюда перепечатано: Гринченко, Веселый Оповидачъ, Черниг., 1898, № 74).—Дзвинокъ, газета для дѣтей, 1890, стр. 47.—Черниговскія Губернскія Вѣдомости, 1852, № 26, Сказка о трехъ братахъ Кондратахъ.—Етнографичный Збирникъ, IV,

157—161, №№ 37. Казка безъ правды, 38. Казка-небелыця.— Руданський, Творы, I, 126—133, № 85.—Этнографическое Обозрѣніе, 1894, I, 9; II, 176.—Wisła, 1890, стр. 76.—Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа, IX, 70; XII, 93; XV, 47.—Добровольскій, 659.—Календарь «Просвѣты» на р. 1894, стр. 111.—Wunderbare Reisen und Abenteuer des Freiherrn von Münchhausen (изд. Мейера, Реклама).—Этнографичный Збирныкъ, т. VI: Гнатьюкъ, Галицько-руськи анекдоты, №№ 641—642, 645, 648—652, 657, 664, 665.—Этнографичный Збирныкъ, т. III, 49—51, №№ 16—17.—Литературная обработка въ стихахъ въ «Украинскихъ сказкахъ» Данилевскаго, 6-е изд., стр. 61, № XV: Сонъ въ Ивановскую ночь.—Пущанський-Крывый, Перлы фантазійи югового-руського народу, 1894.—Запыски наукового т-ва им. Шенченка, XXIX (1899): Верхратскій, Знадобы до пизнаня угорсько-руськихъ говоривъ, 148—149.—Осташевскій, Пивъ сотни казокъ (Кіевъ, 1869), 314, № 50: Правда (стихотворная передѣлка).—Grimm, Kinder-und Hausmärchen, II, 117—118, № 112, Der Dreschflegel vom Himmel, 247, № 159: Das Dietmarsische Lügenmärchen; III, 208—210, 257—258.—Wolf, Deutsche Hausmärchen, 424—425.—Haltrich, Deutsche Volksmärchen aus d. Sachsenlande in Siebenbürgen, № 56.—Wolt, Zeitschrift für deutsche Mythologie, II, 201—203: Der Märchenerzähler.—Аванасьевъ, Р. в. сказки (изд. 1897), II, 374—383, № 231: Не любо—не слушай.—Худяковъ, Великорусскія сказки, II, № 74.—Нелюбо—не слушай, а лгать не мѣшай, пер. съ вѣмецкаго; было много изданій, по изданію И. Гурьянова (Москва, 1844) см. 213 и 448—449.—Народ. сказки, собран. сельскими учителями, изд. Эрленвейна, № 24.—Труды Яросл. Губ. Статистич. Комитета, V, 148—149.—Даль, Пословицы русскаго народа, стр. 1095.—Slovenski Glasnik, X (1864), 316, № 38.—Hahn, Griechische und albanesische Märchen, I, № 39 и 59.—Kyllda, Moravske narodni pohádky a povesti, II, № 39 и 41.—Schleicher, Litauische Märchen, 37—38.—Stier, Ungarische Volksmärchen, № 18.—Norwegische Volksmärchen, I, № 1.—Valjavec, Narodne pripovjedke, 264—265.—Mate-

gwały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, II, 2, стр. 95—96, № 68; стр. 112, № 85.—Wisła, IX, 329—330, № 12: Niepodobieństwo.—Добровольскій, Смоленскій этногр. сборникъ, I, 467—470: Абы старикъ—«самъ на вутъ, востъ на крюку, ноги на грядкахъ»; 663—665: А мужикъ, што лоука уратъ умъ.—Романовъ, Вѣлорусскій сборникъ, I, вып. III, 413—418: Не любо—не слушай.—Шейнъ, Матеріалы для изученія быта и языка русск. населенія сѣверо-западнаго края, II, 244—257: Не любо—не слушай; 167—168: Шавецъ и рыбаць.—Uhlands Schriften zur Geschichte der Dichtung und Sage, III, 221—229.—Караджич, Српске народне приповијетке № 44: Лаж за опкладу.—Ciszewski, Krakowiacy, I, № 194—196.—Chelchowski, Powieści i opow. ludowe z okolic Przasnycza, № 6.—Kolberg, Lud., т. XIV, № 103.—Zbiór wiadomości do antrp. kraj, т. VIII, 299; IX, 3, стр. 146; XVI, 2, стр. 19 и 71.—Dobsinsky, Slov. pohadky, T. III, 33—38.—Świętek, Lud Nadrabski, 429—431, № 52.—Kolberg, Lud. Kujawy, I, 193—194: Dziwu.—Караджич, Српске нар. приповијетке и заг., стр. 73—81: Усудъ.—Ergen, Vybr. báje a pov. nář., 73—75: Stesti a nestesti.—Сумцовъ, Разысканія въ области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцахъ. На стр. 181—197 подробное указаніе мотивовъ «нисенитныць» и литературы каждаго мотива.

№ 339.

Харьковскій Сборникъ, II, 93.—Ястребовъ, Мат. по этн., 10.

№ 358.

Объ отравѣ жабою см. еще: Гринченко, Этн. Мат., I, № 58.—Чубинскій, Труды, I, 136: Дання.

№ 359.

Разсказы о солдатѣ, боровшемся съ упыремъ: Гринченко, Этн. мат., I, № 86; II, №№ 83, 84, 85 и 88.—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, № 205.

№ 363.

Изъ Черн. Губ. Вѣдомостей 1858, № 16, стр. 120—121.—
Аванассевъ, Р. н. сказки (1897), II, № 237: Жена спорщица.—
Пыпинъ, Очеркъ литерат. исторіи старин. повѣстей и сказокъ,
202, 268.—Русск. Вѣстникъ, 1857, IX, статья Забѣлина.—
Врчевич, Српске народ. приповѣд. [(1868), № 7.—Караджич,
Српске пословиц., стр. 159.—Гринченко, Этногр. матеріалы, II,
№ 113, Уцурта жинка.

№ 364.

Стороженко, Укр. оповидання (1897), 1: Се така баба, що
чортъ їй на маховыхъ вылахъ чоботы отдававъ (первоначально
было напечатано въ Основѣ 1861, IX, потомъ отдѣльно и въ пер-
вомъ изд. «Укр. оповид.»).—Н. Сумцовъ, Повѣсть о томъ, какъ
черть разсорилъ судруговъ. (Литературная родня разсказа А. П.
Стороженко «Се така баба» etc)—въ «Юбил. сборникъ въ честь
В. Ѳ. Миллера», Москва, 1900, стр. 169.—Добровольскій, Смо-
левскій Этногр. Сборн., I, 346.—Худяковъ, Великорусскія скаа-
ки, II, 131—Schleicher, Litauische Märchen, 50.—С. Wurzbach,
Die Sprichwörter der Polen historisch erläutert, Wien,
2 Ausg., 1852, pp. 178—182.—Puibusque, Le comte
Lucanor, 402—409.

№ 365.

Разсказъ этотъ намъ приходилось и раньше слышать, если
не ошибаемся, въ Харьковской губ. Мы сочли его тогда переда-
чею (быть можетъ,—искаженною) дѣйствительно случившагося
въ названномъ намъ тогда селѣ событія и не внесли въ свои
записи. Теперь онъ оказывается живущихъ въ устахъ крестьянъ
Черниговскаго уѣзда. Уже послѣ доставленія этой записи при-
шло прочесть въ № 159-мъ газеты «Кіевлянинъ» за 1900 г.
слѣдующее:

Семейная трагикомедія. Въ станціи Роговской, Кубанск-
обл., по словамъ «Крыма», разыгралась семейная драма. Жена

казака Люльки, Минодора, влюбилась въ фельдшера Пацюка и, чтобы избавиться отъ мужа, попросила Пацюка дать ей, для этой цѣли, яду. Фельдшеръ пообщалъ. Встрѣтившись на улицѣ со своимъ противникомъ, Пацюкъ, рассказалъ ему о замыслахъ жены его и предупредилъ, что когда онъ вечеромъ выпьетъ стаканъ чаю, въ которомъ будетъ заключаться не ядъ, а гофманскія капли, то пусть притворится больнымъ. Поступая по совѣту Пацюка, Люлька, послѣ перваго стакана чью, схватился за сердце и попросилъ жену вывести его на чистый воздухъ, въ сарай, гдѣ и притворился умершимъ. Жена, вида, что мужъ скончался, схватила веревку и, надѣвъ петлю на шею, другой конецъ ея забросила на балку съ цѣлью повѣсить свою жертву для отвода глазъ. Когда Минодора доставала конецъ веревки, Люлька снялъ съ шеи петлю, надѣлъ ее на деревянный чурбанъ, а самъ спрятался въ углу сарая. Когда же она созвала сосѣдѣй и стала кричать, что мужъ повѣсился, сосѣдямъ пришлось только убѣдиться, что виситъ не человѣкъ, а деревянный чурбанъ.

№ 369.

Сочиненія Г. и С. Карпенко на русскомъ и малороссійскомъ языкахъ, Слб., 1860, книга II, стр. 31—39 (пересказъ по русски).—Въ № 174 «Харьковскихъ Губ. Вѣдомостей» 1900 г. перепечатанъ изъ газ. «Гражданинъ» тотъ-же анекдотъ (по русски), при чемъ рассказъ уже поуроченъ къ князю Потемкину, который является здѣсь въ роли пана. Въ ст. Кузьмичевского: «Турецкіе анекдоты въ украинской нар. словесности» (Кіевская Старица 1886, II, 213—220) указаны иностранныя параллели анекдота.

Сторія и мудрою младенцу.

«Сторія» есть вариантъ восточной сказки о царевнѣ Турандо; сказка эта вошла въ составъ сборника «Тысяча дней и одинъ» (см. Von der Hagen, Tausend und ein Tag, morgenländische Erzählungen, Prenzlau, 1836, т. I), сдѣлавшагося извѣстнымъ въ Западной Европѣ въ XVIII в.

Малорусская редакція ея (съ рукописи) опубликована впервые въ журналѣ «Жыте и слово», II (1894), 136—142; затѣмъ, если не ошибаемся, въ черноведкой газетѣ «Вуковина» за 1897 г. (№ 144 ?) помѣщенъ былъ новый вариантъ.—См. еще: Moszyńska, № 25, Казка-загадка.—Kolberg, Pokucie, IV, № 49; польскій вариантъ послѣдней сказки въ «Wisła» 1891, I, 139, а сходная великорусская пѣсня въ соч. Хомякова.—Афанасьевъ, Р. н. сказки, II, 109—110, № 132: Царевна разрѣшаетъ загадки; I № 116a.—Grimm, Kinder-und Hausmärchen, II, 127, № 114: Vom klugen Schneiderlein; III, 210, № 114.—Walachische Märchen, №№ 9 и 16.—Караджич, Српске народne приповiјetke, № 45: Краль и чобанинь.—Гоцци воспользовался сказкой для сценическаго произведенія, а Шиллеръ передѣлалъ пьесу Гоцци по нѣмецки.

Повѣсть о Агий цару.

Это вариантъ «Сказанія о Едномъ цесари Ювианѣ». Литературную исторію обоихъ вариантовъ см. у проф. Веселовскаго: «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ» и «Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха», гдѣ напечатанъ и текстъ разсказа объ Аггеѣ. Малорусскій текстъ «Сказанія о Ювианѣ» см. въ «Запискахъ наук. Т. и. Шевченка», т. XVI (1897), Гнатьюкъ, 20—27, гдѣ указана и литература. Къ ней прибавимъ наиболѣе близкій къ нашему вариантъ у Рудченка, II, 159, № 36: Гордый царь.—Moszyńska, Bajki, № 14: Про царя Юна. Въ примѣчаніяхъ къ послѣдней сказкѣ г. Сумцовъ указываетъ литературу: Этногр. Обзор. 1894, III, 126—127.

Слово о смерти и о рыцери.

Рукописный вариантъ см. въ «Запискахъ наук. т-ва им. Шевченка, XVI (1897), Гнатьюкъ, Легенды зъ Хитарського збирника, 14—20. Здѣсь же и устный вариантъ, перепечатанный въ III т. «Етногр. збирника», 120—121, № 46: Про рыцаря и смерть. См. еще брошуру для народа: Рыцарь и смерть. Коломия. Зъ печатни М. Бѣлоуса. 1894. (Второе изданіе).

*Указатель содержания помѣщенныхъ въ
этой книгѣ записей.*

**I. Представленія и рассказы о явленіяхъ
природы и изобрѣтеніяхъ.**

1. Солнце плачетъ, если бросать на виду убитую гадюку. 2.
2. Змій летивъ (*метеоръ*), неся деньги сапожнику. 2.
3. Змій носить гроши въкоему П-чу. 3.
4. Змій якъ куль соломы летѣлъ по селу, неся деньги Б. З.
5. Змій видими гроши носыть и сидитъ у нея на крышѣ. 3.
6. Змій скидае свои крыла. Змій леталъ въ хату, гдѣ
повѣсилась женщина, при чемъ оставлялъ свои крылья на дворѣ.
Наймытъ перекрестилъ крылья, и змій не могъ ихъ взять до тѣхъ
поръ, пока наймытъ самъ не отдалъ ему ихъ за кучу червон-
цевъ, насыпанную въ шапку съ дырой. 4.

7. Одуренный змій палывъ чоловина. Змій обязался нано-
сить чловѣку мѣрку денегъ, но не могъ исполнить этого, такъ
какъ чловѣкъ обманулъ его: желѣзную мѣрку безъ dna поста-
вилъ надъ глубокой ямой. Разсерженный змій приказалъ чело-
вѣку расписаться своей кровью въ полученіи денегъ, а потомъ
ежегодно жегъ его; чловѣкъ избавился отъ этого тѣмъ, что
началъ пристраивать ежегодно что либо новое; но все же обѣд-
нѣлъ. 4—5.

8. Визъ (зирки). Свѣтатъ начинается, когда *Визъ* пере-
вернется низомъ вверхъ. 6.

9. Витерь сильно дуетъ отъ злости, что жена дала ему толстую рубашку. 6.

10. Грядъ—наказаніе людямъ за работу въ праздникъ. Обереги отъ него. 6.

11. Зима стае теплиша. Прежде бывалы такіе холода, что птица замерзала на лету, но земля поворачивается другою стороною и потому все теплѣть и теплѣть. 6—7.

12. Чомъ зима безснѣжна. Родился удивительный ребенокъ, который при крещеніи потребовалъ ѣсть. Ему дали снѣгу и потому будетъ семь (три) безснѣжныхъ зимы; а если бы дали хлѣба, то былъ бы голодь. 7—8.

13. Обизяны. Бабы оставляютъ въ лѣсу лапти, въ которые обуваются любопытныя обезьяны,—тогда ихъ ловятъ. 8.

14. Вовнамъ Св. Юрій роздае що йисты. Св. Юрій указываетъ волкамъ каждое живое существо, которое они должны съѣсть. Три случая подслушиванья людьми на деревѣ распоряженій св. Юрія: одинъ окончился счастливо, а въ двухъ остальныхъ подслушавшій былъ отданъ на съѣденіе волкамъ. 8—10.

15. Вовчий богъ Полисунъ—похожъ на человѣка, гоняетъ волковъ туда, гдѣ есть имъ пища, напр., на войну; онъ устанавливаетъ цѣну на ярмаркахъ. 10—11.

16. Лисунъ годуетъ вовкивъ. Бѣднякъ ночевалъ въ лѣсу на деревѣ и случайно видѣлъ, какъ Лисунъ раздавалъ волкамъ куски хлѣба, привезеннаго на возу; оставшуюся краюшку онъ отдалъ бѣдняку, который разбогатѣлъ отъ этого. Его богатый братъ, отправившійся за такою-же честьѣдаемою краюшкою въ лѣсъ, былъ разорванъ волками. Мѣсто жительства Лисуна и способъ узнать его. 11—12.

17. Лисунка выкупила свою дытыну. Баба нашла въ лѣсу дитя Лисунки и возвратила послѣдней. Въ награду за это Лисунка подарила ей богатство, но по ея смерти, проплакавъ за ней три дня, сожгла ея жилище. 13.

18. Лисунка вкрала чужу дытыну. Украденное Лисункою дитя человѣкъ случайно нашелъ въ лѣсу и возвратилъ родителямъ. 44.

19. Виль и минь. Конь и волъ бѣгали въ перегонку, волъ упалъ въ ровъ, подумалъ, что земля провалилась и съ тѣхъ поръ не хочеть бѣгать. 14.

20. Чомъ емакъ схожый съ свинею. Освященный на праздникъ пасхи въ церкви поросенокъ превратился въ ежа. 15.

21. Сорока, начинаеть вить гвѣздо на Хресте. 15.

22. Бусоль. Поселившійся на хатѣ аистъ ежегодно выбрасываетъ изъ гвѣзда или аистенка, или яйцо: въ первомъ случаѣ будетъ урожай, во второмъ—наоборотъ. 16.

23. Дятель. Человѣка, рубившаго дрова по праздникамъ, Богъ обратилъ въ дятла, заставивъ его вѣчно рубить носомъ. 16—17.

24. Журавли вылетаютъ изъ ирія на двѣнадцатой недѣлѣ; они любятъ, чтобы ихъ называли не журавлями, а «веселками». 17.

25. Лыпа та осыка. (*Де диваеться жоноча клятьба*)—вся брань женщинъ, обращенная къ мужьямъ, падаетъ не на этихъ послѣднихъ, а на липу и осину, превращаясь тамъ въ наросты. 17.

26. Чого стали неврожайи. Неурожай появились отъ неуваженія къ старымъ обычаямъ и отъ заводящихся новшествъ; также отъ неуваженія женщинъ къ работѣ ратаевъ. 18.

339. Кишка. Кошку нельзя брать на возъ: лошади не повезуть. 377.

340. Мыши выживаютъ хозяевъ. 377.

341. Гадюна. Крестьянинъ убилъ большую гадюку и оттого заболѣлъ. 377.

342. Жыве серебро, брошенное въ воду, вырываетъ въ двѣ глубокую яму. 378.

II. Примѣты и повѣрья.

27. Яка колы година бува—примѣты о погодѣ по растеніямъ, животнымъ и различнымъ явленіямъ. 20—22. № 343—379.

28. Весилля—примѣты о свадьбѣ. 22.

29. Дытына--прихѣты о ребенкѣ. 22--23. № 344--379--380.
30. Здоровле. Хвороба. Прихѣты. 23—24. № 345—380.
31. Сонъ—на какую сторону ложиться. 24.
32. Поганый на езыкѣ. Отъ поганныхъ глазъ или поганаго языка человекѣ болѣеть. Одинъ генераль, «поганый на езыкѣ» похвалилъ утятъ, и всѣ они передохли. 24—25.
33. Смерть—прихѣты о смерти. 25—26. № 345—380.
34. Мрець. Обычай при мертвецѣ; прихѣты. 27—29.
35. Той свить—прихѣты о загробной жизни. 30.
36. Йинна, напыткы. Прихѣты о хлѣбѣ, блинахъ, варивѣ, огурцахъ, квасѣ, водѣ, ѣдѣ въ разное время. 31—32. №№ 346 и 347—380—381.
37. Одежа, обува—о времени мытья одежды и обуви, о пользованіи ею и пр. 32—33. № 348—381.
38. Хата. Погрибъ—о постройкѣ и пользованіи ими 33—34. № 351. Не годиться роботы на порози. 383.
39. Урожай—прихѣты объ урожаѣ. 34.
40. Колы й янъ ораты й сіяты. 35—36.
41. Садъ. 42. Городъ. Прихѣты. 36—37. № 349—382.
43. Свійська тварь. Прихѣты о скотинѣ вообще, о коровѣ, теленкѣ, конѣ, поросенкѣ, птицѣ, гусяхъ, пѣтухахъ, пчелахъ. 37—39, № 350—382
- 44 и 352. Колы не треба роботы. 39—40, 383.
45. Съ краденого краще заведешъ, нежели отъ купленнаго. Поэтому крадутъ, для разведенія, сѣмена и птицу. 40.
46. Даваты—когда и какъ давать. 40—41.
47. Жылавый понедиломъ—прихѣты о немъ. 41.
48. Зустрічь—нельзя проходить посрединѣ между двумя идущими. 41.
49. Що вищуе. О ногтяхъ, костѣ, глазахъ, носѣ, бородѣ, правой ладони, паукѣ, котѣ, углѣ, пѣтухѣ, ложкахъ. 41—42.
50. Злюдій. Если громъ загремитъ когда еще деревья безъ листьевъ, то уворованное не будетъ отыскиваться. 42.
353. Якъ продаваты. 383.
354. Злагода. 383

III. Знахарство, заговоры и проч.

51. Угадать, чы довго проживешъ. 44.—52. Угадать, чы вси у сийи будутъ живи. 44.—53. Щобъ быть здоровымъ. 45.—54, Щобъ -щастыло на войны и на суди. 45. 55. Одъ усяной болизни. 45—46.—56. Передать болызъ другому. 46.—57. Одъ урокивъ. 46—47.—58. Видъ прыстриту. 48.—59. Одъ простуды. 49.—60. Одъ лыхоманкы. 49—50.—61. Одъ жовтяныци. 50.—62. Голова. 50—51. 63. Одъ болячки у вуси. 51.—64. Одъ зубивъ. 51—52. 65. Якъ охрыпнешъ. 52.—66. Видъ очей. 52—53. 67. Одъ грудной боли. 53.—68. Одъ живота. 53—54.—69. Якъ нудно. 54.—70. Одъ печайны. 54.—71. Одъ пияцтва. (55). 72. Щобъ не болилы руки и ноги. 55.—73. Одъ бежа, бешыхы и прыстриту. 55—57.—74. Опухъ. 58.—75. Огныкъ, 58.—76. Одъ бородавокъ. 58.—77. Раны. 58—59.—78. Кровъ замовляты. 59—60.—79. Дытячи хворобы. 60—61. 80. Щобъ довго не було дитей. 61.—81. Кумування. 61. 82. Змовленіе гада. 61—62.—83. Знахарна—ея лѣкарство. 62.—84. Позихання. 63.—85. Одъ вовкивъ. 63.—86. Шобъ плаваты гарно. 63.—87. Спать лягаючы, промовляты. 63. 88. Щобъ не посердытыся, даючы. 63.

89. Любощи, сватання, весилля. 1. Пряныкы зъ любощамы. 2. Шобъ хлопци вѣязлы. 3. Ворожиння на совъ (за кого замижъ.). 4. За якого пидешъ замижъ. 5. Старосты. 6. Сватання. 7. Весилля. 8. Щобъ зъ чоловікомъ зійтыся. 64—66.

90. Варыво—щобъ не було слызьке. 66.

91. Дижа—что дѣлать съ дижею, чтобы былъ вкусный хлѣбъ. 66.

92. Одежа—когда мыть, не надѣвать на изнанку. 67.

93. Чы гарна на жыття хата—способъ узнать. 67.

94. Щобъ у хати не велься прусы, жуны, жабы—различныя средства. 67—68.

95. Огонь у хати й на поли—закливанія огню, чтобы горѣлъ, способъ узнавать время дня по огню. 68—69.

96. Снотына, щобъ пишла у руку. Яка масть буде у руку. Якъ годувать, беретты и проч. 69—70.

97. Коровы. Купленная корова. Чтобъ корова больше молока дала. Вѣдьма учить, какъ имѣть хорошую сметану. Обращеніе съ молокожь. Исправить испорченную корову. Лѣченіе перелоговь. 70—72.

98. Конь. 1. Если въ возъ, на которомъ должны ѣхать «молоди», положить съ приговоромъ три стрючка, въ которыхъ въ каждомъ по девять горошинъ, то кони не могутъ двинуться съ мѣста. 2. Какъ поить потную лошаадь. 73.

99. Свины—средства для успѣшнаго разведенія свиней. 74

100. Ягнята. Способъ имѣть кудрявыкъ ягнятъ. 74.

101. Гусенята да нурчата. Средство отъ хищной птицы. 74—75.

102. Бджолы. Ловленіе роевь; средство сдѣлать пчелъ злыми и сильными. 75.

103. Садъ. Средство имѣть урожай въ саду. 76.

104. Городъ. Уходъ за овощами. 76.

105. Поле. Средство чтобы не было «спору» въ хлѣбѣ, чтобъ былъ урожай, чтобы не нападала птица. 77.

106. Щобъ дощъ ишовъ—вѣшать на плетень земляного рака. 78.

107. Бычь на ципъ. Обрядъ отрѣзыванія его. 78.

108. Щобъ була удача. 78.

109. Щобъ була удача на охоти. 78.

110. Угадать, чы знайдеться пропажа. 79.

111. Злодіеви одъ суда спосибъ. 79.

112. Изъ старой рукописи. Сказаніе о пчелахъ. Отъ укушенія змѣи. Перелогы у коня. Заговаривать кровь. Черви вышептывать. «Лекарство статчинъ». Вѣльмо у коня или вола. Гнилецъ замовити. Гостецъ. Рана ножная. Францъ. Заговоръ отъ ружья. 79—87.

355. Ночныця. 384.

356. Золотуха. 384.

357. Грызь. 384.

358. Отрута жабою. 384.

IV. О сверхъестественныхъ существахъ.

113. Чорта не страшно: отъ черта вполне защищаетъ крестъ, а русалка и вѣдьма гораздо страшнѣе. 90.

114. Чортъ конемъ. Двѣ дѣвушки возлѣ рѣчки встрѣтили черта въ образѣ сѣраго коня. 90—19.

115. Чортъ панычемъ на пасици. Чертъ въ видѣ панича пришелъ къ пасѣчнику во время грозы, но когда тотъ перекрестился, бѣсъ исчезъ. 91.

116. Нечистый на кони. Разказчикъ видѣлъ черта, скакавшаго на сѣромъ пламенѣющемъ конѣ и бросившагося въ Десну. 92.

117. Нечыста сыла йиде (на велосипедахъ). Черти въ образѣ велосипедистовъ ѣхали прямо по водѣ черезъ Десну. 92.

118. Нечыста сыла голосыть. Нечистая сила гоняла табунъ пасшихся лошадей и плакала, проклятая жизнь. 92—93.

119. Нечыстый просыть перевозу—у бабъ, ловившихъ бреднемъ рыбу. 93.

120. Нечыста сыла несе гроши: а) въ образѣ огненнаго полотна и б) огненнаго индюка безъ головы. 94.

121. Чортъ лякае на ночлигахъ. Чертъ хотѣлъ перевернуть будку пасѣчника, въ которой спало два человѣка. 94—95.

122. Чортъ коней гоня на ночлигахъ, не желая, чтобы хлопцы пасли ихъ на извѣстномъ мѣстѣ. 95.

123. Нечыста сыла возыла. Паны, ѣхавшіе въ каретѣ шестерикомъ, попросили встрѣтившагося крестьянина показать имъ дорогу къ парому. Онъ поѣхалъ съ ними и они, заплативъ ему за услугу, вдругъ исчезли, и оказалось, что это черти, завезшіе его въ чужое село, а вмѣсто денегъ они дали черепки. 95—96.

124. Чортъ лякае дитей, бо йихъ маты зналася зъ йимъ. Нечистая сила ходила по ночамъ, стучала, бросала на дѣтей камнями, обливала ихъ и пр. 96—97.

125. Чортъ до молодыци ходыть йийи чолвиномъ. Женщина нашла въ полѣ клубокъ ленточекъ и съ этого времени сталъ

къ ней ходить по ночамъ чертъ подь видомъ ея мужа, ночевавшаго на ночлегахъ. Узнавъ кто это, она избавилась при помощи средства, указанного знахаркою. 97.

126. Чортъ однявъ дытнуу. Черти отвяли у женщины въ лѣсу дочь-ребенка. Черезъ много лѣтъ сынъ этой женщины нашелъ свою, выросшую уже, сестру въ пустой хатѣ за селомъ и, по совѣту дѣвушки, привелъ священника посвятить хату. Но когда это было исполнено, — все провалилось сквозь землю. 98.

127. Парубокъ гравъ чортамъ. Черти мужескаго и женскаго пола заставили парубка играть себѣ на скрипкѣ и цѣлую ночь танцовали. Они представлялись ему парубками и дивчатами, но на утро все исчезло, а онъ увидѣлъ себя въ болотѣ. 99.

128. Чортъ платитъ за танци. Чертъ въ болотѣ сидѣлъ около сундука съ деньгами и игралъ на скрипку. Человѣку, согласившемуся танцевать подь его игру, онъ заплатилъ такъ щедро, что тотъ разбогатѣлъ. 99.

129. Чортъ ченцемъ частуе чоловика. Чертъ встрѣтился человѣку въ полѣ въ видѣ знакомаго монаха и сталъ его угощать водкой; но когда тотъ перекрестился, все исчезло. 100.

130. Чортыци частують человина. Чертовки въ видѣ знакомыхъ бабъ угощали крестьянина водкой, но когда онъ, передъ тѣмъ, какъ выпить, перекрестился, все исчезло. 100.

131. Чортъ та русалны частують человина. Чертъ съ русалками пировалъ среди поля во ржи и угощалъ крестьянина; но предъ крестомъ все исчезло. 101.

132. Позычае въ чорта гроши. Бѣднякъ занялъ у черта на годъ деньги и когда принесъ долгъ, то оказалось, что его кредитора разорвали волки, а другіе черти сочли себя не въ правѣ брать чужія деньги и оставили ихъ человѣку. 101—103.

133. Чортъ у неволи въ глечыну. Чертъ искушалъ на разные лады пустытника и наконецъ превратился въ рыбку и прыгнулъ въ кувшинъ, которымъ набиралъ пустытникъ воду. Пустытникъ перекрестилъ кувшинъ, завязалъ и бросилъ въ воду. Черезъ тридцать лѣтъ мужикъ, поймалъ сътью кувшинъ, открылъ его, и чертъ очутился на свободѣ. Но мужикъ, посредствомъ хитрости, снова засадилъ его въ кувшинъ и бросилъ въ озеро. 103—107.

134. Стрилецъ застрелывъ чорта, дразнившаго Бога. За это Богъ далъ охотнику постоянную удачу на охотѣ. 108.

135. Водяныкъ дытыною. Рыболовъ вытащилъ изъ воды сѣбящагося ребенка, который потомъ исчезъ отъ креста. 108.

136. Манея не пускала. Манея не давала рыболову пройти, онъ прочиталъ молитвы, ударилъ весломъ, и все исчезло. 109.

137. Чы домовыкъ, чы манея насила на чоловика. Что-то, домовыкъ или манея, сѣло парубку на шею и заставило вестя себя, а потомъ толкнуло его и исчезло. 109.

138. Домовыкъ душывъ качиху разсказиды. 110.

139. Домовыкъ не любыть, якъ ночують у хливи, давить и выбрасываеъ вонъ челоуѣка, почующаго тамъ. 110—111.

140. Домовыкъ ныдае коня въ ясла, что и подсмотрѣлъ челоуѣкъ, спрятавшіеся въ конюшнѣ. 111.

141. Домовыкъ зачинае сирого коня—путаеъ ему гриву и пр. 111.

142. Домовыкъ не дае робыты вночи и пугаеъ работавшаго въ клунѣ ночью хозяина. 111—112.

143. Домовынови треба окропу. Для домовыкъ нужно имѣть въ печи кипятокъ: они его пьютъ. За неисполненіе этого домовоу сжегъ своего хозяина. 112.

144. Домовыкъ на ночлигахъ. Челоуѣкъ зоветъ товарищей, а домовоу отвѣчаеъ ихъ голосомъ, а затѣмъ ночью душить спящаго. 113.

145. Дви чирточны зъ нашихъ русалокъ. I. Женщина «на Зелену недилку» видѣла въ полѣ множество поющихъ, скачущихъ и плещущихъ руками дѣтей—это были русалки. II. Плачущей за умершей матерью дочери явилась во снѣ дивчина и сообщила, что мать ея превратилась въ русалку. 114.

146. Русалкы женуться за жинкою. Шедшая по полю женщина увидала во ржи двухъ дѣтей. Они сейчасъ-же превратились въ большихъ русалокъ и погнались за нею. Она убѣжала, но отъ страха заболѣла и умерла. 114—115.

147. Русалкы не дали ловыты рыбы. Двѣ женщины «на Русалкы» ловили ночью рыбу, за ними погнались двѣ русалки

и хотъ не догнали, но женщины со страху долго потомъ были больны. 115.

148. Русалки прогнали челоюина зъ роботы. Крестьянинъ копаль въ полѣ канаву на саранчу, за нимъ погнались двѣ русалки, изъ которыхъ одна была съ книжкою; онъ заболѣлъ со страху. 115—116.

149. У русальну недилю не можна роботы: мужъ и жена, поѣхавшіе въ это время полоть просо, выдержали нападеніе русалки, отъ которой избавились они тѣмъ, что мужъ очертилъ возъ и воловъ кругомъ и отмахивался тѣпоромъ, а жена читала молитвы. 116.

150. Чоловикъ сховався видъ русалки. Отъ погнавшейся за челоуѣкомъ съ поля русалки онъ спрятался въ клунѣ, въ которую русалка не вошла. 111

151. Русалка не може переступыты круга. Русалка, напавъ на челоуѣка въ полѣ, не могла сдѣлать ему вреда, такъ какъ не имѣла возможности переступить черезъ кругъ, которымъ онъ себя очертилъ. 117.

152 Русалки гойдаются на гильнахъ,—это увидалъ въ лѣсу челоуѣкъ, и тогда русалки бросилися за нимъ и такъ его испугали, что онъ на другой день умеръ. 117.

153. Одавѣ русалкамъ дытя. Челоуѣкъ, когда на него напали въ полѣ русалки, пообѣщаль имъ, за сохраненіе своей жизни, дитя. Возвратясь домой, онъ засталъ своего ребенка мертвымъ. 117—118.

154. Русалки залоскотали дытynu. На хлопцевъ и дивчатъ напали русалки; всѣ убѣжали, кромѣ маленькой дѣвочки, и русалки защекотали ее. 118.

155. Добра смерть. I. Челоуѣкъ служилъ у хозяина за одинъ обѣдъ. Отлуживъ свой срокъ и, возвращаясь домой, встрѣтилъ Бога, затѣмъ смерть, которую онъ накормилъ, а она дала ему краюшку хлѣба, которую, когда онъ пришелъ домой, никакъ не могла съѣсть вся семья. Затѣмъ смерть пришла къ нему въ гости и сдѣлала такъ, что у него всѣ закромы стали полны хлѣба.—II. Челоуѣкъ покумился со смертью, и она ему

посоветывала лѣчить больных: если она будетъ стоять у больного въ ногахъ, то пусть сѣло лѣчить, а если въ головахъ—больной умереть. Человѣкъ объявилъ себя знахаремъ, многихъ будто бы вылѣчилъ и разбогатѣлъ. Наконецъ смерть пришла за нимъ самимъ. Увидѣвъ ее у себя въ головахъ, онъ нѣсколько разъ заставлялъ переставлять свою постель такъ, чтобы лежать къ смерти ногами; но смерть перемѣщалась вмѣстѣ съ постелью, и человѣкъ долженъ былъ умереть. 118—124.

156. Смерть увиходе въ хату. Смерть вошла въ хату и вышла, и какъ разъ въ этотъ моментъ большое дитя умерло. 124.

157. Смерть домовною встрѣтилась двумъ женщинамъ, и одна изъ нихъ упала мертвою. 124.

158. Смерть зострила на вулицы. Женщина шла съ больнымъ ребенкомъ отъ знахарки, встрѣтила смерть, и дитя умерло. 125.

159. Манея звицае смерть, встрѣчаяся въ черной одеждѣ съ людьми или плача. 125—126

160. Смерть голосыла, идя на кладбище,—это значить, что будетъ эпидемія. 126.

161. Моровыця трычи на ринкъ ходыть въ видѣ коровы по улицамъ и въ какой дворъ войдетъ,—тамъ передохнуть всѣ коровы и собаки. 126.

162. Моровыця нонемъ. Конскій скелеть, обтянутый шкурою трижды пробѣжалъ ночью по селу,—будетъ моръ животныхъ. 126—127.

163. Моровыця лянае молодимъ, явившись ночью хлопцамъ и дивчатамъ въ страшномъ видѣ, съ блестящими глазами; при ея исчезновеніи ударилъ громъ. 127.

164. Чудо. За то, что мужъ и жена работали на праздникъ Чуда, оно явилось ночью, а нечистая сила такъ сдѣлала, что мужъ съѣлъ жену. 127—128.

359 Нечыста сыла у непосвяченій хаты. Дѣдъ съ племянникомъ ночевали въ неосвященной хатѣ. Ночью вылетѣлъ изъ печи красный «коршикъ», перекусилъ глотку и поцарапалъ бокъ дѣду, а племяннику изорвалъ когтями грудь и вытянулъ языкъ. 387.

V. О мертвецахъ.

165. Мертва маты прылитае до сына. Мать-упырь прилетаетъ на крыльяхъ къ сыну въ мельницу. Ее откапываютъ и пробиваютъ осиновымъ коломъ. 130.

166. Мертва ридна маты нападае, мертва хрещена обороняе. Дѣвущку, попавшую въ церковь въ то время, когда тамъ говѣли мертвецы, выводитъ оттуда крестная мать, чтобы спасти отъ родной, которая съѣла-бы дочь. Другая дѣвущка, въ подобномъ случаѣ, спасла себѣ жизнь тѣмъ, что, не переставая говорить съ родной матерью, уходила отъ нея, стоя къ ней лицомъ. 130—131.

167. Завишенный не мае на тимъ свити спокою, — ходитъ по селу, поетъ, плачетъ. 131.

168. Мертви говіють на второй недѣлѣ великаго поста. 132.

169. Мертвыхъ треба поминаты. I. Къ женщияѣ, ничего не приготоившей на поминки «на диды», явились мертвецы, и она спаслась отъ нихъ только тѣмъ, что поставила имъ на окно бутылку съ водою и рюжку. — II. Умершая баба по ночамъ ходила въ свою хату и дѣлала всякія непріятности хозяевамъ; а какъ только стали ее поминать, — все это прекратилось. 132—133.

170. Панъ-упырь. I. Умершій панъ ѣздилъ по Чернигову. Архіерей заклалъ его на Красномъ мосту, и онъ провалился подъ мостъ. Затѣмъ его откапали и пробили осиновымъ коломъ. II. Тотъ же панъ пропалъ въ болотѣ на Трисвятской греблѣ отъ проклятія встрѣтившагося ему чловѣка. 133—134.

171. Не беры ничого зъ мертвяка. Дѣвущка встрѣтила мертвеца и сняла съ него платокъ. Мертвецъ явился за нимъ, заставилъ дѣвущку надѣтъ на него платокъ, схватилъ ее за руку и провалился вмѣстѣ съ нею. 134—135.

172. Манъ держыть мерця у труни. При похоронахъ за гробомъ мертвеца, въ которомъ предполагають упыря, сѣють «макъ-выдуту», также и въ гробъ кладуть узелокъ съ макомъ. Тогда упырь, отправляясь съ кладбища, долженъ предварительно посчитать весь тотъ макъ, который у него въ гробу и на дорогѣ, чего онъ не можетъ уснѣть сдѣлать. Но одна баба-упырь все-таки уснѣва-

на и ходила въ свою хату до тѣхъ поръ, пока священникъ не закладъ ее. 136—137.

173. Мертва живе на земли. Мать молила Бога, чтобы хоть во снѣ увидѣть свою умершую дочь. Въ поминальный день она встрѣтила ее и увела съ собою. Дочь жила у нея цѣлый годъ и затѣмъ исчезла въ тотъ-же самый день, въ какой явилась. 137.

174. Закладъ. Биться объ закладъ—грѣхъ. I. Парубокъ бился съ товарищами объ закладъ, что пойдетъ ночью на кладбище и приберетъ къ кресту хустку. Но прибывая, онъ, незамѣтно для себя, прибилъ и свой рукавъ, и умеръ тамъ же со страху.—II. Подобное же (прикололъ къ землѣ свою полу) и съ тѣмъ же результатомъ случилось съ парубкомъ, который бился объ закладъ, что оббѣжитъ ночью вокругъ старой богадѣльни, гдѣ жила нечистая сила.—III. Парубокъ, побившись объ закладъ, принесъ ночью съ колокольни языкъ церковнаго колокола; но что то бѣлое погналось за нимъ; всѣ парубки отнесли назадъ и повѣсили на мѣсто языкъ; но невѣдомая сила потребовала, чтобы виновникъ самъ его привѣсилъ. Тотъ отправился на колокольню и больше не возвратился: провалился сквозь землю. 137—142.

360. Мосналь-упырь. Солдатъ заходить въ пустую хату, гдѣ лежитъ мертвецъ, ѣсть и пить тамъ. Мертвецъ всталъ и задушилъ солдата. Дневъ упыря положили въ гробъ, другой солдатъ пробилъ его штыкомъ. Брызнула кровь, попала на ризу священнику, его подбросило высоко и убило. 387—388.

VI. О людяхъ съ чудесною силою (вѣдьмы, ворожки, волшебники и проч.)

175. Видьмы вчатся видьмыты. Костоправъ показалъ ѣхавшей съ нимъ женщинѣ, какъ двѣ вѣдьмы доучивались своей наукѣ, стоя надъ берегомъ рѣки среди множества гадовъ. 144.

176. **Въ науки у знахарны.** Молодая женщина попросила знахарку научить ее «видьмуваты». Подробности науки, которая оказалась такою страшною, что ученица, все бросивъ, убѣжала съ перепугу. 145—147.

177. **Одъ видьомъ—обереги.** 147—148.

178. **Якъ побачыты видьму—пять способовъ.** 148.

179. **Чымъ видьма являетсяя.** Разказы о явленіяхъ вѣдьмы: въ видѣ человѣка, овцы, сороки, щенка, собаки, ката, сита, пранька, полотна, стѣны. 149—153.

180. **Черезъ видьму убывъ чоловина.** Вѣдьма вскочила на плечи одному человѣку, а другой, не зная того, что нужно бить не самую вѣдьму, а ея тѣнь, бросился бить ее и убилъ человека. 153.

181. **Видьмы на Велькденъ стараются прикоснуться къ ризѣ священника, но мужичны отгоняють ихъ.** Одна изъ вѣдьмъ отомстила отгонявшему тѣмъ, что у него въ церкви опали штаны. 153—155.

182. **Видьма на процессіи—не можетъ обойти вокругъ церкви трижды.** 155.

183. **Видьма вночи видьмуе.** Дивчата заночевали у вѣдьмы, которая ночью раздѣлась и, съ пѣной у рта, начала бѣгать по хатѣ, ухвативъ «рубель и качалку». Испуганныя дивчата едва убѣжали при помощи ночного сторожа. 155.

184. **Видьмыне молоко.** Ночевавшій у бабы солдатъ видѣлъ, какъ она, возвратясь ночью, выблевывала изъ себя молоко. Утромъ онъ отказался его пить. 156.

185. **Видьма продае масло.** Вѣдьму, продававшую на базарѣ масло, панъ потащилъ въ полицію. Вѣдьма убѣжала, а за нею убѣжало и все масло изъ горшка. 156.

186. **Будянове масло.** Панъ не далъ подневнымъ работникамъ въ поле ничего, кромѣ хлѣба. Тогда одна женщина начала крутить верхній цвѣтокъ бѣлаго будяка и накрутила много масла, а пани жаловалась потомъ, что въ тотъ день не получила и капли масла отъ своихъ семи коровъ. 157.

187. **Завитка и видьма.** Когда крестьяне пригласили свя-

щенника вырвать въ житѣ завитку, прилетѣла вѣдьма и начала просить не трогать завитки, но ее не послушали. 158.

188. Видьмамъ треба попилъ съ купалового вогню, по-чему ояѣ и приходять за нимъ, когда хлопцы и дивчата разойдутся отъ огня. Но разъ двое хлопцевъ засѣли около остатковъ купальскаго огня, и одинъ изъ нихъ проганялъ отъ него вѣдьмъ дозою. 158.

189. Видьмамъ треба сыру зъ варенына, що на заговины варють. Если этого сыру оставить на ночь за зубами, то, имѣя его, можно на Великдень увидать вѣдьмъ или вымѣнять за него неразмѣнный рубль. Поэтому вѣдьмы стараются всякими способами похитить этотъ сыръ. 159—160.

190. Вѣдьма ираде нехрещену дытуну, а чтобы избѣжать этого, необходимо имѣть горящую свѣчу въ той хатѣ, гдѣ есть некрещенный ребенокъ. 160.

191. Вѣдьма выпловуе часточку св. Даровъ, которая превращается въ пчелку и улетаетъ вверхъ. 160.

192. Вѣдьма здѣймае зирны зъ неба. Одна вѣдьма это сдѣлала и запрятала звѣзду въ горшкѣ въ погребъ; но дѣти, играя, выпустили ее. Оттого и звѣздъ меньше стало, что вѣдьмы ихъ снимають. 160—161.

193. Вѣдьма бойиться йирчуна и потому гдѣ таковой окажется, убиваетъ его. 161—162.

194. Вѣдьмы возылы видьмана. Вѣдьмы, разсердясь на одного человѣка, который постоянно на нихъ указывалъ людямъ, вывели его во время сна на возу «на разстанькы». Но человекъ этотъ былъ видьмакъ и сдѣлалъ такъ, что вѣдьмы не могли уйти отъ воза до тѣхъ поръ, пока онъ ихъ не отпустилъ.

195. Дядько Хведиръ знахарь—однимъ своимъ желаніемъ онъ останавливаетъ лошадей или мельницу, заставляя даже колесо ее вертѣться въ обратную сторону; если онъ захочетъ, то ружье не стрѣляетъ, рыба не ловится, дорога не находится, велосипедистъ падаетъ съ велосипеда. 163—166.

196. Вѣдьмакъ занапастывъ чоловина—за то, что тотъ вкосился въ его сѣно: только глянулъ на него, тотъ заболѣлъ и умеръ. 166—167.

197. Свеноръ воромбытъ. Невѣстка не захотѣла податъ свекру воды и ушла, но не могла найти дороги и должна была возвратиться назадъ; подавъ воду, получила способность находить дорогу. 167.

198. Якъ знахарь добувавъ горилку. Знахарь служилъ у еврея старшинъ рыбакомъ, и если еврей не давалъ ему водки, то онъ свистомъ сзывалъ въ его хату гадовъ и держалъ ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не получалъ водки. 167—168.

199. Якъ коняча шкура полизла у шымъ. Шинкаръ, желая, чтобы богатый хозяинъ распился, попросилъ его наймычку добыть ему волосъ хозяина. Та принесла ему волосъ съ конской шкуры, которая сама собою ползла въ пиннокъ. 168.

200. Гончаръ видѣмакъ. Хлопецъ прогналъ гончара съ его мѣста, а тотъ сдѣлалъ такъ, что у хлопца голова повернулася задомъ впередъ. По просьбѣ матери потерпѣвшаго гончаръ возвратилъ ему прежній видъ. 168—169.

201. Лытвынь поробывъ, що москаль летивъ. Солдатъ отказался поподчивать бѣлорусса водкою, за что тотъ такъ сдѣлалъ, что солдатъ полетѣлъ по воздуху. Знающій человекъ съумѣлъ спустить его на землю. 169—170.

202. Лытвынь одъ чаривъ вызволяе. Въ Нѣжинѣ одинъ парубокъ посваталъ дѣвушку, которая не знала, что у жениха была другая и двое дѣтей отъ нея. Покинутая обсыпала «молоду» какимъ то зельемъ при выходѣ ея изъ церкви, и та сошла съ ума. Случайно захватившій въ хату бѣлоруссъ вылѣчилъ ее своими шентаньями. 170—173.

203. Якъ лытвынь дывчину покаравъ. Дивчина украла два горшка у бѣлорусса-гончара, но онъ сдѣлалъ такъ, что она никакъ не могла дойти домой, а всю ночь и утро ходила отъ воза къ своему двору и обратно. 173—174.

204. Лытвынь просывъ воды. Дивчата, идя въ поле жать, не дала воды бѣлоруссу-гончару. Ихъ вода превратилась въ явну и вылилась на землю. 174.

205. Вовнуланъ переводють черезъ когутъ. Оскорбленный на свадьбѣ «боярынъ» перевелъ «молодыхъ» черезъ когутъ,

и они превратились въ вовкулаковъ. Одного изъ нихъ, жену, поймали и возвратили ей прежній видъ, переведа черезъ хомуть, а другой, мужъ, и до сихъ поръ бѣгаетъ. 175.

206. Панъ вовкулакою робить. Панъ превратилъ мужика въ волка; случайно этотъ волкъ забѣжалъ во дворъ къ прирожденному вовкулаку; послѣдній сорвалъ съ него шкуру и возвратилъ ему человѣческій видъ. 175—176.

361. Щобъ видьма не влизла—подъ Ивана Купала за-тыкають крапиву за окна. 388.

VII. О кладахъ.

207. Скарбъ парубкомъ явился къ женщинѣ въ хату подъ Велькдень, прося ѣсть, и рассыпался деньгами отъ удара кочергою. 178.

208. Скарбъ у скрыни появился ночью и надъ нимъ горѣла свѣчка. Хлопецъ дважды бралъ изъ него червонцы, а въ третій разъ скрыня захлопнулась и провалилась сквозь землю и вышла потомъ вмѣстѣ съ нимъ въ Иерусалимъ. 178—179.

209. Помаливъ табуку и утерявъ скарбъ. Голосъ изъ оказавшейся въ лозахъ скрыни попросилъ у прохожаго понюхать, а когда тотъ отказалъ, кладъ провалился. 179.

210. Скарбъ—Мазепина карета. I. Увидѣвъ свѣчу въ полѣ, человѣкъ бросилъ на то мѣсто носясь, но кладъ загрохоталъ внизъ и свѣча потухла. Это была или Мазепина золотая карета, или скрыня червонцевъ.—II. На мѣстѣ, гдѣ зачпана около Выбель Мазепина золотая карета, полная денегъ, подъ землею грохочетъ и земля колышется; но на Велькдень, при извѣстныхъ условіяхъ, можно откопать этотъ скарбъ.—III. Черезъ каждые три года Мазепина карета выходитъ на верхъ и бѣгаетъ надъ Десною въ видѣ коня, котораго и видѣли бабы. 179—181.

211. Злянався скарбу.—Кладъ явился человѣку въ видѣ скрыни съ деньгами; онъ хотѣлъ было ихъ брать, но испугался и убѣжалъ. 181.

212. Скарбъ знышае одъ хреста. Человѣкъ выкопалъ два

сундука денегъ; предъ тѣмъ какъ братъ ихъ, жена его перекрестилась, и сундуки съ деньгами превратились въ гнилыя колоды. 181—182.

213. **Снарбъ коровою**, а также и другими животными, а именно: а) коровою, которая разсыпалась деньгами отъ удара, б) бѣлымъ конемъ, — такой кладъ всегда на бѣду людямъ и его не слѣдуетъ брать; братъ кладъ можно, когда онъ является медвѣдемъ, волкомъ, свѣчкою; а кладъ, являющійся въ видѣ бѣлаго коня, кладутъ недобрые люди, какъ и здѣсь, — Шведы во время Мазепы. — Три разказа о копаніи кладовъ, при чемъ въ одномъ случаѣ знахарь находитъ кладъ палочкою, но кладъ проваливается, такъ какъ копавшіе разсердили его бранью. 182—186.

214. **Шкарбъ и панська мода**. Человѣкъ откопалъ кладъ, но кладъ былъ съ заклятіемъ: имъ могъ пользоваться только тотъ, кто съѣстъ лежавшія на котелкѣ человѣческія испраженія. Пришлось исполнить это, и человѣкъ разбогатѣлъ. Его жена захотѣла одѣваться по пански, но, вмѣсто панскаго платья, на дѣла воловью кожу съ рогами, за что ее и выгнали изъ церкви. 187—188.

VIII.

215. **Наянова жъунна** была первою вѣдьмою и ходила доить коровъ Авелевой жены. Ей встрѣтился «богъ Валосько», но не могъ ей воспрепятствовать, а она заставила его стоять неподвижно на мѣстѣ. 190—191.

216. **Громницы** — праздникъ «на другой день після дарной недѣли»: когда воскресій Спаситель сошелъ въ адъ, то мертвецы отъ радости стали цѣловаться и обниматься; Господь, видя, что ихъ никакъ нельзя развести, загремѣлъ громомъ и только тогда они съ испугу разнялись. 191.

217. **Чоловинъ у Бога**. Богъ былъ въ гостяхъ у человѣка Пылыпъ, пригласилъ его къ себѣ и прислалъ за нимъ бѣлаго коня. По дорогѣ Пылыпъ видитъ: а) человѣка, бьющагося объ стѣны, б) человѣка, стоящаго въ водѣ и просящаго пить,

в) человекъ, переливающего изъ ковша въ ковшъ воду. Богъ объясняетъ, что это наказываются три грѣшника: а) не пустившій прохожаго въ ятель въ хату, б) не давшій жаждавшему воды, в) шинкарь, подливавшій въ водку воду. 191—193.

218. Богъ лучше знае, чога намъ треба. Человекъ угодилъ Богу, и за это Богъ ему далъ то, чего тому хотѣлось: возможности имѣть всегда, когда захочешь, дождь. Но хотя дождь и шель во время, однако человекъ забылъ попросить на время цвѣтенія пшеницы легкаго вѣтерка, и оттого пшеница уродилась безъ зерна. 193.

219. Камяный горохъ. Сѣявшій горохъ человекъ на вопросъ Божіей Матери сказалъ, что онъ сѣетъ камень, и выросшій горохъ оказался съ каменными зернами. Одну такую горошину принесъ человекъ изъ Іерусалима. 194.

220. Середа й пятница караютъ людей. Середа и пятница, въ видѣ двухъ женщинъ въ бѣлыхъ одеждахъ, ходять въ полночь по селу и спорять, какую кару на людей послать: моръ и пожаръ или голодъ и войну. 194.

221. Середа й пятница гниваются, що люде ихъ не шануютъ. Человекъ, заночевавшій въ пустой хатѣ, услышалъ жалобы пришедшихъ туда среды и пятницы на то, что первую колятъ, а вторую замазываютъ и засыпаютъ кострицею. Онѣ приказываютъ въ среду не шить, а въ пятницу не мазать и не прастъ. 194—195.

222. Середа штовкнула съ мѣста спавшаго человекъ за то, что онъ въ среду вечеромъ ѣлъ сало, заявивъ, что середа уже спать лягла. 195.

223. Про Ерусалымъ. Одинъ здоровый парубокъ возвратился изъ Іерусалима больнымъ, такъ какъ за созерцаніемъ чудесъ забывалъ ѣсть. Тамъ, на Аеонской горѣ, живетъ и Божія Матерь. Туда не пускаютъ женщинъ; одна женщина передѣлась мужчиною и начала всходить на гору, но сорвалась и свалилась внизъ. Божія Матерь питается лишь святымъ духомъ, съ нея срисовали и прислали къ намъ икону. 195—196.

224. Хлопецъ, монахи и снарбъ. На болотѣ Трубайлѣ

стояла статуя чело́вѣка съ надписью о томъ, что кто попадетъ ей въ голову, тотъ найдетъ деньги. Мальчикъ догадался, что нужно копать тамъ, гдѣ падаетъ тѣнь отъ головы статуи. Выкопавъ чугунный сундукъ съ деньгами и не будучи въ состояніи его поднять, онъ обратился къ игумену Михайловскаго монастыря; послѣдній послалъ съ нимъ двухъ монаховъ. Монахи утопили мальчика, а деньги взяли себѣ. Но мальчикъ остался невредимъ и вышелъ подъ престоломъ въ монастырь. Освобожденный оттуда, онъ обвинилъ монаховъ. 196—198.

225. Де бильше празнымивъ—объ этомъ заспорили еврей и христіанинъ и рѣшили за каждый праздникъ вырывать по волоску изъ бороды: еврей за еврейскіе праздники у христіанина и наоборотъ. Побѣдителемъ остался христіанинъ. 198—200.

226. Чы Велындень вельжый день? Это хотѣла узнать баба и пропряла цѣлый первый день праздника въ погребѣ; день оказался такимъ же, какъ и въ филиповки. 200.

227. Непысьменный пипъ—находитъ каждый разъ причину не говорить проповѣди. 200—201.

228. Дви проповиди надъ покойникомъ—украинца и бѣлоруса.—201.

229. Помылывсь. Архіерей, услышавъ сильный голосъ плотщика, сдѣлалъ его дьячкомъ; но дьячекъ какъ то разъ забылся и крикнулъ въ церкви вмѣсто «Многія лѣта»—«Причаль!» Былъ изгнанъ. 201—202.

230. Жарына. Пріѣхалъ священникъ въ село, гдѣ люди никогда не были въ церкви. Онъ велѣлъ имъ слѣдовать,—когда они находятся въ—церкви, его примѣру. Но случайно ему упалъ за голенище сапога горящій уголекъ изъ кадиланицы. Онъ началъ топтать ногою, разуваться и проч., а миряне подражали ему. 202—203.

231. Хытрый бляхарь, желая на обѣдѣ самъ ѣсть куриное мясо, котораго ему не доставалось за священникомъ, сказалъ послѣднему, что бабы для священника рѣжутъ издыхающихъ курей. Священникъ послѣ того никогда не ѣлъ привнесимаго прихожанами мяса. 203—204.

232. Незвычайна хазяйка запряталась на печь (на чердакъ) отъ священника, пришедшаго съ молитвою, но такъ, что видны были ея ноги (юпка); священникъ (діаконъ) посовѣтывалъ ей брать съ собою, уходя, и ноги (не вѣшать юпки). 203—204.

233. Страшный судъ. Жгли жуковъ на свекловичн. плантаціи, а въ народѣ распространился слухъ, что уже земля горитъ и начинается страшный судъ. Ошибка обнаружена была осавлюю, приказавшимъ идти ловить жуковъ. 205—206.

IX. О явленіяхъ жизни семейной и общественной.

234. Вирна дружина. Чумакъ и его жена дали другъ другу обѣтъ въ вѣрности и, на время отсутствія перваго, надѣли онъ и она бѣлыми сорочки: кто согрѣшитъ, у того сорочка почернѣетъ. Узнавъ объ этомъ, встрѣтившійся чумаку купецъ бьется объ закладъ съ послѣднимъ, что онъ соблазнить его жену, ѣдетъ къ ней, принуждаетъ ее провести съ нимъ ночь, но она подиѣнила и вмѣсто себя подставила вдову, у которой и отрѣзалъ въ доказательство своей побѣды косу. По возвращеніи чумака оказывается, что купецъ ошибся. 208—210.

235. Хытра жинна слиятся залутаннымъ счетомъ скрыть отъ мужа растрату денегъ. 210.

236. Ленива жинна не пряде. Жена все откладывала пряденье до самой страстной субботы. Чтобы избавиться отъ нареканій мужа, она положила въ чугуны, подъ видомъ полотна, ленъ и конопля и начала парить, а мужъ долженъ былъ не пускать собаки-кудлы, иначе полотна «покудлаться». Заманивъ хлѣбомъ кудлу въ хату, жена обвинила мужа въ порчѣ полотна. 211.

237. Ленива жинна чоловіка на смерть убирае. Мужъ укорялъ жену, не любившую прядь, что ей не во что будетъ и одѣть его на смерть. Притворился мертвымъ, и жена одѣла его въ сѣть. Онъ побилъ ее. 211—212.

238. Жинна безъ десятой клепки. Жена, продала на базарѣ еврею яйца; деньги онъ долженъ былъ принести изъ

дому, а чтобы легче другъ друга узнать, онъ предложилъ ей одѣть свое негодное пальто, а самъ надѣлъ ея хорошей кофухъ, съ которымъ и исчезъ. Услышавъ отъ мужа, что у нея нѣтъ «десятойи клепки», она упростила бондаря сдѣлать ее ей и заплатила за это большимъ саломъ. 212—213.

239. Якъ минку ярмалонъ налянавъ. Жена, не бывъ никогда на ярмаркѣ, все приставала къ мужу, чтобы онъ ее туда повезъ. Мужъ повезъ, но подговорилъ полицейскаго назваться «ярмаркомъ» и побить его жену. Увидѣвъ послѣ этого въ церкви солдата, испуганная женщина убѣжала, подумавъ, что это «ярмарокъ». 213—214.

240. Жоноча пошестъ. Жена больна: лежитъ безъ прощупу и ѣсть безъ пощады. 214.

241. Чы можна жинкамъ правду казаты. Желая провѣрить свою жену, мужъ сказалъ за тайну, что у него вылетѣла изо рта ворона. Жена рассказала о двухъ воронахъ и въ концѣ концовъ дошло до разбора дѣла на сходкѣ по обвиненію мужа въ излетѣ изъ него 12 воронъ. 214—215.

242. Батьнова правда. Умирая, отецъ приказалъ сыну съ паномъ не кумиться, съ евреями не брататься, женѣ правды не говорить, чужихъ дѣтей не усыновлять, собакъ не вѣрить. Сынъ сдѣлался у пана приказчикомъ и покумился съ нимъ; послѣдній, отлѣзжая, поручилъ ему своего сокола. Желая провѣрить отцову правду, приказчикъ сказалъ женѣ какъ тайну, будто бы онъ зарѣзалъ сокола; жена сообщила кушъ и т. д. Панъ хочетъ повѣсить приказчика, но позволяетъ ему попроситься съ родичами. Приказчикъ идетъ изъ дому,—на него бросается собств. собака, еврей не отдаетъ денегъ, а приемышъ готовъ за деньги принять на себя обязанности его палача. Въ концѣ концовъ приказчикъ разъясняетъ все дѣло. 215—217.

243. Удова. Обычай бросать во дворъ вдовы дрова, дерево. 218.

244. Недогадлыва дочна, услышавъ отъ матери приказаніе мѣсить хлѣбъ, пока «съ стрихи почне капаты», все ходитъ смотрѣть стриху; а оказывается, что мать говорила о потѣ со лба. 218.

245. Якъ сыны мырылы батькивъ. Сынвья хотѣли разнять дерущихся отца и мать, но потомъ рѣшили оставить ихъ, т. к. они сами родные братья, а тѣ «зводни черти». 219.

246. Батькивъ прокльонъ. Сынъ обращался съ отцомъ грубо, а когда тотъ заболѣлъ, оставлялъ его голодать. Отецъ проклялъ сына, вслѣдствіе чего онъ постепенно обѣдѣлъ, онъ и жена распяяствовались, самъ онъ умеръ отъ голода, попавъ пьяный въ пашенную яму, изъ которой не могъ вылѣзть, а жена—отъ пьянства. 219—226.

247. Сила клятвы. Умирая, отецъ-вдовецъ поручилъ своихъ малолѣтнихъ сыновей и ихъ имущество пріятелю, который поклялся быть имъ вмѣсто отца. Но, желая забрать имѣніе сиротъ, опекунъ отравилъ одного сына мышьякомъ, а другого рѣшилъ зарѣзать и отправилъ его на ночлегъ въ поле. Но сила клятвы покарала его: случайно вмѣсто сироты поѣхалъ собств. сынъ опекуна, котораго послѣдній и зарѣзалъ. 227—236.

248. Гарно, якъ батько вмирае—такъ говорилъ маленькій мальчикъ убогой семьи, т. к., по случаю поминокъ покойника, было вдоволь ѣды. 237.

249. Одурена дивчына. Глухая дивчына жаловалась, что ее никто не сватаетъ. Парубокъ подслушалъ и предложилъ ей сдѣлаться его женой, убѣжавъ отъ матери и забравъ все приданое. Увезя дивчину съ скрынями, онъ повозилъ ее по селу и снова привезъ къ ея же хатѣ, которой она не узнала, а самъ скрылся съ скрынями. 237—238.

250. Брехливый староста. Сватъ посваталъ дивчину для лѣниваго парубка, выставивъ его работающимъ при помощи двузначнаго выраженія, потомъ истина обнаружилась. 238—239.

251. Якъ невестка маныла свиней—не разобравъ указанія свекрухи, она звала ихъ фразою «якъ у васъ, такъ и въ насъ». 239.

252. Якъ невестка навчылася свекруху шануваты. Въ семьѣ жили двѣ матери: мать мужа и мать жены. По требованію жены мужъ отвезъ свою мать въ поле. Къ ней приходилъ Морозъ и за ея вѣжливыя отвѣты награждаетъ ее шубою, послѣ

чего она возвращается домой. Позавидовавъ шубѣ, жена отправляетъ въ поле свою мать, которую Морозъ за грубость заморозилъ. Невѣстка стала тогда уважать свекровь. 240—242.

253. Якъ навчено лмыву невистну работы. Отецъ и мать избаловали свою дочь, кот. ничего не хотѣла дѣлать. Когда она вышла замужъ, то въ семьѣ мужа ее приучили работать, обусловивъ получение пищи исполненіемъ работы. 242—246.

254. Хлѣбъ. Человѣку тяжело было нести хлѣбъ и онъ бросилъ его на дорогѣ. Проголодавшись, долженъ былъ вернуться за хлѣбомъ, сказавъ, что не онъ хлѣбъ несетъ, а хлѣбъ его несетъ. 246.

255. Якъ селянынъ пймавъ волка. Ночью волкъ забрался въ кошару; когда хозяинъ пошелъ туда, то волкъ, выскакывая, попалъ ему промежъ ногъ, и человѣкъ поѣхалъ верхомъ на волкѣ. Волкъ съ перепугу издохъ, да и человѣкъ перепугался. 246—247.

256. Человекъ, заваленый у глыныщи. Человѣка завалило глынище, его сочли тамъ похороненнымъ и отслужили надъ нимъ похоронную службу. Но онъ былъ живъ, выбрался и пришелъ ночью домой. Тамъ всѣ испугались, думая, что это мертвецъ. 247—250.

257. Лмы лмывому. Крестьянинъ попросилъ доктора вылѣчать его воловъ отъ лѣности; докторъ показалъ имъ подъ хвостами скипидаромъ, отчего волю поѣжали. Не будучи въ состояніи ихъ догнать, крестьянинъ попросилъ доктора и ему сдѣлать то-же. 251.

258. Выпытавъ. Посредствомъ хитрости хозяинъ узналъ, что просившій у него топора парубокъ рубить дрова на землѣ, и не далъ ему топора. 251.

259. Якъ человекъ гостей прймавъ. Хозяинъ такъ заговорился, что забылъ подчивать гостей и самъ съ женою выпилъ всю водку. 251.

260. Добри люде. Нѣтъ надобности въ собакахъ: люди «оббрешуть». 252.

261. Убогій за столомъ у попа. Бѣднякъ и богачъ держали пари, что священникъ приметъ перваго лучше, чѣмъ вто-

рого. Вѣдникъ достигаетъ почетнаго приѣма, сказавъ священнику, что онъ нашелъ кладъ—бочевокъ золота. 252—254.

262. Якъ кума куму не послушала. Кума просила куму помочь ей жать, но та отказалась подѣ тѣмъ предложомъ, что «жыбирь колеться». Но когда отказавшая въ помощи явилась къ кумѣ зимою просить муки, то та отказала ей подѣ тѣмъ же предложомъ. 254—255.

263. Ланей и наймытъ не одно. Разговоръ, изъ котораго оказывается, что въ понятіяхъ крестьянъ должность лакея унизительна. 255—256.

264. Злодій жалуется, что нѣтъ удачи съ тѣхъ поръ, какъ началъ водить вмѣсто лошадей воловъ. 256.

265. Про воровство. Кумъ укралъ у кума медь на пасѣкѣ, а другой человекъ подсмотрѣлъ и потомъ указалъ вора. 256—260.

266. Пысарь—требоваль, чтобы отецъ ругаль курицу словами: «Штобъ тебя писарь искушалъ». Отецъ примѣнилъ это къ котенку. 260.

267. Судди. Вирша, описывающая несправедливый судъ волостныхъ судей-пьяницъ. 260—262.

268. Хытрый чоловикъ—заставилъ пана ловкою фразою отдать захваченные паномъ волю. 262—263.

269. Добре росказавъ. Панъ нобилъ не понимающаго словъ найзита; послѣдній находить этотъ приѣмъ подобающимъ способомъ разъясненія. 263.

270. Скупый панъ заставлялъ повара покупать все подешвле. Тотъ ему купилъ «хлякивъ» и сдѣлалъ обидное предложеніе. 263.

271. Допытався. Малорусская передѣлка фамиліи кн. Гогенлоге. 263—264.

272. Черезъ чай сварна. Панъ угощаль мужиковъ чаемъ: одному далъ съ сахаромъ, другому безъ, а третьему съ солью. Первый хвалилъ чай, второй былъ къ нему равнодушень, а третій находилъ его никуда не годнымъ. 264.

273. Хто смилко чаю пѣе—выходить, что больше всѣхъ—мужикъ. 265.

274. **Похвалывъ.** Деньщикъ сравнилъ офицера со львомъ, при чемъ оказалось, что левомъ называется у него животное, на кот. вѣзжалъ І. Христосъ въ Іерусалимъ. 265.

275. **Одмова по щыроты.** Деньщикъ разъяняетъ офицеру, почему прислали къ нему самаго плохого деньщика. 265.

276. **Мосналы вкралы гусну** и запрятали ее въ барабанъ, почему во время обыска ее и не могли найти. 266.

277. **Мосналы вкралы корову,** зарѣзали и во время обыска положили ее на столъ подъ шинель какъ будто покойника-солдата. 266—267.

278. **Мосналы крадутъ масло**—у бабы на базарѣ. 267.

279. **Козаны вкралы коець зъ гусмы** у еврея, который поэтому не находилъ ничего удивительнаго въ томъ, что они потомъ взяли Плевну. 267—268.

280. **Два звоцныны**—малороссъ и великоруссъ, заспоривъ изъ за пассажира, говорятъ оскорбительныя вещи относительно происхожденія «хохла» и «кацапа». 268.

281. **Хохлу не давай объясняться** а просто бей—это сказалъ панъ, ревизовавшій писаря, и старосту, которые очень удачно изворачивались во время объясненій. 269.

282. **Не зрозумили.** Бѣлоруссъ и малороссъ, говоря объ одномъ (потерянной торбѣ), считаютъ, вслѣдств. непониманія языка, что говорятъ о различномъ. 269.

283. **Лытвыны помынають дидивъ** и сильно объѣдаются при этомъ. 270.

284. **Цыганъ у монастыри.** Сперва ему тамъ понравилось, но потомъ онъ такъ отощалъ на постной пищѣ, что совѣтывалъ человѣку, хотѣвшему повѣсить собаку, отвести ее въ монастырь: тамъ она издохнетъ отъ голода. 270—271.

285. **Цыганъ зъ того свиту.** Цыганъ совѣтуетъ, чтобы покойнику положили хлѣба, т. к. онъ самъ на тотъ свѣтъ былъ, но отъ голода долженъ былъ возвратиться. 272.

286. **Обое кращи.** Цыгану предоставили выбрать себѣ для ѣды что ему лучше: или сало, или поросятину. Цыганъ находить лучшимъ и то, и другое. 272.

287. Поповна за цыганомъ. Поповна влюбилась въ цыгана, вышла за него замужъ, но не могла жить цыганской жизнью и убѣжала къ отцу. 272—283.

288. Жыдь-выхрестъ находить, что за крещеніе его маленького сына слѣдуетъ брать дешевле, чѣмъ за крещеніе старшаго. 283.

362. Про жинку скупого чоловина. Скупой мужъ плохо обращался со своею женою. По совѣту священника, она притворно умираетъ, скрывается у священника, а хоронятъ пустой гробъ. Мужъ узнаетъ всю тяжесть жизни вдовца съ малыи дѣтьми. Встрѣчаетъ свою жену у священника, женится на ней какъ на второй женѣ и старается изо всѣхъ силъ ей угождать. 388—391.

363. Стрыжено! Стрыжено! Мужъ утверждалъ, что ячмень скошено, жена, что его острижено. Поссорились, мужъ бьетъ ее, желая заставить согласиться съ собою, бросаетъ въ воду, но она и утопая показываетъ изъ воды пальцами, что стрижено. Мужъ спасаетъ ее. 391—393.

364. Чортъ посварывъ чоловина зъ жинкою. Желая поссорить хорошо жившихъ мужа съ женою, чертъ сказалъ женѣ, что мужъ умретъ, если жена не отрѣжетъ ему бритвою подъ бородою три волоска; а мужу, что жена его хочетъ зарѣзать. Увидѣвъ въ рукахъ у жены бритву, мужъ едва ее не убилъ. 393—395.

365. Якъ жинка чоловина вбывала. Жена взяла у доктора мышьяку, чтобы отравить мужа. Докторъ его предупреждаетъ. Мужъ притворяется отравленнымъ, мертвымъ. Жена хочетъ еще и повѣсить его, на время уходить, а мужъ привязываетъ вмѣсто себя товкачъ. Въ темнотѣ жена вѣшаетъ его вмѣсто мужа и объявляетъ людямъ, что ея мужъ повѣсился. Все открывается. 395—398.

366. Старшина, котораго судъ лишилъ правъ состоянія и устранилъ отъ должности, благодарить и просить еще и объ освобожденіи отъ натуральныхъ повинностей. 398.

367. Старцевы гроши Нищій умеръ и въ его свитѣ напли защитыми много денегъ, на кот. купили свиней. Свиньи проѣли всѣ деньги нищаго, поѣли другъ друга. Оставшійся кабанъ разрылъ могилу нищаго и умеръ на его гробу. 398—399.

368. Про добру паню. Крѣпостные плакали о смерти доброй помѣщицы, учившей, кромѣ того, ихъ хозяйничать и постоянно за нее молились. 400.

396. Догадавсь. Соблазненный тѣмъ, что бѣднякъ за два вырощенные зимою огурца получилъ отъ пана пару воловъ, богачъ повезъ къ послѣдному лѣтомъ возъ огурцовъ. Панъ велѣлъ его бить этими огурцами. Мужикъ находитъ, что онъ былъ очень догадливъ, не привезя еще и арбузовъ, взять которые совѣтывала ему жена. 400—401.

Х. Преданія о лицахъ и явленіяхъ политическихъ (историческихъ).

289. Б.-та Ю. Хмельницы. Ю. Хмѣльницкій возсталъ противъ отца и сбиль верхъ съ отцовской церкви въ Суботовѣ. 288.

290. Б. Хмельныцый та король. Б. Хмѣльницкій взбунтовался, но былъ пойманъ и приведенъ предъ короля, кот. его и пристилъ. 287.

291. Про Хмилныцныхъ, про Мамай. Сынъ Хмѣльницкаго по бусурманился, возсталъ противъ отца и сбиль верхъ съ церкви въ Суботовѣ, желая найти тамъ деньги. За это онъ и до сихъ поръ бродитъ въ лѣсахъ, и змѣя сосеть его сердце. Послѣ Хм. былъ съ запорожцами козакъ Мамай, въ честь его названъ Мамаемъ дубъ, подъ кот. былъ его лагерь. 287—288.

292. Орда въ Ведмедивку вошла при помощи измѣнника; село обороняла попадьа. 288.

293. Про Палія. Палій застрѣлилъ (сжегъ своимъ выстрѣломъ черта), за что и прозванъ былъ Паліемъ. Онъ сталъ пьянствовать и заложилъ у Мошки свою сивую кобылу. Когда Мазепа возсталъ противъ царицы Екатерины, Потежкинъ посовѣтывалъ пригласить Палія. Палій перебираетъ лошадей, отыскивая свою кобылу и выставляетъ свое знамя, увидѣвъ которое Мазепа смиряется. 288—291.

294. Мазепина хрещениця. Къ стоявшему у Мазепина дома въ Черниговѣ часовому подошла женщина, прося креста. Онъ не далъ. Это Мазепина крестная дочь, выходящая на землю чрезъ каждыя 7 лѣтъ. 591.

295. Гайдамань. Разсказъ о кошовомъ запорожскомъ (?), вербовавшемъ гайдамакъ и трехъ гайдамацкихъ атаманатъ его ученикахъ: Гордіѣ Саповичѣ, Бондаренко и Рацьовѣ; плѣнь семьи Саповича татарами, освобожденіе и похоронь ея; набѣги Бондаренка на поляковъ, пѣсня о немъ и Якименкѣ, смерть Бондаренка. Рацьовъ былъ и чужакомъ. 291—295.

296. Гайдамань у Каневи. Сожженіе и разграбленіе Канева гайдамаками; битва гайдамаковъ съ гетманцами; гайдамаки—«характерныки»; Хмѣльницькій — гайдамацкій полковникъ. 295—297.

297. Золота грамота. Притѣсненія поляковъ; монахи Николаевского монастыря поддѣлали и дали запорожцамъ золотую грамоту отъ имени царицы, съ позволеніемъ рѣзать поляковъ. Возстаніе и еще худшія притѣсненія со стороны поляковъ. 296—297.

298. Понятовскій та цариця Катерина. Понятовскаго паны хотѣли убить; онъ не захотѣлъ быть королежъ, подарилъ Екатеринѣ Польшу, а она сдѣлала его министромъ въ Петербургѣ. 297—298.

299. Конфедераты. Паны взбунтовались противъ своего короля, а такъ какъ до него далеко, то они мучили народъ. 298.

300 Запорожци на Кубани. Насмѣшка надъ черноморскими козаками, жаловавшимися на свою плохую жизнь. 298—299.

301. Про смерть козака Половаго, возвратившагося съ Гладкиѣ изъ Турціи. Онъ приказалъ вывести себя въ поле и умеръ, обратившись лицомъ къ мѣсту бывшей Сѣчи. 299.

302 Звидны узялась панщына—о томъ, какъ паны постепенно обратили свободныхъ людей въ крѣпостныхъ. 300—301.

303. Кармалюнъ. I. Баба, встрѣтивъ въ лѣсу Кармелюка и не зная его въ лицо, бранила его. За это онъ подковалъ ее. II. Кармалюкъ далъ бѣдняку денегъ и велѣлъ ему устроить балъ, на который обѣщаль явиться. Панъ, узнавъ о балѣ у мужика

отправился туда съ дѣлюю наказать мужика, а Кармелюкъ тѣмъ временемъ ограбилъ пана. 302—304.

304. Писня про Кармалюна будто бы заклята въ Пакульской церкви, т. к. ее пѣлъ нечистый. 305.

305. Крипаны домыдали воли и дарили чѣмъ могли того, кто предвѣщалъ имъ скорое освобожденіе. 306.

306. Про Т. Шевченка. Шевченко является людямъ трижды въ день: мальчикомъ, взрослымъ и старикомъ. 306.

XI. Преданія о мѣстностяхъ.

307. Преданіе о ручьѣ Буновище въ с. Юриновкѣ Носгородсѣверскаго уѣзда. Въ рѣчкѣ Буковище утопилась дочь вѣдьмы; вѣдьма заклала рѣчку, и послѣдняя, въ видѣ дѣвушки, перешла въ Бѣлицу. 308—310.

308. Озеро Синее. Въ лѣсу жили братья кузнецы Кузьма и Демьянъ. Появилась змѣюка, пожиравшая людей и звѣрей. Она напала на кузню братьевъ и прогрызла двери. Братья ухватили ее за языкъ раскаленными клещами, запрягли въ соху и проорали ею ровъ до озера; здѣсь она начала пить воду и лопнула, отчего вода въ озерѣ провонялась и посинѣла. 310—311.

309. Про Глуховъ. Разсказъ старожила о расположеніи и постройкахъ Глухова въ прежнее время, о пожарѣ 1784 г., о ярмаркѣ и подымной подати. 313—315.

310. Преданіе о построеніи церкви св. Иліи. въ Черниговѣ, выстроенной будто бы по праздникамъ каменщиками, достроившими соборъ Мстислава. 315—316.

311. О м. Красномъ Колядинѣ Конотопск. у. I. Рѣка Ромень высохла отъ проклятія цари Покорской, сынъ которой утонулъ въ Ромнѣ.—II. Нападеніе гайдамаковъ на жившаго въ Колядинѣ поляка Коляду; спрятанный имъ подъ воду кладъ.—III. О провалѣ церкви сквозь землю. 316—318.

312. М. Понорница Кролевецк. у. Объясненіе названія мѣстечка прозваніемъ основателя поселенія. 318—320.

313. Легенда о Поганомъ полѣ. Во времена Мазепы шве-

ды поймали двухъ дивчатъ: Катрю и Фесю; продержавъ недѣлю, отпустили. У обѣихъ родились дѣти, но Феся уморила своего ребенка и поэтому ее оставили безъ наказанія за пребываніе у шведовъ; а Катрю родной отецъ Миронъ живую закопалъ вмѣстѣ съ ребенкомъ въ землю. Ночью сдѣлалась страшная буря, напугавшая Мирона. Терзаемый совѣстью, онъ умеръ. Земля его не принимала, пока не зачалъ его священникъ; но семь лѣтъ ежегодно въ ночь его преступленія поднималась буря и изъ могилы Катри слышалась мольба о прощеніи. 320—325.

314. Могила Деречыха. Во время нашествія шведовъ послѣдніе забирали народъ. Гетманъ выслалъ противъ нихъ своего сына. Они его отравили. Не имѣя войска, онъ устроилъ на Деречихѣ мельницу съ барабанами, которые такъ напугали шведовъ, что послѣдніе ушли. 326—327.

315. Ричка Ромень высохла оттого, что мать утонувшаго въ ней сына забила ея источникъ. 327—328.

316. Г. Зиньновъ названъ такъ по имени его основателя — Зинця. 328.

XIII. Сказки фантастическія, игра словъ и остроумія.

317. Ракова скоро работа. Ракъ семь лѣтъ ходилъ по дрожжи и въ концѣ—разлилъ ихъ. 330.

318. Про хлопца, що ничего не боявся. Сынъ все прозилъ отца показать ему страхъ; его пробовали испугать: а) дьячекъ на колокольнѣ, нарядившись мертвецомъ, б) оставивъ его ночью въ лѣсу около висѣлицы съ трупами, в) оставивъ ночевать въ пустомъ домѣ, гдѣ обитала нечистая сила. Все напрасно. Наконецъ, отецъ испугалъ его, плеснувъ на соннаго холодною водою. 330—331.

319. Негода. Зарѣзавъ свинью, мужъ оставилъ часть сала «Негоди». Жена приняла за негоду женщину въ синей одеждѣ и отдала ей сало. 332.

320. Нужда. Мужъ откладывалъ деньги «про нужду». Жена передала деньги нуждѣ черезъ солдата. Узнавъ объ этомъ,

мужъ бросился догонять солдата верхомъ на лошади, но солдатъ хитростью получилъ отъ него и лошадь. 332—333.

321. Маты зрадницы. Вдова имѣла двухъ дѣтей, Петра и Настю, окрещенныхъ Богомъ и св. Петромъ; послѣдній подарилъ Петру жупанокъ, дающій ему силу, и ружье, благодаря которому онъ былъ превосходнымъ охотникомъ. Сойдясь съ змѣею, мать притворяется больной и даетъ сыну опасныя порученія, въ которыхъ онъ долженъ лишиться жизни; она ему велитъ: а) добыть дикой поросятины, б) добыть дикаго яблока, в) добыть «сцплующой и живующой» воды. При помощи сестры, уже вышедшей замужъ, Петро все исполняетъ. Подъ предлогомъ испытанія силы, мать заставляетъ сына снять жупанокъ и связываетъ его шелкомъ; змѣя надѣваетъ жупанокъ и убиваетъ его. Сестра оживляетъ брата «сцплующою и живующою» водою. Подъ видомъ птички онъ прелетаетъ къ матери. Змѣя хочетъ поймать птичку для своего ребенка и сбрасываетъ жупанокъ, который надѣваетъ Петро и убиваетъ змѣя.—II. Вариантъ той же сказки. 333—341.

322. Про хлопчина Покоти-Горошка. У бездѣтныхъ дѣда и бабы, при помощи ворожки, изъ яйца появляется крохотный сыночекъ Покоти-Горошко. На полѣ онъ сѣлъ волю на роги и оралъ. Увидѣлъ его панъ и купилъ у старика. Мальчику убѣжалъ домой. Панъ снова его взялъ, но не могъ и на этотъ разъ уберечь. 341—346.

323. Про богатого купца дочку. Купецъ отдалъ дочь въ науку къ попу, который напрасно дѣлалъ ей нечистыя предложенія. Онъ оклеветалъ ее предъ отцомъ. Отецъ послалъ двухъ сыновей съ приказаніемъ привезти сердце сестры. Пожалѣвъ сестру, братья привезли отцу сердце собаки. Дѣвушка бродила въ лѣсу гдѣ ее встрѣтилъ купецъ и женился на ней. Однажды онъ заболѣлъ и послалъ жену виѣстѣ съ своимъ кумомъ на кораблѣ за товаромъ. Она отвергаетъ нечистыя предложенія кума, который бросаетъ ее съ ребенкомъ въ море. Ребенокъ утонулъ, а она выплыла на берегъ, случайно набрела на домъ своего отца, гдѣ ее не узнаютъ и она нанимается тамъ въ услуженіе. Туда заѣзжаетъ ее мужъ, дѣло разъясняется, куму отрѣзываютъ голову. 346—347.

324. Шептуха. Не имѣя средствъ къ жизни, баба, по совету священника, сдѣлалась шептухою. Случайно она была позвана къ тому-же священнику лѣчить его отъ нарыва въ горлѣ. Увидѣвъ ее, священникъ расхохотался, и нарывъ прорвался. 348.

325 Бачылы очи що нупувалы: йиште, хочъ повываэте— такъ говорилъ человекъ, купившій на копейку хрѣна. 348—349.

326. Навунъ-рябчинъ былъ любимцемъ хозяина. Когда хозяинъ везъ арбузы, возъ опрокинулся, арбузы раскатились, а хозяинъ радуется, что рябчикъ впереди всѣхъ. 349.

327. Смерти спужалась. Жена пьяницы призывала смерть. Солдатъ пустилъ ей въ хату ошипаннаго индюка, сказавъ, что это смерть. Испуганная жена посылаетъ смерть къ мужу. 349—350.

328. Снупый чоловинъ. Ища процавшую лошадь, человекъ даетъ обѣтъ поставить въ церкви свѣчу за полтинникъ и во время произнесенія этихъ словъ находить лошадь. Радуется, что полтинникъ остался цѣль. 350.

329. Дрова плохіе: одно полѣно положить въ печь, и то не горить. 350.

330. Розмова. Неподдающийся пересказу разговоръ встрѣтившихся крестьянъ. 351.

331 Добре, та не дуже. Разговоръ, въ которомъ все хорошее, что ни случается, оказывается имѣющимъ дурную сторону. 351—352.

332. Чого хоче. Нищій не видитъ ни одного, ни двухъ грошей, но беретъ три. 352.

333—336. Нисенитницы. 352—357.—**337. Приказы—** 358—372.—**338. Загадки.** 372—376.

Прибавленіе.

Старая рукопись.

Сторія о мудромъ младенцу. Мудрый и ученый младенецъ для покупки платья и коня продаетъ отца и мать и ѣдетъ къ

царю. Получивъ отъ встрѣтившагося младенца письмо къ царю, прочитываетъ въ немъ, что подателя его должны казнить, и уничтожаетъ его. Вокругъ замка царя головы на кольяхъ. Усыновившая младенца вдова разясняетъ причину этого: прекрасная дочь царя только за того выйдетъ замужъ, кто побѣдитъ ее въ диспутахъ; въ противномъ случаѣ долженъ потерять жизнь. Младенецъ хочетъ добыть царевну. Три дня щастливо отвѣчъ етъ на ея вопросы и задаетъ ей вопросъ: кто отца превратилъ въ коня, а мать въ одежду. Царевна проситъ отсрочки до утра, неузнанная приходитъ къ младенцу, опьяняетъ его напитками и поцѣлуями и вывѣдываетъ отвѣтъ. Но она забыла у младенца перстень со своимъ именемъ. Когда ведутъ его на казнь, онъ показываетъ перстень царю. Царевна отрицаетъ принадлежность ей перстня, утверждаетъ, что ея перстень у нея и представляеть поддѣльный. Царь выдаетъ ее замужъ за младенца. 402—410.

Повѣсть о Агій о царю. Царь Агій нашель лжними евангельскія слова о томъ, что богатые обнищаютъ, а нищіе обогащаются, вырвалъ листъ съ ними изъ Евангелія, а священника заключилъ въ тюрьму. На охотѣ царь погнался за оленемъ, сбросилъ одежду, чтобы переплыть рѣку. Ангелъ принялъ на себя видъ царя, взялъ его одежды и царствовалъ вмѣсто него три года, Агій-же три года былъ нищимъ, послѣ чего царство было снова ему возвращено. 410—412.

Чудо святителя Христова Николая. Св. Николаю явился въ дорогѣ въ страшномъ образѣ дѣволъ. Укрѣпленный св. Духомъ, св. Николай повергаетъ дѣвола на землю и заставляетъ признаться въ его напѣреніяхъ, затѣмъ ввергаетъ его въ бездну. 413—415.

Слово о смерти и о рицери богатомъ и славномъ, который не боялся смерти и искалъ ее; встрѣтилъ, хвасталъ своею силою, а смерть доказывала свою. Оружіе не помогло ему, и онъ умеръ. 415—420.

146

3 2044 009 744 988

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOK DUE

JUL 15 1983

788 2942

DNOF 8/1

WIDENER

JAN 1 1990

W. WIDENER

JUL 07 1998

BOOK DUE
CANCELLED